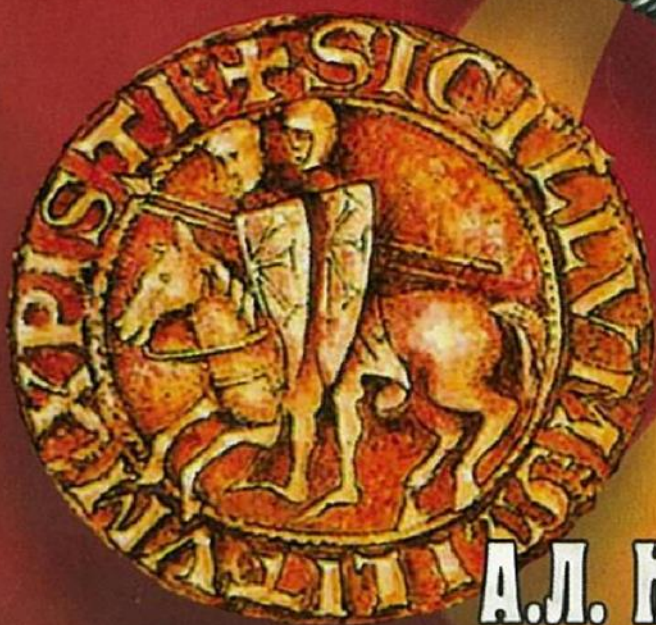

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА, ОРДЕНА И СЕКТЫ

Библиотечка "Апокрифа" Вып. 1 (апрель 2010)

Орден Белой Обезьяны и клуб "93 in 39" ("Цитадель Хаоса")

А.Л. НИКИТИН

ТАЙНЫЕ ОРДЕНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

• ТАМПЛИЕРЫ И РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ •

МЕГАПРОЕКТ — TERRA INCOGNITA

А. Л. НИКИТИН

ТАЙНЫЕ ОРДЕНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ТАМПЛИЕРЫ И РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ

Никитин А.Л.

Н62 Тайные ордены в Советской России. Тамплиеры и розенкрейцеры / А. Л. Никитин. —
М.: Вече, 2006. — 376 с: ил. — (Тайные общества, ордена и секты).

ISBN 5-9533-1197-4

Эта книга — итог многолетних исследований, посвящённых малоизвестным и поистине тайным аспектам отечественной духовной культуры советской эпохи. Автор, историк и писатель Андрей Леонидович Никитин досконально изучил историю орденов организаций, прежде всего тамплиеров и розенкрейцеров, действовавших в СССР в 20-30-е гг. XX столетия. На базе уникальных материалов, в частности следственных дел (многие советские мистики были репрессированы), он реконструирует обрядность, символику и учение этих организаций, сопровождая свои исследования публикацией некоторых тамплиерских легенд, в основе своей, возможно, восходящих к глубокой древности. А. Л. Никитин скончался 15 ноября 2005 г., когда книга готовилась к печати; посвящаем её выход светлой памяти автора.

ББК 86. 39

© Никитин А. Л., 2006

© ООО «Издательский дом «Вече», 2006

В «Библиотечке “Апокрифа”» мы представляем книги по магии, мистицизму, философии, религиоведению и смежным тематикам, оцифрованные и отрецензированные рабочей группой «93 in 39».

OCR, корректура — Литературно-эзотерический альманах «Апокриф», Fr. Nyarlathotep Otis, 2010.
Книга предоставлена на оцифровку Сергею Трайзе (Калининград).

Никитин, Андрей Леонидович.

Тайные ордены в Советской России.

Кали-град: Орден Белой Обезьяны и клуб «93 in 39», редакция журнала «Апокриф», 2011. Серия «Библиотечка Апокрифа», вып. 1 (апрель 2010).

Москва «Вече»

2006

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА¹

Внутренняя жизнь мистических обществ и орденов, как правило, остаётся тайной не только для их современников, но и для последующих поколений, а если случайно приоткрывается, то ровно настолько, чтобы вызывать догадки и предположения, лишь усугубляющие атмосферу таинственности. Обнародование отдельных документов, по каким-либо причинам ускользнувших от уничтожения посвящёнными, воспоминаний, полных недомолвок и слухов, питающих беспочвенные фантазии, — вот всё, что обычно приходится на долю исследователя. Таково положение дел на Западе и, в ещё большей степени, — в России, где до недавнего времени конец существования мистических обществ определяли 20-ми годами XIX века, а возрождённое в начале нынешнего века масонство рассматривали исключительно как форму политической оппозиции самодержавию.

Сейчас многое изменилось. Уже первое выборочное знакомство с делами, хранящимися в Центральном архиве ФСБ РФ — бывшем архиве ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ, показало наличие в 30-х годах нашего века в России разнообразных мистических групп, обществ и организаций, члены которых пополняли ряды заключённых ГУЛАГа и секретных сотрудников ОГПУ-НКВД. Как документы инквизиционных процессов в Европе позволяют историку представить картину духовных движений, уклоняющихся, а порою прямо альтернативных догмам господствующей церкви, так и документы архивов коммунистической тайной полиции хранят драгоценные для историка, социолога и религиоведа сведения о людях и их мыслях, влиявших на гораздо больший круг своих современников, чем то можно было бы предполагать.

Появившиеся в последнее время публикации документов и воспоминаний рассказывают о существовании различных ветвей духовного масонства², о теософах и антропософах³, чьи легальные организации одними из первых были закрыты советской властью, о розенкрейцерах⁴ и тамплиерах⁵. Члены этих «лож», «орденов», групп и обществ, носивших различные названия, часто были знакомы друг с другом, вращались в одних и тех же кругах, встречались по службе и пользовались одними книгами и рукописным «самиздатом». В результате, различие между течениями оказывалось скорее формальным, чем по существу идей, оплодотворяемых одними и теми же источниками. Если же представить количество лиц, не получивших посвящения, однако пользовавшихся орденской литературой и принимавших участие в различного рода

¹ Текст частично воспроизводит предисловие к публикации «Легенды московских тамплиеров» // Литературное обозрение, 1994, № 3/4, с. 103-104.

² Ленинградские масоны и ОГПУ: документы из архива КГБ СССР Публикация В. С. Брачёва. // Русское прошлое, кн. 1. — Л., 1991, с. 252-279; Петербургские мартинисты 1910-1925 годов. Публикация В. С. Брачёва. // Отечественная история, 1993, № 3, с. 177-192; Никитин А. А. Мистические общества и ордена в России (20-30-е гг.). // Россия и гнозис. Материалы конференции. — М., 1996, с. 60-68.

³ Жемчужникова М. Н. Воспоминания о Московском антропософском обществе (1917-1923). // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 6. М., 1992, с. 7-53; Волошина М. Зелёная Змея. История одной жизни. — М., 1993; и др.

⁴ Немировский А. М., Уколова В. И. Свет звёзд или последний русский розенкрейцер. — М., 1995; Никитин А. А. Московский Сен-Жермен. // Клуб Третий Глаз. — М., 1997, № 2, с. 6.

⁵ Никитин А. А. Заключительный этап развития анархистской мысли в России. // Вопросы философии, 1991, № 8, с. 89—101; он же. Тамплиеры в Москве. // Наука и религия. 1992, №№ 4-12, 1993, №№ 1—4, 6—7; он же. Мистические ордена в культурной жизни советской России. // Russian Studies, СПб., 1995, т. I, кн. 4, с. 189—276; он же. Анархо-мистики Кропоткинского Музея и масонство. // Труды Международной научной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения П. А. Кропоткина. Вып. 1, М., 1995, с. 136-144; Никитина В. Р. Дом окнами на закат. — М., 1996, и др.

БИБЛИОТЕЧКА «АПОКРИФА»

коллективных мероприятиях (легальные и полулегальные лекции, вечера, концерты и пр.), то за всеми этими мистическими движениями придётся признать достаточно серьёзное общественное значение.

Занимаясь в течение ряда лет судьбой московских тамплиеров, представлявших как бы «головную» организацию для многих периферийных обществ и орденов России, а вместе с тем и другими группами и орденами, которые оказывались с тамплиерами так или иначе связаны, я мог видеть, что ни одна из этих организаций не была сколько-нибудь чётким образованием, сравнимым с организациями такого же характера в Западной Европе или Америке.

Российские мистические «ордена» носили самостоятельный характер, не обладая организационными связями с подобными зарубежными центрами. Если в XVIII веке русские масонские ложи открывались с разрешения лож европейских, следивших за точным соблюдением уставов и орденом делопроизводством (акты, дипломы, переписка и т. п.), то в первые два десятилетия XX века и особенно в советское время мистические образования России имели вполне автономный характер, не вступая в организационные контакты с подобными же образованиями Старого и Нового Света.

Последнее объясняется, как мне кажется, не столько жёсткостью и всепроникновенностью политического сыска коммунистического режима в стране, сколько невозможностью таких контактов и стремлением к ничем не контролируемой свободе собственного духовного становления. В последнем немаловажную роль сыграли государственные гонения на религию вообще и на духовенство и верующих в частности. Под запретом оказалось не только отправление религиозных обрядов и сама церковь, но и вообще духовная мысль, как таковая. Если первое в какой-то мере отвечало прежним чаяниям образованных слоёв общества, относившегося на протяжении предшествующего столетия всё более оппозиционно к официальной церкви и духовенству, находившемуся на положении государственных чиновников по «ведомству религиозных культов», то возникший в среде интеллектуальной жизни вакуум никоим образом не мог быть заполнен «диалектическим материализмом».

Место упразднённой религии должно было занять нечто новое, не порвавшее окончательно с традицией, но стремящееся к тому, чтобы его положения не вставали в явное противоречие с развитием современной науки, как то было с прежней религией.

О том, как происходил этот синтез науки, традиций, духовности и политики в первые десятилетия становления коммунистического государства, я рассказал в ряде очерков и публикаций, увидевших свет в некоторых малотиражных и труднодоступных даже для специалиста изданиях. В предлагаемой читателю книге собраны наиболее важные из них, дающие представление об уже известном материале и в своей совокупности представляющие определённый итог взглядов автора на данный сюжет. Здесь представлена точка зрения автора на возможность мистического (интуитивного) пути познания и его месте в совокупности позитивного (научного) и религиозного познания мира, краткий обзор направлений мистических движений 20-30-х годов, взаимоотношения между мистиками и анархистами, отразившиеся в конфликте вокруг Музея П. А. Кропоткина в Москве, первые сведения о попытках возрождения магического розенкрейцства, однако главенствующим сюжетом остаётся история Ордена тамплиеров и его филиаций в России, вопросы его символики, исторических корней, содержания учения и пр.

Сложность заключается в том, что, будучи написаны в разное время и по разным поводам, эти очерки, с одной стороны, не всегда совпадают по высказанным в них догадкам и предположениям, отражая эволюцию мысли автора на разных стадиях его работы, а с другой — в них повторяются некоторые пассажи, опирающиеся на одни и те же документы. Последнее относится и к перечням имён, почерпнутых из документов. Рассматривая всё это как

безусловный недостаток книги в целом и в ряде случаев счастливо избежав подобного дублирования текстов, тем не менее я считаю подобные повторы неизбежными для такого сборника, представляющего читателю не итог, а всего только отчёт о проделанной, и, главное, продолжающейся, отнюдь не законченной работе, позволяющей в дальнейшем автору многие его предположения уточнить и даже радикально пересмотреть в свете новых сопоставлений и открытий.

Вместе с тем я посчитал необходимым дополнить эти работы публикацией ряда материалов, имеющих первостепенное значение как для историков данной темы в целом, так и для конкретных исследований широкого спектра — от тамплиерского самиздата в виде образцов орденских легенд до документов следствия по делу «Ордена Света» и работ, представляющих интерес для исследователя культурной жизни России этого периода. Так непосредственно связанной с этими вопросами оказалась забытая историками тамплиерства статья Ф. Фортинского, опубликованная во второй половине прошлого века, которая помогает найти место российским мистикам советского периода в общемировой истории духовных движений.

Обзор тайных статуты исторических тамплиеров XIII века, сделанный Ф. Фортинским, ещё раз убеждает, что новые тамплиеры России начинали не на «пустом месте». Конечно, они не располагали ни дипломами на открытие орденской организации, ни связями с вышестоящими организациями Ордена, однако они могли опереться в своём становлении на огромную, складывающуюся на протяжении веков и тысячелетий традицию, отражённую и зафиксированную в литературе, посвящённой масонам, тамплиерам, розенкрейцерам, каббалистам, алхимикам, гностикам и пр. тайным движениям и обществам. Эта литература ими читалась, реферировалась, переводилась с древних и новых языков, распространялась в орденском «самиздате», представляя ту основу, на которой взрастало собственное учение российских тамплиеров, их организационные формы, символика, наконец, их собственная литература, в первую очередь, их орденские легенды.

Публикуемые здесь легенды московских тамплиеров представляют только малую частицу обширного их корпуса, который, как я надеюсь, выйдет в свет вместе с материалами следственных процессов. Но даже в этой небольшой выборке современный читатель отметит темы, которые особенно волновали новых тамплиеров: правомочность создания собственных ритуалов при отсутствии традиций, их значение для членов Ордена, соотношение практической и духовной работы, правила «рыцарской» жизни в современных условиях, служение человечеству и готовность жертвовать собой, — всё то, что не имело чётких установлений, а потому требовало новых формулировок, понятных для неофитов.

Исследователь этих текстов найдёт в них отголоски гностических учений первых веков нашей эры, обнаружит любопытные иерархии духов, совпадающие в основных чертах с христианской космологией, но вместе с тем обнаружит и явное влияние антропософской литературы, отражение современных представлений о средневековье и, наконец, отражение оккультной литературы конца прошлого века. Стиль повествования, образность легенд, их лексика безусловно несут на себе отпечаток уже новейшего времени. В сюжетах, восходящих к Египту, раннему христианству, средневековью, характерно отсутствие каких-либо исторических реалий — это именно легенды, где главенствует не повествование, а вызываемая им реакция, не фабула, а «мораль», как вывод из рассказанного, как способ передачи мысли и воспитания «рыцаря».

Полагая, что какое-то количество легенд было создано уже в наше время при деятельном участии самого А. А. Карелина, основателя «Ордена тамплиеров» и первоначальных членов его кружка — А. А. Солоновича, Н. И. Проферансова, П. А. Арнского и, возможно, других

«рыцарей», я должен отметить в текстах многих из них следы грамматических оборотов, указывающих на перевод с французского языка, на котором они были первоначально изложены. В связи с этим стоит напомнить, что в протоколах допросов все сознавшиеся члены «Ордена Света» указывали, что легенды им рассказывались «старшими рыцарями», то есть передача шла только изустно, хотя, как выяснилось, в кружке Карелина существовали и тексты, с которых потом осуществлялась распечатка. Другими словами, перед нами действительно орденский фольклор, сохранявший при передаче сюжетную канву, но расцветиваемый рассказчиком в меру желаний, вкуса и таланта.

Последнее позволяет предположить, что в ряде случаев мы можем иметь дело с действительно древними сюжетами, которые многократно изменялись при передаче, всякий раз обрстая лексикой и приметами своего времени. В этом плане особую ценность приобретают комментарии Е. С. Лазарева к опубликованным в журнале «Наука и религия» некоторым легендам московских тамплиеров⁶ и его же доклад о гностической символике и терминологии в легендах, прочитанный весной 1996 г. на конференции «Россия и гнозис» в Москве⁷. Вместе с тем, на таком фоне безусловно новыми выглядят настойчиво проводимые в легендах идеи акратизма, заимствованные у анархистов, картины беспечальной свободной жизни обитателей Атлантиды, лишённой платоновских рабов и слуг, и потому представляющие такую же утопию, как и картины счастливой жизни будущих городов и «вольных общин» в брошюрах самого А. А. Карелина.

Все публикуемые тексты заново отредактированы, снабжены комментариями и примечаниями, отнесёнными в конец книги.

⁶ «Светильники у трона Бога» (1992, № 8), «Бунт Сатананла» (1992, №9), «Гибель Атлантиды» (1992, № 12), «Аппий Клавдий» (1993, № 2), «Легенды о Граале» (1993, № 4), «Розы и рафаэлины» (1993, № 7).

⁷ Лазарев Е. С. Гностическая образность в наследии русских тамплиеров XX века. // Россия и гнозис. Материалы конференции. ВГБИЛ. — М., 1996, с. 69-75.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Триграмма космического сознания человека (Наука, религия, мистика)⁸

На исходе XX века, столь щедрого на сенсационные потрясения ума человеческого, можно констатировать ещё один парадокс, требующий, по-видимому, самого серьёзного осмысления: неуклонный, постоянно растущий интерес человека к тому, что определяется несколько расплывчатыми словами — «мистика», «мистицизм». Оттенки их смысловых толкований чрезвычайно разнообразны, как то случилось и с другими словами, заимствованными из древности, но с той поры претерпевшими множество метаморфоз в сознании тех, кто их использует. Рекомендую интересующимся соответствующие статьи словарей и энциклопедий, здесь я ограничиваюсь только одним аспектом этого термина, который не получил в них достаточного освещения, хотя, на мой взгляд, именно он в наше время является определяющим.

В данном случае под «мистицизмом» я подразумеваю умонастроение человека, определяющего собственное бытие не в координатах только нашего четырёхмерного мира, но в иерархии духовной структуры мироздания в целом. Это специфическое состояние человека, уверенного в бессмертии своей духовной сущности, её эволюции «в мирах и веках», в её бесконечных воплощениях, направляемых свободной волей и развивающимся сознанием.

Конечно, подобное определение не исчерпывает всех возможных и, вероятно, необходимых признаков того, о чём я намерен говорить ниже, однако, если и расходится в какой-то мере с привычными определениями, то не противоречит им, поскольку предполагает наличие двух главных признаков: 1) существования сил, проявляющихся за пределами физических констант, и 2) личностный, т. е. не поддающийся экспериментальной проверке характер взаимодействия (диалог) с этими силами и возможность их постижения. Последним определением я ухожу от необходимости использования термина «божество» по неопределённости его содержания и потому, что человек вступает в контакт не с ним лично, а всего только с теми или иными его проявлениями. И всё-таки — диалог... с Богом?

Возможна ли такая постановка вопроса в конце XX века, ознаменованного, как я уже заметил, самыми грандиозными достижениями позитивной науки — проникновением в тайны макро- и микромира, к истокам высшей нервной деятельности, к практической геномной инженерии и потрясающим наше воображение представлениям о Вселенной и Человеке, которые мы можем осознать только в самых общих чертах? Тем более, что на протяжении долгих предшествующих десятилетий мы искренне считали, что этот успех обусловлен успехом сугубо материалистического взгляда на природу и общество.

Между тем, несмотря на такие открытия, на их реализацию и даже утилизацию в повседневной жизни, начиная от генетики, медицины, создания искусственных веществ и соединений и вплоть до широкомасштабных космических проектов, налицо совсем иное. Будущий историк и социолог наверняка заметит, что, начиная с XVIII века, наряду с развитием материалистических взглядов, с развитием позитивной науки, по мере накопления всё новых знаний, встававших в резкое противоречие с религиозными воззрениями минувших столетий, параллельно развивался ещё один взгляд на окружающий человека мир, который утверждал в нём наличие иных, ещё не познанных сил и иных измерений, а потому требовал иного подхода к решению гносеологических и мировоззренческих вопросов.

⁸ В сокращённом виде опубликовано в журнале «Наука и религия», 1995, № 2, с. 42-45.

Больше того. Можно заметить, что когда в XIX–XX веках массовые конфессии (и не только в России) испытывали серьёзный кризис, их успели потеснить множество различных обществ и сект, основанных на мистицизме, сочетающем самые разные элементы западных и восточных религий, философских доктрин и в ещё большей степени — самодеятельности.

Само по себе сектантство не вызывает удивления. Оно неизменно сопровождало великим религиям, в свою очередь развившимся из маленьких групп и сект, возникавших в малокультурных слоях общества и лишь потом получавших в своё распоряжение весь арсенал культурных ценностей. Однако такое дробление и отпочкование обычно определялось именно религиозной окраской, т. е. было связано с определённой конфессией и практически не выходило за границы её распространения.

Современный же феномен мистицизма, распространяющегося, в первую очередь, среди наиболее образованного и интеллектуально активного слоя общества — в среде интеллигенции, научных и творческих работников, среди людей социально активных, думающих и читающих, — нельзя свести только к религиозным вопросам. Скорее наоборот: мистицизм как бы упраздняет необходимость религиозных догм и церковных установлений, утверждая ненужность традиционных посредников между человеком и Богом, тем более, что и сам Бог в мистическом сознании современности претерпел известную деперсонализацию, став более символом, вектором движения духа, чем непосредственным Творцом вселенной.

В свою очередь и мистика стала восприниматься уже не как личностный опыт общения с Божеством в результате озарения (благодать) или подвига (награда), а как обращение человека к загадке своего «внутреннего «я», его соотнесённости с окружающими людьми, природой, миром, наконец, со всем мирозданием, предстающим некой нерархической структурой, отражающей одновременно проявление («воление») самого Божества.

Можно утверждать также, что современный мистицизм не просто упразднил ритуал (культ), но, что особенно важно, ввёл как обязательный момент понятие имманентной телеологичности, иными словами — изначально заложенной целевой программы во всём, что проявляет себя в мире и подчинено законам прогрессирующей эволюции. Не менее существенен при этом факт перехода группы явлений, относимых некогда к сфере исключительно религиозно-мистического опыта (магия, мантика, гипноз, телекинез, ясновидение) в категорию объектов научного исследования, что само по себе можно расценивать как наведение первых «мостиков» между мистикой и наукой, в принципе упраздняющих необходимость религиозных подходов к этим вопросам.

Ситуация, в которой «нетрадиционная медицина» в ряде случаев ещё пользуется квазирелигиозной оболочкой, выступая под маской той или иной конфессии (православное целительство, ламаистская школа медицины, исламская традиция), не опровергает такое утверждение, поскольку может быть объяснена различными причинами, начиная у «моды» и кончая привычкой тому или иному целителю конфессиональной ритуалистикой, с помощью которой он вступает в контакт с действующими через него силами. И хотя о самих этих силах современная наука не может сказать ничего, кроме того, что они — как видно — существуют, хотя и не поддаются в полной мере фиксации имеющимися в её распоряжении приборами, их уже следует рассматривать не в качестве «сверхъестественных», как то было ещё недавно, а вполне естественных, только ещё не получивших прав гражданства в традиционной системе знаний.

Момент, когда это произойдёт, — всего только вопрос времени. Думаю, что выскажу мысль, владеющую умами многих, предположив, что в таких проявлениях «сверхъестественного», отмечаемых за последнее время у всё растущего числа людей на земном шаре, в первую очередь у детей, мы имеем дело отнюдь не с атавизмами, не с наследием

первобытного прошлого, а, наоборот, с результатом естественной эволюции человека как вида. Эта эволюция была напрямую обусловлена развитием за последние столетия науки и техники, которые, с одной стороны, высвободили время для саморазвития личности, облегчили человеку труд и тем самым дали возможность приобрести более утончённое восприятие красок, звуков, образов, ощущений, а с другой — поместили современного человека в мощные энергетические поля городских агломераций, которые не могли не способствовать развитию его собственных биоэнергетических потенциалов.

Вряд ли я ошибусь, предположив, что здесь перед нами открывается основная линия эволюции человека, освобождающегося от прежней зависимости по отношению к окружающей природной среде и начинающего развиваться в совершенно определённом направлении под воздействием созданной им самим «второй природы». Мне могут возразить, что развивая новые парапсихические способности, т. е. физиологически эволюционируя, современный человек слишком мало продвинулся в своей нравственной эволюции. Но, во-первых, разговор идёт об эволюционной линии развития человека как вида, в которой я вижу подоснову развития современного (да и прошлого) мистицизма, о чём буду говорить далее, а, во-вторых, моральная структура личности в гораздо большей мере зависит от общества, в котором личность живёт, чем от физико-энергетических характеристик среды обитания.

Последнее вынуждает нас обратиться к третьей вершине «магического треугольника» человеческого сознания, который образуется знанием позитивным (наукой), знанием интуитивным (мистикой) и знанием иррациональным (религией), одновременно поставив вопрос: влияет ли знание само по себе на моральную структуру личности?

Что касается позитивной науки, имеющей дело с явлениями физического мира, вопрос этот давно решён: жажда знания, как такового, была заложена в человеке изначально в качестве его обязательной программы, что прекрасно проиллюстрировано библейской историей со Змеем, до этого он мог существовать лишь в «реторте гомункулуса», то есть в «раю». Только мощный стимул устремления к познанию мира делал человека способным «овладеть» этим миром, превращал его в «сотрудника Бога» по упорядочению космоса.

Вот почему, несмотря на использование в антропологии различных видовых определений для человека, необходимых в практических целях, сам род Homo изначально был «познающий», ибо это то, чем он занимался с того самого момента, как выделился из животного царства.

Человек познавал мир, чтобы преобразовать его сначала в пределах биосферы, а затем, если следовать В. И. Вернадскому, создал «ноосферу», то есть выступил космической (планетарной) силой неизвестного ранга. Этот факт в иерархическом отношении ставит человека на самую вершину пирамиды планетарной жизни, как её конечный продукт, своего рода «венец творения», налагая на него, как лишь теперь он начинает понимать, весьма жесткие обязанности в отношении собственной «разумности» и порядочности.

Причиной такого осознания стала именно наука, прошедшая долгий путь сбора и обработки информации, которая, в свою очередь, всё больше и больше диктует нам те или иные решения, направляя наше внимание на определённые области знания и проблемы космического ранга. Она, эта наука, то есть определённая система получения, обработки и использования знаний о мире и человеке, дала нам множество сведений, кроме самого главного: что же такое сам человек? Что мы собой представляем? Зачем появляемся на свет и почему умираем в тот момент, когда, как нам кажется, только начинаем что-то понимать и в чём-то разбираться? Почему «венец творения» в системе мироздания оказывается всего лишь игрушкой случайностей, не обладая никакой абсолютной ценностью в бесконечности вселенной и весьма относительной — на протяжении своей краткой и полной превратностей земной жизни?

Эти вопросы человек начал задавать себе с того самого момента, как почувствовал себя человеком. Возможно, когда-нибудь мы узнаем, что эти же вопросы возникали ещё у его предков, а, может быть, и у некоторых из его современников — животных, с которыми он оказался особенно тесно связан. Сейчас мы знаем, что животные обладают своим языком, что они вовсе не «бессмысленные и бессловесные» создания, а поведение современных «диких» животных, в полном смысле слова обитающих среди людей (известно, сколько «диких» животных живёт в наших городах) и, без преувеличения, стремящихся к общению с человеком (раньше это могли наблюдать, главным образом, отшельники), позволяет предположить, что образование «ноосферы» и изменение силовых (энергетических) характеристик Земли в результате человеческой деятельности не прошло бесследно и для эволюции животного царства.

Так почему же на поставленные вопросы наука не давала и не могла дать ответ? В первую очередь потому, что она была позитивной наукой. Она изучала человеческое тело, его строение и физиологию, и уверяла, что это и есть собственно человек. Она рассматривала возможность появления жизни в космосе и на планетах, рассматривала следы эволюции жизни на Земле и приходила к выводу, что, поскольку шансы на возникновение таких условий на других планетах ничтожны, жизнь на Земле «зародилась» случайно. Отсюда следовало заключение, что человек — явление не только эфемерное, но и случайное, так что никакой «миссии» (цели) он в себе не несёт, а его стремление к познанию и преобразованию мира — всего только результат определённой структуры мозговых клеток...

Будь это действительно так, прирождённый дар познания, приведший к такому итогу, стал бы убийственен для человека и человечества. По счастью, вероятно, с того самого момента, как указанные вопросы без ответа приобрели осязаемую остроту, у человека в качестве противовеса пробудилось то, что именуют обычно «религиозным чувством». Оно коренилось в интуиции и в тех «сверхчувственных» ощущениях, которые на протяжении тысячелетий служили питательной средой для мистицизма.

Если наука явилась способом экспериментального постижения мира, то религия взяла на себя попытку его объяснения — объяснения, собственно говоря, не самого мира, а структуры мироздания в целом, став разграничительным барьером между логикой науки и экстазом веры, являвшимся, в свою очередь, орудием «сверхчувственного познания, поскольку его питала информация иррационального характера.

Религия использовала материал позитивного знания, но в основе своей опиралась на мистицизм — невинное предположение многих из нас, что человек находится как бы на грани двух и более миров, из которых только один вмещает его физическое тело, а потому является для него безусловной реальностью, в то время как другие остаются спонтанно возникающими и исчезающими феноменами, не оставляющими в памяти ничего, кроме смутно скользящих теней, к которым так присматривался в своё время Платон.

Являются ли эти тени отражением какой-то реальности, или сами они всего только фантомы, возникающие в результате несовершенства наших органов чувств, нашей нервной системы, наших собственных дефектов, постулирующих их возникновение и исчезновение? В конце концов, к этому и сводился вековечный спор материализма с идеализмом, в своих крайних проявлениях одинаково склонных рассматривать данную нам в ощущениях реальность только под каким-то одним углом зрения, забывая о многомерности и многообразии мира, открывающегося нам лишь в узком спектре наших возможностей.

Развитие науки в XX столетии (а для математиков — значительно раньше) прояснило тот факт, что уже не в умозрительном плане, а в самой что ни есть практической деятельности человеку сейчас приходится иметь дело с силами, в реальности существования которых мы не

можем сомневаться (например, гравитация, магнитные поля, электричество), однако для нас они столь же «нематериальны», как те символы или абстракции, которыми мы их обозначаем и которые, в конечном счёте, так похожи на символический язык средневековых алхимиков, каббалистику гностиков или образы религиозных иерархий Востока.

Именно поэтому я рискну утверждать, что сознание современного человека полностью дематериализовано и насквозь символистично. Именно развитие науки и её использование приучило человека современного оперировать исключительно символами, за которыми часто нет никакого предметного содержания. И всё же они воспринимаются адекватно людьми на всех концах земного шара подобно тому, как один и тот же китайский иероглиф, имеющий совершенно различную фонетическую огласовку на севере и на юге страны, и там и там передаёт заключённую в нём информацию в неискажённом виде. Не эта ли символистичность мышления, которую впервые открыли в конце прошлого столетия поэты-символисты, а следом за ними — и художники, обратила внимание наших современников на духовное наследие древних культур и цивилизаций, увидев в причудливых образах мифотворчества минувших веков символистическую тайнопись, отражающую вполне реальные явления физического и духовного мира?

Однако можно ли говорить о подобной «иероглифичности», заложенной в мистических ощущениях человека, на которой возрастали все религии прошлого? Такой вопрос тревожил одинаково теологов, этнографов и религиоведов, но окончательного своего разрешения не получил, хотя большинство его исследователей склонялись к утвердительному ответу, поскольку в основе всех религий древности (во всяком случае тех, чьи корни удаётся проследить в достаточно долгой перспективе времён) оказываются схожие мифы, представления, образы и даже обряды.

Таковы идеи потоков, искупления, сошествия учителей (с небес или со звёзд), учение об инкарнациях, метемпсихозе и многое другое, что можно, конечно, объяснить заимствованием идей друг у друга, «бродячими сюжетами» или единством психоментальной структуры вида *Homo sapiens*, являющегося единым биологическим видом на нашей планете. Однако для каждого из этих предположений потребовалось бы слишком много оговорок и допущений. Проще предположить, что в основе таких первичных мистериальных предпосылок лежит некая объективная реальность, вызывающая представление об иных мирах и пространствах, об иных силах и иерархиях, с которыми человек связан чем-то, что и является его истинной, непреходящей сутью, проявляющей себя через его физическое тело.

В известной мере, историю религий можно рассматривать как историю трансформации и расшифровки подобных ощущений, остающихся у человека неизменными с глубокой древности до наших дней, поскольку, как теперь выясняется, менялось не их сущностное содержание, а всего только их осмысливание и образное воплощение — всё то, что на протяжении веков питало музыкальное, изобразительное и литературное творчество человечества, выраженное на языке символов той или иной культуры. В этом плане всякое творчество, даже научное, — всегда мистично, потому что за комбинациями традиционных символов у каждого подлинного, т. е. глубоко переживающего художника, открывается его личный мистический опыт — та «гармония сфер», то «проникновение в Зазеркалье», тот «прорыв в параллельные миры», который обогащает наши представления о явлениях и силах, лежащих за пределами возможностей позитивной науки.

На такой базе и возникает религия, как предчувствие и предощущение пробуждающейся в физическом теле духовной сущности, интересы и устремления которой часто оказываются в разительном противоречии со «здравым смыслом» и благосостоянием физического тела человека. Разлад между «физиологическими» желаниями, к которым можно причислить также

желания эгоистического и бытового порядка, и духовными (душевными) устремлениями, замеченный человеком очень рано, послужил, по-видимому, толчком к формированию и упорядочению как религиозных воззрений, так и собственно церковных институтов, в центре внимания которых всегда находилось не исследование мира и человека, не обращение мыслей последнего «к звёздам», а всего только организация человеческого социума на определённой территории и в столь же определённой культурной традиции, если понимать в данном случае под «культурой» не духовную, а повседневную общественную деятельность людей на уровне быта.

Задача управления человеческим обществом накладывала на религиозные институты (церковь) такие же ограничения, как исследование материального (четырёхмерного) мира — на позитивную науку. Питаясь мистицизмом отдельных, канонизированных личностей, допуская его в ограниченных дозах для массового потребления, ни одна из мировых конфессий именно в силу своего положения и своих задач не поощряла (а то и прямо запрещала) мистицизм, как путь получения ответов на «проклятые вопросы», встающие перед человеком.

В свою очередь, религиозные институты пользовались авторитетом и доверием общества до тех пор, пока утверждаемые ими картины мира не вставали в вопиющее противоречие с данными позитивной науки, от достижений и выводов которой с течением времени всё полнее и больше зависели благосостояние и жизнеспособность данного социума. В результате очередного революционного переворота, чаемого всеми без исключения слоями общества, оказывалось, что само общество вынуждено пожинать плоды поистине пирровой победы. Наука, будучи изначально направлена на изучение материального мира, опровергая теоретическое основание той или иной религиозной системы, по существу, вместе с религией уничтожала и построенную на её постулатах мораль, не предлагая ничего взамен.

Кризис веры в европейском мире, начавшийся с восторга материалистов XVIII века по поводу «освобождения человека от Бога», очень скоро привёл «свободное человечество» не к действительному атеизму, предполагающему очень высокий уровень развития личности, не к агностицизму, предполагающему столь же высокий интеллектуальный уровень этой же личности, а всего только к примитивному нигилизму, повергнувшему в отчаяние и ожесточение людей слабых и скудоумных. Следует, впрочем, отметить, что этот же нигилизм заставил людей разумных обратиться к поискам ответов на вопросы, с особой чёткостью поставленные в русской литературе второй половины прошлого века: что я есть? зачем живу? для чего появился на свет? почему должен страдать? зачем следует соблюдать заповеди, если жизнь даётся один только раз, а потом — «лопух вырастет»?

Эти и подобные вопросы накапливались в человечестве с незапамятных времён. Их задавали поэты Шумера и Аккада, Индии и Древнего Египта, мудрецы Китая и Эллады. Но только теперь с развитием науки и падением престижа религии, с разрушением незыблемого (но никогда не выполнявшегося!) кодекса морали, в общих чертах сходного для всех религий и всех культур, эти вопросы поставили под сомнение многое из того, на чём строилась духовная культура предшествующих тысячелетий.

Почему пошатнулись религиозные институты и, в первую очередь, институты христианских конфессий? Почему они теперь вынуждены или уступать своё место возникающим новым сектам, объединениям, общинам, или же модернизироваться, поспевая за модой и требованиями общества? Причин может быть названо много, но истинная причина заключена, как мне представляется, в том, что ни одна из великих мировых религий не смогла объективно ответить на эти вопросы, без разрешения которых в соответствии с данными современной науки человек конца XX столетия отказывается если не жить, то повиноваться.

В самом деле, намного ли отличается в этом плане догматическое христианство от науки, уверяющей, что никакой «души» человек не имеет, а является «всего только» продуктом случайных генетических мутаций, существующим от момента зачатия до момента прекращения своих физиологических функций? Ведь жизнь человеческая по христианским воззрениям оказывается всё равно «одноразовой», поскольку наличие у человека бессмертной души гарантирует ему только награду или наказание за прожитую на земле жизнь, но отнюдь не проливает никакого света на её смысл. Иудео-христианские религии не отвечают на вопрос, откуда и зачем появилась эта «душа», чтобы соединиться с телом, и почему, пройдя в этом теле то очень короткий, то достаточно долгий отрезок жизни, часто приобретая огромный опыт и знания, она обречена на последующую «вечность» абсолютной бездеятельности «блаженства» или «мук».

С точки зрения логики — бессмыслица. Как и в случае с наукой, мировые религии не могут ответить на вопросы «зачем», «для чего» и «почему». Даже буддизм, привлекающий возможностью бесконечных воплощений, то есть возможностью для души активного существования и азартной деятельности (переиграть карму!), в конечном счёте представляет её будущее столь же бесперспективным, как вращение молитвенных мельниц, установленных на горных потоках Тибета...

Так получилось, что именно развитием знаний человека о себе и о мире XX век поставил вопрос об ограниченности традиционной науки, несостоятельности традиционных религиозных систем и необходимости поисков новых путей для решения кардинальных вопросов человеческого сознания.

Этими путями могут быть те, которые и ранее указывал человеку его мистический опыт, и которые для области паранормальных (аномальных) явлений становятся в наши дни если не прямым объектом изучения, то, во всяком случае, полем чрезвычайно интересной и перспективной работы.

Позволительно спросить: какое это имеет отношение к мистике, если, как мы убеждаемся, подобные явления связаны с открывающимися и развивающимися силами физического тела человека? Это так, но было бы опрометчиво утверждать, что указанные силы исходят непосредственно из человеческого тела, а не проявляются в нём, вызывая некий резонанс. Мне представляется, что то или иное человеческое тело (далеко не каждое!) в определённой ситуации может служить своего рода приёмником, проводником или индуктором для сил, источник которых нам неизвестен и находится, безусловно, за пределами данного организма. Вот почему приходится признать, что всё многообразие паранормальных (аномальных) проявлений, которыми человечество наконец-то заинтересовалось, пока свидетельствует лишь о том, что, кроме регистрируемого наукой «реального мира», существуют реальность какого-то иного порядка, с которой в той или иной степени связано и существование человечества.

Что может в этих условиях дать индивидуальный мистический опыт? Только серию наблюдений и ощущений, передаваемых далеко неадекватно. Стоит просмотреть десяток книг и брошюр, появляющихся сейчас в большом количестве, в которых авторы рассказывают о своих переживаниях, видениях, услышанных голосах, приводят надиктованные им тексты или страницы «автоматического письма», чтобы прийти в растерянность от разноголосицы. Но имеем ли мы право, поддавшись первому впечатлению, отмахнуться от заключённого в каждом из таких сообщений «зерна» лишь потому, что оно искажено и обросло множеством «помех», «шумов» и прямых домыслов? Или, как то делали и делают до сих пор представители позитивной науки, всё это списать на душевные заболевания и невропатию перцепиентов?

Изучая человека как объект, мы только недавно начали догадываться, что изучаем не столько саму личность, то глубинное «я» индивидуума, с которым общаемся, которое ценим,

любим или ненавидим, сколько тот физический «дом», в котором эта индивидуальность обитает.

Более того, скопились достаточно веские доказательства, что это «я», сохраняющее сознание после смерти физического тела, способно существовать бесконечно, способно появляться на Земле или в ином месте в новой физической оболочке и даже сохранять воспоминания о своих прежних воплощениях — всё то, о чём знали и говорили мистики, вероятно, ещё в эпохи великих оледенений... Стало быть, надо набраться терпения и найти возможность диалога не с «домом», а с его «обитателем». Как? Здесь придётся обратиться к многовековому опыту мистиков, который до последнего времени третировала и просто отвергала традиционная наука.

Последнее понятно. Мистический опыт не поддаётся (или трудно поддаётся) проверке, однако именно на его основе были построены все великие религии и — вероятно — на его же основе сделаны все великие открытия науки. Мы все помним блестящее положение марксистской диалектики, что «количество переходит в качество», однако смогли убедиться, что даже самые совершенные электронно-счётные машины не могут выдать *качественно новый* результат, если человек не заложит в них его предпосылки. Да ведь и сам человек делает открытия, как правило, не на числовом (количественном), а на интуитивном (качественном) уровне, когда искомая идея, конструкция, результат возникают в сознании не постепенно, частями, а сразу, целиком, в своём законченном виде. Откуда? Из «ноосферы»? Однако В. И. Вернадский, как мне представляется, под «ноосферой» понимал не создаваемое земным биосоциумом некое «пси-поле», которое окружает планету и к которому могут подключаться медиумы (контактёры, проводники), а ту, «вторую природу», которую создал на земле человек для своего обитания.

Между тем, «пси-оболочка» нашей планеты, по-видимому, существует — она, или что-то подобное ей, как существуют и другие поля и силовые линии, постоянно несущие различного рода информацию о вселенной, на которую наши внутренние индукторы, наши сокровенные «я» отзываются то глухо, то активно, а чаще всего просто «не слышат». Вот почему мне представляется, что мистический опыт человечества, отражённый в разных преданиях, преобразённый в ритуалах, упражнениях, системах взглядов, заслуживает самого пристального внимания на рубеже наступающего третьего тысячелетия нашей эры. К нему, к этому опыту, неизменно обращались члены тайных мистических обществ и орденов, надеясь найти пути совершенствования, освобождения своего духовного «я» или методы восстановления того, что мы сейчас осторожно именуем «памятью прежних воплощений».

Стоит сказать, что одновременно предпринимались и другие попытки, направленные в сторону овладения и подчинения стихийных сил, «элементалей», которые на самом деле были не сущностями, а всего только проявлениями сил высшего космического порядка, самой структуры космоса. Надо ли пояснять, почему такие попытки изначально были обречены на провал?

Но дело заключалось, по-видимому, не только в изначальной ошибке несоответствия выдвигаемых претензий к реальности. «Путь мага», на который вступал человек, увлечённый миражем власти и ослеплённый первыми мелкими успехами, всякий раз оказывался ловушкой для личности, отказывавшейся от права первородства за чечевичную похлёбку призрачного благополучия. Его ожидало не просто разочарование: человек вступал на недолжный путь зависимости от сторонних сил, на путь разрушения своего истинного «я», не защищённого категориями долга, чести, воли и, конечно же, любви, которая только одна способна соединять людей, миры и молекулы воедино.

Впрочем, эта ситуация давно разрешена в судьбе Фауста. Двойственный образ Фауста, ставшего в какой-то мере символом «европейской души» или «европейского сознания», как мне кажется, не был до конца понят не только современниками И.-В. Гёте, но даже им самим. Ведь Фауст потерпел поражение не потому, что страстная тяга к знанию заставила его продать свою бессмертную душу мелкому бесу, а потому, что он сошёл с единственного пути, открытого духовной сущности человека — пути личной работы, личного преодоления препятствий, личного познания добра и зла путём проб и ошибок, которые не только несут в себе знание, но способствуют развитию и преобразению человека. Он пал потому, что хотел не служить, а только пользоваться, отдавая за то своё бессмертие, то есть возможность дальнейшей эволюции заключённой в нём духовной монады, которая может развиваться и раскрываться лишь в физическом теле, используемом ею в качестве инструмента познания и преобразования окружающего мира. Именно монада рождает в человеке неодолимую страсть к познанию и к активной деятельности, столь отличающие его от всего животного царства, — качество, которое в конечном счёте приводит к осознанию личностью (монадой) неслучайности своего существования как одной из действующих *созидательных сил* мироздания.

Начиная с этого момента, воплощённая монада смотрит на себя уже не как на «центр мироздания», не как на бесцельный феномен сочетания молекул, а как на структурную часть единого универсума, предполагающую активное служение этому целому в сознательной, упорядочивающей его форме.

Другими словами, на определённой ступени познания и самоосознания человек из «твари» превращается в *со-трудника* и *со-работника* Творца.

Мистицизм всегда опирался на два основополагающих принципа: духовности, пронизывающей всё сущее, и эволюции, предполагающей саморазвитие «идеи», которая преодолевает косность заключающей её «материи». Мне могут возразить, что ничего подобного в древних и современных мистических учениях нет, что мистики постоянно говорят о различных иерархиях духов, весьма напоминающих бесплотные воинства различных религий, о чудесах, нисхождении духов на землю, об их взаимоотношениях с людьми... Всё это так. Но ведь это — только слова и образы, призванные воздействовать на воображение неискущённых читателей и слушателей; образы, за которыми мы можем разглядеть реалии мироздания, как его угадывает современная наука с её теорией «Большого взрыва» и «расширяющейся вселенной», что, в свою очередь, предполагает неоднократность подобных «пульсаций»... И в этом случае мы не найдём никаких серьёзных расхождений между утверждениями науки и мистики, речь может идти лишь о способах выражения и терминологии, а также о выводах, которые делают представители той и другой.

Действительно, мы знаем, что за пределами нашей Вселенной должны существовать иные вселенные («космосы» мистиков); что развитие жизни на Земле прошло стадию «косности» неорганических форм — от минералов к первым «растениям» и далее к животным, восходя всё выше и выше по мере организации и сложности. И если мы не можем с достоверностью говорить о мире минералов (впрочем, в кристаллах уже отмечен обмен веществ, т. е. безусловные признаки «жизни»), то уже в растительном мире мы обнаруживаем существование «ауры», которая указывает на наличие, кроме физического, ещё и астрального тела, соответствующего понятию «души» — возможно, первого проявления духовной сущности (монады).

Если же признать (а иного выхода нет), что «зарождение» духовных монад происходило в момент «Большого взрыва», то каждая из них должна была пройти свой путь до человека через неорганический и органический миры — с большим или меньшим успехом, с большей или

меньшей скоростью, тем самым образуя страты (слои) разных иерархий, заставляющих вспомнить о таких же иерархиях духов, божеств и воинств различных религий.

Воплощающиеся в человеческие тела духовные сущности (монады) с точки зрения мистиков древности и нашего времени выглядят отнюдь не игрой случая, ибо задачей каждой из них является, с одной стороны, самообучение (т. е. приобретение знаний о мире), а с другой — воздействие на этот мир в том направлении, какое открывается ей как наиболее влекущее и предрасполагающее (миссия). С приобретёнными знаниями и опытом она уходит из «отработанного» тела, чтобы присоединить к накопленному архиву «памяти» (личной или всемирной, представляющей нечто вроде общечеловеческого — планетарного — «банка данных», т. е. того же «пси-поля» или «ноосферы» в её расширительном понимании) новые приобретения, поскольку Универсум не может «самоосознаться» без посредника, каким и является в данном случае воплощённая монада.

Её следующий шаг — эволюция на основе приобретённого, трансформация для новой, более высокой деятельности и очередная инкарнация для продолжения планетарной работы... Если же жизнь физического тела оборвалась слишком рано, или его активность была направлена не на созидание, а на разрушение (природы, общества, личностей, препятствию развития знаний и пр.) из-за несовершенства монады, последняя вынуждена начинать снова осваивать эту ступень развития, а в ряде случаев — и возвращаться на более низкие ступени иерархии, чтобы перестроить себя в соответствии с изначальным замыслом.

Я понимаю, что подобная картина, достаточно фантастичная для современного иррелигиозного сознания, может вызвать как недоверие, так и насмешку. Однако стоит ли смеяться над тем, что предстаёт более логичным в свете наших современных представлений о мире и человеке, чем априорные заверения науки в случайности и бесцельности человеческой жизни или уверения церкви, рассуждающей о «божественной механике» мироздания, но не способной заглянуть даже за пределы земной жизни человека?

Быть может, самым поразительным в данной ситуации является тот факт, что предлагаемая мистиками схема (именно схема, а не её всевозможные детализации!) ни в чём не противоречат основным достижениям современной науки. Она предполагает Начало (но не всего Универсума, а только нашей Вселенной), кладёт в основу развития принцип эволюции и прогресса во времени (т. е. принцип раскрытия внутренних возможностей и восхождения от простого к более сложному), объясняет причину иерархичности и неравенства монад и, что особенно важно, конечность их множества, не превышающего изначально заданное. Последнее снимает каверзный вопрос о «длительности творения» или «самозарождении душ», который старательно обходит иудео-христианство, и открывает простор для гипотез о «кармических» силах, действующих в мире духовных сущностей, строящих таким образом иерархию духовного мира.

Такая точка зрения объясняет как бессмертие духовного «я» человека и проявляющуюся в исключительных случаях память о предшествующих инкарнациях (которую теперь, вроде бы, удаётся стимулировать искусственным путём), так и наличие существующей объективно, вне человеческого сознания и условий быта «цели жизни» (миссии) каждой личности, позволяющей оценивать саму эту жизнь в категориях, лежащих за пределами собственно человеческой деятельности и не имеющих ничего общего с теми или иными моральными системами, религиозными конфессиями или экстатическими откровениями.

Другими словами, «добро» и «зло» субъективных и социальных категорий в мистической практике впервые, пожалуй, приобретают значение категорий вневременных, абсолютных, находя подтверждение в учениях великих религий. Мне кажется, что последнее не требует доказательств, но вот они.

Если человечество (а так получается) в целом призвано выполнить (вместе с обитателями множества других миров) определённую миссию космического порядка, то единственным «добром» в таком случае является его внутреннее единение, сплочённость, та заповедь любви и мира по отношению ко всему сущему на Земле, в чём сходятся все великие религии. «Добром» оказывается всё, что соединяет людей, что позволяет каждому человеку работать с наибольшей отдачей и устремлённостью — любовь близких, дружба и помощь окружающих, мир и согласие на Земле. Наоборот, абсолютным «злом» оказывается всё противоположное только что сказанному, что разъединяет людей, препятствует душевной гармонии человека, мешает его творчеству и созидательному труду, разрушает общекультурные ценности, созданные трудом предшествующих поколений...

Добром оказывается и само Учение, вливающее в человека уверенность, что он живёт не впустую, что его стремления к звёздам, к сотворчеству, к преобразованию мира обеспечивают находящейся в нём духовной монаде необходимый рост, и в своём последующем воплощении он будет пользоваться тем, что накопил за эту свою жизнь — может быть, не отдавая себе полного в том отчёта, но пожиная плоды сегодняшних трудов и подаренных окружающим чувств, которые возвратятся к нему сторицей раскрытых сил.

Является ли сказанное определённым итогом развития человеческого сознания? Мне представляется — да. Я попытался ответить на вопрос, почему в наше время, характерное столь блестящими прорывами человеческого познания в самых различных областях науки, вместе с естественным упадком религиозности, когда церковь оказывается скорее одним из элементов традиционной культуры, чем духовного сознания, мы наблюдаем такой безусловный интерес к мистицизму, как к определённой структуре мировоззрения.

После приведённых рассуждений я попробую свой ответ сформулировать следующим образом: так произошло потому, что именно мистицизм, связав достижения позитивной науки с иррациональным мистическим опытом человечества, сумел дать непротиворечивое представление о самом человеке, чего до него не могли удовлетворительно сделать ни религия, ни наука.

Впрочем, это не итог, а всего только предпосылка для дальнейших шагов в этом направлении, которые предстоит сделать человечеству, пришедшему к осознанию своей неслучайности во Вселенной и возложенной на него миссии, от успеха которой — по-видимому — зависит судьба не одной нашей планеты. Это — тоже испытание, испытание ответственностью, причём как для человечества в целом, так и для каждого из нас, поставленных уже перед необходимостью пересмотреть свои цели, свои устремления и даже принципы личной жизни, поскольку каждый из нас теперь должен осознать, что и он тоже несёт ответственность за судьбу мироздания.

Знание всегда обязывает. Сейчас мы уже не можем сказать, что не знаем, для чего мы живём. Мы не можем сказать, что не знаем своих предшественников, чьи прозрения откладывались в архивы общепланетарного человеческого опыта. Мы не можем сказать, что никто нам не говорил, как следует жить и что делать. Обо всём этом говорилось много раз, на разных языках и в разные времена, но теперь мы узнали также, почему это следует делать именно так, а не иначе. Мы узнали, что есть Добро, а что — Зло, но теперь уже по меркам не земного общежития, а всего Универсума.

Собственно, это и есть отправная точка всякого мистика: непосредственный диалог с Абсолютом, исключающий возможность кривотолков и недоговорённости. И только с этих позиций следует подходить к творчеству мистиков нашего времени и прошлых эпох: помня о совершенстве замысла Абсолюта и о человечестве несовершенстве отражения постигаемых нами истин.

Мистические общества и ордена 1920-х гг.⁹

Изучение мистических обществ и орденов, существовавших в советский период в России, если не считать одиозных публикаций по «масонскому вопросу» в 70-х и 80-х годах нашего века¹⁰, началось только в последние годы, когда для исследователей в какой-то мере приоткрылись ранее недоступные архивы КГБ. Однако этой возможностью воспользовалось, насколько мне известно, весьма ограниченное число историков. Последнее, на мой взгляд, объясняется причинами как субъективного, так и объективного характера. К первой из них следует отнести воспитанное в обществе недоверие к фактам, содержащимся в архивно-следственных делах «ведомства страха», априорно воспринимаемых в качестве заведомой фальсификации следователей и самооговора со стороны подсудимых. Вторая определяется спецификой самого материала, требующего не только длительных разысканий, но и наличия у исследователя исходных «базовых данных» по персоналиям, которые, в свою очередь, появляются только в процессе поиска.

Все эти вопросы, в том числе методика работы с архивно-следственными материалами и оценка достоверности зафиксированных фактов, подробно рассмотрены мною в специальной работе, опубликованной в петербургском журнале «Russian Studies»¹¹. Поэтому темой моего сообщения станет общий обзор выявленных к настоящему времени мистических группировок и организаций, существовавших на протяжении 20-х и 30-х годов нашего века в России, — масонов, розенкрейцеров, тамплиеров и оккультистов, с которыми я смог ознакомиться как на основании указанных архивно-следственных дел, так и в результате личных контактов с недавно ещё жившими их членами.

*

Одним из наиболее ярких и структурно определённых духовных течений в российском обществе начала XX века, вне сомнения, было масонство, в той или иной степени сохранявшее преемственность от масонства XVIII и XIX веков, если не непосредственно, то через зарубежные европейские ложи, куда принимали выезжавших за границу отдельных россиян. Собственно русские ложи на территории России начали возрождаться, по-видимому, сразу же после революции 1905 года как результат деятельности «Великого Востока Франции», основавшего в 1907-1908 гг. две ложи — «Возрождение» (Москва) и «Полярная звезда» (Петербург). В последующие годы, как следует из работ Н. Н. Берберовой, Б. И. Николаевского, О. Ф. Соловьёва, В. И. Старцева и других¹², вплоть до октябрьского (1917) переворота в России были открыты и другие ложи, представлявшие исключительно политическое масонство и, как правило, ничего общего с мистицизмом не имевшие. Вот почему особенный интерес

⁹ Доклад на конференции «Россия и гнозис» 27. 3. 1996 г. в ВГБИЛ. Опубликовано в кн.: Россия и гнозис. Материалы конференции. — М., 1996, с. 60-68. (Ошибочно — «Александр Никитин».)

¹⁰ Напр., *Бегун В. Я.* Рассказы о «детях вдовы». — Минск, 1983; «За кулисами видимой власти». М., 1984; и др.

¹¹ *Никитин А. А.* Мистические ордена в культурной жизни советской России. // *Russian Studies*, СПб., 1995, т. I, № 4, с. 189-276.

¹² *Берберова Н. Н.* Люди и ложи. Нью-Йорк, 1986; *Николаевский Б. И.* Русские масоны и революция. М., 1990; *Соловьёв О. Ф.* Масонство в России. // Вопросы истории, 1988, № 10; *Старцев В. И.* Российские масоны XX века. // Вопросы истории, 1989, № 6, с. 33—50; *он же.* Русское политическое масонство. 1906-1918 гг. // «История СССР», 1986, №6, с. 119-134, 1990, № 1, с. 139-155.

приобретают документы ленинградского масонского дела 1926 года, опубликованные его исследователем В. С. Брачевым в ряде журналов¹³.

Из них следует, что в 1910 г., проживая в Петербурге, делегат французского Ордена мартинистов Ч. И. фон Чинский посвятил в Орден Г. О. Мёбеса, ставшего Генеральным инспектором его петербургского отделения. Два года спустя, завоевав себе известность лекциями по оккультизму и собрав вокруг себя учеников и единомышленников, Мёбес официально заявил о выходе из Ордена и о создании Русского автономного ордена мартинистов, просуществовавшего до начала 20-х гг. и опиравшегося на журнал «Изида». Кроме этого ордена в Петрограде в предреволюционные годы известны и другие независимые оккультные группы — общество «Сфинкс», во главе которого находился Г. О. Лобода, Орден рыцарей Грааля, открытый Гошпероном де ла Фосс, мистико-церковный кружок А. Н. Семигановского, в дальнейшем ставшего обновленческим епископом, кружок доктора А. В. Барченко¹⁴, русское отделение французского оккультного ордена «Рыцарей фиалетов»¹⁵ и ряд других подобных объединений. Наибольшую роль среди них в дальнейшем сыграло «Общество возрождения чистого знания», основанное в 1916 г. в Петербурге М. А. Нестеровой на Крестовском острове, имевшее в своём распоряжении издательство «Китеж». После 1917 г., когда произошла встреча Мёбеса с Нестеровой, ставшей его женой и сотрудницей, от Ордена мартинистов отделился Орден мартинезистов, который возглавила Нестерова, в то время как Мёбес сохранил за собой общее руководство обеими орденами.

Практическая деятельность в Ордене предполагала работу его членов над собой в целях духовного и морального совершенствования и участие в коллективных медитациях. Однако вскоре после разделения при Ордене мартинезистов была организована «группа Прометей», ставшая школой посвящения, в которой неопитам читались лекции по истории религий, каббале, истории масонства, оккультизму.

К этому времени Генеральным секретарём Ордена мартинезистов стал сблизившийся с Мёбесом и Нестеровой Б. В. Астромов-Кириченко, получивший посвящение в масонство в 1909 г. в ложе «Авзония», входившей в «Великий Восток Италии». В 1921 г. он вышел из Ордена Мёбеса и Нестеровой, чтобы основать своё «Русское автономное масонство», для чего им было открыто несколько «дочерних» лож — «Три северные звезды», (преобразованная позднее в ложу «Кубического Камня»), «Пылающий Лев», «Дельфин» и «Золотой Колос». Опираясь на эти ложи, Астромов вскоре открыл «Великую ложу Астрей» и её филиал в Москве — ложу «Гармония», которую возглавил ранее исключённый Мёбесом из ордена С. В. Полисадов¹⁶. Членами этих лож, как правило, были представители старой интеллигенции — юристы, студенты, музыканты, артисты (напр., известный позднее кинорежиссёр С. Д. Васильев), преподаватели и просто домохозяйки, выбитые обстоятельствами из жизненной колеи, бегущие от одиночества и пр.

Орден мартинезистов Мёбеса и Нестеровой являлся, по существу, эзотерической школой — с жёсткой дисциплиной, контролем над личной жизнью входивших в орден, разработанной обрядностью и циклами лекций. Одновременно на заседаниях ложи проводились эксперименты по телепатии и психометрии, однако на самом низком дилетантском уровне. В члены ордена принимались лица обоего пола, а общее их количество одновременно достигало нескольких

¹³ Ленинградские масоны и ОГПУ: документы из архива КГБ СССР. Публикация В. С. Брачёва. // Русское прошлое, кн. 1, 1991, с. 252-279; Петербургские мартинисты 1910-1925 годов. Документы Архива Министерства безопасности Российской Федерации. Публикация В. С. Брачёва. // Отечественная история, 1993, № 3, с. 177-192.

¹⁴ Архив УФСБ РФ по АО, № 12517, л. 194 об.

¹⁵ Петербургские мартинисты..., с. 192.

¹⁶ Архив УФСБ РФ по АО, № 12517, лл. 43 об, 44 об, 51 об и др.

БИБЛИОТЕЧКА «АПОКРИФА»

десятков человек. В «Русском автономном масонстве» Астромова регулярные занятия отсутствовали, заседания собирались от случая к случаю, а сама деятельность лож носила, если можно так выразиться, декоративный характер. Обо всём этом достаточно подробно рассказывает в своих публикациях В. С. Брачев, освобождая меня от необходимости их повторять.

Широкие аресты в среде ленинградских масонов — сначала членов лож Астромова, а затем и Мёбеса-Нестеровой — были предопределены предшествующими тесными контактами Астромова с органами ОГПУ в Москве и в Ленинграде, когда, в попытках найти компромисс с советской властью, будучи уже взят под наблюдение и предупреждённый о том С. В. Полисадовым, Астромов предложил ОГПУ проект легализации масонства и даже пошёл на внедрение в свои ложи негласных сотрудников органов. Последнее, однако, не помогло, тем более что в ОГПУ сменилось руководство, и Астромов, давший уже согласие на сотрудничество с органами и освещение масонской деятельности, был вместе с Мёбесом и рядом других масонов сослан на Соловки¹⁷.

Одновременно с арестами среди ленинградских масонов, в Москве был арестован С. В. Полисадов¹⁸, с ведома Астромова согласившийся на секретное сотрудничество с органами. Что касается других членов ложи «Гармония», то часть их (П. М. Кейзер, М. Г. Попов) была арестована позднее, и в 1930 г. проходила по делу «Русского национального союза» в качестве участников «повстанческой контрреволюционной офицерской организации», в результате чего все они тогда же были расстреляны¹⁹.

По всей видимости, ложа Полисадова была не единственной масонской ложей в Москве. Из частично сохранившейся в следственном деле переписки Полисадова с Астромовым следует, что помимо ложи «Гармония» в Москве в послереволюционный период существовали и другие масонские (в частности, мартинистские) ложи²⁰, однако об их составе и судьбе пока ничего не известно. В этих же письмах всплывают имена некоторых масонов, принявших посвящение в эмиграции за границей, а в то время работавших на ответственных постах в советском аппарате (напр., В. И. Забрежнев, впоследствии неоднократно репрессированный).

Вскоре после дела ленинградских масонов в Москве, в 1927 г., прошли обширные аресты по делу оккультного ордена «Эмеш редивнус»²¹, во главе которого стояли метеоролог В. К. Чеховский и оккультист Е. К. Тегер. Последний был хорошо известен мистикам Москвы и Ленинграда как по своим интересам, так и по родственным связям с М. И. Сизовым — антропософом, тамплиером, розенкрейцером, — на сестре которого одно время он был женат. Задачей этой организации, объединявшей, с одной стороны, молодёжь, а с другой — не подозревавшую о существовании ордена научную общественность Москвы, была разработка двух программ. Первая из них, легальная, выполнявшаяся в тесном взаимодействии с Институтом мозга Академии наук СССР, ставила своей задачей добиться практического приёма и передачи мыслей на расстоянии, тогда как другая, тайная, была направлена исключительно на овладение оккультными методами господства над стихийными духами, «элементалями». Орден был глубоко конспирирован, а опыты под видом научных разработок производились в подвале дома на Малой Лубянке в непосредственной близости от расстрельных подвалов ОГПУ для уловления «элементалей», слетающихся на кровь жертв. Там же велись с посвящёнными регулярные занятия по оккультизму.

¹⁷ ЦА ФСК РФ, Р-39775, л. 38.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ЦА ФСК РФ, Р-40164, т. 2. Постановление КОПУ от 13. 8. 1930 г.

²⁰ Архив УФСК по ЛО, № 12517, л. 583.

²¹ ЦА ФСК РФ, Н-5003, 1928 г.

В феврале 1928 г. орден был случайно раскрыт, его члены приговорены к заключению и высылкам, а сам Чеховский, отправленный на Соловки, вскоре был расстрелян за активное участие в подготовке группового побега заключённых²².

Гораздо более широкие и глубокие задачи ставили перед собой московские розенкрейцеры. В отличие от масонов, ограничившихся лишь оккультной обрядовостью, розенкрейцеры, подобно оккультистам, пытались воздействовать на силы природы магическим путём. Общеизвестным главой московских розенкрейцеров разных направлений в первой половине 20-х гг. был В. А. Шмаков, известный теоретик, автор фундаментальных трудов по арканологии и пневматологии. В его доме (и вокруг него) собирались вплоть до его отъезда за границу в августе 1924 г. представители самых различных мистических течений и взглядов, среди которых были, например, П. А. Флоренский, интересовавшийся тогда практической магией, уже упоминавшийся А. Н. Семигановский, историк искусства А. А. Сидоров, имевший не только масонское посвящение высокого градуса, но и высокие степени в Орденах розенкрейцеров и Ордена тамплиеров, а также ряд других лиц, сыгравших позднее роль в передаче оккультной преемственности в последующие десятилетия (напр., М. И. Сизов, Д. С. Недович, М. Д. Асикритов)²³.

В этом окружении Шмакова наиболее примечательной фигурой был В. В. Белюстин, которого, по его словам, Шмаков очень скоро признал своим преемником, поручив ему вести занятия по теоретическому оккультизму. Именно тогда Белюстиным были заложены основы московского Ордена розенкрейцеров (манихейстов), иначе именовавших себя «орионийцами»²⁴.

В состав этого, крайне ограниченного Ордена (не более двух десятков человек) входили представители и других мистических течений — тамплиеры (М. В. Дорогова, Ф. П. Верёвин), масоны (А. А. Сидоров), антропософы (Н. Б. Вургафт, М. И. Сизов) и пр., что способствовало распространению идей и обращению в кружках мистической литературы, пополнявшейся за счёт как собственных сочинений розенкрейцеров, так и их переводов с древних и новых языков. Кружок орионийцев со своими занятиями просуществовал до весны 1933 г., когда члены его были арестованы, но через 2-3 месяца почти все, дав подписку о сотрудничестве с органами, были освобождены. Любопытно отметить, что в 1925 г., незадолго до своего ареста, Астромов разыскал в Москве Белюстина и настойчиво приглашал его взять «патронаж» над «Русским автономным масонством» в плане практики оккультизма.

Другой, гораздо более известной и яркой, но зато и менее серьёзной фигурой московского розенкрейцества, был небезызвестный Б. М. Зубакин, которому посвящена недавно вышедшая книга А. И. Немировского и В. И. Уколовой, наполненная рекордным количеством фактических ошибок и огрехов²⁵. Основанная ещё в 1914 г. под Петроградом ложа «Lux astralis», неоднократно возрождавшаяся Зубакиным по причине ухода её членов, представляла не столько орден, сколько общину мистиков со своими обрядами, которые насаждал в своей учительской и проповеднической деятельности Зубакин, именовавший себя «епископом Богори Вторым». Её дочерние кружки существовали в Смоленске, Ленинграде, но серьёзного влияния на окружающих не имели, представляя собой маленькую, бездействующую секту, в особенности после высылки Зубакина в 1929 г. в Архангельск. В дальнейшем «ложа» состояла из нескольких «верных» (среди которых была недавно скончавшаяся А. И. Цветаева), и закончила своё существование в 1937 г. в связи с арестом Зубакина и всех её членов.

²² 14. 9. 1929 г. Архив УФСК РФ по Архангельской обл., П-13969, лл. 390-395.

²³ ЦА ФСК РФ, Р-23618, л. 421-423.

²⁴ ЦА ФСК РФ, Р-35656, лл. 57об-58об. См. в настоящем сборнике очерк «Московский Сен-Жермен».

²⁵ *Немировский А. И., Уколова В. И.* Свет звёзд или последний русский розенкрейцер. — М., «Прогресс», 1995.

Сейчас трудно утверждать, но какое-то влияние во второй половине 20-х гг. Зубакин, по-видимому, оказал на группу рериховских последователей «Амаравалла», во главе которой стояла артистка В. Н. Пшесецкая (Руна), а в числе участников — художник Б. А. Смирнов-Русецкий, примыкавший в конце 30-х гг. к остаткам московских тамплиеров и розенкрейцеров²⁶. В качестве курьёза можно заметить, что в августе 1920 г. при очередной попытке возрождения ложи в Минске, Зубакиным был принят в ложу совсем молодой тогда С. М. Эйзенштейн²⁷.

Значительно большим размахом и целенаправленностью своей деятельности отличалось движение тамплиеров, оформившееся как Восточный отряд Ордена в 1920 г.²⁸ Его основателем стал А. А. Карелин, теоретик анархизма, вернувшийся в Россию из эмиграции в 1917 г. В отличие от предыдущих орденов и обществ, тяготевших к оккультизму и магии, движение тамплиеров носило ярко выраженный гностический характер, о чём свидетельствует дошедший до нас корпус орденских легенд и воспоминания участников многочисленных «рыцарских» кружков. В отличие от других орденов, тамплиерство ставило перед собой две основные задачи: 1) работу над собой как путь служения обществу и человеку, и 2) совмещение пути мистического и научного познания мира как борьбу света знания с тьмой невежества. Основой для первого служило евангельское христианство, для второго — попытка соединения древнего гнозиса с современным научным познанием мира. Соответственно, эти две задачи определяли и состав участников движения, от которых требовались не только определённые морально-этические качества, но ещё и достаточно высокое общее образование и культура.

В истории российского тамплиерства сейчас можно наметить несколько периодов. Первый из них приходится на 1919-1923 гг. и связан с работой самого Карелина, готовившего на многочисленных занятиях и беседах руководящие кадры Ордена, в первую очередь из театральной среды (актёры, режиссёры), литераторов, научных работников, преподавателей вузов, художников и т. п. Среди них можно назвать таких известных режиссёров, как Ю. А. Завадский, Р. Н. Симонов, В. С. Смышляев, актёров — М. А. Чехова, композитора С. А. Кондратьева, литераторов — П. А. Аренского, Г. П. Шторма, искусствоведа А. А. Сидорова и др. Одновременно в этом же кругу Карелина мы обнаруживаем молодых антропософов — М. Н. Жемчужникову, М. И. Сизова, М. В. Дорогову (двое последних состояли и в Ордене орионийцев), преподавателей московских вузов — А. А. Солоновича, Е. К. Бренева, С. Р. Ляпука.

Второй период можно отсчитывать с конца 1923 г., когда возникают и получают широкое распространение «дочерние» организации Ордена тамплиеров — «Орден Света» и «Храм Искусств» (Москва), «Орден Духа» (Нижний Новгород), создаются орденские кружки в среде студенческой молодёжи, орденские организации в Ленинграде, Свердловске, на Северном Кавказе, в Ташкенте и Батуме. В это время идёт активное распространение орденского «самиздата» в виде лекций, читаемых в кружках, орденских легенд, многочисленных переводов и оригинальных статей, публикуемых в зарубежных изданиях анархистского направления. Основными «площадками», на которых велась работа, были Государственный институт слова (ГИС), Институт востоковедения им. Нариманова, МВТУ им. Баумана, Государственная академия художественных наук (ГАХН), Белорусская государственная драматическая студия в Москве, Студия Ю. Завадского, в какой-то мере Театр им. Евгения Вахтангова, а также Музей П. А. Кропоткина, Вегетарианская столовая и Толстовское общество.

²⁶ ЦД ФСРР, Р-35485.

²⁷ *Немировский А. И., Уколова В. И.* Указ. соч., с. 117. Подробнее об этом см.: *Никитин А. А.* Московский дебют С. Эйзенштейна. — М., 1996, с. 37-45.

²⁸ Подробнее об Ордене тамплиеров см.: *Никитин А. А.* Тамплиеры в Москве. // Наука и религия, 1992, №№ 4-12; 1993, №№ 1-4, 6—7, и другие очерки данного сборника.

Концом второго периода был 1930 г., за лето и осень которого прошли массовые аресты тамплиеров, приговорённых ОСО ОГПУ к различным срокам политизолятор, концлагерей и ссылок. Вообще, этот год можно считать переломным моментом в истории большинства мистических обществ и организаций в России. Вместе с тем, для тамплиерского движения он отмечает начало третьего периода, когда идеи тамплиерства распространяются почти исключительно в среде научной интеллигенции — востоковедов, математиков, метеорологов, биофизиков и т. п., завоёвывая себе новых адептов. Среди них можно назвать М. А. Лорис-Меликова, А. А. Синягина, Ю. К. Щюцкого, Ф. Б. Ростопчина, Г. В. Гориневского. Большая их часть не смогли пережить 1937-1938 годы, когда, одновременно с уничтожением партийной оппозиции, происходило физическое уничтожение тамплиеров (анархо-мистиков), представленных следствием в качестве деятелей контрреволюционного анархоподполья. Такая судьба постигла А. А. и А. О. Солоновичей, Д. А. Бема, Е. К. Бренева, Ю. К. Щюцкого, А. А. Синягина и многих других. Одновременно был расстрелян Б. М. Зубакин со своими ближайшими сподвижниками и многие другие мистики, не подписавшие соглашения о секретном сотрудничестве с органами ОГПУ-НКВД, проходившие по более ранним делам, теперь возобновлёнными повторно.

Дальнейшая история мистического движения в России этих направлений принадлежит уже следующей эпохе и выходит за рамки данного обзора.

Анархисты и мистики Кропоткинского музея²⁹

Осенью 1928 г. в сентябрьском номере парижского журнала «Дело труда» появилось обращение «К анархистам!». Подписанное восемнадцатью именами, среди которых были столь известные, как А. А. Боровой, Ан. Андреев, В. В. Бармаш, Н. И. Рогдаев и В. С. Худолей, оно произвело на зарубежного русского читателя впечатление разорвавшейся бомбы. В крайне резких выражениях, переходящих в брань, авторы рисовали ситуацию, сложившуюся в Кропоткинском музее в Москве по отношению к истинным приверженцам анархической идеи. Свой уход из Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина они объясняли засильем в Анархической секции Комитета анархо-мистиков, «отвратительного нарыва на анархизме», которые создали в музее «атмосферу грязного зловонного болота»³⁰.

Начиная с этого момента на протяжении полутора лет из номера в номер журнал печатал подборку материалов, состоявших в основном из групповых заявлений лиц, подписавших первое обращение, откликов, написанных в его поддержку, и столь же категоричных статей и заметок, принадлежавших редактору журнала П. Аршинову, известного в прошлом как историка махновского движения на Украине и личного секретаря Н. И. Махно. Материалы эти «разоблачали» деятельность Кропоткинского Комитета во главе с В. Н. Фигнер и С. Г. Кропоткиной, вдовой революционера, и были направлены против председателя Анархической секции Комитета — А. А. Солоновича, которого обвиняли в подпольной антисоветской деятельности, в фашизме, монархизме и прочих смертных грехах.

Конец скандальной истории нетрудно было предугадать. К началу 1931 г. все скольконибудь видные и активно работавшие анархисты как нападавшей, так и защищавшейся сторон, оказались в концлагерях, политизоляторах и в ссылке; редакция «Дела труда» вынуждена была перебраться из Парижа в Чикаго уже без П. Аршинова, который, к конфузу его сторонников, оказался агентом ОГПУ³¹; Музей Кропоткина испытал ряд жестоких ударов со стороны этого учреждения, а сам анархизм, как политическое, идейное (и философское) течение, фактически прекратил своё существование. Оставалось лишь сначала изолировать, а затем и ликвидировать его последних приверженцев в России, что и было с успехом выполнено к 1938 г.

Таким образом, в отношении своей направленности и подоплёки эти события для историка особенной загадки не представляют. Однако исследователя больше интересует не конечный результат, а тот процесс, который к такому результату приводит. Между тем, названные выше события не получили никакого освещения в специальной литературе и оказались выпавшими из поля зрения историков, как, впрочем, и всё анарходвижение 20-х гг.

²⁹ Работа публиковалась в других редакциях и под другими названиями: Заключительный этап анархистской мысли в России. // Вопросы философии, 1991, № 8, с. 89-101; К событиям 20-х гг. вокруг Кропоткинского Музея, // Труды Комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. — М., 1992. — С. 82-123. См. также: Никитин А. А. Анархо-мистики Кропоткинского Музея и масонство. // Труды Международной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения П. А. Кропоткина, вып. 1. — М., 1995, с. 136—144.

³⁰ «Дело Труда», Париж, №№ 39-40, 1929 г., с. 21.

³¹ См.: Дельта. Кандидат в чекисты. // Пробуждение, Детройт, № 21-22, 1932 г., с. 34. В этом плане любопытна попытка Н. И. Махно, финансировавшего и поддерживавшего Аршинова в его напаках на московских анархо-мистиков, на газету «Рассвет» и на журнал «Пробуждение», отмежеваться от своего ставленника в том же самом журнале, на который они вместе нападали: «Аршинов — человек тщеславный и властолюбивый. Мало заметная фигура в анархическом движении России и совсем незаметная в революции, по крайней мере до 1919 г., пока махновцы не вытянули его из московского безделья в это время и не толкнули его в бурю революционной практики... А далее, благодаря тому, что я предоставил ему за год и пять месяцев копию моего и моей подруги дневника, а также большие денежные средства, Аршинов с ними отлучился из движения и написал книгу «История Махновского движения». (Н. Махно. Чикагский Прогрессивный Клуб и Аршинов. // Пробуждение, № 23-27, 1932 г., с. 57-58).

прошлого века, о котором мы имеем поверхностное, к тому же превратное представление. Последнее объясняет, почему даже в редких работах, авторы которых касались событий, связанных с анархизмом и Кропоткинским музеем, оценка и понимание происходившего оказываются далеки от действительности, а сами события сводятся, в основном, к борьбе фракций и групп за главенство в движении³².

В настоящее время положение изменилось и в отношении источников, открывающихся для исследователя, и в возможности нового подхода к событиям указанного периода в целом. Сейчас мы начинаем понимать, что 20-е годы прошлого столетия воспринимались нами лишь одной какой-то своей стороной, в силу тех или иных причин получавшей определённое освещение и оценку, как, например, борьба личностей внутри правящей партии (к чему до сих пор приковано внимание историков и публикаторов последних лет), становление советского кинематографа, театрального искусства, литературы, поисков в области архитектуры и изобразительного искусства, наконец, политики по отношению к деревне.

Между тем, каждое из названных явлений при внимательном рассмотрении оказывается всего только одним аспектом генерального процесса, начавшегося в ноябре 1917 г. и завершённого в своих основных чертах к декабрю 1930 г. — напряжённого процесса сложения экономической и политической структуры тоталитарного государства «нового типа», не имевшего аналогов в истории. Процесс этот, программа которого была подробно изложена в работе В. И. Ленина «Государство и революция», предусматривал *обязательное уничтожение* прежних общественных институтов, классов, слоёв и всего уклада жизни российского общества, причём уничтожение не только организационное, но, в первую очередь, физическое.

Сейчас мы знаем, сколь чудовищно и грубо проходило уничтожение российской интеллигенции как биологического носителя не советского (т. е. не партийного, не материалистического и не атеистического) сознания в области науки и культуры, да и во всех областях жизни страны. Именно в этот период, закончившийся в 1931 г. и ознаменованный новым «алтарём коммунизма», воздвигнутым над нетленным телом его вождя на Красной площади в Москве, когда репрессии приняли всеобщий характер, завершился разгром и физическая изоляция прежних союзников РСДРП, провозгласившей себя «коммунистической партией». В числе их оказались и анархисты, формально сошедшие с политической арены в 1921 г. после разгрома кронштадтского мятежа, но какое-то время ещё терпимые полулегально при условии их отказа от всякой политической деятельности.

Что представляло собой анархическое движение в это последнее своё десятилетие? Внятно ответить на вопрос не сможет сейчас ни один историк как по отсутствию материалов, так и в силу неопределённости движения, которое, как известно, никогда не выступало со сколько-нибудь чёткими программными документами, избегая создания явных организационных структур. Определяемое в собственной среде расплывчатым понятием «безвластники», анархистское движение складывалось из множества взглядов, волей, стремлений и характеров индивидуальностей, которые на протяжении своей жизни весьма радикально эволюционировали под воздействием политической обстановки, окружения и приобретённого опыта.

Действительно, спектр взглядов анархистов на общество и государство всегда был очень широк — от «безначальцев» с их программой «немотивированного террора» до «мирных анархистов» (толстовцев), отрицавших какое-либо насилие над личностью (кроме самозащиты) и потому шедших как бы по стопам первых христиан. Между этими крайностями можно найти

³² Напр., *Каше С. Н.* Октябрьская революция и крах анархизма. — М., 1974, с. 397-399 и др.

множество различных взглядов и устремлений, которые не поддаются учёту, что признавали и сами анархисты.

И всё же в этом широчайшем движении, не сливавшемся воедино, а, скорее, распадавшемся на множество потоков и ручейков, можно выделить три направления, которые оказываются решающими в выборе личного пути: 1) стремление к абсолютной свободе действий личности против общества (террор, экспроприация, бунт), 2) стремление к освобождению труда от ига предпринимателя и капитала (синдикалистское и кооперативное движения) и 3) стремление к освобождению личности от идеологического пресса общества и государства в плане её духовного развития и нравственного самоусовершенствования.

Вглядываясь в историю анархического движения, активно выступившего на арену политической жизни Европы в середине XIX века, можно заметить, что хотя все три направления сосуществуют одновременно в начале XX века, на самом деле они отмечают три этапа эволюции анархической идеи в общен историческом процессе — от бунта индивидуальности против складывающегося капиталистического общества к обретению личностью своего места и своих задач в условиях демократического государства.

Стоит отметить, что склонность к тому или иному из этих направлений оказывается в прямой зависимости от возраста, образованности и интеллекта человека, увлечённого идеей «свободы», поскольку каждое из них соответствует основным устремлениям развивающейся личности, последовательно переходящей от юности (с её бунтом против всех и вся в попытке самопознания и самоутверждения) к зрелости физической, когда индивидуум достигает равновесия с окружающим миром и приступает к реализации и приумножению достигнутого — рука об руку с такими же, как он, индивидуальностями, и, наконец, к возрасту духовной зрелости, когда человек обращается к прожитому и задаётся вопросом — для чего же он жил и трудился?

Вряд ли нужно подкреплять эту аксиому историческими примерами, в том числе примерами эволюции самих революционеров, доживших до преклонного возраста и оставивших нам собственноручные свидетельства изменения своих взглядов — от декабристов до народовольцев³³. Напомнить же об этом стоит хотя бы потому, что на период 20-х гг. как раз приходится завершающий этап развития анархической (акратической) идеи не только в СССР, но и во всём мире, — факт огромной важности для правильного понимания событий, о которых пойдёт речь ниже.

Только события эти начались не в 1928 г., как можно решить на основании хронологии публикаций в журнале «Дело труда», а в феврале 1921 г., буквально через несколько дней после смерти П. А. Кропоткина в г. Дмитрове под Москвой.

Основанием для такого утверждения служат документы, переданные в 1925 г. анархистом А. М. Атабекиным А. А. Боровому и сохранившиеся в фонде последнего в Российском государственном архиве литературы и искусства³⁴. Недавно открытые для исследователей, они представляют безусловный интерес, поскольку вводят в самую суть происходившего и состоят из: 1) копии письма А. Атабекина от 11. 3. 25 г. С. Г. Кропоткиной с объяснением ряда обстоятельств, 2) «Открытого письма А. А. Боровому» группы анархистов с порицанием его позиции по отношению к конфликту в Кропоткинском Комитете, 3) «Краткой истории Кропоткинского музея», изложенной «для революционного общественного мнения» и датированной 10. 5. 25 г., и 4) «Публичного заявления», которое появилось на страницах

³³ Напр., *Беляев А.* Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. СПб, 1882; *Тихомиров Л.* Воспоминания. — М. — Л., 1927 и др.

³⁴ РГАЛИ, ф. 1023, оп. 1, ед. хр. 1044, лл. 1-33.

арпиновского «Дела Труда» только в феврале 1929 г., в котором действия дирекции музея в апреле 1925 г. объявлялись «политическим доносом» на Анархическую секцию Комитета.

Этот комплекс документов оказывается чрезвычайно важен, поскольку, с одной стороны, излагает точку зрения Атабекяна, человека достаточно известного в анархическом движении³⁵, но, как видно, чересчур экспансивного, а с другой — позволяет проследить развитие конфликтной ситуации там, где ранее опубликованные документы её затушёвывают или просто обходят.

По Атабекяну картина рисуется следующая.

Через неделю после смерти П. А. Кропоткина — 15. 2. 21 г. — пленум Моссовета принял ряд решений по увековечению памяти умершего, в том числе о передаче дома № 26 по Штатному переулку в Москве (ныне пер. Кропоткина) под Музей им. Кропоткина. «Каму?» — задаётся вопросом Атабекян и сам себе отвечает: *«Идейным последователям Кропоткина... Комитету по похоронам, состоявшему сплошь из анархистов за исключением одного представителя семьи...»* Поэтому, вскоре после похорон Кропоткина, было созвано общее собрание представителей, живших в Москве и приехавших на похороны анархистов, которое избрало «Комитет памяти П. А. Кропоткина». В этот Комитет вошёл представитель семьи по похоронам географ Н. К. Лебедев, и «из чувства деликатности к семье покойного» в него была избрана вместе с другими и вдова, С. Г. Кропоткина.

Далее оказывается, что, согласившись с избранием, на одном из первых же заседаний С. Г. Кропоткина решительно воспротивилась составу Комитета только из идейных последователей её покойного мужа и потребовала коренной реорганизации Комитета и привлечения в него представителей научных, литературных, художественных, музыкальных, кооперативных и иных общественных организаций с подразделением Комитета на четыре секции: естественнонаучную и географическую, общественно-экономическую, литературно-художественную и анархическую. Для чего? Атабекян полагал, что *«чуждой духу учения своего мужа»* вдове *«нужно было привлечь умеренные, выхолощенные, далёкие от революционного темперамента Кропоткина политически бесцветные или исторически изжитые элементы, чтобы числом этих группировок оттеснить подлинных его последователей. Оставшись в Комитете в единственном числе, не считая её сателлита Н. К. Лебедева, она... нашла допустимым завладеть печатью не ею созданного Комитета и решительно объявила, что под тем же названием она образует свой Комитет»*³⁶.

Последующая «история Кропоткинского музея» в изложении Атабекяна предстаёт историей «ловкой вдовы», заселявшей родовой особняк Кропоткиных «чуждыми элементами». Среди последних он называл, например, П. А. Пальчинского, которого именовал не иначе как *«начальником полицейской охраны Зимнего Дворца при Временном правительстве»*, М. П. Шебалина, *«ненавидящего как анархизм, так и самих анархистов»*, и других, не менее крупных научных и общественных деятелей. Наоборот, Анархическую секцию нового Кропоткинского Комитета, в которую вошёл сам Атабекян, он охарактеризовал как единственный оплот идейного анархизма, неустанно боровшегося против Исполнительного бюро Комитета и Музея.

Такая расстановка сил, по его словам, и подготовила решающий конфликт в марте 1925 г., однако, что его конкретно вызвало, из письма Атабекяна Кропоткиной трудно понять. Можно только заключить, что виновниками его была как сама вдова, занимавшая пост почётной председательницы Комитета и члена Исполнительного бюро, так и знаменитая шпильсбуржанка В. Н. Фигнер, действительная председательница Комитета, а так же ряд лиц из их ближайшего окружения, по имени Атабекяном не названных. Вместе с тем он признавал,

³⁵ О нём см.: Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. — М., 1993, с. 26—27.

³⁶ РГАЛИ, ф. 1023, оп. 1, ед. хр. 1044, л. 11.

что дело заключалось отнюдь не в личностях, а «в *том направлении, которое принимает работа в музее и вокруг музея*». Вот почему он предлагал С. Г. Кропоткиной вообще уйти из музея и Комитета, переехав в дмитровский дом, взяв всё то, что ей особенно ценно, как семейные реликвии³⁷.

Каков был ответа адресата автору письма — неизвестно, но дальнейшие события, по Атабекину, разворачивались следующим образом.

Чтобы окончательно выдворить Анархическую секцию из музея и прекратить её заседания, носившие регулярный характер, Кропоткинский Комитет совместно с дирекцией музея решили закрыть последний на ремонт на три месяца и по этому поводу 5. 4. 25 г. было созвано общее собрание Комитета, на котором В. Н. Фигнер передала председательствование П. А. Пальчинскому, своему заместителю. Атабекян и члены Анархической секции, сочтя это прямым вызовом, демонстративно ушли в другую комнату и приняли резолюцию: не подчиняться решению Комитета и продолжать свои еженедельные собрания в Музее.

Первое из них произошло, как можно думать, 19. 4. 25 г. Отколовшаяся группа членов Анархической секции «беспрепятственно» прошла в зал библиотеки-читальни, куда потом спустился заведующий музеем М. П. Шебалин, напомнив о недопустимости таких собраний, но на него не обратили внимания. Второе заседание было назначено на 26. 4. 25 г., и здесь произошёл скандал. Собравшиеся перед музеем члены секции обнаружили дверь на цепочке и проникнуть в здание им удалось только силой. Чтобы освободить от собравшихся зал библиотеки-читальни, М. П. Шебалину — с ведома С. Г. Кропоткиной — пришлось обратиться к помощи милиции, после чего собравшиеся были переписаны и отправлены по домам³⁸.

Ситуация, скажем прямо, не простая. Однако, прежде чем разделить возмущение Атабекиана, попробуем разобраться в происшедшем, используя тот «исторический фон», о котором я упомянул выше. Другими словами, вернёмся к истокам конфликта в феврале 1921 г., чтобы выслушать и другую сторону, представленную, к счастью, тогда же опубликованными материалами, точность которых никто сомнению не подвергал.

События, последовавшие за смертью П. А. Кропоткина 8. 2. 21 г., поначалу развивались сходным с изложенным Атабекином образом. Временная комиссия по устройству похорон П. А. Кропоткина из представителей различных анархических организаций Москвы и Н. К. Лебедева наметила кандидатов в члены будущего Комитета по увековечению памяти Кропоткина, и 17. 2. 21 г. на собрании этих организаций был избран новый Комитет из 8 человек с участием вдовы и дочери покойного. Но поскольку Комитет собирался быть узкофракционным, решительно отмежевываясь от каких бы то ни было других общественных организаций, С. Г. Кропоткина и Н. К. Лебедев отказались в нём участвовать и вышли, чтобы образовать другой, не анархический, а *общественный* Комитет³⁹. Что же касается «печати», то её упоминание лежит на совести Атабекиана, поскольку её просто не было.

Через полтора месяца, 28. 3. 21 г., состоялось первое заседание образованной С. Г. Кропоткиной «Комиссии по вопросу о чествовании памяти П. А. Кропоткина», в которой были представлены как анархисты, так и общественные организации. Подобная инициативная группа была создана и в Петрограде, где 1. 6. 21 г. в Доме учёных собрались для решения этого вопроса президент Российской Академии наук А. П. Карпинский, директор Геологического Комитета А. Н. Рябинин, директор Горного института Д. И. Мушкетов, председатель Русского Технического общества П. А. Пальчинский, ректор Технологического института и председатель Ассоциации инженеров Д. С. Зернов, заместитель председателя Общества изучения Революции М. В.

³⁷ Там же, л. 1.

³⁸ Там же, лл. 24-27.

³⁹ Памяти Петра Алексеевича Кропоткина. Сборник статей. — Пг. — М., 1922, с. 11—12.

Новорусский, председатель Отделения географии, метеорологии и физики Русского географического общества А. П. Герасимов, профессор Географического института Я. С. Эдельштейн, историк литературы П. Е. Щёголев, О. Ф. Малявкин и В. И. Бауман. Им был сформирован Петроградский Комитет по увековечению памяти П. А. Кропоткина в составе М. В. Новорусского, Д. С. Зернова, П. А. Пальчинского, представлявших свои институты и общества, П. Е. Щёголева, представлявшего редакцию журнала «Былое», С. Ф. Малявкина, представлявшего Институт изучения «Поверхность и недра», и В. И. Баумана, представлявшего Народный университет имени А. И. Лутугина.

20. 6. 21 г. в Москве на совместном заседании этих двух Комитетов была образована новая инициативная группа по созданию центрального Комитета, в которую вошли: С. Г. Кропоткина, В. Н. Фигнер, П. А. Пальчинский, Н. К. Лебедев, Н. К. Муравьёв, А. А. Карелин и А. М. Атабекян. Она и обратилась к организациям и группам с приглашением присылать в Комитет своих представителей.

Первое организационное собрание состоялось 18. 9. 21 г., когда, наконец, и был образован «Всероссийский Общественный Комитет по увековечению памяти П. А. Кропоткина», в который, как было отмечено, *«могут входить все анархические, общественные, научные и научно-технические организации и группы, которые этого пожелают, задачи и деятельность которых не противоречат основным идеям и принципам покойного П. А. Кропоткина»*⁴⁰. На втором заседании 6. 11. 21 г. было избрано Исполнительное Бюро Комитета в составе С. Г. Кропоткиной (почётная председательница), В. Н. Фигнер (председательница), Н. К. Лебедева (секретарь) и П. А. Пальчинского, А. А. Карелина и Н. К. Муравьёва.

Как можно из этого видеть, с первой минуты задачей С. Г. Кропоткиной было создать общественный, а не анархический Комитет по увековечению памяти мужа, чтобы будущий музей стал не одной из многих фракционных, узко политических организаций, судьба которых к 1921 г. была уже предрешена, не новым центром анархической деятельности, чего так желали анархисты, а новым культурным центром Москвы. Вряд ли я ошибусь, предположив, вопреки яростному утверждению Атабекяна, что С. Г. Кропоткина не только полностью разделяла идеи своего покойного мужа, но и лучше кого-либо знала о них, наблюдая их эволюцию на протяжении долгой совместной жизни. Подобно многим другим, она видела в личности П. А. Кропоткина не только анархиста и даже не преимущественно анархиста, а широко мыслящего исследователя, философа, естествоиспытателя, у которого анархистами был взят (и препарирован под специфическим углом зрения) только определённый круг идей.

Подобно большинству революционеров, в массе своей анархисты были людьми невысокой культуры; эрудиция и просто образованность встречались среди них не часто, что признавали и они сами. В этом плане весьма поучительно сравнить нападки Атабекяна на С. Г. Кропоткину и её научное окружение с тем, как он — в силу неспособности понять и оценить — отрицает научные заслуги самого Кропоткина, обвиняя, например, Н. К. Лебедева в их *«преувеличении»*, в результате чего тот, якобы, *«делает из Кропоткина смешную фигуру»*⁴¹. Столь же предвзяты были и нападки его соратников на руководство Кропоткинского Комитета и Музея, не скрывавших неприязнь и прямую враждебность к интеллигенции, в чём анархисты из рабочих полностью сходились с большевиками.

Опровергать эти нападки не имеет смысла, как и вспоминать общеизвестные заслуги П. А. Кропоткина перед мировой наукой в познании Земли и происходящих на ней процессов, в истории общественной и философской мысли, в разработке вопросов политической экономии.

⁴⁰ Там же, с. 12.

⁴¹ Атабекян Ал. Об одной новой биографии Кропоткина. // Рассвет, Чикаго-Детройт, № 486, 22. 12. 25, с. 2.

Гарантом высокой оценки его научного наследия может служить состав инициативной группы, собравшейся, как я уже писал, в Петрограде 1. 6. 21 г. и представлявшей цвет тогдашней русской науки. По мысли С. Г. Кропоткиной, музей, организованный и курируемый таким Комитетом, должен был не столько «пропагандировать идеи» революционера, сколько способствовать сохранению и изучению его научного и литературного наследия, будучи одновременно музеем истории революционного движения в России. Только такая постановка вопроса могла вызвать к жизни новый культурный центр и сохранить его в условиях жесточайшего административного и идеологического прессы, направленного в те годы на «введение единомыслия в России». Интересы дела требовали полного отказа от какой-либо политической окраски как Музея, так и Комитета. Это хорошо показали зарубежные комитеты, созданные по инициативе русского, но состоявшие отнюдь не из анархистов только, а из представителей самых различных партий и общественных организаций, для которых анархизм Кропоткина был не самой существенной его заслугой перед человечеством.

С таких позиций конфликт между А. М. Атабекиным и С. Г. Кропоткиной, обозначившийся весной 1921 г., оказывался конфликтом не между вдовой общественного деятеля и анархистами, пытавшимися использовать авторитет покойного в своих интересах и целях, а между анархистами и самим П. А. Кропоткиным, который тот должен был почувствовать сразу же по приезде в Россию в июне 1917 г. И этот конфликт, учитывая всё, что нам известно о характере, жизни, поступках, мыслях П. А. Кропоткина, в условиях революции и гражданской войны, в условиях «красного террора» и анархического «беспредела» должен был день ото дня углубляться. Вероятно, когда будут подняты документы, представляющие жизнь семьи Кропоткиных в России с 1917 по 1921 г., нам откроется трагическая страница существования человека, обречённого на закате дней наблюдать чудовищное искажение идей, которым он отдал предшествующую жизнь, при полном бессилии что-либо изменить⁴².

Насколько оправдано столь далеко идущее утверждение? Но вот факты. Всем известно, что вскоре по возвращении в Россию П. А. Кропоткин полностью отошёл от общественной деятельности, прямо отказываясь принимать в ней участие. Всю свою жизнь он оставался теоретиком, а не практиком революции, наблюдая её издалека, «в мирах и веках». Он не слышал взрывов бомб, грохота выстрелов, криков умирающих людей, гибели культурных ценностей и зловещего пламени варварства, которое разом охватывает и сжигает дотла всё, что создавалось на протяжении многих столетий... Кропоткин предпочитал говорить и писать о счастливом будущем, сам жил душою в этом будущем, отмечал в окружающих людях только лучшие их черты, которые готов был распространить и на всех остальных, намеренно не замечая ничего отрицательного. Поэтому столкновение с действительностью, с «русским бунтом», с бандитизмом и жестокостью тех самых анархистов, которые полагали его своим идейным вождём и духовным наставником, должно было вызывать в этом невиннейшем человеке, неспособном зарезать даже курицу к обеду, жесточайшие нравственные муки. Что он мог предпринять? Уехать назад? Корабли были сожжены, его никто бы не выпустил, да и куда он мог теперь уехать, чтобы признаться в ошибочности всего, чему поклонялся сам и учил других?

Единственно, что Кропоткину оставалось — уйти целиком в частную жизнь, надеяться на кооператоров и кооперативное движение и писать об этике.

Последнее тоже не случайно.

В газете «Почин», издававшейся в Москве всё тем же А. М. Атабекиным, в феврале 1922 г. опубликовано письмо к нему Кропоткина от 2. 5. 20 г., в котором последний объясняет своё

⁴² Об этом см. статьи *А. П. Лебедевой, А. А. Назарова, А. В. Бирюкова, Р. Ф. Хохлова* и др. в сборниках «Труды Комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина». Вып. 1 и 2. — М., 1992.

состояние и причины, побудившие его взяться за труд, до сих пор вызывающий удивление своей кажущейся неуместностью:

«...Я взялся за Этику, потому что считаю эту работу безусловно необходимой. Я знаю, что не книги создают направления, а наоборот. Но я знаю также, что для выработки направлений необходима поддержка книг, выражающих основные мысли в обширно разработанной форме. И чтобы положить начало нравственности, свободной от религии и более высокой, чем религиозная, ждущая награды «на том свете», — необходима помощь хорошо разработанных книг. В такой разработке теперь, когда люди бьются между Ницше и Кантом (в действительности, нравственность Канта была религиозная нравственность, сколько она ни прикрывалась «философией»), т. е. между Ницше и христианством, — надобность чувствуется неотложная. Замечательно (я узнал это недавно), что Бакунин, когда, после поражения Коммуны, он удалился в Докарно, почувствовал точно так же эту необходимость выработки новой Этики. Кто-нибудь непременно это сделает. Но надо подготовить почву, и раз мой ум «печёт меня и в этой области искать новых путей, надо это сделать: хоть наметить пути...»⁴³.

П. А. Кропоткин никогда не был «бунтовщиком», каким хотел казаться. Он был человеком восторженным, с гипертрофированным чувством справедливости, которое и толкнуло его «в революцию», как Н.А. Морозова и многих других молодых людей, оказавшихся из-за этого навсегда потерянными для мировой науки и отечественной культуры. Осознать это он смог, по-видимому, только в последние годы жизни, когда его идеалы вдребезги разбились о действительность и перед неутомимым тружеником мысли встал в очередной раз вопрос — что и для чего делать? Собственно говоря, это был третий этап в эволюции самого Кропоткина, полностью отвечающий такому же этапу эволюции самой анархической идеи, о чём было сказано выше. Сам Кропоткин не был бунтовщиком, но он принимал бунт, как порыв к освобождению, и в юности видел для себя неизбежность примкнуть к восставшим или застрелиться, если бы его послали их усмирять. К счастью, этого не произошло⁴⁴. И вся последующая деятельность Кропоткина до возвращения в Россию из эмиграции проходила под знаком второго этапа развития анархического мировоззрения — анализа «несправедливости» и «несвободы» с установлением принципов «справедливости» в будущем, свободном от всякого насилия обществе. Ради этого будущего, ради всеобщей гармонии и благоденствия он и допускал — умозрительно — «одноразовое» насилие, полагая его чем-то вроде кратковременной хирургической операции, о которой сразу же можно забыть.

Насколько легкомысленно (а на самом деле — всего лишь умозрительно) относился Кропоткин в молодости к практическим вопросам установления анархического строя, за несколько десятилетий до русской революции, свидетельствует разговор его с известным народовольцем Л. А. Тихомировым, о чём последний вспоминал в одной из своих книг:

— Допустим, что произойдёт социальная революция, — спросил я Кропоткина. — Что вы сделаете?

— Мы употребим все усилия, чтобы народ брал всё, что ему угодно, и чем больше, тем лучше, и чтобы он не дал организовать никакому правительству.

— Но Коммуна (т. е. Парижская Коммуна. — А. Н.) не допустила грабежа?

— Это была роковая ошибка, погубившая дело. В следующий раз её уже не повторят.

— Но бланкисты, которые такие же социалисты, не замедлят организовать правительство. У них уже и теперь чуть ли не распределены все будущие правительственные должности.

— Мы будем убивать бланкистов, — ответил с раздражением Кропоткин. — Они вреднее всяких буржуа⁴⁵.

⁴³ «Почин», М., 2-я серия, № 3, 1922 г., с. 4-5.

⁴⁴ Дневник С. Г. Кропоткиной. Цит. по: Н. М. Пирумова. Пётр Алексеевич Кропоткин. — М., 1972, с. 48.

⁴⁵ Тихомиров Л. Демократия либеральная и социальная. — М., 1896, с. 73.

Теперь, спустя десятилетия, когда всё это с точностью воплотилось в русской революции, Кропоткин должен был краснеть всякий раз, как ему кто-либо напоминал эти слова.

Больше того, опыт прошедшей жизни показал ему губительность любого вооружённого переворота не только для мировой культуры, но и для самих людей. Изменять общество следовало начинать не с общества, которому приносился в жертву человек, а с самого человека. Как это представлялось «апостолу анархии» на закате его дней — мы, скорее всего, не узнаем. Его работа оборвалась на обзоре мнений предшественников, и, весьма вероятно, что никакой чёткой программы у него так и не сложилось. Но вряд ли можно сомневаться, что к этому моменту Кропоткин уже осознал необходимость перестройки не мира вокруг человека, а самого человека с тем, чтобы он изменил свой взгляд на окружающий мир, познавая его законы и изменяя свою жизнь и свою деятельность в соответствии с их требованиями.

В этом отношении примечательна одна из дневниковых записей П. А. Кропоткина 20. 11. 20 г., опубликованная в 1923 г. в берлинском журнале «Рабочий путь» под заголовком «Что же делать?» и в дальнейшем известная как «политическое завещание» П. А. Кропоткина, где теоретик анархизма писал: *«...Мы переживаем революцию, которая пошла не по тому пути, который мы ей готовили, но не успели достаточно подготовить. Что же делать теперь? Мешать революции? — Нелепо! Поздно. <...> Она творит ужасы. Она разоряет всю страну. Она в своём бешеном остервенении истребляет людей. <...> И мы бессильны пока направить её по другому пути, вплоть до того, как она изживёт себя. <...> А тогда? тогда — роковым образом придёт реакция. <...> Я вижу одно: нужно собирать людей, способных заняться построительной работой среди каждой из своих партий, после того, как революция изживёт свои силы. Нам, анархистам, нужно подобрать ядро честных, преданных, не съедаемых самолубием работников-анархистов. Если такие “собиратели” анархистов найдутся среди товарищей, то я, конечно, готов им помогать...»*⁴⁶

Нет сомнений, что ту же точку зрения разделяла и С. Г. Кропоткина. Она была враждебна не «анархизму», как утверждал со своими соратниками Атабекян, а тому, что «последователи Кропоткина» понимали под анархизмом, то есть в первую очередь политическую деятельность, ставящую их в конфронтацию с советской властью безо всякой надежды на успех. В эту конфронтацию они втягивали и лучшие кадры молодёжи, которая в своём юношеском максимализме продолжала нелегально собираться под чёрные знамёна, тем самым пополняя нескончаемым потоком политизаторов, тюрьмы и далёкую окраинную ссылку.

В этом, на мой взгляд, и заключён был подлинный конфликт между лучшей, наиболее культурной, высоко стоявшей над политическим бытом кучкой теоретиков анархизма, которых всегда было мало, прозревших и понявших причину гибельности идеи в том виде, как она существовала в течение полувека, и теми, кто с упрямством невежества и ограниченностью партийца-фракционера не замечал повернувшегося колеса времени. Ареной же столкновения стал Музей П. А. Кропоткина в начале марта 1925 г., когда на очередном заседании Анархической секции Атабекян прочёл свой реферат о только что выпущенной книжке Н. К. Лебедева, посвящённой Кропоткину.

В документах, сохранившихся в фонде А. А. Борового, Атабекян ни слова не говорит о фактических причинах конфликта, о том, как он разворачивался и почему надо было требовать от вдовы Кропоткина покинуть Москву и Музей. Ответить на этот вопрос и на многие другие, связанные с жизнью России на протяжении второй половины 20-х гг., позволяет ценнейший источник сведений о русском анархическом движении в СССР и за границей, только недавно ставший доступным для исследователей и потому ещё не вошедший в научный оборот. Это

⁴⁶ «Дело Труда», № 20—21, 1927 г., с. 5—6. Цит. по тексту, опубликованному в «Трудах Комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина», вып. 1. — М., 1992, с. 197-198.

газета «Рассвет», орган Российских рабочих организаций Соединённых Штатов Америки и Канады, начавшая выходить в Нью-Йорке с 8. 12. 24 г. Она была возрождена Р. З. Эрмандом, которого для этой цели послал А. А. Карелин, основатель и секретарь Всероссийской Федерации анархистов (и анархистов-коммунистов), человек, о котором подробнее я скажу ниже.

С самого начала, наряду с хроникой жизни в СССР, на страницах газеты публиковались статьи советских авторов, посвящённые анархизму, политической экономии, истории, научным открытиям, советской литературе и, конечно же, советскому быту и политическому положению в СССР. Здесь можно найти также отчёты о собранных и посланных в СССР денежных суммах для помощи Кропоткинскому музею и заключённым анархистам, научные и теоретические статьи московских анархистов — А. А. Карелина, А. А. Солоновича, В. С. Худолея, И. В. Хархардина, А. С. Пастухова и многих других, а с 1928 г. — и полемику с парижским журналом «Дело труда».

В этой газете, в двух декабрьских номерах за 1925 г. была напечатана статья А. М. Атабекияна, посвящённая разбору книги Н. К. Лебедева о Кропоткине, которая, как было отмечено в подзаголовке, была прочитана автором в качестве доклада в марте 1925 г. на заседании Анархической секции Кропоткинского Комитета.

Сравнивая книгу⁴⁷ с отзывом о ней, можно видеть, что Атабекян обрушился на её автора с грубой и несправедливой критикой и столь же непристойными личными выпадами. Сам факт выхода книги о Кропоткине в это трудное время можно посчитать явлением исключительным. Поскольку же издавать её пришлось в Государственном издательстве, вполне естественно, что книге было предпослано соответствующее редакционное предисловие, утверждавшее «спорность» многих взглядов Кропоткина, «утопичность» его идей и т. п. По той же причине в биографии Кропоткина, учёного и общественного деятеля, Лебедев не мог (да и не должен был) уделять анархизму столь большое место, как того желал Атабекян, перечёркивавший все заслуги Кропоткина в науке и полагавший, что с этой стороны автор представляет Кропоткина «в предвзято-преувеличенном, тем самым искажённом и, следовательно, в смешном виде».

Поскольку в книге из 88 страниц 26 были посвящены геологии и географии, рецензент заявлял, что автор «задался сознательной целью затемнить, стусевать, насколько возможно, анархическую сущность всей жизни Петра Алексеевича, не имея возможности совершенно обойти её молчанием», а потому призывал книгу «причислить к разряду жалтурной литературы». Цитируя Лебедева, он с возмущением спрашивал: «Миллионы трудящихся «относятся к нему (т. е. Кропоткину. — А. Н.) с глубоким уважением», но что они поднимаются на эшафот, идут на каторгу, в тюрьму, ссылку и изгнание — об этих «мелочах», о международной борьбе, вдохновлённой Кропоткиным, за раскрепощение человечества от ига капитала и власти, не стоит даже упомянуть?», а протестуя против подчёркивания «гуманизма» Кропоткина требовал «говорить во весь голос» о его призывах «к террору» и к «бодрой революционности»⁴⁸.

Естественно, мимо такого вызывающего выступления ни С. Г. Кропоткина, ни Исполнительное бюро и дирекция Музея пройти не могли. Атабекян бросал вызов им всем, ополчаясь как против личностей, так и против идей, которые вдова революционера считала обязанной проводить в работе Комитета и музея. Именно тогда — до 11. 3. 25 г. — и должно было произойти между ними объяснение, после чего Атабекян послал своё ультимативное и грубое письмо, в котором оказывался видеть в Кропоткине учёного и требовал отдать музей анархистам.

⁴⁷ Атабекян Ал. Указ. соч., с. 2.

⁴⁸ Там же.

За словами о Кропоткине стоял вопрос о судьбе самой анархистской идеи, связываемой в те годы с лозунгом «третьей революции», которая могла бы скинуть диктатуру большевиков, создавших в России обстановку «много хуже, чем при самодержавии», как говорила в своих выступлениях за границей А. П. Кропоткина, дочь революционера. О необходимости «третьей революции» думали и говорили тогда все — анархисты, эсеры, меньшевики, старые политкаторжане, однако — по-разному. В этом плане чрезвычайно показательно появление в газете «Рассвет», именно в марте 1925 г., письма В. Н. Фигнер, написанного, как свидетельствует дата, в самый разгар конфликта Комитета с Атабекиным и его сподвижниками. Если учесть, что Фигнер была не сторонним зрителем, а председателем Комитета, то это её письмо (как и его публикация в зарубежной печати, т. е. минуя коммунистическую цензуру) можно считать изложением взгляда руководства Музея на проблему, из-за которой и разгорелся весь конфликт. Мужественная женщина, пережившая не только заключение в Шлиссельбурге, но и ужасы столь ожидаемой некогда социальной революции в России, отвечала на вопрос — что делать? — поднимавшийся, как видно, постоянно в среде старых революционеров и рвавшейся «к делу» молодёжи.

*«Вы спрашиваете — что делать? — писала она. — Нужна революция. Да, снова революция. Но... надо серьёзно готовиться к ней. Что толку, если снова угнетённые сядут на место бывших властников? Они сами будут зверьми, даже, может быть, худшими. Закроются ворота одних тюрем, откроются других. Вырастут более мрачные, более утончённые орудия насилия. Снова позор. Снова унижение свободной личности. Рабство, нищета, разгул страстей... **Нам надо стать иными.** Нам надо сегодня же начать серьёзную воспитательную работу над собою, звать к ней других...»⁴⁹*

В. Н. Фигнер была человеком честным, смелым, однако в целом письмо производит впечатление усталости и растерянности, какой-то недодуманности, как если бы его автор не знал, что надо делать конкретно. Вероятно, так оно и было. Обращаясь к тому времени, можно заметить, что людей культурных, людей мысли, ранее энергичных, охватил своего рода паралич, когда они столкнулись с фактом полного несоответствия практики провозглашённой ранее идее. А, может быть, Фигнер не решалась назвать прямо тот путь, который только и мог вывести из тупика, потому что по традиции не испытывала к нему доверия — путь «мистического анархизма», который три года спустя вызовет новый конфликт в музее Кропоткина. Во всяком случае, письмо Фигнер свидетельствует, что конфликт был гораздо глубже и серьёзнее, чем он может показаться поначалу.

Столь же серьёзной складывалась обстановка вокруг музея.

Как сознавался и сам Атабекян, именно в это время С. Г. Кропоткина получила предупреждение со стороны ОГПУ о нежелательности «анархических собраний» в музее. Именно это обстоятельство, а не скандал с Атабекиным, вынудило Комитет закрыть музей на ремонт (который к слову сказать, был жизненно необходим) и тем самым на время прекратить собрания Анархической секции. В этой ситуации настойчивое противодействие Атабекиана дирекции музея смахивало на глупость или, что хуже, на провокацию. Стоит заметить, что у дирекции было, действительно, безвыходное положение в апреле: за два дня до насильственного вторжения группы Атабекиана в музей для проведения очередного собрания, были арестованы сотрудник музея СИ. Андин и член Комитета А. А. Солонович, обвинённый в «подпольной анархической деятельности»⁵⁰. Аресты следовало рассматривать как переход от предупреждений к действиям. Предотвратить дальнейшие, более жесткие репрессии со стороны ОГПУ можно было только вызвав милицию и выдворив собравшихся, что и взял на себя М. П. Шебалин как

⁴⁹ Вера Фигнер). Без заглавия. // Рассвет, № 263, 11. 4. 25, с. 2.

⁵⁰ «Дело Труда», № 2, 1925 г., с. 6 (См. также следственное дело А. А. Солоновича от 24. 4. 25 г. в ЦА ФСК РФ).

заведующий музеем. Стоит, вероятно, отметить, что сам инцидент никак не повлиял на судьбу членов группы; более того, в отличие от остальных анархистов, Атабекян вообще ни разу репрессиям не подвергался.

Разрыв группы Атабекяна с Кропоткинским Комитетом и Музеем разрядил, по-видимому, ситуацию. По ряду признаков (упоминание Атабекяном «беспокойства» С. Г. Кропоткиной о «пожарной опасности», намёки в письме к А. А. Боровому от 1. 8. 25 г. и признание самой С. Г. Кропоткиной, что от *«кучки молодёжи, идущей с Атабекяном, Сандамирским и Павловым»* она *«вынесла самое безотрадное впечатление и несказанно рада, что музей избавился от них»*⁵¹) можно думать, что группа эта состояла из малокультурных и леворадикальных молодых людей, *«непосредственно трудящихся в индустриальных производствах Москвы»*, и не желающих иметь дело с *«образованными бандитами»*, как рекомендовали они себя⁵², переводя конфликт из плана идейного ещё и в план социальный, который позднее получил своё развитие на страницах «Дела труда».

К сожалению, почти полная неизученность анархистского движения 20-х гг. и отсутствие подробных хронологических справочников по отдельным этапам политической истории советского периода России не даёт возможности ежемесячно восстанавливать картину репрессий, осуществлявшихся органами ОГПУ, которые выхватывали людей из жизни — на какое-то время, навсегда, или забрасывая их в «места отдалённые». Желаящему выяснить, что происходило с анархистами в Москве и других городах весной и в начале лета 1925 г., предстоит кропотливая работа как с материалами зарубежной печати, так и печати советской, но ещё более — с архивами ОГПУ, доступ к которым пока ещё ограничен. Андин и Солонович были арестованы 24. 4. 25 г. и в архивно-следственном деле последнего сохранилось обвинение в «подпольной анархической деятельности», что по тем временам предполагало террор и подготовку к восстанию. В отношении Солоновича такие обвинения были совершенно безосновательны, что, можно думать, и сыграло роль в пересмотре приговора уже после отправки его самого в Суздальский концлагерь, откуда он вышел 25. 9. 25 г., благодаря хлопотам не столько жены, А. О. Солонович, и коллектива преподавателей МВТУ им. Баумана, сколько его ректора Н. П. Горбунова, добившегося пересмотра дела во ВЦИКе⁵³.

Впрочем, есть основания полагать, что в освобождении Солоновича из Суздальского концлагеря не меньшую роль сыграли также личные связи и авторитет А. А. Карелина, в первую очередь, его дружеские отношения с бессменным секретарём ЦИКа А. С. Енукидзе.

Фигура Аполлона Андреевича Карелина (1863-1926), почти совсем неизвестная современным историкам, заслуживает самого пристального внимания и изучения. Краткая о нём справка в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона скупо освещает его научную и литературную деятельность в России только до 1900 г., ни слова не говоря о его деятельности революционной⁵⁴.

Карелин принадлежал к старому дворянскому роду, а по матери — О.Т. Лермонтовой — приходился дальним родственником известному поэту. Примкнув в ранней юности к народолюбцам, пройдя через ряд арестов, судов и ссылок, Карелин обратил на себя внимание российской общественности множеством статей в различных изданиях по вопросам сельской общины, экономического положения крестьянства, статьями по этнографии и несколькими фундаментальными экономическими исследованиями, где был собран свежий фактический

⁵¹ Цит. по Е. В. Старостин. Историко-революционный мемориальный музей П. А. Кропоткина. // Великий Октябрь и непролетарские партии. Материалы конференции. — М., 1982, с. 198.

⁵² РГАЛИ, ф. 1023, оп. 1, ед. хр. 1044, л. 32.

⁵³ ЦА ФСБ РФ, Н-3278, л. 27.

⁵⁴ 77. С. Карелин Аполлон Андреевич. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, Т. XIVа. — СПб, 1895, с. 491-492.

материал, но главное — той бесконечной отзывчивостью и бескорыстием, с которыми он на протяжении ряда лет вёл адвокатскую практику, отказываясь от гонорара при защите неимущих. Соответствующим образом менялись и его взгляды. Приминая в первые два десятилетия своей революционной деятельности к народовольцам, в начале 1900-х гг. Карелин сблизился с эсерами, но уже к 1905 г. его анархистские симпатии окончательно оформились и в том же 1905 г. после Московского восстания он был вынужден бежать за границу.

Осев в Париже, Карелин развил характерную для него бурную деятельность: читал лекции в Высшей школе социальных наук, с 1911 по 1914 г. издавал в Нью-Йорке газету «Голос Труда» (впоследствии так будет называться основанное им анархистское издательство в советской России), обратившую на себя внимание П.А. Кропоткина, который не подозревал, что её редактором и автором множества статей является хорошо знакомый ему Карелин.

Там же, во Франции, Карелин организовал новую анархистскую группу из русских эмигрантов, названную им «Федерацией анархистов-коммунистов» (прообраз ВФАК), или «Братством вольных общинников». Его попытка в октябре 1913 г. созвать в Париже съезд анархистов-коммунистов закончилась неудачей. Съезд собрался, но к тому времени, посчитав Карелина опасным для себя соперником, против него выступила цюрихская группа анархистов-коммунистов, претендовавшая на главенство в течении. В результате, объединительный съезд был сорван. Вместо обсуждения поставленных вопросов начались поиски «provokatora», взаимные подозрения, обвинения, ссоры, и дело распалось⁵⁵.

Подобно многим политэмигрантам, Карелин вернулся в Россию летом 1917 г. и сразу начал издавать в Петрограде анархистскую газету «Буревестник», однако после захвата редакции бандитствующими анархистами порвал с ней все связи и в начале 1918 г. переехал в Москву. В среде анархистов, после Кропоткина, Карелин был второй по влиянию и политическому авторитету фигурой. Однако в отличие от Кропоткина он не считал себя вправе отойти от политической жизни, а потому вместе со своими сподвижниками, с которыми он вернулся в Россию — А. Ю. Ге, Ф. Горбовым и Р. З. Эрмандом, согласился войти во ВЦИК, образовав фракцию анархистов «на правах наблюдателей», периодически выступавших с протестами против крайних проявлений большевистского террора⁵⁶. В декабре 1918 г. ему удалось созвать Первый Всероссийский съезд анархистов-коммунистов, где, наконец, была создана «Всероссийская Федерация Анархистов и анархистов-коммунистов» (ВФАК), избран её Секретариат и начал действовать «Чёрный Крест помощи заключённым и нуждающимся анархистам», основание которому впервые было положено Карелиным ещё в годы парижской эмиграции.

Авторитет Карелина среди представителей самых различных партий, в том числе и большевиков, был, по воспоминаниям современников, настолько велик, что, несмотря на неоднократные и жестокие волны гонений на анархистов, его ни разу не подвергали аресту и не делалось попыток его высылки из 1-го Дома Советов (ныне гостиница «Националь»), где он жил вместе с другими членами ВЦИКа, хотя на его квартире чекистами несколько раз устраивались засады.

И всё же канва внешней жизни человека, пусть даже исключительного по своим душевным качествам, не может объяснить роли, которую Карелин сыграл в деятельности Кропоткинского Комитета, если не знать о его роли в становлении того этического анархизма, который вошёл в историю под названием «мистического», а его представители — как «анархо-мистики». Между тем, есть основания полагать, что в письме Атабекину от 2. 5. 20 г., высказывая надежду о

⁵⁵ Камин В. В. Анархизм в России. Калинин, 1968, с. 128.

⁵⁶ «Канев С. Н. Указ. соч., с. 108.

создании «новой этики» кем-либо в будущем, Кропоткин имел ввиду именно Карелина, не назвав его имя из-за конспирации.

В отличие от Кропоткина, Карелин был, как можно предполагать, человеком глубоко верующим, хотя вера эта не имела ничего общего с православием или католичеством и носила антицерковный характер. Складывается впечатление, что в личной жизни, в отношениях с окружающими людьми, во взглядах на будущее, которое они в своих мечтах дарили человечеству, эти два «столпа» анархической мысли были удивительно схожи друг с другом, следуя заветам Христа и подражая первым христианам. Отличие коренилось в темпераменте, в опыте жизни каждого, что предопределило направление их деятельности и внутреннюю эволюцию.

Кропоткин изначально был склонен к естественным наукам, посвятил им основную часть жизни и в своих социальных исследованиях и трудах опирался на итоги позитивных знаний о мире, распространяя законы природы на историю человечества. Можно сказать, что поначалу он и человеческое общество рассматривал с тех же позиций, упустив из вида собственно феномен человека, в отличие от природных явлений, в том числе и от мира животных, обладающего свободой воли в постановке и решении далеко идущих задач, не вытекающих из той или иной ситуации, а часто прямо ей противоречащих. Факт этот и вынудил его под старость заняться рассмотрением взаимоотношений личности и общества в плане этическом и поведенческом, после чего он с неизбежностью должен был обратиться к исследованию духовной структуры человека, но последнее оказалось за пределами его возможностей,

Наоборот, Карелин был личностью сугубо гуманистического склада, у которого на первом месте неизменно стоял человек — и не просто человек общественный, а человек индивидуальный, отличный от остальной массы людей. С самого начала своей революционной, а затем и общественной деятельности Карелин имел дело с людьми, которых изучал как экономист, защищал как адвокат и пытался понять как психолог и религиовед. Сблизившись за время вологодской ссылки со старообрядцами, изучив хозяйственную и социальную структуру их общин, он имел возможность открыть для себя духовную сторону человеческого сознания во взаимоотношениях коллектива и личности, раз и навсегда выяснив ограниченность материалистического подхода социалистов к человеку и обществу в целом⁵⁷. Вместе с тем, в отличие от Кропоткина, Карелин имел возможность не только узнать, понять и прочувствовать Россию, как нечто единое целое во всех её сложностях и противоречиях, но и гораздо раньше увидеть все отрицательные стороны революционного пути, усомнившись в идеях, несущих всеобщее разрушение.

Последующая жизнь в Европе, работа в библиотеках, живой интерес к самым различным проявлениям человеческой мысли и выработанная настойчивым трудом фантастическая скорость чтения, достигавшая по свидетельствам очевидцев 250 страниц в час, позволили Карелину за годы эмиграции пройти далеко вперёд в своей духовной эволюции. Живая преподавательская, издательская, организационная работа, по-видимому, привела Карелина к знакомству с французскими тайными орденами, в результате чего он был принят в Орден тамплиеров, и в 1917 г. на родину вернулся уже не только анархистом но и эмиссаром Ордена с задачей заложить основы Восточного отряда тамплиеров в России. Вот почему сейчас можно с уверенностью говорить, что для Карелина, когда он по возвращении столкнулся с кошмаром красного террора, главной стала не анархическая, а именно орденская деятельность, для которой анархистские организации служили всего только полуполюгальным прикрытием.

⁵⁷ Солонович А. А. Памяти Карелина. // Пробуждение, № 1, апрель 1927 г., с. 8.

Увидев (а ещё раньше — предугадав) неизбежность крушения революционных идеалов общества, Карелин сразу же по приезде принялся за работу, которой пренебрегали политические партии: за воспитание человека будущего, за перевод революции с пути бунтов и катаклизмов на путь целенаправленного развития индивидуума, в результате чего только и возможна последующая эволюция всего общества.

Трагедия старых революционеров, переживших годы революции и Гражданской войны, заключалась в крушении, практически, всех их иллюзий. Народ, на который они молились и ради которого приносили в жертву не только самих себя, свою жизнь, своё счастье, но часто и своих близких, подвигнутый на революцию, оказался не создателем «блаженной страны», о которой пелось в их песнях, а всего только взбунтовавшейся белковой массой, чей убийственный порыв был направлен на уничтожение мозга нации и на самоистребление. Интеллигенция, продукт тончайшего многовекового отбора общества, оказалась в стороне от революционного движения именно потому, что сама она была продуктом не революции, а многовековой эволюции. Будучи хранителем культуры, она одна могла стать гарантом дальнейшего развития общества. Постоянно обновляющаяся, вбирающая в себя все лучшие силы других слоёв и классов, она никогда не претендовала на командные высоты, понимая и цenia свою роль «генератора идей», в результате которых только и совершается продвижение вперёд человечества. Именно эту роль сыграла интеллигенция как во время «великих революций» в Западной Европе, так в ещё большей степени в постреволюционный период реставрации и начала нового восхождения общества.

Почему в России произошло иначе? Почему Россия не смогла воспользоваться опытом своих предшественников, заимствуя лишь отрицательные стороны и ничему не научившись положительному? Мне кажется, причина здесь одна: отсутствие в России того самого «просвещения», охватывавшего всё общество в целом, на что с такой завистью и уважением смотрел русский человек, попадавший в Европу, и о чём, к слову сказать, у нас совершенно забыли, заменив это ёмкое понятие техническим термином «обучение».

Просвещение предполагает не просто прогресс науки в познании мира и человека, но — главным образом — восприятие и усвоение плодов этого познания в сознании общества и каждого человека в отдельности. С одной стороны, это вызывает потребность во всеобщем образовании народа, а с другой — становится мощнейшим стимулом тех перемен, которые народ сам вносит в свою жизнь. Просвещённый человек понимает, что одним только желанием он не может ни познать, ни, тем более, изменить законы природы и общества, точно так же как не может младенец занять место взрослого человека, в мгновение ока преодолев разделяющие их годы накопления опыта и знаний.

Идеи, и не только технические, гораздо сильнее влияют на жизнь обществ, чем то обычно считают, причём как в плане положительном, так и в плане отрицательном. Чем шире человек образован, тем больше возможностей он видит в реализации той или иной идеи, тем легче угадывает таящиеся в ней опасности и находит способы их заранее обезвредить; наоборот, чем менее образован человек, тем больше склонен переоценивать свои знания, тем менее доступен он восприятию нового и тем более упорствует в проведении какой-либо одной понравившейся ему идеи, не в силах предугадать последствий её воплощения в жизнь.

Ярким примером влияния сугубо научной (и даже естественнонаучной) идеи на политическую и социальную жизнь в недавнем прошлом может служить тот факт, что эпоха революций, сотрясавших Европу на протяжении XIX и начала XX века, обязана не столько хлесткому утверждению марксистов, что «массы не могли уже жить по-старому», сколько внедрявшейся материалистами в сознание людей ложной идее об универсальном значении «катаклизмов или переворотов на поверхности земного шара», тут же перенесённой на

общественную жизнь. В самом деле, почему было не предположить, что если в природе все изменения происходят революционным путём, сопровождаются катастрофами и потрясениями, то и человечество может «ускорять прогресс», вызывая социальные катаклизмы в виде революций?

Потребовалось более полутора столетия напряжённой работы исследователей, раскрывавших одну за другой тайны мироздания, чтобы признать теорию «переворотов в природе» совершенно несостоятельной. Грандиозные изменения, представавшие перед глазами человека следами мгновенных катастроф, на поверку оказались результатом долгих эволюционных процессов. Более того, катаклизмы — сокрушительные землетрясения, извержения вулканов, катастрофические наводнения, процессы горообразования, гибель островов и побережий и прочее, — оказались вызваны нарушением, сбоем природных процессов. Показательно, что в это же время, параллельно, происходил и пересмотр социальных теорий, приведший к выводу о бесплодности и разрушительности революций, в первую очередь революций русских, подтвердив горестное предчувствие П. Я. Чаадаева, что России и русским, по-видимому, суждено преподать некий провиденциальный урок остальному человечеству⁵⁸.

Многое из сказанного здесь Карелин интуитивно осознал ещё во Франции. Тогда же он смог понять и другое: обязанностью каждого человека является содействие эволюции общества, как выполняя наилучшим образом свою работу на избранном поприще, так и содействуя распространению знаний и, в особенности, моральному воспитанию окружающих его людей, чтобы они оказались достойны чаяемого ими будущего. Последнее оказывалось самым важным, потому что именно здесь проходил водораздел между «образованием» и «просвещением», не только подразумевающим позитивные знания об окружающем мире, но включающим в себя и отношение к этому миру, в первую очередь, к обществу и личностям, данное общество составляющим. Здесь не требовалось ничего открывать уже потому, что основы общечеловеческой этики, проступающие во всех великих религиях мира, с предельной чёткостью были изложены в заветах раннего христианства, на котором, как на целостном мировоззренческом фундаменте, в продолжении двух последних тысячелетий возводилось здание европейской культуры, приобретающей в наши дни облик культуры всечеловеческой. Однако, чтобы вернуть внимание людей к этой первооснове, помочь понять её непреходящие истины, большинством не воспринимаемые из-за их механического повторения церковью, выступающей изначально в качестве государственного аппарата принуждения и насилия, человека следовало освободить от обязательного, вызывающего внутренний протест исполнения официального культа, дав ему возможность самому избирать тот путь, который мог привести его в согласие с самим собой, а, стало быть, с окружающим его обществом и с мирозданием в целом.

Именно христианство в евангельской проповеди обращалось к человеку с призывом заняться в первую очередь самовоспитанием и уже потом переносить свой опыт на окружающих. Тому же учили основатели великих религий, полагая, что освобождение и раскрепощение приходит к человеку не извне, а изнутри, точно так же как в нём самом рождается подлинный диалог с Богом. Наоборот, с самого своего утверждения церковь выступала составной частью структуры государственной власти, т. е. средством подчинения индивидуума, средством организации и стабилизации (консервации) общества на том или ином этапе его развития. Другими словами, всякий раз новое учение о свободе человеческой

⁵⁸ Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений, т. 1, М., 1991, с. 326.

личности использовалось для создания иерархической структуры, подчиняющей эту личность обществу или его надстройке — государственному аппарату.

Соответственно этому возникали и ложные представления о возможности обретения свободы путём сокрушения государственного аппарата и перестройки общества, тогда как противоречие коренилось не вовне, а внутри самого человека, являющегося ареной противоборствующих идей, поставляющих ему ложные ориентиры. Выход был только один: вернуться к истокам заблуждений и попытаться найти соответствие между этическими постулатами христианства, способными сформировать духовную структуру личности, и полученными в результате общих усилий человечества знаниями об окружающем нас мире, которые позволяют определить место человека в природе и задачи, которые он должен решать на своём жизненном пути.

К такому заключению П. А. Кропоткин пришёл слишком поздно. У А. А. Карелина же хватило ещё сил и мужества, чтобы попытаться заложить основы практической перестройки человеческого сознания для формирования нового человека, способного выбраться из той дьявольской ловушки, в которую угодила не одна только Россия, поддавшись вульгарному материализму. От анархизма им было взято главное — учение о свободе воли творящего себя человека и, тем самым, перестраивающего окружающий его мир. На место анархического лозунга всеобщего разрушения, пусть и с запозданием, пришла попытка созидательной деятельности.

В России Карелину пришлось решать несколько взаимосвязанных тактических задач. Для того, чтобы его услышали и пошли за ним в обстановке Гражданской войны и террора, внешне он должен был оставаться тем же, кем и был раньше — анархистом-коммунистом, хотя в возможности политического анархизма, как сиюминутного государственного строя, он, конечно, уже не верил. Новый вооружённый переворот оказывался нереален, к тому же он поменял бы состав правящей группировки, не изменив сути событий.

Между тем, имидж анархиста был для Карелина отнюдь не только удобной «маской». Как я попытаюсь показать ниже, именно идеи анархического коммунизма, идеи безвластия (акратии) и свободы личности в союзе таких же свободных и равных индивидуумов, становились первыми ступенями, открывающимися сознанию необразованного (или малообразованного) человека, способом привлечения рабочих и крестьянских масс к началу «умного делания», если использовать этот термин русского подвижничества по отношению к раскрывающемуся самосознанию человека нашего времени. Не для того ли и была в 1918 г. создана Карелиным Всероссийская Федерация анархистов-коммунистов: чтобы спасти от гибели тех, кто уже встал под анархистские знамёна, чтобы направлять это стихийное движение в новое русло и вести отбор людей уже по орденской линии для дальнейшей работы в тайных кружках, законспирированных не только от властей, но и от анархистов.

Последнее и стало самым главным. Приняв во Франции посвящение в Орден тамплиеров, Карелин вернулся в Россию с целью развернуть именно орденскую работу, целью которой было бы воспитание людей, готовых служить духовному и культурному возрождению России. Как никто другой, он подходил для решения такой задачи. В статье, посвящённой памяти Карелина, анархист В. С. Худолей отмечал две характерные черты этого незаурядного человека, резко выделявшие его из массы как анархистов, так и представителей других партий и политических течений: удивительную терпимость, даже деликатность по отношению к инакомыслящим, и огромную эрудицию, *«качество, не часто встречающееся среди русских анархистов»*.

Не случайно Карелин, *«будучи анархистом-коммунистом, создал в ВФАК такие условия, что в ней могли участвовать, чувствуя себя как дома, и анархисты-синдикалисты, и анархо-индивидуалисты»*⁵⁹.

Возникновение, а затем и распространение в анарходвижении идей «мистического анархизма» и орденских кружков, историю которых ещё предстоит написать, означало переход анархической идеи в свою третью, завершающую стадию развития и, в то же время, полную смену аудитории. Прежний контингент анархистов в большинстве своём пополнялся за счёт выходцев из крестьянской и рабочей среды. Это были люди с начальным или, в лучшем случае, со средним специальным образованием, в развитии своего сознания не до конца порвавшие с деревней и деревенской психологией. Картины маленьких «вольных общин», живущих растительной жизнью и обменом продуктами, где каждый выполняет сходную работу, «всего имеет вдоволь», картины всеобщего равенства «с достатком, но без излишеств», которые рисовали в своих брошюрах идеологи анархизма и сам Карелин, были им понятны и вполне их устраивали. То была идиллия на уровне первобытного коммунизма, такая же утопия, как и та, что обещали большевики, только более понятная, а потому и манящая.

«Мистический анархизм», провозглашённый в области творчества в 1905 г. Г. И. Чулковым⁶⁰, предполагал людей высоких знаний, большой духовной культуры и творческого потенциала. Если принять за отправную точку положение, что философия анархизма целиком строится на психологии индивидуального (М. Штирнер), то в её первой стадии речь идёт о личности, чей бунт направлен на окружающий мир; вторая стадия подразумевает гармонизирование отношений личности с подобными личностями в совместном и равном труде; третья и последняя стадия развития личности направляет энергию юношеского «бунта» внутрь собственного «я» для самосовершенствования, поскольку подлинная эволюция личности протекает уже в плане не физическом и даже не в социальном, а в плане духовном.

Членом Кропоткинского Комитета (и членом его Исполнительного бюро) Карелин стал с первых дней его возникновения. Это позволяет думать, что идея широкого, т. е. общественного Комитета, принадлежала, возможно, не С. Г. Кропоткиной, а самому Карелину, увидевшему в Комитете и будущем Музее тот центр культурного (и духовного) сотрудничества прогрессивных сил русского общества, который отвечал идеям его и Кропоткина. Одной из интереснейших тем для будущих исследователей может стать история взаимоотношений и обмена идеями между Карелиным и Кропоткиным, как до, так и после их возвращения в Россию, тем более, что письма Карелина к Кропоткину сохранились, но уже сейчас можно сказать, что они сходились в главном. Если Карелин на заседаниях ВЦИК ратовал за отмену смертной казни, то Кропоткин столь же категорически отрицал «красный террор» и «институт заложничества», добиваясь отмены того и другого в личной аудиенции у В. И. Ленина, как и следовало ожидать, бесплодной по результатам. Обращение Кропоткина к этике показывает и сближение взглядов обоих теоретиков анархизма на перспективы социальной революции, так что линия поведения С. Г. Кропоткиной в Комитете и Музее в известной мере следовала взглядам Карелина.

К тому времени, когда Музей Кропоткина встал на ноги, то есть к 1924-1925 гг., в Москве и во многих других городах — в Петрограде, Нижнем Новгороде, Свердловске, на Северном Кавказе, — уже функционировали «рыцарские» кружки Ордена тамплиеров, носившие разные названия: «Орден Света», «Орден Духа» и т. п. Их члены догадывались о существовании друг друга и если не всегда знали о Карелине, то читали его диалоги в стиле Платона, где он развивал идеи гностиков и первых христиан, рисуя картины будущего, не имеющие ничего общего с тем,

⁵⁹ Худoley В. Памяти А. А. Карелина. // Рассвет, № 122, 26. 5. 26 г., с. 2.

⁶⁰ Чулков Г. О мистическом анархизме. Со вступительной статьёй Вяч. Иванова. — СПб, 1906.

что можно найти в его анархистских брошюрах и весьма сухих политико-экономических статьях.

Как показывал в 1933 г. на допросе М. И. Сизов, один из крупнейших русских последователей Р. Штейнера, строивший вместе с А. Белым (Б. Н. Бугаевым) Гётеанум в Дорнахе перед Первой мировой войной, Карелин открыл Орден тамплиеров в 1920 г.⁶¹ Его первыми слушателями, учениками и первыми «рыцарями», принявшими посвящение, чтобы дальше вести самостоятельные кружки, были, насколько мне известно, артисты В. С. Смышляев, В. А. и Ю. А. Завадские, математики А. А. Солонович и Д. А. Бем, научные работники Н. И. Профферансов, М. И. Сизов, Н. П. Киселёв, М. В. Дорогова, искусствовед А. А. Сидоров, художник А. А. Никитин, востоковед и писатель П. А. Аренский и ряд других лиц.

На собраниях, происходивших первоначально у него на квартире, в здании нынешней гостиницы «Националь», Карелин рассказывал средневековые легенды о рыцарях, мире духов, бесконечных вселенных, о духовных началах человека, физическое тело которого, по учению тамплиеров, является лишь способом существования и развития «в мирах и веках» заключённой в нём духовной сущности, одного из множеств духовных атомов мироздания, активно участвующих в эволюции и упорядочении хаоса Вселенной. Среди этих легенд были легенды об Атлантиде, совсем не схожие с тем, что повествовал о ней Платон в диалогах «Тимей» и «Критий»; о Древнем Египте, открываемые памятники которого в те годы поражали воображение культурного мира; о гностиках и первых христианах, в чьих преданиях сохранилась древняя мудрость Востока...

Но такими были только первые шаги. К указанному времени Орден, как можно представить его сейчас по материалам архива бывшего ОГПУ-НКВД-МГБ, содержащего протоколы допросов арестованных и их собственноручные, часто довольно подробные показания, приобрёл достаточно гибкую и многоликую структуру.

Самой первой ступенью на пути к Ордену стали многочисленные студенческие (и не студенческие) кружки полужакрытого типа, в которых лекторы, иногда даже не подозревавшие о существовании Ордена, знакомили слушателей с историей мировой мысли, читали курсы по истории искусства и литературы, показывая ограниченность вульгарного материализма и убогость обязательных социологических «схем». Иногда такие кружки возникали на период чтения одного какого-либо цикла лекций и потом распадались; иногда члены их меняли место собраний, а вместе с тем меняли тему или лекторов. Главной задачей подобных кружков было приучить слушателей мыслить и анализировать, не принимать ничего на веру, учиться ставить вопросы и находить на них аргументированные ответы. Естественно, что именно здесь, среди студентов вузов и рабфаков, выходцев из рабочей и крестьянской среды, наибольшей популярностью пользовались собственно анархистские идеи, а последующие споры и обсуждения с неизбежностью приобретали политический характер, что, в конечном счёте, приводило слушателей в Анархическую секцию Кропоткинского Комитета и в библиотеку-читальню при Музее Кропоткина.

Одновременно со студенческими существовали кружки иного характера, составленные из представителей творческой интеллигенции, где основными темами были вопросы искусства, история религий, мистика и философия. Здесь старшие рыцари, ученики Карелина, знакомили слушателей с циклами орденских легенд и по прошествии определённого времени посвящали их в первую орденскую степень. Однако и эти кружки, куда попадали наиболее способные и талантливые слушатели из кружков первого типа, представляли собою лишь преддверие

⁶¹ ЦА ФСК РФ. Дело по обвинению Веревина Ф. П. и др. л. 660б.

Ордена, отличаясь от него как своим названием, так и отсутствием прямого выхода на его руководство.

Вот что писал об одном из таких кружков «второй ступени» на допросе 29. 9. 30 г. преподаватель московских вузов А. С. Поль: *«Б конце 1924 г. или в самом начале 1925 г. я подошёл к Ордену и вскоре был посвящён. Перед посвящением мне было сказано, что Орден ставит своей задачей духовное перерождение человека, который должен быть благородным и противиться всякой неправде. Мне было сказано, что я имею полную свободу в любое время отойти от Ордена с единственным условием сохранения всего дела в тайне...»*⁶² Параллельно с такими «подорденами» существовали различные «братства» (например, в Москве, — «Братство милосердия»), целью которых было оказание необходимой материальной, медицинской и прочей помощи тем, кто в ней нуждался, безотносительно, имел ли нуждающийся какое-либо отношение к Ордену, но так, чтобы ему осталось неизвестным, от кого эта помощь исходит.

Собственно тамплиерами считались рыцари, поднимавшиеся на третью ступень посвящения, которые вели кружки, рассказывали легенды, определяя, по-видимому, программы общих мероприятий, как публичные лекции в Кропоткинском музее или в Вегетарианской столовой при Обществе друзей Л. Н. Толстого в Москве, благотворительные концерты, экскурсии и проч. Для этих людей изучение древних легенд, философия религий, ритуалы рыцарских собраний служили не целью, а всего только средством раскрытия и самосовершенствования личности, подобно тому, как эвритмия Р. Штейнера была использована в своё время М. Чеховым для самораскрытия творчества актёра и наиболее полного вхождения его в сценический образ.

Здесь же обращение к истории мистики и само мистическое (т. е. иррациональное) восприятие окружающего мира, которое не исключало, а всего только дополняло объективный опыт науки, формировало сознание и личность «рыцаря». Через мистический опыт, который, в конечном счёте, рождал ощущение единства всего живого в мире, через осознание чувства долга и ответственности за свои слова и поступки проходил путь такого «рыцарского посвящения», который готовил человека не столько к тому, что ожидает его за порогом смерти, сколько к возможным испытаниям в этой жизни. Последние, как известно, не замедлили, поскольку почти все тамплиеры оказались в концлагерях, тюрьмах и ссылках, откуда возвратились лишь единицы...

В этом плане мне представляется наиболее примечательным определение рыцарства и деятельности Ордена, сделанное одним из его членов, преподавателем вуза Е. Н. Смирновым:

*«Цель “Ордена Света” — чисто этического порядка, нравственное самосовершенствование личности через восприятие христианских основ и воспитание в себе рыцарских христианских добродетелей. Рыцарь — понятие этическое, как лицо, совершающее нравственные поступки, очищающее христианские основы от догматов, накопившихся столетиями, затушевывавших лик Христа-рыцаря... вот устремления участников Ордена»*⁶³.

Обстановка в стране как нельзя лучше способствовала начинанию Карелина. Мощный взлёт мировой науки, подготовленный предшествующим периодом, потрясал сознание людей открытиями, среди которых равное место занимали новые космогонические теории, проникновение в мир атома и в недра земли, новый взгляд на природу и возможности человека, а вместе с тем — открытие следов древнейших цивилизаций, поражающих воображение своим искусством и культурой. Перед человеком открывались бездны микромира и Большой Вселенной, он начинал ощущать себя не «пылинкой», а частью мироздания, начинал

⁶² ЦА ФСБ РФ. Дело об анархо-мистической контрреволюционной организации «Орден Света», т. 6, л. 382.

⁶³ Там же. т. 7, л. 6.

догадываться о своём высоком предназначении на Земле и в Космосе, над чем в те годы работали лучшие умы человечества, из которых достаточно назвать В. И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена. И это же время для России было временем судорожного нарастания волн репрессий: приближалось время безжалостной коллективизации, шло повсеместное вытеснение и уничтожение старой интеллигенции с замещением её новой, рождая стремление оставшихся к консолидации, к попытке понять происходящее, нащупать если не физическую, то духовную опору в мире хаоса и всеобщего крушения ценностей.

Чрезвычайно любопытную картину умонастроения русской интеллигенции, пытавшейся в эти годы найти выход из духовного кризиса, рисует один из авторов газеты «Рассвет», как можно понять, счастливо покинувший Россию в конце 20-х гг. и стоявший достаточно близко к Карелину и к Ордену. В серии статей о тогдашнем советском «самиздате», написанных увлекательно и со множеством подробностей, М. Артемьев свидетельствует, что в СССР никто из интеллигенции теперь политикой не интересуется, не хочет о ней слышать и испытывает к ней отвращение:

«В центре внимания современного общественного сознания находятся, вместо политики, вопросы философии и в особенности — философии истории. Кто только ни подходит к этим проблемам! Если бы не ответственность за судьбу оставшихся там, в России, то здесь можно было бы привести ряд блестящих имён из самых разнообразных лагерей старой русской интеллигенции, “ударившихся” в философию истории, о которой они ранее и не мечтали. Тут и кающиеся социалисты, ищущие «смысл истории» в... метафизике общества и зовущие к забытой “религии” Мережковского, к его «неохристианству и соборной общественности», тут и анархисты, пишущие “мистику истории”, тут и бывший видный кадет, философствующий о “солидаризме” в истории, тут и бывший толстовец, зовущий на “Остров Достоверности” православия, тут и антропософы, углубляющие Штейнера и копирующие в реставрационных красках идеал “Государства” Платона, тут и учёные с именем и без имени, вещающие о диктатуре аристократии мысли, тут и музыканты, зовущие уйти от цивилизации на стезю странничества в горы или в пустыню, тут и церковники, выпускающие многотомные сочинения по апокалиптике истории, тут даже и бывшие коммунисты, каким-то чудом додумавшиеся до “онтологии” революции и открывающие внутренний смысл её в... теологических обоснованиях антисемитизма и т. д. — все наперевы ищут сокровенного, тайного, внутреннего, первоначального, словом, одна сплошная “философия”, “онтология”, “метафизика”, “мистика” и прочие области, вызывавшие раньше у молодых политических пропагандистов и агитаторов снисходительное презрение и высокомерную жалость к “реакционному образу мыслей”⁶⁴».

Материализм, восторжествовавший в сознании российской интеллигенции с середины 60-х годов прошлого века, в результате завоевания им политического господства доведённый до абсурда, до самоотрицания, стал оружием разрушения общества и цивилизации, «пожрав самого себя». Анархисты же привлекали к себе молодёжь утверждением индивидуальности, что импонировало ей в силу уже возрастных причин. Теперь же, с началом работы орденских кружков, за лозунгом «свободы» перед неопитами открывался не бакунинский призыв к разрушению общества и государства, после чего «всё само образуется», а сложная и многогранная программа умственной и психической работы над собой для общества, причём общества не будущего, а данного, вполне конкретного, которое может измениться в лучшую сторону лишь после того, как изменятся люди, его составляющие.

Для человека, привыкшего задумываться, «мистический анархизм» оказывался куда более понятным и прагматичным, чем материалистический коммунизм, утопичность которого обернулась для России крушением её культуры и жизнью десятков миллионов людей. Главное же — он был содержателен, а потому интересен.

⁶⁴ Михаил Артемьев. Тайная подпольная литература в Советской России. // Рассвет, № 234, 4. 10. 30, с. 2.

Своей деятельностью Карелин бросал как бы двойной вызов: советской власти, на место духа поставившей очередным декретом физиологию, и анархистам, продолжавшим ещё читать карелинские брошюры о том, «Как жили и будут жить крестьяне», о «Вольной деревне» и о том, какой будет «Россия в 1930 году», хотя все уже поняли, что раньше жили лучше, чем теперь, а в 1930 г. станут жить ещё хуже. Правда, тогда даже самые отчаянные пессимисты не могли предположить, насколько кошмарным окажется это «хуже»...

Всё это объясняет, почему мартовский конфликт 1925 г. в Кропоткинском музее был неизбежен. Здесь впервые столкнулись устремления «карелинцев» и политических анархистов, которые видели, как их лозунги с требованием «безвластного общества» сменяются чем-то чуждым. Это вызвало бунт — мужицкий, тупой и опасный, поскольку анархисты при этом готовы были разрушить и сам музей Кропоткина во имя идеалов своего кумира, как они их понимали. В этом А. М. Атабекян был не одинок. Справиться с таким анархизмом, заставить его размышлять и учиться, было крайне трудно. Карелин понимал, что его соратникам и преемникам, кроме основанной им газеты «Рассвет», нужно иметь ещё один печатный орган за границей, через который уже непосредственно могла идти просветительная орденская работа. Им стал новый журнал «Пробуждение», основанный в Детройте (США) всё тем же Р. З. Эрмандом (Долининым).

Первый номер журнала появился только в апреле 1927 г., когда Карелина уже не было в живых. За время, прошедшее после «бунта» Атабекяна, Кропоткинский Комитет и актив Кропоткинского музея успели многое пережить. В 1925 г. в России были ликвидированы последние остатки легального анархизма, в том числе и детище Карелина — ВФАК; на нелегальном положении оказался «Чёрный Крест», осуществлявший, кроме всего прочего, связь с Детройтом и Чикаго, откуда шли деньги для помощи Музею и нуждающимся анархистам. В то же время в Музей усилился приток молодёжи, поскольку в Исполнительное Бюро теперь вошёл вернувшийся из суздальского концлагеря А. А. Солонович, ставший преемником Карелина. «Пробуждение» тоже было их общим детищем, и первый номер журнала открывался редакционной статьёй, где — в допустимой для ортодоксального анархизма форме — излагалась концепция «третьей социальной революции», указывалась необходимость овладения знаниями для строительства «внутреннего человека» и выставлялась органическая связь большевизма с породившим его российским самодержавием.

«Наша задача двоякая, — указывал её автор, — собирательно-организационного и воспитательно-просветительного порядка. Вокруг “Пробуждения” мы хотим сплотить ту часть русской эмиграции, которая отреклась от прошлого — монархизма, и не приемлет настоящего — большевизма, порождённого... этим прошлым». Далее он объяснял, чем страшна новая социальная революция: «Общество в целом только тогда прогрессирует и поднимается на высшую ступень, когда в нём накапливается достаточно энергии, опыта и сил, чтобы сделать шаг вперёд от данной формы общежития к высшей, более совершенной. Социальная же революция в лучшем случае является лишь одной из крайних форм стихийного протеста, который в известных случаях может быть и неизбежным, но в то же время не может быть, как правило, признан созидательным процессам. В силу своей стихийности, а следовательно, случайности, социальная революция может таить в себе в одно и то же время розы свободы и шипы деспотизма и реакции. На всех бывших в прошлом революциях лежит какая-то роковая печать неудачливости. Почти все они не оправдали надежд, а русская революция, ввергшая страну в какую-то дикую татафицину, являет собой разительный пример того, каковы могут быть последствия социального бунта, стихийно разразившегося в стране культурно отсталой, политически незрелой и потому подпавшей под власть политических фразёров и демагогов... Мы

хотим не руководить, а будить спящих, открывать глаза невидящим, призывать к активности бездействующих, убеждать сомневающихся в правоте и благородстве нашего идеала»⁶⁵.

Подобная декларация переводила анархическое движение на совершенно новые рельсы. И это было только начало. Напечатанная в том же номере статья Е. Долинина прямо указывала, что *«многие революционеры, в том числе и анархисты, проповедуют социальную революцию, но очень немногие из них поняли истинную сущность этой великой социальной катастрофы. Немногие из них уразумели также и такой вопрос: какими должны быть пути подлинной социальной революции? Одни из них нам говорят, что подлинная революция заключается в полной «экспроприации экспроприаторов», другие думают, что истинная революция заключается в установлении «диктатуры пролетариата» и в полном истреблении буржуазии и интеллигенции; третьи же утверждают, что подлинная революция будет происходить тогда, когда она отвергнет всякие моральные и юридические нормы и утвердит один лишь принцип: господство революционных чувств.*

Такие революции не могут быть успешными. Финал подобных революций бывает обычно трагическим... Если такая революция отвергает современное принудительное право, то она может отвергать это право только во имя права лучшего, но не во имя бесправия. Полное бесправие есть, в сущности, самый разнузданный и дикий деспотизм. При полном бесправии (если только люди не руководствуются нормами моральными) господствует обычно грубая физическая сила. Можно сказать, пожалуй, что даже плохой закон лучше такого беззакония. Классический образец этого абсолютного беззакония мы видим в начале большевистской революции, когда высшим законом революции была воля чекиста и грабителя. Без всякого суда и следствия эти чекисты могли бросить в тюрьму человека, и этот человек нигде не мог найти защиты. Могли его также и расстрелять без всяких оснований, просто ради удовольствия, если только он не принадлежал к этой верховной властвующей касте...»⁶⁶

Уже первые номера «Пробуждения» зарекомендовали журнал как серьёзную трибуну, с которой шло разоблачение миражей и лжи большевизма, утверждались духовные ценности общемирового значения, отброшенные революцией и забытые во имя призрачного «всеобщего благоденствия», развенчивались идеалы революционного анархизма. Всё это не могло не возмущать вожаков анархических группировок ещё и потому, что основная масса анархистов ощущала свою внутреннюю близость большевикам, порождавшую, с одной стороны, глубокую обиду, а с другой — постоянную готовность к сотрудничеству.

Анархисты (как и эсеры) поддерживали большевиков на протяжении всего 1917 г. и Гражданской войны — и словом, и делом. Они явили пример беспредельной преданности революции, абсолютную готовность самопожертвования, глубокую идейность, которая перешла к ним по наследству от предшествующих поколений русских революционеров. Больше того, у них был общий с большевиками конечный идеал общественного обустройства, тот самый коммунизм, который большевики, следуя практике христианской Церкви, благоразумно помещали в отдалённое будущее, тогда как анархисты со свойственной им энергией и пылом хотели воплотить на следующий же день после революционного переворота. Первые были практиками, которым этот идеал нужен был только для привлечения масс и ничем не обязывал в будущем; вторые — идеалистами, готовыми взорвать весь мир для того, чтобы немедленно воплотить мечту о всеобщем равенстве и счастье.

Вот почему, оказавшись после всех жертв оттеснёнными от «пирога власти» бывшими сподвижниками, для которых они, как выяснилось, таскали из огня орехи, став гонимыми и изничтожаемыми, анархисты гораздо болезненнее, чем большевики, воспринимали горькие истины о бесплодности и наивности веры в «светлое будущее», звучавшие со страниц

⁶⁵ «Пробуждение», № 1, с. 3.

⁶⁶ Долинин Е. Право и нравственность. // Пробуждение, № 1, с. 17-187

«Пробуждения». А им напоминали слова Прудона, что «коммунизм есть религия нищеты», утверждающая «отвращение к труду, скуку жизни, подавление мысли, смерть самосознания и утверждение небытия». Их приводил в своей статье Б. Вышеславцев, показывая, как идеалы коммунизма в СССР претворились в уродливый «капитало-коммунизм», сформировавший к концу 20-х гг. определённый архитектурный стиль, известный отчасти как «конструктивизм».

«Стиль жизни капитала-коммунизма есть стиль фабричного посёлка, стиль фабричной коммуны с ненавистными для рабочих корпусами “общежития” и с комфортабельными квартирами для тех, кто властвует и управляет... Капитало-коммунизм есть самая всеобъемлющая форма властвования и самая совершенная форма эксплуатации», — писал он более полувека назад, и в правоте этих слов мы имели возможность в полной мере убедиться за последующие десятилетия. Однако на этом его прозорливость не остановилась. Словно предчувствуя попытки адептов коммунизма во второй половине 80-х гг. прошлого столетия, в эпоху приснопамятной «перестройки», объявить «опыт построения социализма в одной, отдельно взятой стране» — ошибкой, он писал далее:

«Когда... коммунистическая идеология совершенно выветрится и будет окончательно уничтожена, тогда встанет проблема новой идеологии и новая опасность. Русские западники и западные социалисты, скажут: это был не настоящий социализм, опыт был проведён неправильно, коммунизм совсем не есть социализм. Таким нужно прежде всего напомнить слова Прудона, которые получают теперь совсем особую ценность: “Коммунизм есть фатальный конец социализма”»⁶⁷.

Во всех материалах, появлявшихся на страницах «Пробуждения», касались ли они современной политики, теории анархического движения, искусства или философии, с неизбежностью вставал вопрос о человеке, его месте в истории, его духовной сущности и субъекте общественного развития, которое должно быть подчинено не абстрактному социуму, а конкретным человеческим интересам в каждый исторический момент. Вот почему в первые годы на страницах «Пробуждения» мы находим серьёзные работы по истории музыки, статьи А. А. Солоновича о философии культуры и общества, стихи З. Н. Гишпиус, Н. Н. Берберовой, А. Консе, статьи по истории литературы З. С. Венгеровой, Н. А. Рубакина, Д. Рансом, научно-популярные работы проф. Гривса, историко-искусствоведческие работы А. А. Никитина, социологические исследования А. С. Пастухова и ряда других, многие из которых впервые были прочитаны авторами в помещении Кропоткинского музея, на заседаниях Научной и Анархической секций Кропоткинского Комитета.

В целом же следует сказать, что «Пробуждение», во главе которого (как и «Рассвета») стоял Е. Долинин (Р. З. Эрманд), воплотило в себе третью, легальную сторону деятельности и жизни Карелина — его широкую просветительскую работу, одинаково важную как для постепенного поворота анархистского движения в новое русло, так и для духовного строительства «внутреннего человека», путь к чему пролегал только через знания, накопленные остальным человечеством. В определённой мере первый номер журнала, вышедший после смерти Карелина, достаточно символично открывался фотографиями его похорон — прощанием с его земным телом, в то время как мощный дух организатора Ордена начинал новое существование в своих последователях и в легенде.

Огромный авторитет, которым Карелин пользовался при жизни, и обаяние его личности, продолжавшие действовать даже на протяжении продолжительной болезни, когда он уже никуда не выходил из комнаты, только принимая людей, шедших к нему непрерывной чередой, были столь велики, что сдерживали выступления даже самых ярких идейных противников. Только после его смерти 20 марта 1926 г. постепенно, очень осторожно парижское «Дело труда» начинает «обстрел» сначала публикаций в «Рассвете», а затем, в связи с выходом первых номеров

⁶⁷ Б. В. Прудон о капитало-коммунизме. // Пробуждение, №5, 1928 г., с. 7-8.

«Пробуждения», всё более обостряющаяся критика приводит к взрыву страстей в 1928 г., опять же инспирированных очередным конфликтом в недрах Музея П. А. Кропоткина.

На этот раз его зачинщиком оказался анархист А. А. Боровой (1875-1935), быть может, одна из самых ярких и многогранных фигур в этом движении первой четверти XX в. в России. Сын генерала, наряду с высшим историко-экономическим образованием в Московском университете он получил ещё и музыкальное образование в Московской консерватории. После сдачи магистерских экзаменов и получения звания приват-доцента, Боровой был отправлен в двухгодичную командировку по Германии и Франции, вернулся в Россию, преподавал, читал публичные лекции, организовал издательство «Логос», вынужден был бежать от суда в Париж, где читал лекции в той же Высшей школе социальных наук, что и Карелин, и в Русском народном университете. Вернувшись по амнистии в Россию, Боровой занимался журналистикой, издавая газеты «Новь» и «Утро России», а после 1917 г. с огромным успехом читал лекции в Московском университете, во ВХУТЕМАСе и ряде других учебных заведений, пока в 1922 г. ему не была запрещена педагогическая деятельность из-за приверженности идеям анархизма⁶⁸.

Он был интересен, образован, привык блистать в обществе. В одном из своих писем к нему В. Н. Фигнер назвала его «оратором милостию Божией». Всё последующее время этот человек, имевший множество друзей и знакомых среди творческой и научной интеллигенции России и Европы, человек литературно одарённый, с безусловным художественным вкусом и энциклопедической эрудицией работал экономистом-консультантом на Московской товарной бирже, находя применение своим талантам лишь в заказываемых ему статьях для энциклопедий и в работе Научной секции Кропоткинского Комитета, где с 1926 г. он занимал пост заместителя председателя Комитета.

Как признавался сам Боровой, он не был «кропоткинцем», тем более сторонником и последователем Карелина. Однако и тот и другой импонировали ему лично как люди с большой и чистой душой, как учёные и эрудиты, а в области анархизма — своим вниманием к окружающим, поскольку сам Боровой принадлежал к анархистам-индивидуалистам, был анархистом-романтиком, и для него в анархизме, как указывал один из его критиков, на первом месте стоял «не Логос, а Пафос»⁶⁹.

Интеллигентность Борового, отстранённость от практической революционной деятельности, осуждение террора и близость к университетским кругам Москвы и Петрограда выделяли его из общей массы анархистов, пришедших в анарходвижение после 1917 г. Они заставляли его искать сближения с руководством Кропоткинского музея и Комитета, которых он, как мы уже видели, поддержал во время конфликта с группой Атабекияна, сменив на посту заместителя председателя П. А. Пальчинского, позднее, в 1929 г., расстрелянного. Характерен и тот факт, что Боровой состоял в Научной секции Комитета, а не в Анархической, по-видимому, сначала не желая вступать в конфликт с А. М. Атабекиным, возглавлявшим Анархическую секцию с 1921 по май 1925 г., а позднее — с её новым составом, целиком подпавшим под влияние А. А. Солоновича после возвращения того из Суздальского концлагеря.

В отличие от Борового, пользовавшегося широкой популярностью и всегда остававшегося на виду, фигура А. А. Солоновича (1887-1937), доцента МВТУ им. Баумана на кафедре математики, преподававшего и в других вузах Москвы, очень мало известна и во многих отношениях ещё долго будет представлять загадку для исследователей своей противоречивостью.

⁶⁸ Кориунова В. П. Боровой Алексей Алексеевич. РГАЛИ, ф. 1023, оп. 1. Вступительная статья.

⁶⁹ Пастухов А. Проблема анархической философии, общественности и А. Боровой. // Пробуждение, № 8, 1929.

Дворянин, сын полковника-артиллериста, рано умершего, А. А. Солонович окончил физико-математический факультет Московского университета в 1914 г., был связан с революционным движением с 1905 г., подлежал аресту и высылке, был судим в 1914 г. за книгу «Скитания духа», написанную в духе «мистического анархизма» Г. И. Чулкова, но был оправдан; в дальнейшем вёл преподавательскую работу в московских средних и высших учебных заведениях. В 1917 г., после Февральской революции, он примкнул к Московскому союзу анархистов, а в 1918 г. вошёл во Всероссийскую Федерацию анархистов-коммунистов, будучи в последние годы её существования членом Секретариата и одним из самых деятельных помощников Карелина как в анарходвижении, так и в орденовской деятельности.

Приняв после смерти Карелина руководство орденовскими кружками, А. А. Солонович попытался распространить эту деятельность и на территорию Музея, обладавшего возможностью устройства публичных лекций, вечеров, а главное — библиотекой-читальней, привлекавшей студенческую (и нестуденческую) молодёжь. На этой почве, как видно, и произошло столкновение Солоновича с Боровым, сначала на диспуте по поводу анархомистицизма в 1927 г., который оставил у Борового *«впечатление чрезвычайной внутренней слабости мистического анархизма»*, а потому укрепил его в мысли как заместителя председателя Комитета, *«о необходимости создания группы анархистов, которые могли бы в стенах Кропоткинского музея выявлять и защищать в противовес мистической секции анархизм, очищенный от инородных примесей»*. Воспользовавшись своими правами, он запретил в дальнейшем какие-либо диспуты и доклады, связанные с проблемами мистического анархизма в стенах музея, а сам стал собирать анархистов для введения их не в Анархическую секцию, которую возглавлял Солонович, а в Научную, во главе которой стоял он сам⁷⁰.

Скандал разразился в январе 1928 г., когда, воспользовавшись отсутствием большинства членов Научной секции, Боровой «провёл» группу из 11 человек в её состав. Впрочем, уже на первом заседании Исполнительного Бюро, где должно было состояться утверждение новых членов, против одного из кандидатов категорически высказались С. Г. Кропоткина, ссылаясь на давнее о нём мнение П. А. Кропоткина, и Солонович, ссылаясь на такое же мнение о нём Карелина. Как можно видеть из сопоставления документов и последующего выступления по этому поводу в журнале «Дело труда» самого Н. И. Махно, речь шла о Н. И. Рогдаеве, а «гнусная клевета», как была квалифицирована причина отвода его кандидатуры, восходила к неудачной попытке созыва первого съезда ФАК в 1913 г. Карелиным, во время которого через Рогдаева цюрихской группой анархо-коммунистов был пущен слух, что организатор съезда, Карелин, является... агентом охранного отделения.

Факт этой провокации и вызвал протест Кропоткиной, который она вынуждена была взять обратно, поскольку в противном случае Боровой угрожал своим выходом из Комитета. Однако на следующем заседании Бюро было зачитано письмо Н. И. Проферансова, другого сподвижника Карелина, в котором он, опираясь на мнения ряда членов Комитета, отсутствовавших при голосовании, требовал аннулировать незаконные выборы. В ответ Боровой заявил о своём выходе из Комитета; следом за ним прислали свой протест не принятые анархисты, пославшие позднее его копию в «Дело труда» — М. Кайданов, В. Котляревский, Н. И. Рогдаев, З. Гандлевская, Ан. Андреев, В. С. Худолей, Ф. Гецци, А. Фомин, Г. Мудров, В. В. Бармаш и С. Фальк. Вместе с Боровым из состава Комитета вышли Н. Г. Отверженный, Н. И. Озеров, Р. М. Чембарёва, А. П. Чембарёв, Г. А. Капустинская-Озерова, К. Н. Медынцев и Пиро.

В своих письмах и заявлениях отвергнутые не скрывали, что, вступая в Научную секцию, они себя *«фазумеется, не мыслили «учёными»* и не предполагали заниматься «наукой», желая только

⁷⁰ «Дело Труд», № 44-45, с. 28.

«создать противовес извращениям анархизма». Категорически отрицая обвинение в «попытке захвата музея», они тут же наивно соглашались, что были выброшены «мистиками-анархистами, наиболее старавшимися... не пустить в Комитет своих злейших врагов, с приходом которых безграничному хозяйствованию их (мистиков. — А. Н.) в Секции рано или поздно должен был наступить конец». И уже совсем наивно заключали: «Версии, пущенной ими о якобы готовящемся со стороны пришельцев разгроме Комитета, о их намерении превратить музей в клуб для анархической агитации и пр., пр., было довольно, чтобы терроризировать безразличных к судьбам анархизма отдельных членов Бюро и заставить их... аннулировать выборы, чтобы устранить надвигающуюся угрозу»⁷¹.

Оставляя в стороне подробный анализ публикаций, в течение полутора лет заполнявших страницы парижского журнала, останавлиюсь только на одном их аспекте — нагнетании политических обвинений по адресу анархо-мистиков и музея Кропоткина со стороны московских анархистов, образовавших «лагерь оппозиции». Бесперебойное доставление их «писем» и «заявлений» в Париж из Москвы и всё более истеричный тон обвинений оставляют впечатление, что заурядный конфликт, пламя которого спокойно потухло бы, как то случилось с предшествующими конфликтами, оказался кому-то нужен, чтобы внести раскол в ряды анарходвижения и одновременно получить компрометирующий материал на обе конфликтующие стороны.

Характерно и другое. В. С. Худолей, открыто признавшийся, что не видел ни газеты «Рассвет», ни журнала «Пробуждение», обрушивался на тот и на другой печатный орган с истеричными обвинениями, заявляя: *«Теперь нужен общественный суд... нужна Комиссия для расследования всей провокационной деятельности рассвето-пробужденцев. Комиссия снимет маски с черносотенцев и выучит их называться собственными именами; Комиссия выявит настоящих провокаторов, действующих в среде рассвето-пробужденцев или за их спинами. Комиссия выделит заблудших, по недоразумению остающихся в рассвето-пробужденческой среде и направит их на путь истинный... А над остальными рабочий класс произнесёт свой приговор и, будем надеяться, гнусному маскараду будет положен конец раз и навсегда»⁷².*

Стоит заметить, что после подобной «артподготовки», лексика которой удивительно напоминает язык газетных передовиц тех лет, клеймивших «врагов народа», в очередном номере журнала появилось и давнее заявление Атабекияна 1925 г., по-видимому извлечённое Боровым из своего архива.

Конец этой травли Музея Кропоткина и анархо-мистиков по существу обозначился в летнем за 1929 г. номере «Дела труда», где была напечатана статья-памфлет Юрия Аникста «Трубадур мистического анархизма», посвящённая А. А. Солоновичу, в которой говорилось о его орденой деятельности, о подпольных кружках, о связях с Карелиным и о многом другом, что являлось уже чистой воды политическим доносом⁷³. По иронии судьбы, номер этот

⁷¹ Там же, с. 26-27.

⁷² Там же, №43, 1928, с. 19.

⁷³ Юр(ий) А(никс) т. Трубадур мистического анархизма (А.А. Солонович). // Дело Труд, № 50—51, 1929, с. 15—17. Примечательно, что в это же время в газете «Рассвет» появилась предупреждающая заметка без подписи, текст которой, ввиду его важности, я привожу здесь целиком:

Новые сведения о провокационной работе ГПУ

Из осведомлённого источника сообщают о том, что в связи с напряжённым положением в СССР и возрастающими экономическими затруднениями в последнее время чрезвычайно усилилась провокационная работа ГПУ. За этой стороной деятельности ГПУ старательно наблюдает сам Сталин и требует её расширения и углубления. Уже в последние месяцы создалось такое положение в Москве и в ряде крупных городов, что среди населения красная столица получила крылатое наименование «большой мышёловки», а крупные города именуются «малыми мышёловками» (Петроград — «северная мышёловка», Одесса — «черноморская», и т. д.).

открывался сообщением «О массовых арестах анархистов в СССР», причём в опубликованном списке значились именно те анархисты, кто призывал направить карающую руку ОГПУ на музей и Анархическую секцию, поскольку «деятельность анархо-мистиков приняла международный характер».

На эту деятельность специальных отделов ГПУ тратятся большие суммы, которые выделены Сталиным «по степени важности дела» из фондов, находящихся в распоряжении III Интернационала и предназначенных для оплаты расходов его иностранных секций. Изменившаяся ныне к худшему обстановка в СССР потребовала сосредоточения средств на оплату организаций и настроений внутри страны.

Малоизвестна за границей работа двух новых отделов ОГПУ, тесно связанных в своей деятельности с Генеральным секретариатом ВКП, т. е. с личным штабом Сталина. Первый отдел действует под названием «кабинета контра и дезо»; это — кабинет контрагитации (имеется в виду борьба с противосоветской агитацией) и дезорганизации (имеется в виду дезорганизация и дезориентация противников советской власти).

Задаaniem этого кабинета является измышления тонких провокационных выступлений, имеющих целью выявлять контрреволюцию во всех её видах, вызывать преждевременные выступления противобольшевистских организаций и вводить их в заблуждение. Кабинет имеет свои филиалы и корреспондентов за границей. Во главе его стоит Трилиссер, а работают в нём, главным образом, бывшие «казры» (контрреволюционеры), которых в свое время пощадила ЧеКа. Часть этих «казров» употребляется для «выяснений и раскрытий» (т. е. для осведомления чекистов и разъяснения им сущности тех или иных явлений), другая часть «казров» занимается фабрикацией подложных документов (всякого рода листовок, воззваний, обращений, манифестов, писем, протоколов и т. д.).

В основание этих «документов» кладутся обычно подлинные материалы или же сведения, добытые агентами ГПУ (технически эти данные в ГПУ называются «канвой»). Кроме того, содержание фальшивок тщательно подгоняется под определённые настроения при помощи «казров» соответствующей окраски. Затем, по изготовлении, фальшивки пускаются с определённой целью в обращение, как «нелегальные» документы (или издания) в России и за границей. Поэтому необходимо с большой осторожностью относиться к разного рода «документам», поступающим из Москвы. Даже опытный деятель может быть введён в заблуждение противобольшевистским содержанием листовки, обращения или «манифеста», если ему неизвестна цель, ради которой данный документ был изготовлен и пущен в обращение «кабинетом контра и дезо».

Наряду с тонкой работой по фабрикации документов, «дезориентирующих внутреннюю и внешнюю контрреволюцию», изготовляются там же документы более простого и шаблонного характера (открытые письма раскаявшихся, всякие предостережения отошедших от контрреволюционной деятельности и т. д.).

Наряду с кабинетом «контрагитации и дезорганизации» в ГПУ имеется ещё и так наз. «кабинет использования». Его заданием является использование материалов из эмиграционной печати и различных выступлений деятелей эмиграции для нужд и целей Кремля.

«Кабинет использования» подбирает всё, что касается обсуждения и анализа положения в СССР, в чём заключены различные предположения о том, какие именно мероприятия приведут советскую власть к катастрофе. Иначе этот кабинет часто называется коммунистами «бюро вырезок», т. к. основанием для работы кабинета служат бесконечные альбомы с вырезками из эмиграционных газет и донесений «сексотов» (секретных сотрудников) и комментариями к ним. По этим альбому готовятся затем специальные доклады и рефераты о том, что, по мнению эмиграции, должно привести советскую власть к гибели, почему именно и на что рассчитывает эмиграция и т. п.

Этими рефератами чрезвычайно интересуется Сталин и все видные коммунисты. Среди них это Бюро вырезок часто цинически называется концентрацией мнений «законосовещательной палаты», которая ничего не стоит советской власти.

Заданием ГПУ является устранение опасности, обозначенной в этих рефератах. Часто некоторые рефераты поступают на обсуждение «малого Политбюро» (по аналогии с «малым Совнаркомом»), в которое входят Сталин, Микоян (или Молотов), Менжинский (или Уншлихт). В компетентных кругах полагают, что существование и деятельность этого «кабинета использования эмиграции» слишком мало учитывалось в русских кругах за границей. Между тем, этот отдел ГПУ, связанный с генеральным секретариатом ВКП, принес советскому режиму достаточную пользу и приносит её сейчас.

Хорошей постановкой «кабинета использования» в значительной степени объясняется изворотливость советской верхушки и способность советских главарей подавить или иным образом преодолеть каждое движение в стране.

Точные сведения о противнике, провокация, подкуп и террор — бесспорные основания длительного существования советского режима. Диктатор Сталин доводит теперь эти механизмы советского властвования до крайнего напряжения. («Рассвет», № 177, 30. 7. 1929, с. 2)

Иными словами, за страницами «Дела труда» вырисовывается картина широко задуманной и осуществлённой органами ОГПУ провокации, использовавшей типичную для тех лет тактику раскола и взаимного обличения партийных групп и фракций, в результате чего «обличители» неизменно получали воздаяние той же мерой, что и обличаемые...

Вряд ли нам когда-либо удастся узнать, кто задумал и конкретно проводил в жизнь эту акцию, уговаривая Борового, сбивая в одну группу Ан. Андреева, В. В. Бармаша, В. С. Худолея, И. В. Хархардина и остальных, столь разных по своим характерам, индивидуальным взглядам и профессиям людей. Например, что заставило А. А. Борового, человека умного, интеллигентного, индивидуалиста в полном смысле слова, возглавить такую странную группировку, подписывая заявления и письма, которых ему предстояло стыдиться последующие годы жизни? «Допёк» ли его Солонович своим мистицизмом, путаницей, литературной несостоятельностью, оскорблявшей художественный вкус Борового, или было что-то ещё между ними? Чем объяснить истеричность заявлений Худолея, заставляющую усомниться в том, что они написаны им самим, а не под чью-то диктовку или вообще без его ведома? В этом отношении особенно показателен развёрнутый донос Ю. Аникста на Солоновича и анархо-мистиков, позволяющий заключить, что экспансивные московские анархисты оказались только пешками в игре, которую с далеко идущими намерениями разыгрывали в кабинетах ОГПУ на Лубянке.

По старому русскому обычаю, доносчику был положен «первый кнут», поэтому не стоит удивляться, что уже летом 1929 г. все «правдоискатели» оказались в тюрьмах, ссылках и в лагерях с разными сроками. Но на Руси, а тем более в советской России, политические доносы не залёживались. Первый удар на анархо-мистиков и Кропоткинский музей упал осенью того же года, когда была арестована группа молодёжи, организовавшая под руководством анархиста Н. Р. Ланга при Анархической секции Библиографический кружок по изучению трудов М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина. Затем, на протяжении лета и осени 1930 г. ОГПУ провело широкую акцию по ликвидации орденских кружков и связанных с ними анархистов в Ленинграде, Нижнем Новгороде, Свердловске и Сочи, закончив арестами в Москве членов «Ордена Света», во главе которого теперь стоял Солонович⁷⁴. Почти всех арестованных ожидали лагеря, политизоляторы, в редких случаях — ссылка.

Как указывалось в обвинительном заключении, составленном помощником начальника Первого отделения Секретного отдела ОГПУ Э. Р. Кирре, *«анархо-мистическая контрреволюционная организация “Орден Света” ставила своей целью борьбу с совластью, как властью Иалдабаофа (одним из воплощений Сатаны)»*. Фактическим же основанием для последующего осуждения явились: 1) обнаруженная у одного из членов Анархической секции листовка с протестом против принудительной коллективизации, 2) лекции Солоновича по истории философии с резкой критикой материализма и большевиков, 3) машинописные экземпляры его же работы «Бакунин и культ Иалдабаофа», где автор писал, что *«большевики... разъединили город и деревню благодаря мероприятиям военного коммунизма, удушили революцию и... обособили себя в новый, неслышанно беспощадный и глубоко реакционный отряд иностранных завоевателей»*. В другом месте он писал, что для освобождения человечества должно возникнуть новое рыцарство, как в эпоху Крестовых походов — новая интеллигенция, которая в основу положит свою волю к действительной свободе, равенству и братству в человечестве⁷⁵.

Кем же были эти люди, не побоявшиеся выступить против только ещё становящейся коммунистической диктатуры в её самом сокровенном — в идеологии? Заговорщики?

⁷⁴ Подробнее о деле «Ордена Света» см.: Никитин А. Тамплеры в Москве. // Наука и религия, 1992, №№ 4-12; 1993, №№ 1-4, 6-8.

⁷⁵ ЦА ФСК РФ. Дело... об «Ордене Света», т. 2, л. 6.

Мечтатели? Авантюристы? Мне кажется, ни то, ни другое, ни третье. Они были действительно рыцарями — рыцарями России.

Каждая эпоха своими ситуациями как бы бросает человеку «вызов», полагал известный английский культуролог А. Тойнби, и судьба его (человека, общества) зависит от того, как он на такой вызовотреагирует, каким будет его «ответ». Рассматривая ситуацию, складывавшуюся в России в постреволюционный период, можно заметить, что исход событий был предреши́т задолго до того, как революция совершилась, причём решающим фактором оказалась не стратегия большевиков, а характер русского народа.

В ряде статей начала Первой мировой войны известный философ Н. А. Бердяев неоднократно возвращался к вопросу ущербности национального русского характера, не знавшего, в отличие от народов Западной Европы, института рыцарства. *«С этим связано, — писал он, — недостаточное развитие личного начала в русской жизни. Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворённости в стихии земли, в лоне матери. Рыцарство куёт чувство личного достоинства и чести, создаёт закал личности. Этого личного закала не создавала русская история...»*⁷⁶

И далее он возвращался к этой же мысли: *«Русский человек не ставил себе задачей выработать и дисциплинировать личность, он слишком склонен был полагаться на то, что органический коллектив, к которому он принадлежит, за него всё сделает для его нравственного здоровья... Русскому человеку было прежде всего предъявлено требование смирения. В награду за добродетель смирения ему всё давалось и всё разрешалось. Смирение и было единственной формой дисциплины личности. Лучше смиренно грешить, чем гордо совершенствоваться... Какой-нибудь хищник и кровопийца может очень искренно, поистине благоговейно склоняться перед святостью, ставить свечи перед образами святых, ездить в пустыни к старцам, оставаясь хищником и кровопийцей. Это даже нельзя назвать лицемерием. Это — веками воспитанный дуализм, вошедший в плоть и кровь, особый душевный уклад, особый путь...»*⁷⁷

«Особый душевный уклад» русского народа и привёл к победе большевиков — к развалу фронта, к безнаказанности октябрьского переворота, к разгону Учредительного собрания, к заключению позорного мира с Германией, который аукнулся нам в Прибалтике, к «красному террору», а затем и ко всей братоубийственной войне против собственного народа, превратив Россию — в СССР, в «лагерь социализма», ставший лагерем всеобщего уничтожения: народов, природы, национальных богатств и национальной культуры... И всё это особенно ярко и болезненно проявилось сразу же после окончания Гражданской войны, когда «чуждая идеология», под которую подпадало всё, что не соглашалось или прямо отрицало насаждавшийся вульгарный материализм, была приравнена к контрреволюции и террору.

Что могло встать на пути мощной машины репрессивного аппарата коммунистов? Что можно было противопоставить аморальной Проповеди «вседозволенности во имя революции»? Таких оппозиционных сил не было. В России рыцарский характер ещё только выковывался в отдельных индивидуумах, обещая проявиться в формировавшейся тогда русской интеллигенции, принявшей на себя в известной мере миссию западноевропейского рыцарства, но слишком поздно выступившей на общественную арену.

Бердяев тонко подметил и ещё одну важную черту — глубокую аполитичность русского народа в целом, для которого *«государственная власть всегда была внешним, а не внутренним принципом... Русские радикалы и русские консерваторы одинаково думали, что государство — это (какие-то) “они”, а не “мы”...»*⁷⁸

В этом плане занесённое в Россию А. А. Карелиным тамплиерство оказалось таким же порождением русского духа, как и его анархическая стихия: в отличие от своих исторических

⁷⁶ Бердяев Н. А. Душа России. // Н. А. Бердяев. Судьба России. — М., 1990, с. 13.

⁷⁷ Он же. О святости и честности. Там же, с. 75—76.

⁷⁸ Он же. Душа России. Там же, с. 13.

предшественников русские тамплиеры не создали, да, видимо, и не стремились создать организацию, которую тщетно старались найти у них следователи ОГПУ. За исключением молодёжных студенческих кружков, «рыцари» стояли вне политики, не примыкали ни к каким партиям, занимаясь делом воспитания и совершенствования духовной и моральной структуры человека, его самосознания, как основы для формирования нового человеческого общества и нового взгляда на окружающий мир, на человека и вселенную. Они были мистиками, а не материалистами, верили больше разуму, чем телу, и потому обращали своё внимание не на меняющиеся формы власти, а на те идеи, которые эти формы порождают. Они знали, что лечить следует не результаты, а причины заболевания общественного организма, и как истинные рыцари посвящали себя служению будущей России, которую провидели и в которую верили.

По делу собственно «Ордена Света» в Москве было арестовано чуть больше тридцати человек, чьи имена фигурируют в следственном деле: А. А. Солонович, преподаватель математики в московских вузах и его коллеги — Д. А. Бем, совмещавший свою работу с должностью заместителя заведующего музеем Кропоткина, Е. К. Бренев, Н. В. Водовозов, К. И. Леонтьев, А. С. Поль, Е. Н. Смирнов; библиотечные работники П. Е. Корольков, Е. Г. Адамова, художники и издательские работники А. А. Никитин, А. И. Смоленцева, А. В. Уйттенховен; режиссёр Ю. А. Завадский, певица Е. А. Поль, хореограф Н. А. Леонтьева, преподаватель музыки В. Ф. Шишко и ряд других лиц. В различных орденских кружках, кроме перечисленных ранее, состояли музыканты и композиторы В. И. Садовников, С. А. Кондратьев, артисты Р. Н. Симонов, М. Ф. Астангов, А. И. Дейкун, А. И. Благодоров, Г. Е. Ивакинская, деятели науки — географ А. С. Барков, литературовед Д. Д. Благой, искусствоведы Д. С. Недович, В. О. Нилендер, А. С. Петровский и многие, многие другие представители московской интеллигенции, не считая вузовской молодёжи.

Занимаясь судьбами этих людей, изучая их жизненные пути, отражённые в собственноручных показаниях и безликих протоколах допросов, я обратил внимание на факт, как мне представляется, в известной мере позволяющий понять психологию русских тамплиеров. За исключением старших рыцарей (более старших по возрасту), большинство их принадлежало к тому поколению, которое было сорвано со студенческой скамьи в начале Первой мировой войны и брошено на её фронт. Им выпало пережить две революции, почти все они так или иначе побывали в огне Гражданской войны, причём на стороне советской республики, а вернувшись, тотчас же принялись за культурную работу, часто так и не закончив высшее образование. Никто из них никогда не пытался бежать из России, хотя такие возможности у каждого из них были; никто не порвал с ней, ощущая судьбоносную неразрывность с родной землёй и с той чередой предшествующих поколений, которые эту землю обихаживали, обстраивали, защищали и просвещали.

Сознательная «обручённость» своей жизни, своего творчества, своей судьбы с Россией и её народом, кто бы им ни управлял, готовность идти по этому пути до конца — стали для российских тамплиеров реализацией понятия «долга», на основе которого только и может возникнуть подлинное рыцарство. Долг для них в первую очередь воплощался в служении самой России, поскольку из официальной истории и семейных преданий они сизмальства твёрдо усвоили, что хотя времена бывали всякие, когда — полегче, когда — потяжелее, их дело оставалось одним и тем же, потому что всегда «за плечами» оказывалась «земля Русская»...

Труднее им было определиться с другим — с самими собою, со своей жизнью, которая в любой момент могла полететь «под откос», как рядом летели другие жизни — близких, далёких, совсем неизвестных... Так что же: был человек — и нет человека? Совсем? Навсегда? Зачем же тогда она, жизнь?!

Разбираться в таких «конечных» вопросах выпало опять-таки на долю этого поколения, выросшего в атмосфере отнюдь не безверия, а лишь устойчивого антиклерикализма, поскольку официальная Церковь большинством русской интеллигенции воспринималась как один из государственных департаментов, тем более, что насильно вбиваемый на уроках «закон Божий» оказывался в вопиющем противоречии как с естественными, так и с точными и гуманитарными науками. Вопрос об отделении православной Церкви от государства, от школьного образования, поднимался задолго до печально-знаменитого декрета 1918 г. Это потом, когда Церковь стала гонимой и уничтожаемой, к ней в поисках защиты и опоры потянулись сломленные и мятущиеся души. Но что она могла им дать? Она сама лихорадочно искала приемлемые формы компромисса с коммунистами, пыталась чисто физически выжить и повторяла те же слова, что и при татарах: «надо смириться, надо претерпеть...»

В отличие от римской, восточная Церковь никогда не вступала борцом и защитником угнетённых — она была лишь «утешительницей смиренных»...

По счастью, природа не терпит пустоты. Кризис религиозного сознания в России, развивавшийся с XVII века под влиянием успехов науки и культуры, контактов с Европой, в разных слоях общества принимавший различные формы и проявления — от «староверчества», верившего в букву сильнее, чем в смысл, или блудодейства хлыстовщины, до утончённейшего магизма розенкрейцеров и герметической учёности теософов — в начале XX века получил мощнейшую поддержку со стороны разворачивавшейся «научной революции», захватившей не только области точных и естественных наук, но, что особенно важно, и древнейшие периоды истории человечества.

Тогда открывались не просто руины древних городов. Происходило открытие неведомых культур, ни на что не похожей архитектуры, новых космогоний и философий, которые странным образом находили подтверждение отдельным своим прозрениям в открытиях современных физиков и астрономов. Именно в те десятилетия был заложен фундамент «воспоминаний о будущем», суть которых сводилось к тому, что всё, к чему прикасались археологи, фольклористы, религиоведы, филологи и мифологи, представлялось осколками некогда единого целого, существовавшего в пространстве и времени, что теперь следовало собрать, склеить и осмыслить. Требовалось только правильно разгадать символы и иероглифы, чтобы найти сокровенный «ключ к тайнам натуры», обрести «философский камень» и вырастить в колбе гомункулуса, восстановив тот путь, по которому шли лучшие умы предшествующих поколений.

Не будем упрекать этих людей в наивности и легковерии. Они стремились сочетать современную науку с мистическими прозрениями прошлого, потому что им была необходима новая вера, убеждённости в том, что как бы ни была тягостна и беспросветна эта жизнь, готовая в любой момент оборваться выстрелом чекиста в затылок, сами они стоят над этими тяготами, продолжая дело, которое делали «в мирах и веках». Они были уверены, что гибель физического тела не может повредить заключённому в нём духу, который работает вместе с другими своими братьями над упорядочением хаоса Мироздания, частицей которого оказывалась и наша — их — Россия.

В это и заключалась вся философия и вся «программа» рыцарей-тамплиеров: творить добро, противодействуя злу, совершенствовать мир, совершенствуя в первую очередь себя, и содействовать победе Света над тьмою, которая является не чем-то самодовлеющим, а всего только отсутствием этого Света.

Орден Тамплиеров в Советской России⁷⁹

Изучение жизни русского общества в период двух послереволюционных десятилетий основывалось на традиционных источниках: официальных документах, отложившихся в государственных архивах, периодике тех лет, дневниках, письмах и воспоминаниях, как правило, прошедших апробацию цензуры. Разница между отечественными и зарубежными публикациями заключалась в том, что из последних мы узнавали о людях и событиях, на которых в советской России было наложено цензурное «табу», да в более откровенной оценке происходившего и происходящего в собственной стране. Другими словами, восстанавливаемые и анализируемые картины прошлого советской жизни по обе стороны границы отличались не качественно, а количественно. В первую очередь это касается области науки, культуры и искусства и отношения их представителей к внутренней политике, проводившейся правящей партией.

Несколько иначе обстояло дело с раскрытием политической жизни страны, однако за последнее десятилетие и здесь произошли столь разительные перемены, что, похоже, не приходится ожидать никаких сенсационных, а главное — принципиально важных открытий в до сих пор засекреченных «особых» архивах России. Максимально, на что может рассчитывать в этой области исследователь, это выяснение истинного лица того или иного политического деятеля и его стремлений, объяснение подоплёки остающегося загадочным события и тому подобное, не меняющее принципиальных контуров уже известной нам картины.

Однако, как выяснилось, существует обширный пласт жизни 20-х и 30-х годов прошлого века, оказавший мощное, а главное — продолжающееся влияние на процесс духовного развития российской интеллигенции практически во всех областях культуры, науки, искусства и самой жизни, до самого последнего времени остававшийся совершенно неизвестным. Речь идёт о мистических обществах, мистических движениях и орденах, существование которых хранилось в глубокой тайне как оставшимися в живых посвящёнными, пережившими годы тюремного заключения, ссылки и концентрационных лагерей, так и официальными органами власти, скорее всего, просто забывших об их существовании.

Догадаться о наличии такого скрытого пласта можно было и раньше с началом публикаций фантастических произведений А. В. Чаянова, С. А. Клычкова, а главное — знаменитого романа М. А. Булгакова о Воланде, в котором на улицах Москвы 20-х годов вдруг объявляются потусторонние рыцари в полном антураже средневековой мистики и оккультизма. Последующее более внимательное чтение литературы того десятилетия, показало неслучайность интереса их современников ко всему оккультному и инфернальному. Эта струя, хорошо прослеживаемая у раннего Булгакова, ярко проступает в творчестве молодого В. А. Каверина, Л. М. Леонова, Ю. А. Слёзкина и многих других современных им прозаиков.

Сходное явление на протяжении тех же 20-х годов можно обнаружить в театре и в живописи. Символизм, превратившийся на сцене в конструктивизм, неизбежно нёс в себе мистическое восприятие мира, как бы его ни пытались трактовать теоретики театра, рассуждая о «новом искусстве», «пролетарском искусстве», «биомеханике» и прочем. Первые театральные постановки С. М. Эйзенштейна в московском театре Пролеткульта («Мексиканец» по Дж. Лондону, «Лена» В. Ф. Плетнёва и др.), постановки В. Э. Мейерхольда, наконец, спектакли 2-го МХАТа с участием М. А. Чехова («Гамлет», «Ревизор», «Петербург») — все они были проникнуты попыткой оформителей и актёров показать «жизнь невидимую», раскрыть тайную

⁷⁹ В расширенном виде текст опубликован в журнале Russian Studies (СПб., 1995, т. I, кн. 4, с. 189-276) в качестве первой части исследования «Мистические ордена в культурной жизни советской России». Воспроизводится с сокращениями и без документальных приложений.

суть изображаемого, вывернув обыденность «наизнанку». То же самое можно было наблюдать на художественных выставках, где наряду с реализмом и импрессионизмом проявлялись те же тенденции, что в литературе и в театре, сводившиеся, в конечном счёте, к попытке увидеть подлинную суть вещей, реальность которой уже не подлежала сомнению, почему и писал Н. Гумилёв, что

Под скальпелем природы и искусства

Кричит наш дух, изнемогает плоть,

Рождая орган для седьмого чувства.

Что питало эти стремления, порывы и надежды? Что рождало их у людей, как можно заметить, весьма различных по своим характерам, воспитанию, образованию и мировоззрению? Я пишу здесь о представителях искусства только потому, что их творчество, как результат душевной и интеллектуальной жизни, продукт этой жизни, особенно наглядно и открыто для всех, тогда как жизнь человека науки протекает изолированно от общества, а его внутренние переживания претворяются (или откладываются) в реалиях, требующих специальной подготовки и знаний.

На первый взгляд, весьма распространённый в предшествующие десятилетия, эти искания форм и смыслов явились непосредственной реакцией на окружающую действительность, на события мировой и Гражданской войн, на годы революции, на перестройку жизни общества и «переоценку ценностей». Другими словами, творящие откликались на требование времени, выполняя некий «социальный заказ». Однако внимательное рассмотрение общей картины происходившего убеждает в обратном: время и общество отнюдь не требовали таких формалистических опытов и символического прочтения реальности.

Наряду с «революционным» искусством, к слову сказать, занимавшим лишь небольшую часть общего пространства, продолжало существовать и развиваться традиционное реалистическое искусство, пользовавшееся у «масс» как раз большей популярностью и любовью. Подтверждений тому находится достаточно много как в периодике тех лет, публиковавшей письма возмущённых зрителей по поводу «футуристических» выставок и спектаклей, так и в ряде мемуаров театральных деятелей, вспоминавших, что на подобные спектакли (Пролеткультов, ТРАМов) красноармейцев, рабочих и служащих отправляли «по разнарядке».

Любопытно и другое, столь же известное: наряду с репрессиями, обрушившимися на российскую интеллигенцию в конце 20-х и в 30-х гг., закрытию и уничтожению поддавало не только политическое инакомыслие, религиозность, склонность к «идеализму», но и всё так называемое «левое» искусство — то самое «революционное» искусство, которое по сути своей было абсолютно аполитично, а если и пользовалось «революционными фразами» или политическими лозунгами, то лишь для собственного оправдания и выживания в условиях пролетарской диктатуры.

Иными словами, всё это «новое» искусство, а более точно — экспериментальное искусство, пытавшееся отразить скрытую сущность повседневной реальности (т. е. в своей основе глубоко мистическое), совершенно справедливо приравнялось инквизиторами той эпохи к мистике, с которой они вели беспощадную борьбу, как со всем, что могло способствовать противостоянию людей жесточайшему напору вульгарного материализма.

Опасность заключалась не в чёрных, красных и белых квадратах, не в разложении формы на геометрические фигуры, её составляющие, не во взаимопроникновении образов, не в непонятных аккордах музыки, не в расплывчатости, неопределённой волнительности поэтических образов и не в «возрождении древнего язычества», жившего ещё среди тёмной и жестокой массы крестьянства, а в том, что всё вместе это утверждало бытие не одной, а многих

реальностей, в которых жил человек. Следовательно, и сам он оказывался не биологической машиной, не животным, а существом многоплановым, способным жить и развиваться в разных измерениях пространства и времени.

Отсюда оставался уже один шаг до признания у человека бессмертной сущности — но последнее и оказывалось самым страшным, самым губительным для той мировоззренческой повязки, с помощью которой только и было возможно оправдать происходившее в стране, чтобы повести ослепшие массы по пути животной жизни. В результате, всё искусство, кроме сугубо реалистического, было объявлено враждебным — народу, массам и т. п., а потому подлежащем преследованию и уничтожению. Оно прямо приравнивалось к «враждебной идеологии», к религии, к мистике, к идеализму — совсем так, как это чуть позже произошло в Германии после прихода к власти Гитлера, показав, что ни одна тоталитарная система не может примириться с существованием иных мыслей и иных миров, кроме тех, которые она утверждает.

Вопрос о том, было ли реальное основание для такой репрессивной политики, т. е. существовала ли мистическая подоплёка «нового» искусства 20-х гг. в России, сейчас решается однозначно на основании материалов открытых архивов и сообщений зарубежной печати тех лет, находившейся у нас в спецхранах и не привлекавшей внимание редких прорывавшихся туда исследователей — отчасти благодаря своей специфики, а отчасти — закамуфлированное. В противном случае исследователи творчества С. М. Эйзенштейна, казалось бы всесторонне (а на самом деле — весьма поверхностно) изученного у нас и за рубежом, увидели бы в разработке «Мексиканца» воплощение принципов оккультизма и мистической символики как в оформлении сцены, так и в игре актёров.

Больше того, им стоило бы обратить внимание на слова Эйзенштейна, что осенью 1920 г. он был принят в Орден розенкрейцеров, а в последующее время продолжал интересоваться оккультизмом и мистикой⁸⁰, хотя всячески это скрывал. Менее известно другое: что М. А. Чехов был не только последователем Р. Штейнера и учеником А. Белого, под влиянием которого был поставлен на сцене 2-го МХАТа «Петербург», но ещё и рыцарем высокой степени Ордена тамплиеров.

К Ордену тамплиеров в России принадлежали такие деятели советской театральной сцены, как Ю. А. Завадский, Р. Н. Симонов, В. С. Смышляев, А. И. Благоданов, М. Ф. Астангов; из деятелей киноискусства — В. А. Завадская, Ю. Д. Быстрицкая, кинорежиссёр С. Д. Васильев; из писателей — Г. П. Шторм, И. А. Новиков, П. А. Аренский; из литературоведов В. О. Нилендер, Н. П. Киселёв; искусствоведы Д. С. Недович, А. А. Сидоров; метеорологи М. А. Лорис-Меликов и А. А. Синягин; из востоковедов — Ю. К. Щуцкий, Ф. Б. Ростопчин; биофизик М. И. Сизов; из музыкантов — композитор С. А. Кондратьев, певец В. И. Садовников и многие другие. В этом перечне найдут своё место имена художников, архитекторов, музейных, библиотечных, издательских работников, инженеров, строителей, юристов, преподавателей вузов, даже резидентов советской разведки за границей⁸¹. И здесь мы сталкиваемся с естественным ограничением: большинство этих людей или неизвестны, или забыты.

Почему так произошло?

Начать следует с причины самой обыденной — с тех волн репрессий, которые часть причастных к мистическим орденам и обществам людей просто вывели из жизни, а на других

⁸⁰ *Эйзенштейн С. М.* Мемуары, т. 1. — М., 1997, с. 61-64.

⁸¹ Брендстед Михаил Михайлович, сын обрусевшего датчанина, близкий друг А. А. Карелина, С. А. Кондратьева, П. А. Аренского, Ю. А. Завадского; член Комитета по увековечению памяти Карелина; в 1929 или 1930 г. уехал через Данию в Париж, где работал резидентом советской разведки до середины 50-х гг. Был близок с Н. А. Бердяевым. О его работе за рубежом см. *Хенкин К.* Охотник вверх ногами. — М.: «Герра», 1991, с. 17 («Бронстад»),

навесили тяжёлый замок молчания, вполне объяснимый страхом от перенесённого и возможностью повторных гонений.

Немалую роль в этом сыграли и другие факторы: отъединённость от прежних друзей и единомышленников в условиях ссылки, которая стала «новой родиной», в исчезновении потаённой литературы, которая подпитывала их ум и чувства, в невозможности общения из-за отсутствия соответствующих собеседников, из-за постоянной настороженности по отношению к окружающим.

Очень немногие из оставшихся в живых после репрессий, вернувшиеся в интеллектуальные центры страны, в первую очередь — в Москву и Ленинград, нашли в себе желание и силы, чтобы восстанавливать прежние связи и собирать остатки орденского «самиздата», который в большом количестве циркулировал в 20-х гг., питаясь переводами статей и книг, выходивших за рубежом, и оригинальными сочинениями, распространявшимися анонимно в рукописях или машинописном виде. О содержании тогдашнего «самиздата» даёт представление статья некоего М. Артемьева, опубликованная в нескольких номерах газеты «Рассвет», выходившей в Чикаго⁸². Широта и разнообразие тематики, стремление охватить и осознать происходившее, проникнуть в глубинные смыслы процессов, характеризует творчество неизвестных нам авторов, чьи произведения, если бы удалось их разыскать, оказались бы поистине бесценны для понимания событий тех лет.

К сожалению, особенно рассчитывать на их восстановление не приходится. В то время рукописи уничтожали не только в печах ОГПУ, но и сами авторы, если нависала угроза обыска и ареста, а вместе с ними гибли и книги, посвящённые идеалистической философии, богословию, мистике и всему тому, что шло вразрез с господствующей идеологией. Правительство коммунистов проводило тактику «выжженного пространства» души человеческой, тактику выжженности духовного пространства нации, чтобы не за что было зацепиться ни взглядом, ни мыслью.

Люди, которые продолжали нести в себе память об иных мирах, старались не только эту, но и память о прежних друзьях запрятать столь глубоко, что убеждали в этом не только других, но, порой, и самих себя. Так произошло, например, с известным советским режиссёром Ю. А. Завадским, который с первых своих допросов на Лубянке осенью 1930 г. принял на себя амплуа «беспамятного» и с той поры уже не расставался с ним, уверив под конец жизни всех, что он «ну, совершенно ничего не помнит». Достаточно сказать, что даже сыну своему он лишь однажды проговорился, что сидел в тюрьме, но по какой причине, сколько времени и как — так и не рассказал, отговорившись «недосугом»⁸³.

Здесь мы подходим к другому, столь же серьёзному препятствию, встающему перед исследователем — к отрывочности, случайности, а то и просто отсутствию информации о мистиках и мистических организациях, которую в настоящее время можно найти только в архивах органов ФСК РФ и республик бывшего Советского Союза — бывших архивах ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ.

На эти поистине бесценные архивы часто смотрят лишь как на память о миллионах невинно осуждённых и замученных в советских застенках и концлагерях. В известной мере, так оно и есть. Однако нельзя забывать и другого: эти архивы являются единственными центрами, в

⁸² Артемьев М. Подпольная литература в советской России. // Рассвет, Чикаго, 1930 г., №№ 233-235. В той же газете были напечатаны другие статьи этого автора: «Преследования анархистов в советской России» (№ 240), «Три кита большевизма (ложь, насилие, эгоизм)» (№245), «Об очевидцах и свидетелях «оттуда»» (№№ 254-256), «Правовые основы безвластия» (№№ 277-280, 295-297), а также в журнале «Пробуждение»: Анархические начала русской культуры (№№ 14, 16).

⁸³ Личное сообщение Е. Ю. Завадского.

которых сосредоточена уникальная информация как о людях, так и об их мыслях, жизни, стремлениях, а вместе с тем — об ошибках, заблуждениях, геройстве и подлости. Мне не раз приходилось убеждаться, что архивы эти «помнят» даже о том, о чём успели забыть многие из выживших, вернувшихся к жизни, но на каком-то её этапе оставившие там свою память.

Архивно-следственные дела репрессированных — сложный, очень ёмкий и в то же время противоречивый источник информации, содержание и степень достоверности которого менялись от периода к периоду. Так на протяжении 20-х гг. они показывают в достаточной мере спокойное течение следствия, когда охват собираемого материала был достаточно широк, а подследственный имел возможность писать свои показания собственноручно (т. е. вести протокол), отвечая таким образом на ставившиеся перед ним вопросы, но при этом ещё что-то утаивая или не фиксируя полностью свой ответ, как о том вспоминала, например, Е. А. Поль. Для тех лет характерно привлечение возможно большего круга не только обвиняемых, но и свидетелей, часть которых затем отпускалась, причём некоторые обвиняемые могли находиться какое-то время на свободе, дав подписку о невыезде из города. Однако всё это нисколько не гарантировало от совершенно неожиданного по жестокости приговора, где факты могли быть утрированы, искажены, а иногда и просто придуманы, точно так же как прекращение дела часто не служило гарантией от возможных неприятностей — сокращения по службе, «вычистке по 1-й категории» и т. п., что в перспективе грозило вероятностью нового, уже более серьёзного ареста.

Но эта же практика «обстоятельности» следствия позволяла накапливаться в следственном деле множеству документов, начиная с ордера на арест и обыск, протокола обыска, анкеты арестованного, протоколов допросов, до различных квитанций (сданные вещи, деньги), служебных записок о перемещении арестованных, медицинских освидетельствований, переписки с родными и следователями, различного рода заявлений, наконец, приговорного материала и документов, свидетельствующих о дальнейшей судьбе осуждённых и их перемещений — из тюрьмы на этап, в политизолятор, ссылку, оттуда — на поселение, что завершалось часто справкой об отбытии наказания и выезде по избранному адресу.

Иногда сопровождающие дело документы, так называемое «контрольное производство», куда подшивались последующие запросы и справки о людях, проходивших по данному следственному делу, дают возможность определить если не судьбу человека, то его местонахождение в какие то моменты его жизни, занятия и даже протяжённость жизни. В архивно-следственных делах этого периода нередки пакеты с изъятыми при обыске материалами — письмами, меморандумами, дневниками, записками, личными документами и т. п., позволяющими лучше представить суть дела. С другой стороны, этот период характеризуется повышенным интересом следователей к биографии свидетеля или подследственного — к его происхождению, близким родственникам, занятиям и работе на протяжении всего предшествующего периода, политическим убеждениям, которые, как правило, в то время подследственными не скрывались.

Другой характерной чертой этого периода, продолжавшегося примерно до декабря 1934 г., т. е. до убийства Кирова (после чего начинается совершенно иная репрессивная политика, рассчитанная на уничтожение), следует считать отношения между «политическими» подследственными, т. е. теми, кто обвинялся по ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР, и ведущими дело следователями, которые, особенно в Москве, были достаточно корректны. Такое впечатление, вынесенное мною из знакомства с архивно-следственными делами, мне подтверждали все, кто испытал репрессии тех лет и дожил до недавнего времени. Было ли это исключением, которое касалось только интеллигенции, мистиков и анархистов, о которых я собирал сведения, или же распространялось и на более широкий круг арестованных, выходявший за пределы подведомственности Секретному отделу ОГПУ — не знаю, но что

именно этим отношением были вызваны многие многостраничные «исповедальные» показания и автобиографии, содержащие изложение собственной позиции, взглядов, верований, направления деятельности, отношения к советской власти (порой, весьма негативного), сомневаться не приходится.

Я отнюдь не хочу создать впечатление, что аресты и допросы проходили в «семейной обстановке», отнюдь нет. Были бесконечные нажимы, угрозы, моральное давление и даже пытки горячей и холодной камерой, непрекращавшийся поединок между следователем и подсудимым, в результате которого многие «ломались», становились на всю жизнь секретными агентами ОГПУ, но в Москве 1930 г., например, не было ещё такого садизма и массовых расстрелов, какими славилось тогда тифлисское ГПУ в Ортачалах, да и вообще вся периферия. Отсюда следует, что даже в любом правдивом показании, в особенности, если подсудимый отказывается сотрудничать со следователем, заключена определённая неправда и в огромных масштабах — умалчивание. В то же время (и это обязательно следует иметь в виду каждому историку культуры), имея дело с мистическими организациями следователи меньше всего интересовались самой мистикой, ритуалами посвящения, символикой, содержанием мистических легенд и текстов, короче говоря, жизнью собственно духовной, всё своё внимание обращая на организационные структуры, на личные связи, на факты нелегальных собраний («сборищ»), на их периодичность, на отношение к политике правительства, суждения о тех или других мероприятиях советской власти, — короче, на всё то, что могло представить орденский кружок в качестве подпольной политической организации, преследующей задачи борьбы с существующим строем⁸⁴.

Отсюда — отрывочность сведений, их фрагментарность, порой явные ошибки, свидетельствующие о незаинтересованности следователей в точной и полной фиксации показаний при обострённом интересе к именам, адресам, записным книжкам, дневникам и переписке, изымаемым при обыске.

Совсем иной характер следствия открывается в архивно-следственных делах 1935-1940 гг. На протяжении всего этого периода видны действия чётко отработанной репрессивной машины, задачей которой было возможно быстрое принуждение к самооговору, влекущему за собой ВМН — высшую меру наказания, т. е. расстрел. Все, кого не удавалось подвести под ВМН, отправлялись в концлагеря: ссылка в этот период предназначалась только для совершенно непричастных к делу членов семьи, которым нельзя было ничего инкриминировать.

Архивно-следственные дела этого периода значительно объёмнее предшествующих, однако увеличение объёма происходило не за счёт расширения документации и широты показаний, а за счёт «прокрутки» подсудимого всё на тот же предмет самооговора с привлечением возможно большего числа людей, которых затягивал следственный конвейер. О самих людях, их образе жизни, вообще об их прежней жизни в этот период можно узнать немного: биографические данные в протоколах резко сокращаются, отсекаются все сведения о родственниках, даже о родителях, и человек предстаёт как бы «голым на голой земле», в которую его и пытались как можно скорее уложить. Никого не интересовала его духовная жизнь и его убеждения, если только они не несли политической окраски. В последнем случае ему даётся возможность снова и снова отвечать на одни и те же вопросы допрашивающих, описывая свою работу, взаимоотношения с начальством и подчинёнными, особенно если за этим открывается возможность создания группового дела, «троцкистской» или «правооппозиционной» организации. Люди, зачисленные в такую «организацию», начинающую циркулировать в

⁸⁴ В этом отношении интересно сравнить показания А. С. Поля и интерпретацию этого материала следователем в обвинительном заключении по делу «Ордена Света», которое публикуется в данном сборнике.

следственных делах на протяжении одного года или более (первые признавшиеся уже расстреляны, последние, ничего не подозревая, ещё ходят на свободе, тогда как «среднее звено» даёт показание), как правило, были обречены.

По счастью, большинство мистиков избежало этой смертной карусели, поскольку по своим специальностям (актёры, музыканты, художники, литераторы, преподаватели, музейные работники, научные сотрудники и пр.) они находились вдалеке от борьбы за власть, от начальственных интриг и ведомственных склок, порождающих доносы, которые бежали, словно огонь по ниточке бикфордова шнура, к трагическому взрыву, после которого начиналась уже цепная реакция, как и в предшествующее время основанная на перечнях имён в записных книжках арестованных.

Протоколы этого времени сухи, примитивны, состоят из вопросов и ответов, записанных казённым (порой — малограмотным) языком самими следователями, и сводятся, как правило, к тому, чтобы вынудить признание в несодеянном. В делах этого периода напрасно искать изъятые при обыске бумаги и документы, поскольку они обычно уничтожались, здесь нет фотографий арестованных, а если подследственный чудом избегал фатальной аббревиатуры ВМН в результате собственной позиции и согласного показания подельников, что он к ним никакого отношения не имеет, как то произошло в 1937 г. с П. А. Аренским⁸⁵, то он мог получить *только* пять лет колымских лагерей...

В силу указанных причин архивно-следственные дела этого периода содержат минимальное количество информации по мистическим движениям в России и содержанию самого мистицизма, будучи нацелены исключительно на возможность политического обвинения (террор, подрывная работа, антисоветская пропаганда и агитация), и, по большей части, важны исследователю лишь для выяснения судьбы человека, попавшего в «ежовскую мясорубку». Соответственна и ценность этих вынужденных показаний, когда, с одной стороны, человек пытался дать минимум информации о тех, кто интересовал следственную группу, а с другой — подвергнутый допросам с мордобоем и пытками, как о том пишут некоторые из выживших и подавших уже при Л. П. Берии заявления на пересмотр своих дел, будучи в невменяемом состоянии оговаривал других и признавался в несовершенных поступках⁸⁶.

Столь же отличны и архивно-следственные дела третьей волны репрессий, приходящейся на 1948-1951 гг., когда по всей стране шёл подлинный «отлов» ранее репрессированных по ст. 58 УК для препровождения их снова в концлагеря или «на вечное поселение».

Как правило, в этот период новое уголовное дело возбуждалось по справке, составленной на основании первичного дела 20-х или 30-х гг., после чего выносилось «постановление на арест», а дальнейшее следствие заключалось в повторении арестованным старых показаний и в привлечении свидетелей-сослуживцев, подтверждавших или (что тоже случалось) не подтверждавших факты антисоветских высказываний арестованного и его «недобросовестного отношения к работе». Все без исключения следственные дела этих лет содержат типовую анкету с приметами подследственного, отпечатками всех пальцев рук, фотокарточкой, однако протоколы допросов, за редким исключением, шаблонны и несут сравнительно мало информации по интересующим нас вопросам. Впрочем, иногда в них удаётся почерпнуть дополнительные биографические сведения о самом человеке, о некоторых его родственниках и знакомых, о которых он рассказывал с тем большей свободой, чем более достоверной была у него информация об их смерти или нахождении в заключении.

⁸⁵ ЦА ФСК РФ, дело Р-11994 Болотовой А. О. и других; обвинительное заключение.

⁸⁶ Например, заявление Г. А. Кирдецова на имя Наркома Внутренних дел СССР Л. П. Берия, поступившее 16. 4. 39 г. (ЦА ФСК РФ, дело Р-23618, т. 2, лл. 29-30).

Обычно именно в этих, самых поздних по времени делах можно найти документы об освобождении человека из лагеря или возвращении из места ссылки, обращение к прокурору о снятии судимости и материалы последующей реабилитации (или отказ в ней).

Подводя итоги такому далеко не исчерпывающему обзору, позволяющему, тем не менее, составить общее представление о характере и степени достоверности такого специфического источника информации, практически единственного для исследователя, занимающегося изучением мистических обществ и орденов в советской России, я хочу остановиться ещё на одной его особенности, а именно: отсутствии систематизации материала. Последнее означает, что за редким исключением следственные дела мистиков предстают (и числятся) как дела отдельных людей (или групп), не имеющих внешней связи друг с другом, проходя по регистрации исключительно по фамилии того или иного человека, добраться до которого можно только зная его имя, год и место рождения. Отсюда следует, что выявление групп и отдельных людей, принадлежавших к тому или иному объединению мистиков (будь то Орден тамплиеров, Орден розенкрейцеров, «Орден Света», «Орден Духа» и т. п.), возможно лишь путём непосредственного перехода исследователя от одного архивного дела к другому, выделяя из показаний подследственных имена и фамилии, представляющиеся наиболее «перспективными» для выхода на новую группировку.

Способ такой бывает сложен, а порою и непреодолим, потому что в исходном документе часто указывается одна только фамилия без полного имени, к тому же неверно записанная (не только следователем, но и самим подследственным). Однако даже полное имя, особенно при заурядности его элементов (Иван Александрович Петров) и отсутствии указания на место и год рождения, не спасает положения. Следует быть готовым и к другому. Например, когда, несмотря на неполные данные об одном из членов Ордена тамплиеров М. А. Лорис-Меликове, удалось разыскать его следственное дело, то выяснилось, что оно ничего не сообщает об его орденской деятельности, поскольку арестован он был не как мистик (анархо-мистик), а как «вредитель в метеослужбе» и проходил по другому отделу ОГПУ⁸⁷.

И всё же при всей неразработанности (и засекреченности) архивной службы ФСК РФ, при всей затруднённости получения материалов этих архивов, в особенности отдалённых от центров (следует сказать, что «ключи» к ним находятся в Справочно-информационном центре МВД в продолжающейся пополняться картотеке на лиц, осуждённых уже в наши дни), их документы являются драгоценнейшим источником, который позволяет впервые поставить (а в каких-то случаях — и решать) вопросы духовной жизни советской России, прослеживая влияние мистических обществ и орденов на развитие культуры и искусства.

При всей затруднённости пользования этим новым видом источников, при всей трудности обработки и осмысления материала, заключающегося в документах различного вида — анкетах, протоколах, служебной переписке, обвинительных заключениях и пр., — при всей их разноголосице, разнбое, ошибках, описках малограмотных протоколистов, современный исследователь находит в них структурную основу практически для всех дальнейших культурологических и специальных исследований в виде биографического материала и широко разветвлённых родственных, дружеских, служебных, орденских и прочих связей, представляющих реальную картину взаимодействия людей, их творчества и циркуляции идей в обществе.

В свою очередь, это открывает возможность проводить линии исследования дальше, в другие государственные или ведомственные архивы, где в фондах того или иного лица могли отложиться материалы, относящиеся к интересующему нас человеку (так в фонде А. А.

⁸⁷ ЦА ФСК РФ, дело Р-21177 по обвинению Лорис-Меликова М. А. и др.

Борового в РГАЛИ оказался не только интересный комплекс документов, связанный с Кропоткинским музеем, но и работы А. А. Карелина и А. А. Солоновича, стоявших у истоков русского Ордена тамплиеров, а в Государственном литературном музее удалось обнаружить полный комплект протоколов Исполнительного бюро общественного Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина за всё время существования Музея П. А. Кропоткина), или в семейных архивах, если удаётся проследить наследников и родственников (так произошло с литературным наследием С. А. Кондратьева, с частью орденского архива, сохранившегося у первой жены А. С. Поль, с остатками творческого наследия А. В. Уйттенховена, найденными в личном архиве М. Н. Жемчужниковой у её дочери, и т. п.).

Такой путь исследователя — от личности, возникающей в одном из архивно-следственных дел ОГПУ-НКВД-КГБ, к её окружению, семье и новым, возникающим в поле его зрения фигурам, позволяет воссоздавать наиболее достоверную картину явления в целом, под новым углом зрения рассматривая имеющиеся тексты, выходившие из этого круга людей или обращавшиеся в нём, открывая в них новое содержание и расшифровывая намёки, которым ранее не придавалось значения (например, рыцарская тематика в стихах).

Основателем Ордена тамплиеров в советской России стал А. А. Карелин — сначала народоволец, народник, затем на какое-то время эсер, а с 1905 г. убеждённый анархист, вынужденный эмигрировать во Францию⁸⁸. В Россию он вернулся в августе 1917 г., имея уже не только тамплиерское посвящение, но и задание основать здесь Восточный отряд Ордена тамплиеров. Будучи после П. А. Кропоткина крупнейшим теоретиком анархизма, писателем и организатором различных изданий в эмиграции, Карелин и по приезде в Россию развернул бурную анархистскую деятельность сначала в Петрограде, а затем в Москве, где уже в 1918 г. создал и фактически возглавил две федерации — Всероссийскую федерацию анархистов (ВФА) и Всероссийскую федерацию анархистов-коммунистов (ВФАК).

Авторитет Карелина, его энциклопедические знания, поразительный талант привлекать к себе людей, умение выслушивать их и уважать чужие мнения, снискали ему уважение представителей других партий⁸⁹ и выдвинули, вместе с его сподвижником, тоже тамплиером, Р. З. Эрмандом, приехавшим с ним из Франции, во ВЦИК от анархистов на правах фракции (наблюдательной). Такое положение наряду с широкими дружескими связями в советских верхах (напр., с А. С. Енукидзе) оказалось столь прочным, что практически до своей смерти 20. 3. 26 г. Карелин выступал как бы «гарантом» легального анархистского издательства «Голос труда», существования Общественного Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина и самого музея Кропоткина в Москве, ставшего последним центром (и памятником) анархистского движения.

Из показаний Н. А. Ладыженского в процессе следствия по делу «Ордена Света» осенью 1930 г. явствует, что первые шаги к созданию Ордена тамплиеров на российской почве Карелин предпринял не позднее 1919 г., имея в числе своих ближайших сподвижников анархиста Н. К. Богомолова (гимназического приятеля Ладыженского, через которого тот и был представлен Карелину) и преподавателя математики в московских вузах А. А. Солоновича. При разговоре Карелин предложил использовать формы орденской организации «для распространения идей анархизма»⁹⁰. Последнее можно расценить двояко: как попытку закамуфлировать подлинно

⁸⁸ О А. А. Карелине см.: *Никитин А. А.* Заключительный этап развития анархистской мысли в России. // Вопросы философии, 1991, №8, с. 95; *он же.* К событиям 20-х гг. вокруг Кропоткинского музея. // Труды комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. Вып. 2. — М., 1992, с. 93-98.

⁸⁹ Напр.: *Максимов Г.* Суд над Я. Блюмкиным в 1919 г. // Память. Исторический сборник. Вып. 3. — Париж, 1980, с. 380.

⁹⁰ ЦА ФСК РФ, дело Р-33312, т. 5, л. 237.

орденские устремления мистического плана от сподвижников-анархистов, не признававших никакой «мистики», или, наоборот, как попытку скрыть за духовным движением явление политического характера, на чём в своих обвинениях против мистиков неизменно настаивали органы ОГПУ-НКВД. Двойственность эта существовала на протяжении ряда лет до полного разгром властями того и другого движения, вызывая путаницу, недоумение окружающих, взаимные упрёки, а также установившееся за тамплиерами наименование их «анархо-мистиками».

Впрочем, иначе, вероятно, и не могло быть, ибо такая политико-идеологическая двойственность вызывалась ещё и условиями среды, в которой действовали тамплиеры. Так, будучи математиком, преподавателем математики в разных вузах Москвы, в первую очередь в МВТУ им. Баумана, А. А. Солонович, человек талантливый и экспансивный, работал одновременно по распространению этих идей в преподавательской и студенческой среде, причём если в первой он мог говорить со своими коллегами на языке науки, то к студенчеству требовался более простой и действенный подход с позиций современности и актуальности.

Всё начиналось с частных, нелегальных кружков, в которых Солонович читал лекции, посвящённые философии и политэкономии, которые начинались историческим обзором и критикой материализма, в следующем цикле переходили к утверждению идеалистического мировоззрения, к раскрытию мистического понимания мира и человека, а затем к изложению философских систем Востока, в том числе гностицизма. Изложение основ мировоззрения дополнялось лекциями по истории литературы и искусства, которые читали другие тамплиеры, например, А. С. Поль, блестящий лектор, закончивший не только Московский университет по зарубежной экономике и экономической географии, но ещё и Государственный институт слова, а в последующие годы, до своей смерти в 1965 г., остававшийся кумиром для нескольких поколений учащихся театральных вузов Москвы.

Занятия с анархически настроенной молодёжью в этих первичных кружках строились таким образом, что незаметно для слушателей происходил их качественный отбор, когда наиболее способные и развитые приглашались уже в другие кружки, где уровень преподавания и сюжеты занятий были значительно более серьёзными. Большинство же первичных слушателей начинало посещать библиотеку-читальню Кропоткинского музея, ходить на доклады членов Анархической секции Кропоткинского Комитета и другие мероприятия.

Кружки оказывались недолговечны и потому, что многие из них подвергались разгрому, а их участники — высылке. Разобщённость, случайность упоминания имён участников, не позволяют пока выяснить ни их количество, ни их окружение, ни дальнейшую судьбу. Так, например, только в результате случайного сопоставления, казалось бы, никак и ничем не связанных архивно-следственных дел В. С. Пикунова (1926 г.) и проходивших по делу «Ордена Света» А. И. Смоленцевой и И. Е. Рытавцева (1930 г.) удалось выяснить их причастность к одному кругу анархической молодёжи. Только благодаря личным воспоминаниям вдовы Пикунова В. И. Филоматовой, стало возможным установить тот факт, что кружок, собиравшийся в доме А. И. Смоленцевой, был самым теснейшим образом связан с квартирой А. А. Карелина в 1-м Доме Советов (ныне гостиница «Националь»), а та, в свою очередь, — с анархистами и анархо-мистиками Сергиева Посада, окрестностей Сочи и Батума.

Столь же сложны и разнообразны оказываются связи «преподавательского корпуса» Ордена тамплиеров, если представить, что преподаватель МВТУ С. Р. Ляшук, убеждённый анархист и анархо-мистик, о встречах с которым вспоминает в своих мемуарах писатель О. В. Волков⁹¹, был женат на сестре поэта и математика С. П. Боброва, разделявшего, к слову сказать,

⁹¹ Волков О. Погружение во тьму. М., 1989, с. 300.

этот круг идей своего зятя. Е. К. Бренев, преподаватель математики МВТУ, был женат на М. В. Коваленской, близкой родственнице С. М. Соловьёва, через которого (и через эллиниста В. О. Нилендера) он был связан с мистически настроенной интеллигенцией Москвы, в том числе и с А. Белым (Б. Н. Бугаевым). Д. А. Бем, тоже математик московских вузов, в том числе и МВТУ, одновременно являлся заместителем заведующего музеем П. А. Кропоткина, жил в здании музея и был, как указано в одной из служебных справок, сохранившихся в следственном деле, «учителем и другом детей Троцкого». О мистических же интересах Л. Д. Троцкого известно по его дружбе с П. А. Флоренским и ещё некоторым фактам, которые приводит в своих воспоминаниях С. А. Волков⁹².

Несколько особняком от этой группы, похоже, стоял Н. И. Проферансов, в то же время являвшийся одним из ближайших сподвижников Карелина. Жизненный путь и внутренний облик этого человека, его устремления, интересы и работа во многом остаются пока загадкой для исследователя.

Из крайне скудных биографических данных, сообщённых им во время следствия 1930 г., а равным образом из показаний других лиц, знакомых с ним (таких оказалось мало), следует, что уже в гимназические и студенческие годы он принимал активное участие в революционном движении, сначала в Туле, потом в Москве как член военной организации РСДРП(б), сидел в тюрьмах, в 1917 г. был членом Московского Совета, редактором газеты «Советы» и «Солдат-гражданин», в начале 20-х гг. читал лекции в Народном университете в Пятигорске, затем работал в Москве, в Институте Маркса-Энгельса, заведующим отделом изучения социальных движений, потом техническим редактором в Большой советской энциклопедии⁹³. Его связи с кружками московской интеллигенции оказались глубоко законспирированными, поскольку они не всплыли в процессе следствия, а сам он называть какие-либо имена категорически отказался. Поэтому в обвинительном заключении против него следствие могло использовать только показания членов периферических организаций Ордена тамплиеров — участников нижегородского кружка («Орден Духа»), которых он «опекал», и отдельных подследственных по «сочинскому делу», арестованных одновременно с ним в августе 1930 г. на черноморском побережье Кавказа.

Не менее загадочной фигурой пока остаётся и другой ближайший сподвижник Карелина по анархистской и орденской деятельности — Н. К. Богомолов, бывший одним из секретарей ВФАК и «Чёрного Креста помощи заключённым и нуждающимся анархистам», организованного Карелиным вскоре после 1905 г. в эмиграции. Причастность Богомолова к анархизму, как к политическому движению, не вызывает сомнений. Гораздо больше вопросов может возникнуть относительно его орденской работы, которую сам он категорически отвергал. В этой части остаётся положиться на показания уже упомянутого Н. А. Ладыженского, и, что более важно, на показания известного антропософа, тамплиера и розенкрейцера М. И. Сизова, называвшего на допросе 1933 г. в числе наиболее старых тамплиеров высокой степени посвящения Богомолова, стоящего в этом списке после А. А. Солоновича, Д. А. Бема, Н. А. Проферансова и его, М. И. Сизова.

Не останавливаясь специально на истории Ордена и его первоначальном составе, Сизов называет ещё восемь его членов, имевших к 1933 г. 10-ю степень посвящения (всего в Ордене тамплиеров было двенадцать степеней посвящения), которые, по его словам, жили в то время в Москве: Б. М. Власенко, А. О. Солонович (жена А. А. Солоновича), Ю. А. Завадский,

⁹² Волков С. А. Последние у Троицы. — М. — СПб., 1995, с. 186-187.

⁹³ ЦА ФСК РФ, дело Р-33312, т. 6, л. 457-458.

профессор математики В. М. Комаревский, В. А. Краснокутский, Н. Н. Нотгафт и В. В. Губерт-Поспелова⁹⁴.

М. И. Сизов совершенно определённо указывал, что Орден тамплиеров в России был открыт в 1920 г., и целью его было «содействовать движению человечества в такой форме бытия и сознания, которая определялась бы высшими духовными началами». В то же время, он подтверждал показания Ладыженского, говоря, что Орден не должен был стоять в стороне от политической борьбы, воздействуя на неё через свои организации, например, как то имело место в 20-х гг., на анархистов через анархо-мистиков, которые, в свою очередь, направлялись отдельными тамплиерами⁹⁵.

Такое признание вместе с перечнем некоторых членов Ордена, среди которых оказываются и антропософы, позволяет попытаться решить вопрос о связующем звене между первым составом Ордена тамплиеров и возникшем позднее «Орденом Света» как одной из центральных орденских филиаций, принявшей на себя в дальнейшем (после смерти Карелина) руководящую роль в орденском движении и поставившей его на более высокое научное и духовное обоснование, в конечном счёте, отмежевавшись совершенно от политического анархизма.

Наличие в указанном перечне, наряду с Ю. А. Завадским, Б. М. Власенко, о котором мне пока известно, что кроме связи с Завадским и его Студией, он был довольно близко знаком с художником и издательским работником А. В. Уйтгенховеном, членом Ордена и близким знакомым Карелина с 1921-1922 гг.⁹⁶, позволяет предположить, что к этому же времени относятся и первые контакты с Карелиным Ю. А. Завадского. При этом наиболее вероятно, что посредником между Карелиным и Завадским выступил поэт, переводчик, востоковед П. А. Аренский, сын известного композитора, получивший в сентябре 1920 г. розенкрейцеровское посвящение в Минске от Б. М. Зубакина вместе с С. М. Эйзенштейном⁹⁷, поскольку именно в это время он вошёл в семью Завадских, женившись на сестре Ю. А. Завадского, киноактрисе В. А. Завадской, и переехал в их квартиру в Мансуровском переулке.

На фигуре Б. М. Зубакина стоит остановиться. Это был человек безусловно широко одарённый, а в ряде областей искусства талантливый до гениальности, оказавший влияние на многих своих современников, которым приходилось с ним встречаться⁹⁸. Согласно автобиографии, написанной им в конце 1922 или в январе 1923 г. во время своего первого ареста⁹⁹, Зубакин ещё в гимназические годы увлёкся мистикой и оккультной литературой, решив возродить Орден розенкрейцеров, как общину мистических единомышленников. Первоначально она возникла под Петербургом в Озерках, где находилась дача его родителей, но перед 1917 г. распалась. Вторично община возродилась в период революции и Гражданской

⁹⁴ ЦА ФСР РФ, дело Р-35656, лл. 66об-67. В этом плане ценнейшим источником, дополняющим показания М. И. Сизова и расширяющим наши представления о составе, жизни и деятельности мистиков, связанных с Ташкентским университетом в 20-х гг. (В. М. Комаревский, А. В. Успенский, В. А. Краснокутский, А. А. Семенов и др.), являются воспоминания Н. Ю. Фиолетовой «История одной жизни», опубликованные в историческом альманахе «Минувшее» (вып. 9. — М., 1992, с. 13-105).

⁹⁵ Там же, л. 67.

⁹⁶ Архив УФСР РФ по Архангельской области, дело П-5282, л. 18-21.

⁹⁷ О Л. А. Никитине см.: *Никитин А. А.* Леонид Александрович Никитин (1896-1942). // Панорама искусств, вып. 12. М.: «Советский художник», 1989, с. 241-261; *он же.* Леонид Александрович Никитин. Жизнь и творчество. 1896—1942. Каталог. — Рязань, 1989; *Никитина В. Р.* Дом окнами на закат. — М., 1996.

⁹⁸ О Б. М. Зубакине см.: *Немировский А. И., Уколова В. И.* Свет звёзд или последний русский розенкрейцер. — М., 1995.) (книга, наполненная множеством опечаток, небрежностей в передаче текста документов и фактических ошибок, внесённых публикаторами).

⁹⁹ Там же. с. 105-122.

войны под Невелем, где Зубакину удалось объединить несколько художников и музыкантов из родственников и знакомых, однако в последующем и эта попытка потерпела фиаско. Более удачным шагом Зубакина, прикомандированного в 1920 г. в качестве лектора к Политуправлению штаба Западного фронта, я считаю открытие им ложи в Минске и посвящение в ней находившихся там актёра И. Ф. Смолина, занимавшегося оккультизмом и врачеванием, поэта и литератора П. А. Аренского и С. М. Эйзенштейна¹⁰⁰.

Результатом этого акта, описанного Эйзенштейном в одной из глав своих автобиографических мемуаров достаточно точно, хотя и с долей иронического юмора, стали регулярные занятия оккультизмом и вопросами мистики, о чём можно прочесть в письмах Эйзенштейна к матери из Минска, и последующее приобщение к неوفитам артистов Первой студии МХАТа М. А. Чехова и В. С. Смышляева, когда Аренский, Зубакин, Никитин и Эйзенштейн вернулись в Москву. Это произошло в первых числах октября 1920 г. и в известной мере предопределило последующее поступление Эйзенштейна художником в московский театр Пролеткульта, которым тогда заведовал В. С. Смышляев, а затем и оформление им с А. А. Никитиным спектакля «Мексиканец» по Дж. Лондону в соответствии с символикой оккультизма¹⁰¹.

После Минска пути Б. М. Зубакина и его молодых друзей разошлись. Стоит заметить, что этот удивительный человек, обладавший сильнейшей силой внушения, ярким талантом поэта и литератора, и может быть ещё более ярким — скульптора, этнографа, воспитателя, так и не смог ни разу надолго объединить людей. Ему до конца осталась верна только А. И. Цветаева, попавшая под обаяние «мага» ещё в начале 20-х гг. и сохранившая восторженную и благоговейную память о нём до конца своей жизни¹⁰². Но то, что Зубакин сделал для Аренского, а через него — для М. А. Чехова и В. С. Смышляева, не пропало даром: к этому времени в Москве уже существовал Орден тамплиеров.

Вопрос о том, кто первым «подвёл» этих друзей к Карелину, остаётся до сих пор открытым, хотя наиболее вероятными кандидатами всё же остаются Аренский и Завадский, а время — конец 1921 или начало 1922 г. Примечательно, что к этому же времени относится знакомство Завадских с двоюродным братом Аренского, тогда молодым астрономом, а затем композитором и фольклористом С. А. Кондратьевым, который наезжал в Москву из Петрограда и получил посвящение в Орден вместе со своей женой, индологом и переводчицей М. И. Клягиной, скорее всего, от самого Карелина, как то заставляют думать некоторые его стихи.

Отец Кондратьева был директором Пулковской обсерватории, игравшей, к слову сказать, большую и до сих пор ещё не оценённую роль в культурной жизни Петербурга/Петрограда, а с указанного момента ставшей, как можно догадываться, одним из центров по распространению в научной среде Петрограда тамплиерских идей. Именно там, по-видимому, произошло первоначальное знакомство Ю. А. Завадского с уже упоминавшимся мною М. М. Брендестедом, обрусевшим датчанином, анархо-мистиком и тамплиером, сблизившимся с Карелиным и после смерти последнего даже вошедшим в так называемый Карелинский Комитет (Комитет по увековечению памяти А. А. Карелина, созданный по аналогии с таким же Комитетом Кропоткина)¹⁰³.

С Пулковом связаны имена метеорологов (астрономов) тамплиеров А. А. Синягина¹⁰⁴ и М. А. Лорис-Меликова, из которых первый был связан с нижегородским кружком и с известным

¹⁰⁰ Эйзенштейн С. М. Указ. соч., с. 61-62.

¹⁰¹ Подробнее обо всем этом см.: Никитин А. А. Московский дебют С. Эйзенштейна. — М., 1996.

¹⁰² Запись беседы с А. И. Цветаевой 19. 2. 93 г. в архиве автора.

¹⁰³ Кондратьев С. А. Весна в Кентэе. — М., 1996.

¹⁰⁴ Архив УФСК РФ по Томской области, дело № 34248.

синологом Ю. К. Щюцким, а через него — и с кругами петроградских востоковедов, с которыми через П. К. Козлова и совместные с ним монгольские экспедиции связан был и С.А. Кондратьев. О значении Пулкова в тамплиерском движении свидетельствуют также аресты в 30-х гг. ряда его научных сотрудников по обвинению в связях с анархо-мистиками.

Наконец, при решении поставленного вопроса стоит обратить внимание на показание М. И. Сизова на допросах 1933 г. о М. А. Чехове, как о тамплиере высокой степени посвящения¹⁰⁵, что могло произойти только между 1920 и осенью 1921 годом, до того, как он познакомился с А. Белым и попал в круг антропософских идей. Анализ взаимоотношения людей в этот период, хронологии событий и всего прочего позволяет утверждать, что проводником Чехова к Карелину мог быть П. А. Аренский или же познакомившийся тогда же с Чеховым А. В. Уйтгенховен, если не предположить, что на гениального актёра, о котором говорила тогда вся Москва, обратил внимание сам Карелин.

Таким образом, нитей, которые могли бы протянуться от будущих его учеников и соратников по Ордену, оказывается достаточно много. Другое дело, что при имеющейся информации нельзя остановиться с уверенностью ни на одной из предлагаемых версий. Впрочем, очень мало известно и о работе Ордена в эти годы, когда единственным бесспорным фактом остаётся отъезд в Америку Р. З. Эрманда¹⁰⁶ в 1922 г. чтобы возродить в Соединённых Штатах русскоязычную газету, основанную некогда ещё Карелиным, чтобы она стала не только рупором анархистов, но и трибуной анархо-мистиков. К сожалению, о самом Эрманде мне ничего не известно, кроме того, что такой человек существовал и стал редактором указанной газеты под псевдонимом Е. Долинин. Новая газета «Рассвет» — «орган российских рабочих организаций Соединённых Штатов и Канады» — переняла эстафету у своей предшественницы — «Американских известий», и, сейчас это можно сказать определённо, сыграла немаловажную роль для развития и организации массы российских эмигрантов как упомянутых двух стран, так и всей русскоязычной диаспоры на протяжении 20-х и 30-х гг. нашего века.

Большого формата, выходившая на четырёх (иногда на шести) полосах, газета рассказывала о жизни в советской России, её культуре, научных открытиях, хозяйстве, репрессиях, имела довольно большой литературный отдел, освещала жизнь русских рабочих и эмигрантов в Соединённых Штатах, а в целом представляла для читателя своевременную и объективную информацию обо всём, происходившем в мире, почему имела подписчиков на всех континентах и даже попадала в СССР. Для исследователя это издание интересно, в первую очередь, находящимися на его страницах многочисленными публикациями работ А. А. Карелина (статьи, заметки, пьесы-диалоги, проникнутые мистическими и анархическими идеями, главы так и не увидевшей света монографии по вопросам политической экономии Западной Европы), статьями А. А. Солоновича, А. С. Пастухова, В. С. Смышляева, Е. Моравского и ряда московских анархистов (А. А. Борового, И. В. Хархардина, В. С. Худолея и др.), сообщениями о преследовании анархистов в СССР, ожесточённой полемикой с издаваемым в Париже П. Аршиновым журналом «Дело труда», сыгравшем откровенно провокационную роль в расколе анархического движения, и статьями отдельных эмигрантов и корреспондентов из России. Следующим шагом Эрманда-Долинина стала организация журнала «Пробуждение», уже целиком являвшегося органом анархо-мистиков, где политические и мировоззренческие акценты были расставлены гораздо явственнее, чем в газете, и где напечатаны работы ряда московских тамплиеров (А. А. Солоновича, А. С. Пастухова, Е. Моравского, А. А. Никитина и др.).

¹⁰⁵ ЦА ФСР РФ, дело Р-35656, л. 80.

¹⁰⁶ ЦА ФСР РФ, дело Р-7776, л. 77.

БИБЛИОТЕЧКА «АПОКРИФА»

На этих изданиях я останавливаюсь столь подробно, во-первых, потому, что находящиеся в них материалы до сих пор практически не введены в научный оборот, а сами издания оказались за пределами внимания исследователей, хотя их комплекты (разной степени полноты) всё же имеются в бывших спецхранах наших центральных библиотек; во-вторых, потому, что до сих пор ничего не известно о сохранности и местонахождении их архивов в США, долженствующих заключать первостепенной важности материал по интересующим нас проблемам, в том числе и рукописи московских анархо-мистиков и тамплиеров, которые в России были уничтожены в результате обысков и арестов.

Широкое распространение тамплиерского (а в качестве «внешней» формы — анархо-мистического) движения в России приходится на 1924 г., как то можно заключить на основании показаний арестованных в 1930 г тамплиеров и анархо-мистиков (Москва, Нижний Новгород и др.), позволяя сдвинуть дату перехода к активной работе членов карелинского кружка на период 1923 г. Факт это весьма любопытен и потому, что именно на этот период, как я мог заметить, приходится активизация также и других известных мне мистических групп и орденов, что последующими историками, возможно, будет объяснено обострением в это время внутрипартийной борьбы в ВКП(б), связанной с болезнью Ленина, а затем и с дележом ленинского наследия. Всё вместе это определило кратковременную передышку в идеологических репрессиях, возобновившихся (по отношению к анархистам и мистикам) уже весной 1925 г.

Подтверждением такого наблюдения об активизации деятельности тамплиеров, преодолевших замкнутость саморазвития именно в 1923 г., может служить история Белорусской государственной драматической студии в Москве (первого профессионального театрального вуза республики Белоруссия)¹⁰⁷. Студия возникла осенью 1921 г. в Москве по просьбе правительства Белоруссии и под общим руководством МХАТ, которое, в связи с отъездом основного ядра труппы во главе с К. С. Станиславским на гастроли за границу в 1922 г., перешло к Первой студии МХАТа, ставшей всё в том же 1924 г. МХАТом 2-м. В этой смене руководства решающее значение имело то обстоятельство, что с самого начала, т. е. с осени 1922 г., и до закрытия студии в 1926 г., её бессменным художественным руководителем стал артист и режиссёр Первой студии МХАТа В. С. Смышляев, бывший не просто тамплиером, но и обладателем одной из высоких степеней в Ордене. Факт этот, до самого последнего времени остававшийся неизвестным историкам театра (впрочем, вероятно, что он не известен им и сейчас), оказывается своего рода «ключом» к истории Студии и её первых постановок, а равно и к достаточно сложным первым годам жизни витебского драматического театра им Я. Коласа (первоначально — БДТ-2, т. е. 2-й Белорусский государственный театр), созданного на основе студии и её репертуара постановлением правительства в 1926 г.

Речь идёт как о прямых репрессиях, упавших на труппу в начале 30-х гг. (В. К. Роговенко, К. Н. Санников), так и о целенаправленной газетной кампании против молодого театрального коллектива с обвинениями в «васильковой мистике», воспринимающимися сейчас, за давностью лет, всего лишь очередным измышлением белорусских партийных идеологов. На самом деле всё было не так просто.

Обратившись к репертуару БДТ-2, составленному из спектаклей, подготовленных студийцами в Москве, можно заметить совершенно определённую мистериальность постановок, открывающихся народной драмой-мистерией «Царь Максимилиан» и далее разворачивающихся фантастической (опять же мистериальной!) феерией «Апраметная», за которой следовали «Сон в

¹⁰⁷ О Белорусской студии в Москве см.: У. Няфёд. Театральная адукация. В кн.: История Беларускага тэатра, т. 2. — Мінск, 1985, с. 129-149; Малчану П. Тэатр — жыццё мае. Успамгны. — Мінск, 1984, с. 33-50.

летнюю ночь» Шекспира, «Вакханки» Еврипида и в качестве квинтэссенции мистической драмы души человеческой — «Эрос и Психея» Ю. Жулавского¹⁰⁸. Маленькие одноактные пьесы по Г. Мопассану, М. Сервантесу и др., а так же небольшая пьеса И. Бена «В былые времена», поставленные как своего рода дань «социальному заказу», не меняли картины, потому что основной акцент в воспитании актёров и режиссёров был сделан вполне сознательно на мистерияльности театрального искусства вообще и на катарсисе актёра, выступающего как бы посредником между зрителем и миром трансцендентальным. Даже в конспектах лекций Смышляева, сохранившихся в записи Т. А. Бондарчик¹⁰⁹, можно почувствовать настойчиво проводимую линию аполитичности искусства и «чистоты служения» актёра посредством своего таланта и приобретённого им мастерства остальному человечеству — тот лейтмотив служения вообще, который красной нитью проходит через легенды тамплиеров и который изначально был положен в основу учения при создании Ордена.

Вполне естественно, что так воспитанные бывшие студийцы в своём новом качестве уже государственных актёров не могли не вызывать раздражения, а затем и пристального внимания органов идеологического надзора Белоруссии.

Да и как могло быть иначе, если в том же 1923 г. В. С. Смышляев, утверждая программу занятий студии, в качестве преподавателей пригласил туда своих друзей и сподвижников по Ордену, среди которых с достоверностью можно назвать П. А. Аренского, который читал историю драмы и поэтику, пианистку Е. Г. Круссер, актёра и режиссёра 2-го МХАТа Б. М. Афонина, композиторов А. Александрова и В. Н. Крюкова, сестру своей жены преподавательницу французского языка Пушечникову, В. А. Завадскую, занимавшуюся со студийцами общей теорией музыки, Л. А. Никитина, читавшего историю искусства, курс оформления спектакля для будущих режиссёров, оформившего большинство спектаклей студии, наконец, В. О. Нилендера, читавшего курсы античной литературы и искусства¹¹⁰.

Этот перечень имён, куда включены лишь те, чья принадлежность Ордену безусловно доказана, впервые позволяет рассматривать каждый спектакль студии не просто как «постановку», а как целенаправленную попытку сценического воплощения определённых идей с целью проведения их воздействия на публику — совсем так, как то было зимой 1920/21 г. у Смышляева, Эйзенштейна и Никитина в их работе над «Мексиканцем» в театре Пролеткульта. Во всяком случае, будущему исследователю истории коллектива Белорусской студии и его сценических достижений придётся рассматривать эти спектакли через призму реализации идей тамплиеров, а саму студию — как одну из первых «площадок», на которых разворачивалась деятельность Ордена в Москве.

Другой, по-видимому гораздо более серьёзной «площадкой», о которой мы вряд ли сможем узнать много, стала студия Ю. А. Завадского, принимавшая участие во многих орденских мероприятиях как целиком, так и отдельными её членами, из которых, к сожалению, уже никого не осталось в живых.

Попытками расширения сферы деятельности Ордена в этом направлении, правда, не получившими развития и пресечёнными бдительным Главреперткомом, были уже начатые репетициями два спектакля: «Золотой горшок» по Э.-Т.-А. Гофману в инсценировке П. А. Аренского на сцене 2-го МХАТа (режиссёр В. С. Смышляев, художник Л. А. Никитин)¹¹¹ и «Когда проснётся спящий» по Г. Уэллсу в инсценировке П. Г. Антокольского на сцене театра им. Е. Вахтангова (режиссёры Р. Н. Симонов и В. С. Смышляев, художник Л. А. Никитин).

¹⁰⁸ Никитин А. Крок да тэатра будучыш. // Мастацтва Беларус, 1986, № 11, с. 10-14.

¹⁰⁹ ЦГАМЛИ Беларус, ф. 23, оп. 1, е. х. 4.

¹¹⁰ Бондарчик Т. А. Двадцатые годы молодые. Воспоминания. Рукопись. АИИЭФ АН Беларус, ф. 1, оп. 20, л. 6.

¹¹¹ РГАЛИ, ф. 1990, оп. 1, е. х. 17, 86, 502, 503; оп. 2, е. х. 113.

Трудно сказать, насколько это было связано с наличием в этих труппах устойчивых тамплиерских кружков, но о существовании там отдельных тамплиеров известно точно. Так, согласно показаниям ряда подследственных по делу «Ордена Света», во 2-м МХАТе членами Ордена были А. И. Благонравов и Л. И. Дейкун, а в театре им. Е. Вахтангова — М. Ф. Астангов, В. К. Львова, А. М. Лобанов, И. М. Раппопорт и Р. Н. Симонов. В Московском детском театре работала одна из активных деятельниц Ордена Г. Е. Ивакинская, жена географа, профессора А. С. Баркова, тоже тамплиера¹¹².

Имя Ивакинской заставляет вспомнить об организации, ныне прочно забытой исследователями московской жизни тех лет — о Государственном институте слова (ГИС), игравшем столь же важную роль в жизни московской интеллигенции первой половины 20-х гг., как Государственная академия художественных наук (ГАХН) в их второй половине. В качестве подтверждения позволю себе привести выписку из аттестата А. С. Поля, закончившего это учебное заведение вместе с Ивакинской, чтобы показать тематику и состав его преподавателей, тем более, что некоторые из них, как В. А. Краснокутский, в дальнейшем оказываются старейшими членами Ордена тамплиеров.

Итак, там преподавали: исторический материализм — П. С. Коган; политграмота — Я. М. Окунев; введение в науку о языке — Д. Н. Ушаков; анатомия, физиология, гигиена дыхательных и голосовых органов — Ф. Ф. Заседателей; магия слова — А. А. Грушка; этика слова — Н. А. Бердяев; психология — Г. Г. Шпет; логика — Б. А. Фохт; лекторское искусство — Д. Н. Егоров; художественный синтаксис — А. М. Пешковский; рассказывание — А. К. Шнейдер; внушение и бессознательное — д-р Хорошко; ораторы древней Греции — С. И. Радциг; ораторы Великой Французской революции — М. С. Фельдштейн; ораторы Древней Руси — В. Н. Муравьёв; основы судебного красноречия — А. П. Андрушников; практика законодательных собраний — А. М. Гурвич; социальная философия — Э. Э. Понтович; социальная психология — С. Л. Франк; введение в эстетику — И. А. Ильин и Саккетти; практические занятия: дыхание — О. Г. Лобанова; техника и музыка речи — В. В. Суренский; пауза, акцент и интонация — Ф. О. Фишер; импровизация — С. А. Котляревский; ораторский практикум по судебному процессу — В. А. Краснокутский; ораторский практикум — М. С. Фельдштейн; семинарий по эстетике — И. А. Ильин; семинарий по логике — А. С. Ахманов; семинарий по греческой риторике — Б. А. Фохт; конспекты и планы — Н. В. Якушкин; художественное чтение — О. Э. Озаровская¹¹³.

Как можно видеть из приведённого перечня, профессорско-преподавательский состав Института в большинстве своём состоял из «опальных» — тех, кто вскоре будет выслан за границу (И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, Г. Г. Шпет, С. Л. Франк) или сослан «в места отдалённые». Не приходится поэтому удивляться, что такая же участь постигла и часть их слушателей. Во всяком случае, среди 33 подследственных, проходивших осенью 1930 г. по делу «Ордена Света» в Москве, шестеро были выходцами из стен этого института: Е. Г. Адамова, Н. И. Водовозов, П. Е. Корольков, А. С. Поля, Е. А. Поля (урожд. Вишневецкая), Е. Н. Смирнов, а Ю. А. Завадский вёл в этом институте кружок на декламационном отделении. Из других известных мне мистиков, связанных с ГИС, кроме Г. Е. Ивакинской, можно назвать В. Д. Вознесенскую (Лиорко, по первому мужу — Лебедева), после возвращения из ссылки ставшую женой М. М. Пришвина, и её первого жениха, О. В. Поля, принявшего монашество, уехавшего на Северный Кавказ и расстрелянного в 1929 г.

Деятельность выпускников Института слова была разнообразной, как были и разнообразны возможности применения их сил. Часть из них вела педагогическую работу в

¹¹² ЦА ФСР РФ, дело Р-33312, т. 4, показания Ф. Ф. Гиршфельда.

¹¹³ РГАЛИ, ф. 3127, «Орден Света», А. С. Поля.

вузах (А. С. Поль, Н. В. Водовозов, Е. Н. Смирнов), что давало возможность общения с широкой студенческой аудиторией, у которой на всю жизнь откладывалось в памяти обаяние лекторов и те идеи духовного порядка, которые они могли почерпнуть из общения с ними. Другие, как Е. Г. Адамова и П. Е. Корольков, работали в библиотеках с читателями. Но, вероятно, наиболее серьёзная работа шла в ГАХН, остававшейся к концу 20-х гг. единственным «центром свободомыслия» для научной и творческой интеллигенции советской столицы.

Действительно, значение этого центра далеко выходило за пределы только научные, поскольку на заседания его секций и подсекций собирались (когда это можно установить по присутственным листам) гораздо более широкие круги интеллигенции, чем только интересующиеся тем или иным вопросом специалисты. Так было в Секции рассказывания и Секции живой речи, где работали Е. Г. Адамова и А. С. Поль; так было в Секции пространственных искусств, где на семинаре Н. М. Тарабукина по изучению творчества М. А. Врубеля выступали Л. А. Никитин, А. А. Солонович и Д. С. Недович¹¹⁴; так было на Хореологической секции, где дважды проходили доклады В. И. Авдиева с демонстрацией «живых картин» древнеегипетского танца, оформленные Л. А. Никитиным и поставленные Н. А. Леонтьевой при участии других «рыцарей»¹¹⁵.

К сожалению, почти ничего нельзя сказать о масштабах проникновения Ордена в Московскую консерваторию, кроме того, что там преподавал В. С. Смышляев, дипломные спектакли оперного факультета оформлял Л. А. Никитин, что один из подготовительных орденских кружков собирался на квартире какого-то профессора Консерватории («Григорий Петрович») и что членом Ордена был также её профессор, известный тогда певец В. И. Садовников¹¹⁶. Столь же немного известно и о другом направлении в развитии деятельности Ордена — в сторону литературы, откуда приходят имена Г. П. Шторма, входившего в кружок, который вёл А. С. Поль, историка литературы Д. Д. Благого, переводчицы М. В. Коваленской, жены Е. К. Бренева, Э. С. Зеликовича, переводчика Бернера, к которым теперь по ряду признаков можно присоединить и М. А. Булгакова. Кроме уже упоминавшегося искусствоведа Д. С. Недовича, сюда можно присоединить имя А. А. Сидорова, известного историка книжной графики, и, весьма вероятно, А. Г. Габричевского, игравшего видную роль как в ГАХН, так и более широко — в культурной жизни Москвы.

Специфика темы, а в ещё большей степени — специфичность материала, о чём уже шла речь выше, трудность его обнаружения и получения, когда главным препятствием оказываются не ведомственные барьеры, а заурядное неведение, о ком именно требуется справка, поневоле ограничивают саму возможность раскрытия тайны, угадываемой ныне лишь по «структуре личных отношений» живших некогда людей, не всегда подтверждаемой документами. Вот почему остаётся лишь предполагать, что в те же 1923-1925 гг. периферийные (подготовительные) тамплиерские кружки существовали в среде студентов Института живых восточных языков (позднее — Институт востоковедения), где учился тогда Н. Р. Ланг и Е. Г. Самарская, из которых первый будет арестован и репрессирован в конце 1929 г. как руководитель библиографического кружка при библиотеке-читальне Музея П. А. Кропоткина, а вторая — арестована летом 1930 г., но затем будет освобождена в связи с доказанностью её непричастности к собственно орденской организации.

Работа библиографического кружка, организованного Н. Р. Лангом в музее Кропоткина, носила вполне легальный характер изучения и описания работ М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина, однако проходила не в замкнутой музейной обстановке, а велась силами

¹¹⁴ РГАЛИ, ф. 941, оп. 3, е. х. 149.

¹¹⁵ РГАЛИ, ф. 941, оп. 17, е. х. 11 и 15.

¹¹⁶ ЦА ФСР РФ, дело Р-33312, т. 4, л. 141.

интересующихся идеями анархизма студентов педагогического факультета 2-го МГУ и уже работавших педагогов¹¹⁷. Естественно, эти научные занятия со временем должны были приобрести политическую окраску, подготовив сознание участников к пересмотру идеологической базы коммунистов. Вероятно, нечто похожее существовало и в стенах МВТУ им. Баумана, где учился брат Н. Р. Ланга — Ю. Р. Ланг, сам не принимавший участия в орденском движении, но выступавший связующим звеном между братом анархо-мистиком и некоторыми своими соучениками, т. к. на его квартире с лекциями не раз выступали «старшие рыцари», среди которых были А. А. Солонович и А. С. Поль. Сколько было подобных кружков по Москве, как широко распространялось влияние тамплиеров на студенческую молодёжь — сейчас остаётся лишь гадать, но что в это духовное движение так или иначе были вовлечены сотни людей, сомневаться не приходится.

Ещё меньше пока известно об иногородней периферии Ордена.

С достоверностью известно о существовании тамплиерской (анархо-мистической) молодёжной организации в Нижнем Новгороде, где в последних числах июня 1930 г. было арестовано 12 человек, в основном окончивших агрохимический факультет Нижегородского университета, в том числе и несколько ссыльных¹¹⁸. Ссылные, имевшие связи с Москвой, по-видимому и содействовали возникновению этого кружка при поддержке А. С. Пастухова, а затем и Н. И. Проферансова (к последнему члены кружка ездили за советами, литературой и посвящением). Вторичное влияние шло из Ленинграда в виде приездов А. А. Синягина, снабжавшего нижегородский кружок текстами легенд и собственными сочинениями, и З. И. Рожновой (Рожнёвой?), студентки-медики, само появление которых свидетельствует о наличии тамплиерских (анархо-мистических) кружков в городе на Неве.

Менее ясна пока роль, которую сыграли в нижегородском анархо-мистическом движении такие представители петроградской литературной интеллигенции, как В. А. Комарович и Е. К. Моравский, выступавшие, правда, нерегулярно, в кружке с лекциями по истории литературы. Судьба Моравского и его личность мне неизвестны, однако большое количество статей в газете «Рассвет» и в журнале «Пробуждение» (если они принадлежат ему, т. к. подписаны Е. З. Моравский, а не Е. К. Моравский, что может быть ошибкой протоколиста ОПТУ или допрашиваемого), позволяет думать, что он сумел уехать за границу. Что же касается Комаровича, то с 1924 г. и до своей смерти в 1942 г. он жил в Ленинграде, преподавал в ЛГУ и был тесно связан с Пушкинским Домом, так что в его личном архиве могут быть обнаружены документы, каким-либо образом отражающие эту сторону его жизни.

Следует отметить, что, в отличие от анархо-мистических студенческих кружков Москвы, где переплетались, порой вытесняя друг друга, мистика и анархизм, духовные устремления и политика, нижегородский кружок для большинства его членов имел значение некоторой интеллектуальной игры, своего рода «формы времяпрепровождения», которую наполняли литературные устремления большинства (почти все писали стихи и прозу), возможность общения, разговоров и споров, немного — флирт, а в целом — тяга к таинственному и запретному, столь характерная для юности вообще, которая скрашивала серость и убогость провинциальной жизни, усугублённой ещё постоянной безработицей тех лет.

Существовавший одновременно с нижегородским кружок в Свердловске (Екатеринбург), центральной фигурой которого был Н. А. Ладыженский, приятель Н. К. Богомолова, получивший от последнего посвящение в тамплиеры и дважды — орденские легенды, судя по имеющимся пока материалам не перерос в сколько-нибудь реальную организацию, а его члены

¹¹⁷ ЦА ФСР РФ, дело Н-6126.

¹¹⁸ Архив УФСР РФ по Нижегородской области, дело П-18943.

не перешагнули границы дружеских бесед, на которых обсуждались книги по оккультизму и евангельские тексты. Последующий переезд Ладыженского на Северный Кавказ и его арест в связи с «сочинским делом» и там не выявил каких-либо организационных образований, показав только наличие множества съехавшихся сюда мистически настроенных людей — теософов, антропософов, сектантов, богоискателей, толстовцев, вегетарианцев, среди которых обращалась и тамплиерская литература, поскольку многие оказывались лично связаны с московскими тамплиерами (Н. И. Проферансовым, Н. А. Богомоловым и др.)¹¹⁹.

Познакомив читателя с некоторыми членами Ордена тамплиеров и его филиаций, очертив, насколько это сейчас возможно, круг их распространения, я перехожу к более трудной части своей задачи — попытке представить структуру, внутреннюю жизнь и идеи Ордена по имеющимся материалам.

Как я уже говорил, русское тамплиерство изначально оказалось теснейшим образом связано с анархистским движением. Причина этого, как мне представляется, заключена не столько даже в принадлежности к анарходвижению самого А. А. Карелина, а в существовании анархизма, как изначальной альтернативы идее диктатуры, всё равно — пролетариата, буржуазии или династической власти. Симпатии к анархизму в России подпитывались самыми разными источниками, заложенными в исторической структуре российского общества и определёнными особенностями его социально-исторического развития, в первую очередь неизжитыми тенденциями «общинности», противоборствующей в крестьянской массе всякой власти извне, и сохранением наивного представления о возможности существования «мира» вне сферы влияния государственных структур и меняющихся социально-экономических отношений. При этом было бы ошибкой считать, что анархизм вербовал своих сторонников из числа наиболее консервативной части крестьянства: как ни парадоксально, в требованиях «обособления» от государства, получения хозяйственной и политической автономии сходились обе крайности тогдашней деревенской массы — как «общинники», так и «хуторяне», поскольку в этом они видели выход из-под налогового прессы и вмешательства государства в дела деревни.

Не меньшее, а может быть гораздо большее число сторонников анархизма оказывалось в городе. Объединявшиеся в профессиональные союзы рабочие видели первый шаг к своему «освобождению от труда» получение в собственность предприятий, где они трудились, наивно полагая, что сам факт работы на предприятии даёт им право на его экспроприацию и через это — на улучшение условий своей жизни. Ещё большее число сторонников анархизма можно было найти в среде провинциальной (по своему сознанию) российской интеллигенции, традиционно выступавшей «за свободу вообще», поскольку смутное понимание политической свободы как «вольницы» присуще русскому человеку с незапамятных времён, равно как и коренная неприязнь к «власть предержащим», перед которыми он постоянно ощущал свою ущербность и бесправие.

Такое отношение многих россиян к власти, как к чему-то несправедливому, греховному, подлежащему изменению на началах христианства, не только порождало сумбур в их сознании, не развеявшийся и по сей день, но и переводило сугубо практический вопрос организации общественной и хозяйственной жизни в разряд эсхатологических чаяний, придав ему некую мистическую окраску, столь явно проступающую в русской литературе первых десятилетий XX века. Так не случайно вопрос о «мистическом анархизме», поставленный Георгием Чулковым и Вяч. Ивановым в 1906 г., был воспринят современниками не в качестве принципа свободы

¹¹⁹ Архив УФСК РФ по Краснодарскому краю, дело П-58969.

творчества (отношение личности художника и его творчества к окружающему социуму), а чуть ли не программой нового религиозного движения¹²⁰.

Это небольшое историко-социологическое отступление я счёл необходимым, чтобы показать место, занимаемое в сознании людей того времени анархизмом, с которым каждый связывал собственные чаяния — свободу творчества, освобождение личности от опеки государства, социально-экономические преобразования в городе и в деревне, и так далее. Главным же для всех в анархизме было отрицание власти как насилия, т. е. требование «акратии», о чём были вынуждены потом всё чаще напоминать сами анархисты, объясняя свою позицию, причём акратии не как отрицания всякой структуры управления, а как альтернативу диктатуре (насилию) идеи «общественного согласия» и самоорганизации масс. В результате анархизм оказывался единственным идейным течением, противостоящим не только коммунистам (с которыми анархисты, кстати, сходились в определении окончательных целей преобразования жизни), но и остальным партиям, отличавшимся от большевиков не отрицанием централизованной власти, а лишь способом её применения.

Такая картина позволяет понять всю притягательность анархизма в глазах молодёжи 20-х гг. и её желание разобраться в том, как же представляли себе будущее после завершения социальной революции такие теоретики анархизма, как М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин, в чём их предвидение отличалось от той реальности, в которой оказалась Россия. Отсюда был один только шаг к разговорам об анархизме и анархистах, за которыми начинались поиски литературы (продававшейся тогда ещё легально), а затем и её «проработка» с последующим коллективным обсуждением.

Здесь мы сталкиваемся с очень важным для нас феноменом. В отличие от программ других политических партий, говоривших о конкретных преобразованиях, анархизм рисовал картины будущего, опираясь на идею совершенного человеческого общежития, молчаливо опуская вопрос о возможности её практической реализации в конкретных условиях российской жизни.

Изучая анархистскую литературу, читатели узнавали, что основополагающей в анархизме является свобода волеизъявления человека, недопустимость принуждения к чему бы то ни было свободной личности, активная взаимопомощь и поддержка свободных индивидуумов, борьба с любым видом насилия и принуждения как проявлением власти и тенденции порабощения и эксплуатации человека человеком, отрицание иерархического построения общества и многое другое, что невольно обращало внимание наиболее образованных читателей на соответствие анархистских лозунгов евангельской проповеди как основы общечеловеческой этики. С другой же стороны — невольно переводило интерес с вопросов политики и экономики на человеческую личность и проблемы её взаимоотношения с обществом и мирозданием¹²¹. В таких кружках, если они оказывались в поле зрения тамплиеров, начиналось более или менее регулярное чтение лекций — сначала по экономике, социологии, философии, а затем и по другим сферам знаний, которые открывали слушателям иную перспективу развития общества и человеческой мысли, чем марксистские программы вузов.

Перенос акцента с экономики и политики на психологию и духовный мир человека оказывался тем легче, что многие заповеди анархизма, имея в своих основах христианские заповеди, совпадали с постулатами тамплиерства, как это устанавливается по корпусу орденских легенд, в которых настойчиво проводятся одни и те же идеи: свобода воли личности, невозможность принуждения личности к чему бы то ни было (необходимость любого поступка должна быть осознана, как органически вытекающая из мировоззрения), готовность

¹²⁰ Чулков Г. О мистическом анархизме. Со вступительной статьёй Вяч. Иванова. СПб, 1906.

¹²¹ Об идейной трансформации анархизма, как философского течения см.: Никитин А. А. Заключительный этап развития анархистской мысли в России. // Вопросы философии, 1991, № 8, с. 89-101.

жертвенного служения ближнему и дальнему, и многое другое, что неприметным образом складывалось в некий «рыцарский кодекс», если понимать под «рыцарством» то идеальное, что осталось в нашем сознании от социального института рыцарства европейского Средневековья. *«Рыцарь — понятие этическое, как лицо, совершающее нравственные поступки»*, — пояснял на одном из допросов Е. Н. Смирнов¹²², понимая под этим идеал гармоничного и свободного человека, отдающего отчёт в своих словах и поступках, умеющего взять на себя ответственность за принятые решения, ощущающего себя нужной и неотъемлемой частью мира, в котором он живёт и который преобразует по мере собственного преобразования и совершенствования. О том же, только другими словами, говорили на допросах и остальные тамплиеры.

Сознание человека XX века, подготовленное всем предшествующим романтическим периодом развития европейской литературы, воспринимало рыцаря не только как воина, но и как защитника справедливости. Рыцарь представлял человеком, добровольно взявшим на себя миссию подвига служения добру и свету в этом мире, символом чести, стойкости, мужества, неукоснительного исполнения долга; он оказывался наиболее ярким и всеобъемлющим идеальным образом, понятным каждому молодому, сколько-нибудь развитому и начитанному человеку. Можно сказать, что использование образа рыцаря было одной из самых удачных идей, позволявшей при желании каждому воплотить в своей жизни блистательную сказку, — в жизни, казалось бы, начисто лишённой возможности сказок; в жизни, где делалось всё, чтобы осмелить любую высокую романтику, низвести её до пошлости быта и дезавуировать самые высокие порывы. Уже это обстоятельство позволяло человеку, прикоснувшись к идее рыцарства, отдаться ей с непосредственностью юности, тем более, когда почва была подготовлена лекциями, расширявшими кругозор неопита, рождавшими желание идти к знанию всё дальше и дальше, вкушая «запретный плод духа»).

Подобная ситуация, как мне кажется, способна с наибольшей вероятностью объяснить странный, на первый взгляд, факт, что «тамплиерами» оказывались не только члены Ордена тамплиеров, но и слушатели самых начальных «рыцарских» кружков. Например, по воспоминаниям В. И. Филоматовой, она с подружкой была «посвящена в тамплиеры» А. А. Солоновичем в первое же их с ним свидание, после чего только и начались занятия в кружке и последующие посвящения в орденские степени¹²³. Как могла получиться такая скоропалительность? Мне представляется, что в данном случае действия Солоновича исходили из романтичности ситуации, тем более, что пришедшие к нему девушки, заканчивавшие 1-й МГУ (одна — медицинский факультет, другая — химический), оказались достаточно подготовлены, чтобы раскрыть перед ним интерес к вопросам именно духовного порядка, формирующим мировоззрение. Неясно другое: в какой орден они были приняты?

Ритуальная сторона тамплиерства, введённого Карелиным в России, представляется достаточно простой, как в том можно убедиться, читая показания А. С. Поля, совпадающие в деталях с рассказами других арестованных членов «Ордена Света», вступивших на путь «признательных показаний». Будущий кандидат прослушивал цикл лекций по истории и философии, несколько основополагающих орденских легенд (о сотворении мира, об Атлантиде и Египте), а затем, если он изъявлял согласие на вступление в Орден, в назначенный день, в присутствии старших рыцарей, одним из которых бывала женщина, он приносил обет верности, выслушивал краткую версию легенды о жрецах Египта и формулу посвящения в первую степень. При переходе во вторую степень он получал белую розу, как знак чистоты помыслов и устремлённости к бесконечному, с которой он теперь должен был появляться на

¹²² ЦА ФСБ РФ, дело Р-33312, т. 7, л. 515.

¹²³ Записи бесед с В. И. Филоматовой в фонде автора в РГАЛИ.

собраниях. Одновременно ему давалась голубая восьмиконечная «богородичная» звезда, символизировавшая надзвёздный мир восьми измерений, поскольку в «Ордене Света» было восемь степеней посвящения.

Посвящения в последующие степени отличались лишь произносимой формулой и тем, что при переходе на третью степень посвящаемый получал белый полотняный пояс мученика, как символ готовности рыцаря на мучения за его веру и избранный путь.

Кроме регулярных учебных занятий, проходивших раз или два в неделю, члены орденских кружков (как правило, в количестве 8-10 человек), собирались на ритуальные собрания, связанные с приёмом неофитов, посвящением в следующую степень или с редкими орденскими праздниками, в числе которых было Рождество Христово, Воскресение (Пасха), день памяти Иоанна Крестителя и праздник архангела Михаила, архистратига небесных воинств и покровителя земных рыцарей. Культ архангела Михаила был особенно распространён среди тамплиеров, что подтверждается стихами, которые сохранились в их личных архивах (стихи П. А. Аренского, С. А. Кондратьева, А. А. Сидорова, А. В. Уйттенховена, В. А. Завадской). Изредка бывали собрания и организационного плана, опять-таки по кружкам, где решались вопросы помощи нуждающимся, проведения благотворительных концертов, публичных лекций или мемориальных публичных же вечеров, организации орденской библиотеки и т. п. Согласно древней орденской традиции, особое внимание уделялось благотворительной деятельности, для чего было создано «Братство милосердия», о котором сообщает в своих показаниях А. С. Поля.

Сопоставляя ритуалы посвящения и символику Ордена, как о том рассказывают разные тамплиеры, нельзя не заметить разночтений. Так по М. И. Сизову в Ордене имеется двенадцать степеней посвящения, между тем как члены «Ордена Света» их насчитывают только восемь, а по рассказу В. И. Филоматовой степеней всего четыре. Соответственно различны и символы: посвящая Н. А. Ладыженского, Н. К. Богомоллов говорит ему о «красной розе»; в «Ордене Света» и в руках у Карелина (см. показания Ю. А. Завадского) фигурирует белая роза (и голубая восьмиконечная звезда, по показаниям А. С. Поля), тогда как в организации Филоматовой символом Ордена оказывается «голубая астра» (по-видимому, как парафраза «голубой звезды»), хотя изображалась она в виде цветка астры. Это позволяет предположить, что описанная символика отражала иерархичность структуры самого Ордена тамплиеров, состоявшего из кружков и «подорденов» разного уровня («Орден Света», «Орден Духа», «Храм искусств» и т. д.), над которыми возвышались четыре последних степени собственно Ордена тамплиеров, но конспирированных и внутри этих подорденов, поскольку члены кружка знали, как правило, только своего непосредственного руководителя, а с другими рыцарями более высоких степеней знакомились в моменты очередного посвящения, при переходе из кружка в кружок или при смене руководителей, задачей которых было вести занятия и знакомить посвящаемых с корпусом орденских легенд.

На последних следует остановиться особо.

Сложность с легендами состоит в том, что имеющиеся в моём распоряжении тексты, некоторые из которых уже опубликованы¹²⁴, не позволяют сколько-нибудь уверенно говорить об источниках их происхождения. Если рассматривать легенды с точки зрения сюжетов и тематики, то весь корпус может быть разделён на следующие условные циклы: 1) космологический, опирающийся, скорее всего, на какие-то гностические традиции; 2)

¹²⁴ Отдельные легенды тамплиеров опубликованы: «Наука и религия»: 1992 — Свильники у трона Бога (№ 8), Бунт Сатанаила (№ 9), Гибель Атлантиды (№ 12); 1993 — Аппий Клавдий (№ 2); «Литературное обозрение», 1994: Золотая лестница, О двух Элоимах, Голубой Арлеги, Агасфер, Исповедь (№ 3/4), Алхимик, о Троне, Атлантида (№ 5/6) (см. настоящий сборник). Их символике посвящена работа Е. С. Лазарева. Гностическая образность в легендах русских тамплиеров XX века. // Россия и гнозис. Материалы конференции ВГБИЛ. — М., 1996, с. 69-75.

исторический, в котором прослеживается предыстория и история Ордена, начинающаяся с атлантов, их прихода в Египет, развивающаяся через евангельские события (обретение Грааля), чтобы через эпоху крестовых походов и европейское средневековье дойти до наших дней; 3) собственно мистический, повествующий о мирах высоких духов, соответствующих иерархии христианских небесных сил и воинств. Если первые два цикла несут — в какой-то степени — на себе отпечаток традиции и обнаруживают присутствие в текстах исторических (или псевдоисторических) реалий, то последний в этом отношении стоит особняком, заставляя относить его создание (может быть на основе каких-то гностических текстов) уже к началу XX века, если не к тем же 20-м годам. Об этом свидетельствует язык легенд, образы, употребляемые для сравнений, стиль изложения, отражающий стиль мышления человека, привыкшего мыслить категориями естественнонаучных дисциплин, а также слишком явные параллели с общественными идеалами анархистов.

Последнее касается, в первую очередь, описания жизни в различных «космосах» небесных иерархий, где на передний план весьма общей и смутной картины выдвигаются принципы акратического устройства общества — своего рода картинки справедливой, вольной обеспеченной жизни, освободившей обитателей этих миров от заботы о хлебе насущном, чтобы целиком отдаться свободному творчеству и познанию. Разговоры духов носят характер как бы платоновских диалогов, напоминая пьесы-диалоги, которые так любил писать А. А. Карелин, развивая в них перед слушателями и читателями теоретические положения, которые были бы скучны в обычном статейном изложении. Легенды предназначались для воспитания слушателей в духе орденских заповедей, примеров решения вопросов духовной и повседневной жизни, отчасти напоминая учебники европейского средневековья, в которых материал излагался в форме вопросов и ответов или «картинок с натуры», сочинённых для определённых ситуаций. Можно предположить, что указанный цикл частью своей (если не целиком) возник уже на российской почве по каким-то уже имевшимся образцам или используя неизвестные нам литературные тексты.

Если эта часть легенд оказывается нацелена на формирование этической структуры мышления тамплиеров, широко при этом используя новозаветную литературу и её апокрифы, то другие их части, историческая и космологическая, особенно последняя, были призваны формировать мировоззрение посвящённого и, раскрывая перед человеком структуру мироздания, вводили его в неё в качестве необходимой и действенной частицы, от которой зависит судьба всего сущего.

Занимаясь историей русских тамплиеров, я не могу освободиться от впечатления, что рыцарский путь активного служения в борьбе со злом невежества и тьмой обскурантизма был единственно верным и возможным тогда путём спасения духовного потенциала России в лице её интеллигенции. Больше того, то был единственно возможный путь формирования личности, который ранее не был пройден русским человеком, как о том справедливо писал Н. А. Бердяев, отчего характер россиянина, не получив рыцарской огранки и закалки, так и остался по сути своей «бабьим», привыкшим прятаться за «общину», «соборность», полагающим, что одноразовым покаянием можно обрести прощение и святость, невзирая на прежние преступления, чуждым понятия долга и чести, которые формировали характер европейца на протяжении почти тысячелетия¹²⁵. Однако строилось это мировоззрение не на одной

¹²⁵ К этому вопросу философ возвращался неоднократно: «Очень характерно, что в русской истории не было рыцарства, этого мужественного начала. С этим связано недостаточное развитие личного начала в русской жизни, русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворённости в стихии земли, в лоне матери. Рыцарство куёт чувство личного достоинства и чести, создаёт закалку личности...» (*Бердяев Н. А. Душа России. В кн.: Н. Бердяев. Судьба России. — М., 1990, с. 13*) и ещё: «У русского человека недостаточно сильно сознание того, что

мистической традиции, но и на последних достижениях современной позитивной науки, о чём постоянно говорилось на собраниях членов Ордена, причём тенденция эта была отнюдь не нововведением, а была развитием традиции того тайного духовного тамплиерства, которое возникло в недрах исторического Ордена уже в XIII веке¹²⁶.

Собственно говоря, тамплиеры предприняли попытку сведения воедино научного познания мира, которое в начале нашего века подошло к границам «запредельного», и того интуитивного опыта, накапливающегося на протяжении существования всего человечества, который определялся несколько расплывчатым понятием «мистического», будучи отвергнут как официальной теологией, так и опытной наукой. Подобное слияние было исторически предопределено хотя бы потому, что ни позитивная наука, ни одна из великих конфессий не отвечали на главный, самый основной вопрос, встававший перед каждым образованным человеком: что я есмь, откуда пришёл, зачем живу и куда уйду? Согласимся, что в наше время, когда ценность человеческой жизни ежеминутно подвергается сомнению, когда мировые религии не могут дать вразумительного ответа на эти изначальные вопросы познания бытия, а если и дают, то он оказывается уничижительным для человека, — без решения этих вопросов активное, сознательное, творческое бытие становится если не бессмысленным, то затруднительным.

Стоит заметить, что в данных вопросах наука и религия оказались удивительно единомысленны, отказываясь определить, человеческое «я», рассматривая его существование всего только как одноразовое следствие случайных факторов, не имеющего собственного значения и смысла (тем более — цели) в общей системе мироздания.

Замена материалистического «небытия» — «адам» или «раем», равно как и алогичность наказаний за прегрешения в жизни, куда человек оказывается заброшен помимо собственного желания и не обладая ни знанием, ни свободой воли, — не этот ли абсурдный постулат, в большей степени, чем даже противоречия православной догматики данным современной науки о мире и человеке, оттолкнули от Церкви мыслящих людей, поскольку она их учила смирению, но не знанию?

Кризис веры в полуязыческой многоконфессиональной России намного опередил правовой кризис православной церкви, на протяжении столетий выступавшей верной опорой власти, своего рода «четвёртым отделением Его Императорского Величества канцелярии», но никак не тем духовным пространством, куда могли стремиться мыслящие и образованные люди. Ведь именно этим объясняется тот жгучий интерес к иным учениям и конфессиям, который, возникнув в начале века в России, в наши дни приобретает поистине всеобъемлющий характер.

честность обязательна для каждого человека, что она связана с честью человека, что она формирует личность. Нравственная самодисциплина личности никогда у нас не рассматривалась как самостоятельная и высшая задача. В нашей истории отсутствовало рыцарское начало, и это было неблагоприятно для развития и для выработки личности. Русский человек не ставил себе задачей выработать и дисциплинировать личность, он слишком склонен был полагаться на то, что органический коллектив, к которому он принадлежит, за него всё сделает для его нравственного здоровья. Русское православие, которому русский народ обязан своим нравственным воспитанием, не ставило слишком высоких нравственных задач личности среднего русского человека, в нём была огромная нравственная снисходительность. Русскому человеку было прежде всего предъявлено требование смирения. В награду за добродетель смирения ему всё давалось и всё разрешалось. Смирение и было единственной формой дисциплины личности. Лучше смиренно грешить, чем гордо совершенствоваться. Русский человек привык думать, что бесчестность — не великое зло, если при этом он смиренен в душе, не гордится, не превозносится. И в самом большом преступлении можно смиренно каяться, мелкие же грехи легко снимаются свечечкой, поставленной перед угодником...» (О святости и честности. Там же, с. 77—78).

¹²⁶ *Фортинский Ф.* Новые открытия в области истории Ордена тамплиеров. Отдельный оттиск из «Университетских известий». — Киев, 1878 (см. перепечатку в настоящем сборнике).

Человеку нужна в жизни и в мире та «точка опоры», которой так не хватало ещё Архимеду. Тамплиерство нашло её в синтезе науки и мистики.

Когда я думаю об этом, мне представляется, что подлинный подвиг средневековых рыцарей, основавших внутри своего «внешнего» Ордена ещё и другой, тайный, для посвящённых, заключался не в их доблести на полях сражений, а в неустанных поисках древней мудрости, которую они открывали и постигали в беседах и медитациях со своими учителями и «оппонентами» — так, пожалуй, я могу назвать их противников-мусульман, схватки с которыми напоминали, скорее, не битвы, а турниры, где Восток и Запад знакомились друг с другом, взаимно обогащаясь куртуазностью манер и тайной мудростью посвящённых, выковывая мировоззрение будущих поколений свободомыслящих исследователей природы и человека. Гораздо выше золота и драгоценных камней тамплиеры ценили сокровища духа, которые они получали на Востоке от таких же «искателей истины»¹²⁷.

То, что в недрах средневекового тамплиерства высокого посвящения папским Римом и инквизицией было объявлено «сатанизмом», как об этом заявляют без тени сомнения авторы популярных книжек, не задумываясь, что тиражируют многовековую ложь, столь же абсурдную, как обвинения на советских политических процессах 30-х гг. нашего века, на самом деле явилось синтезом наследия Востока и изначального христианства, попытками постижения структуры мироздания и определения в нём места человека, который на протяжении всего своего существования отказывался признавать за собой «случайность» и «эфемерность», отстаивая божественность происхождения и двойственность своей природы.

Тамплиеры согласны с мистиками других школ, что человек состоит из физического тела, которое живёт по законам жизни материи, астрального, являющегося продуктом душевной жизни человека и связующего физическое тело с духом, и из духовной сущности, собственно «я» человека, являющейся бессмертной монадой, возникшей вместе с Вселенной, чьи бесчисленные воплощения способствуют как её собственной эволюции, так и преобразованию окружающего мира. Другими словами, от активной или пассивной позиции каждого из нас, от нашего личного выбора, наших решений и наших поступков в какой-то мере зависит и судьба мироздания; зависит от того, как проживёт человек очередную жизнь, являющуюся ареной борьбы сил света и тьмы, гармонии и хаоса, знания и невежества, которые в человеческом восприятии идентифицируются с понятиями добра и зла. Отсюда перед каждым человеком рано или поздно встаёт неизбежная проблема выбора, поскольку он должен определить, для чего он живёт и чему содействует: увеличению хаоса, расширению тьмы, господству зла или же гармонизации мира, распространению света, торжеству добра и знания...

Чрезвычайно важным вкладом тамплиеров в эту общепризнанную концепцию, лежащую в основе всех мировых религий, стало утверждение, что абсолютного зла, как такового, существующего изначально, на самом деле нет: зло есть такое же отсутствие добра, как невежество является отсутствием знания, а тьма — отсутствием света. Этот несколько неожиданный, однако строго логичный постулат не только снимал извечный дуализм учений Востока и его несколько искусственное разрешение в иудео-христианстве, но и впервые отводил человеку ведущее место в космосе, поднимая его в качестве свободного, обладающего собственной волей «собеседника и соработника Божия» в процессе длящегося сотворения мира.

Познавший свою божественность и своё значение, свою ответственность в борьбе со злом и хаосом, которые выступают в облике воинствующего невежества, препятствуя другим монадам осознать свою божественную сущность и предназначение, современный человек уже не имеет права вести животную жизнь, потому что ему открылась свобода выбора между светом и тьмой,

¹²⁷ В этом плане весьма любопытные факты приводятся в кн.: *Идрис Шах. Суфизм.* — М., 1994, с. 246-278.

добром и злом. Обретенное сознание обязывает человека соответствующим образом строить и свою личную жизнь, отдавая себе отчёт в своих поступках и в их последствиях для окружающих. Поэтому — подчёркивалось на орденских собеседованиях, — человек, вступивший на рыцарский путь служения людям и миру, обязан стремиться к максимальной реализации своего таланта, знаний и сил на любом избранном им поприще деятельности.

Насколько мне известно, так это и было. Аресты московских тамплиеров в 1930 г. и в последующие годы, иногда прерывавшие их путь вместе с жизнью, иногда, если везло, лишь на время вырывавшие из привычного быта, не влияли ни на их мироощущение, ни на ту одухотворённость, с которой они шли по жизни. Последнее в одинаковой мере относится и к творчеству Ю. А. Завадского, и к погибшему на Колыме П. А. Аренскому; к А. С. Полю, проработавшему всю остальную жизнь в театральных вузах Москвы, и к Л. А. Никитину, погибшему в октябре 1942 г. от цинги и пеллагры в лагерном лазарете г. Канска. О последнем мне довелось слышать от двух людей, встретивших его в тюремной камере: один видел его осенью 1930 г.¹²⁸, другой — в июне 1941 г.¹²⁹ Не зная друг друга, оба они говорили об одном: о той мощной духовной и моральной поддержке, которую получали от него сокамерники...

Показательно и другое. Встречаясь с большим количеством людей, прошедших через лагерь, рассказывающих о своих впечатлениях и опыте, я не мог не отметить тот парадоксальный факт, что в нечеловеческих условиях, где гибли во множестве физически крепкие, но малообразованные люди, выживали физически слабые, однако крепкие духом интеллигенты, те, которые знали почему они находятся в лагере, которые не считали себя жертвой «политической ошибки», рассматривавшие факт своего заключения как некое «рыцарское испытание», поскольку всей своей жизнью протестовали против рабства духа и тьмы невежества, покрывшей своим пологом Россию. Об этом мне прямо говорила Е. А. Поль, воспринявшая свою ссылку в Сибирь в начале 1931 г. как очередное рыцарское посвящение, знак, что она была признана достойной пройти через него¹³⁰.

Итак, история «Ордена Света», центральной организации Ордена тамплиеров в России, сейчас предстаёт в следующем виде.

«Орден Света» возник, скорее всего, на рубеже 1923-1924 гг. как одна из филиаций Ордена тамплиеров¹³¹, объединяющая литераторов, актёров, музыкантов, художников Москвы. На протяжении всего 1924 и начала 1925 г. он испытал наибольший подъём и приток членов, прерванный на некоторое время начавшимися репрессиями против анархистов. Впоследствии Орден оправился и до начала 1930 г. работал в тесном содружестве с Музеем П. А. Кропоткина, используя время от времени его помещения для благотворительных и просветительных акций — лекций, концертов, памятных вечеров. Основное направление работы Ордена шло по линиям преподавательской (и просветительской) деятельности в институтах, студиях, научной работы в соответствующих учреждениях, в рыцарских кружках и в распространении орденского «самиздата». Им были установлены контакты с научной и творческой интеллигенцией Москвы, Ленинграда, с мистиками Свердловска, Нижнего Новгорода, Северного Кавказа, Батума, Ташкента. Фактическое влияние Ордена, его литературы и его идей оказывалось неизмеримо

¹²⁸ Шелкачев Владимир Николаевич, геолог.

¹²⁹ Смирнов-Русецкий Борис Алексеевич, художник.

¹³⁰ РГАЛИ, ф. 3127, «Орден Света». Воспоминания Е. А. Шиповской (Поль).

¹³¹ Следует отметить, что, собирая материалы по истории Ордена тамплиеров в России, в разговорах с членами Ордена мне неоднократно приходилось слышать о существовании наряду со «светлым» тамплиерством, возглавляемом Карелиным, ещё и о «темном» Ордене, возникшем независимо, который пошёл по пути оккультизма, «черной мессы», сатанизма и т. п., подменив служение Свету — служением Хаосу в погоне за властью над стихийными силами. По ряду признаков я склонен думать, что в нём участвовали и отдельные московские розенкрейцеры, как, например, М. В. Дорогова (по воспоминаниям В. И. Филоматовой).

шире, поскольку орденская литература циркулировала среди толстовцев (Москва, Северный Кавказ) среди теософов и антропософов, принимавших участие в публичных мероприятиях Ордена, наконец, просто среди широкого круга родных и знакомых его членов.

Конфликт, возникший весной 1927 г. в музее Кропоткина¹³², вызванный попыткой группы политических анархистов использовать музей в качестве легальной трибуны для своей агитации (надо думать не без помощи ОГПУ) выплеснулся на страницы парижского журнала «Дело труда», где на протяжении последующих двух лет печатались материалы, обличающие анархистов, газеты «Рассвет», «Пробуждение», причём всё это закончилось статьёй-доносом лично против А. А. Солоновича и Ордена¹³³. В результате, начиная с осени 1929 г., ОГПУ начало планомерные акции по выявлению сначала орденской периферии (Библиографический кружок, группы московских анархистов, молодёжь анархо-мистических кружков, «нижегородское дело», «сочинское дело»), ликвидировав в сентябре 1930 г. головную организацию «Ордена Света». Оставшиеся на свободе после этой акции тамплиеры были арестованы в 1937-1938 гг., причём аресты продолжались и позднее.

Попытки в конце 50-х гг. возродить Орден, установив связи с оставшимися в живых его членами, предпринимавшиеся Г. В. Гориневским, Б. М. Власенко, В. С. Ликунным, не дали ощутимых результатов по многим причинам: продолжавший работу «поднадзорный» кружок А. С. Поля — М. В. Дороговой пошёл по теософическому пути развития, молодёжь не пополняла ряды рыцарей, а выжившие и оставшиеся верными заветам уже не могли вернуться к формам деятельности и литературе сорокалетней давности, которая, по-видимому, уже не удовлетворяла сознание, как букварь, драгоценный при начале обучения грамоте, кажется не нужным и примитивным кончающему курс обучения. Новых же форм Учение не обрело. Всё это, вместе взятое, привело к тому, что вклад Ордена в духовное развитие России и его потенциальные возможности могли остаться незамеченными, если бы автору этих строк не посчастливилось, одновременно с обнаружением документов Ордена в архивах ОГПУ-КГБ, выйти на последних его членов, чтобы восстановить утраченную было живую традицию и получить необходимый материал и комментарий к нему.

Вводя в научный оборот этот исключительно важный для понимания культурного процесса в России 20-х гг. феномен, позволяющий по-новому взглянуть на разные аспекты культурной (и духовной) жизни тех лет, я надеюсь, что переданная мне эстафета будет подхвачена и другими исследователями как в России, так и за рубежом. Первоочередной задачей сейчас мне представляется составление картотеки как на тамплиеров, розенкрейцеров, масонов, теософов и антропософов, так и на всех людей, проходивших через репрессивные органы советской власти по обвинению в принадлежности к той или иной мистической или духовной организации, выявление их дружеских и родственных связей с целью, во-первых, расширить наши представления об этом феномене российского духовного андеграунда, во-вторых, определить его влияние на культурный процесс, и, в третьих, для поисков его письменного наследия, этого потерянного элемента нашей культуры.

¹³² Никитин А. А. К событиям 20-х гг. См. также в настоящем сборнике очерк «Анархисты и мистики Кропоткинского музея».

¹³³ Юр. А.-т. Трубадур мистического анархизма. // Дело труда, Париж, 1929, № 50/51, с. 15—17. Публикуется в настоящем сборнике.

Тамплиеры, масоны, анархисты¹³⁴

Занимаясь изучением следственных дел российских тамплиеров в XX веке, я не мог обойти постоянно встававший передо мной вопрос: а кто они, эти «рыцари», именуемые их противниками «анархо-мистиками», — прямые наследники исторического Ордена тамплиеров, как считали они сами, анархисты, только прикрывающиеся крестом тамплиерства, или же ответвление современного масонства? И то, и другое, и третье оказывалось в равной степени вероятным. На связь с анархистским движением указывало руководящее положение в ВФАК самого А. А. Карелина и его ближайшего окружения; на тамплиерство — почитание главных христианских праздников, культ Христа и архангела Михаила, как предводителя небесного воинства; на масонство — тот факт, что в «Древнем Шотландском обряде» мастер-тамплиер занимает самую высокую, 30-ю степень посвящения.

Что касается тех немногих тамплиеров, с которыми мне посчастливилось встретиться в конце их жизни, то все они были убеждены, что являются членами Восточного отряда древнего рыцарского Ордена, чьё начало восходит к незапамятным временам. Существующая же на Западе организация, посланцем которой явился А. А. Карелин, опирается на непрерывную историческую традицию, идущую от самого Жака де Моле, последнего великого гроссмейстера Ордена, погибшего на костре 18 марта 1314 года в Париже...

Впрочем, так полагали не только «рыцари». Некий более чем хорошо осведомлённый об анархо-мистиках вообще и об А. А. Солоновиче и его жене в частности человек, скрывшийся за инициалами «Юр. А-т.» (по всей видимости — анархист Юрий Аникст, уже тогда замеченный в сотрудничестве с органами ОГПУ) в одном из номеров 1929 г. парижского анархистского журнала «Дело Труда» напечатал обширный памфлет, посвящённый А. А. Солоновичу, под броским и ядовитым заголовком «Трубадур мистического анархизма». Указывая на Солоновича, как на создателя «бесконечных орденов и братств — Света, Духа, Креста и Полумесяца, Сфинкса, Взаимопомощи и т. п.» (заметим, что по первым двум как раз и велось следствие!), автор памфлета утверждал, что «вся эта иерархия (орденов. — А. Н.) подчинена верховной международной организации, ни имени которой, ни содержания я пока не назову. Могу сказать лишь одно: Карелин вывез её в Россию из Парижа, а в Париж, по-видимому, имел рекомендацию от русских масонов. Должен, однако, предупредить, что в хронике этой верховной организации упоминается, что масонство тоже было маской для этой организации и, следовательно, она с масонством не тождественна. Её задача — гегемония избранных...»¹³⁵.

На что здесь намекал Ю. Аникст (будем так называть автора памфлета), что он имел в виду — мне было непонятно. Можно, конечно, предположить, что его задачей было только натравить на анархо-мистиков и мистическую интеллигенцию ОГПУ и «простых анархистов», как они себя именovali, то есть анархистов из рабочих, рвавшихся в то время к захвату Музея П. А. Кропоткина, чтобы сделать его своей политической трибуной¹³⁶. Но зачем тогда столь подчёркнуто отделять анархо-мистицизм (тамплиерство) от масонства? Больше того, уже на следующих страницах памфлета Аникст заявлял, что хотя Карелин и ввёл А. А. Солоновича в одну из форм «строгого посвящения, привезённую из Парижа», характерную для одного из обрядов масонства, на самом деле это «фальшивая форма строгого посвящения. Так, например, многие идеи и

¹³⁴ В первоначальной редакции опубликовано в журнале «Наука и религия», 1993, №№ 2—4, 6—7.

¹³⁵ А-т Юр. Трубадур мистического анархизма. // Дело Труда, № 50-51. — Париж, 1929, с. 15.

¹³⁶ См.: Никитин А. А. Заключительный этап развития анархистской мысли в России. // Вопросы философии, 1991, № 8, с. 89-101.

методы (? — А. Н.) абсолютно противоречат документам хотя бы известного Братства Философов Древней Системы»¹³⁷.

Памфлет Аникста против Солоновича и анархо-мистиков являл собой столь невероятный сплав вымысла и реальности, что, похоже, им отказались воспользоваться даже следователи ОГПУ, хотя можно поручиться, что он был создан, переправлен в Париж и напечатан там не без помощи их агентов. Сомневаться в последнем не приходится: сотрудничество с ОГПУ редактора и издателя «Дела Труда» П. Аршинова, которому покровительствовал Н. И. Махно, оказалось одним из самых громких скандалов русской эмиграции того же 1929 г. и вызвало высылку Аршинова из Франции¹³⁸. Но не это, как мне думается, остановило следователей. Им вполне достаточно было раскрытие подпольных кружков на Кавказе, в Нижнем Новгороде и в Свердловске, связанных с Москвой, ходившей по рукам рукописи А. А. Солоновича о «Бакунине и Иалдабаофе», а так же листовки, обнаруженной у И. Н. Уйттенховен-Иловойской, от авторства которой она не отказывалась¹³⁹.

Меня же, наоборот, интересовало всё то, что так и осталось за рамками следствия, тем более, что в русской истории, как известно, институт рыцарства, да ещё в его орденской ипостаси, проявился лишь дважды. Первый раз он возник в самой что ни есть изуверской и сатанинской форме «ордена крометшников», для чего и была создана знаменитая «опричнина» Ивана IV¹⁴⁰, а вторично — при кратковременном командорстве Павла I над мальтийскими рыцарями. Тамплиерами в России никто из историков специально не интересовался, и публикации, посвящённые духовным рыцарским орденам, на русском языке появились только в последние десятилетия, без должной критики пересказывая не всегда достоверные выводы западных авторов¹⁴¹.

Так что сейчас известно об исторических тамплиерах?

Орден тамплиеров («храмовников») был основан в 1118 г. в Иерусалиме девятью французскими рыцарями, во главе которых стояли Гуго де Пайен и Жоффруа де Сент-Омер, соратники Готфрида Бульонского. Во имя Богородицы они дали обет служить Спасителю по монашескому уставу — соблюдая целомудрие, послушание и бедность, охраняя пилигримов на пути в Святую землю и на её территории от христианских и мусульманских разбойников. Король Иерусалимский Балдуин II вскоре отдал в их распоряжение часть своего дворца, которая, согласно преданию, была построена на месте стоявшего здесь некогда храма Соломона. От этого разрушенного в древности храма они и получили своё название.

Поддержку рыцарям в их начинаниях оказал Бернард Клервосский, суровый мистик и сторонник строгой иерархической организации Римской Церкви, пользовавшийся огромным авторитетом в тогдашней Европе. Он сам принял участие в разработке рыцарско-монашеского устава Ордена, который был утверждён на соборе в Труа в 1128 г. папой Гонорием II, и тогда же Гуго де Пайен стал его первым великим магистром.

В уставе Ордена тамплиеров были использованы правила, взятые из статуты древних каноников Гроба Господня и цистерцианских монахов, регламентирующие соблюдение постов,

¹³⁷ А-т Юр. Там же. с. 17.

¹³⁸ В октябре 1931 г. П. Аршинов перед возвращением в СССР выпустил брошюру «Анархизм и диктатура пролетариата», где открыто признавался в сотрудничестве с ОГПУ и предлагал анархистам «переходить к большевикам», чем порядком оконфузил покровительствовавшего ему Н. И. Махно. См. по этому поводу: *Дельта*. Кандидат в чекисты. // Пробуждение, № 21-22, Детройт, США, 1932, с. 34-38.

¹³⁹ ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, лл. 37 и 39.

¹⁴⁰ Никитин А. Точка зрения. — М., 1985, с. 369—378.

¹⁴¹ Напр., Шустер Г. Тайные общества, союзы и ордена, т. I. — СПб., 1905, с. 174—199; Печников Б. А. «Рыцари Церкви» — кто они? М., 1991; Парнов Е. Трон Люцифера. — М., 1991 и пр.

обхождение с больными и бедными, посещение богослужений. Безусловно новыми следует считать параграфы, определявшие поведение рыцарей в бою: никто под страхом позора и извержения из Ордена не смел покинуть поле битвы, пока над ним развевался чёрно-белый флаг тамплиеров.

Члены Ордена должны были избегать мирских удовольствий, а устав регламентировал необходимое количество пищи, оружия, одежды и всего прочего, чем должен был довольствоваться каждый рыцарь, отказавшийся от всякой собственности. Никаких украшений на платье и на оружии носить не полагалось. Женатые могли тоже состоять в Ордене, однако не имели права носить его знаки — белый льняной плащ с красным восьмиконечным крестом, символизирующим готовность к мученичеству, и белый полотняный пояс, служивший символом сердечной чистоты.

Члены Ордена делились на рыцарей, капелланов и служащих: последние состояли из оруженосцев и ремесленников. Во главе Ордена стоял магистр, которого избирали особым комитетом, из членов капитула, а в его свиту входили капеллан, писец-клирик, два служащих брата, рыцарь, исполнявший обязанности ординарца, кузнец, повар и два конюха. В качестве адъютантов при магистре состояло двое рыцарей из благороднейших родов, составлявшие его совет. В случае необходимости магистра замещал сенешаль, которому прислуживали два оруженосца, капеллан, писец и двое слуг.

Войском Ордена и всеми рыцарями ведал маршал, в то время как великий прецептор был хранителем казны и заведовал всем имуществом Ордена в чём бы оно ни выражалось — в зданиях, замках, поместьях, кораблях, торговых складах и прочем. Комтур Иерусалимский с отрядом из десяти рыцарей (не отсюда ли «десятки» орденских кружков?) при развёрнутом чёрно-белом знамени сопровождал паломников к Святым местам Палестины.

Такие же должности были созданы и в провинциях Ордена — в Триполи, Антиохии, Франции, Англии, Пуату, Арагоне, Португалии, Апулии и Венгрии.

Вступающий в Орден должен был происходить из рыцарского рода и от законного брака, сам в браке не состоять, не быть связанным обетами с другими орденами и не быть отлучённым от Церкви. Он мог иметь три лошади, одного оруженосца и один шатёр. Точно так же регламентировалось количество его одежды, оружия и получаемой пищи.

Слава Ордена росла вместе с его численностью, подвигами и могуществом, потому что всё перечисленное отвечало идеалу рыцарства и привлекало в его ряды представителей самых знатных фамилий. Не было ни одной сколько-нибудь знатной семьи в Европе, члены которой не состояли бы в Ордене. В его казну стекались пожертвования золотом, драгоценностями, поместьями, замками, а вместе с тем ему даровались всё новые и новые привилегии. При всех европейских дворах тамплиеры занимали самые почётные должности, а по богатству и могуществу Орден в целом мог соперничать со всеми государствами христианского мира, что постепенно начинало вызывать опасения монархов.

Наоборот, папы, видевшие в Ордене опору своего влияния в Европе, расширяли покровительство рыцарям до того, что в 1162 г. папа Александр III особой буллой освободил Орден от подчинения иерусалимскому патриарху (а в Европе — от подчинённости местным духовным властям), позволив иметь собственное духовенство, отвечающее непосредственно перед папским престолом. Если учесть, что к этому времени тамплиеры имели собственное войско, собственный суд, независимый от королевского, и огромные земельные владения, монастыри и замки в Европе, образуя независимые территории в каждом европейском государстве, куда от произвола королевских чиновников с охотой бежали крестьяне, горожане и даже дворянство, получая надёжную защиту, то можно представить, какой грозной и страшной силой выглядел Орден в глазах европейских монархов.

Собственно говоря, в лице тамплиеров в Европе формировалась новая наднациональная власть, которой оставалось совсем немного, чтобы, объединив в своих рядах всю европейскую аристократию и горожан, встать над светской (а затем — и над церковной) властью, положив конец европейским раздорам и войнам, образовав «единую Европу» задолго до конца XX столетия.

Положение изменилось к началу XIV века. В 1291 г. пала Аккона, последний оплот христианского рыцарства на Востоке, заставив Орден тамплиеров перебраться на Кипр и во Францию. После бурных успехов на протяжении всего XII века, последующее столетие показало отсутствие реальных интересов для европейской аристократии в Передней Азии. Рыцари привыкли к роскоши, а сам Орден был занят торговлей, ростовщичеством и вовсе не стремился сражаться с «неверными». Гораздо больше, чем судьба Гроба Господня, рыцарей занимали дела в Европе, где они и встретили своего главного противника — французского короля Филиппа IV «Фальшивомонетчика», прозванного так за непомерную алчность и порчу серебряных денег.

Здесь не место пересказывать ходы интриги, благодаря которой 13 октября 1307 г. по приказу короля все французские тамплиеры во главе с гроссмейстером Жаком де Моле, вызванные с Кипра вместе со своими сокровищами под предлогом подготовки нового крестового похода, были арестованы и брошены в темницы. Папа Климент V был послушной игрушкой в руках Филиппа IV, и всё же для завершения процесса над тамплиерами потребовалось почти семь лет. За это время многие из арестованных погибли под пытками, а другие возвели на себя и на Орден чудовищные обвинения, от которых отказывались во время судебного заседания, чтобы «за возврат к заблуждениям» тотчас попасть на костёр.

Казалось, с Орденом покончено. Однако 17 марта 1314 г., когда парижское судилище приговорило гроссмейстера и высших должностных лиц Ордена к пожизненному заключению, у Жака де Моле и великого прецептора Жоффруа де Шарне хватило сил и мужества выступить с категорическим протестом против обвинения и с полным отказом от своих показаний под пытками, за что на следующий же день они были сожжены. Орден был распущен, все его богатства были конфискованы королём. Насколько надумано было обвинение, видно из того, что на заседании 3 апреля 1312 г., когда была оглашена запрещающая Орден булла, папа Климент V в присутствии Филиппа IV и множества рыцарей, говоря об Ордене, признался, что *«даже если его нельзя уничтожить путями правосудия (поскольку доказательства вины тамплиеров не выдерживали проверки. — А. Н), то всё же он должен быть уничтожен путями благоразумия, дабы не разгневался дорогой сын наш король французский»*.

Стоит заметить, что во многих странах Европы — в Англии, Германии и в Португалии — королевские суды полностью оправдали тамплиеров от возводимых на них обвинений в противоестественных пороках, богохульстве и сатанизме, так что рыцари там не потеряли ни своего положения, ни имущества, а сами тамплиеры вошли в состав других рыцарских орденов. Но в целом гибель Ордена стала свершившимся фактом уже в силу папской буллы, запретившей его существование.

Что вменялось в вину тамплиерам?

Нам, россиянам конца XX века, знающим механику сталинских процессов 30-х годов, которые вызвали удивление и растерянность у европейцев, приходивших к выводу, что «значит, всё так и было, если обвиняемые добровольно подтверждали выдвинутые против них столь чудовищные обвинения», намного легче разобраться в «свидетельствах», добытых следователями инквизиционных трибуналов средневековья, чем западным историкам прошлого и нынешнего веков.

Выросшие в условиях не снившихся нам демократических свобод, соблюдении буквы закона, уважения к «правам человека» (о которых вопрос тогда не вставал просто по отсутствию необходимости), эти люди не понимали и не могли понять, каким образом человек может возвести на себя чудовищную напраслину, которая означала для него верную и позорную смерть. Между тем, коммунисты в практике политических репрессий, чтобы окончательно сломить волю человека и столь же окончательно очернить его в глазах всего мира, применили испытанный приём инквизиции — утверждение абсурда, против которого логика оказывалась бессильна, ибо просто не допускалась в царство беспредельного пыточного произвола.

Абсурд состоял в том, что если человек строил государственную промышленность, добиваясь её эффективности, его обвиняли именно в развале промышленности; если он отвечал за обороноспособность страны, в процветании которой был единственный смысл его жизни, его обвиняли в подрыве армии, в работе на иностранные разведки, в продаже секретов тем державам, против которых строилась оборона. Если человек отвечал за развитие науки, подбирая наиболее способные кадры, создавал им условия для максимальной отдачи сил, его обвиняли в развале этой науки, в заведомом вредительстве и саботаже; если это был врач, боровшийся за жизнь своих пациентов, его заставляли признать, что подлинной его задачей было как можно скорее и как можно больше отправить людей на тот свет...

То же самое произошло и с тамплиерами, причём с тем большей лёгкостью, что, с точки зрения своих современников, они были повинны в нарушении монашеских обетов, которые приносили при вступлении в Орден, ставший к тому времени в значительной мере светской организацией.

Главные пункты обвинения складывались следующим образом.

Тамплиеры давали обеты почитания Девы Марии и Иисуса? Они носили на себе знак мученического креста? Стало быть, они поносили Деву Марию, кощунствовали против Христа, отрекались от Бога и поклонялись дьяволу. Они проводили публично и при свете дня торжественные богослужения, празднества, шествия с почитанием священных реликвий? Стало быть, ночью в своих неприступных замках они служили «чёрную мессу», кощунствовали над реликвиями, предавались противоестественным порокам — педерастии, содомии, богохульствовали и так далее. Никто не был этому свидетелем, никто не может доказать эти пороки тамплиеров? Это означает только, что они более хитры и лицемерны, чем можно предположить, и служит свидетельством того, как тщательно они скрывают свои пороки и злодейства, запугивая посвящённых и уничтожая несогласных...

Сравнивая показания, вытянутые под пыткой и сохранившиеся в дошедших до нас инквизиционных актах процесса тамплиеров, с показаниями прочих жертв святейшей инквизиции, обвиняемых в сатанизме, колдовстве и ересь, мы обнаруживаем одну и ту же систему вопросов и ответов, что и в протоколах органов НКВД второй половины 30-х годов XX века. В результате жертвы средневековья возводили на себя поклёпы в чудовищных извращениях и преступлениях, которые могли сниться только садистам-монахам, не только выполнявшим заказ светской власти, но, таким образом, получавшим удовлетворение своим собственным извращениям и подавляемым страстям.

Безусловно, среди тамплиеров, как и среди любых привилегированных организаций закрытого типа имели место пороки и преступления, связанные с отдельными личностями, однако в то время отнюдь не они определяли цели и задачи Ордена, характер жизни и деятельности рыцарей, по первому знаку своего магистра готовых жертвовать своей жизнью...

Суд современных историков безусловно оправдал тамплиеров, очистив их от грязи возводимых на них обвинений, — грязи, столь характерной для ревностных служителей якобы

«христовой» церкви, переносившей на противника собственные грехи и реализацию своих тайных вожделений.

В известной книге Е. Парнова «Трон Люцифера», где истории падения Ордена тамплиеров отведено немалое количество страниц, вопрос этот почти не затронут, поскольку автора интересовала только одна его сторона — обвинение тамплиеров в сатанизме на том основании, что «во время своих тайных сборищ они поклонялись идолу Бафомета», под которым, естественно, подразумевался Сатана. Но так ли это было на самом деле?

Обращаясь к выдержкам инквизиционных протоколов, которые приводят различные авторы, можно убедиться, что ни один из допрошенных тамплиеров не описал этого «идола» в согласии с описаниями других. Один говорил о «мужской голове с длинной бородой», в которой он видел голову Иоанна Крестителя, другой — о серебряном изображении такой головы, третий — о женской голове, четвёртый — о женской фигуре с козлиной головой, пятый об «отвратительном чёрном идоле», шестой — о человеческой фигуре с козлиными ногами и рогами, и так далее. До сих пор никто не попытался исследовать, что, собственно, означает слово «бафомет» — имя одного из демонов преисподней, на чём настаивали инквизиторы, имя одного из эонов гностиков или же, что больше всего похоже на правду, «крещение мудростью», т. е. «посвящение в знание» (точнее — «погружение в знание» или «закаливание знанием»), что относилось не к самой голове, вероятнее всего изображавшей голову Иоанна Крестителя, которого особенно чтили гностики и тамплиеры, а к ритуалу тайного посвящения «избранных» — ордена внутри Ордена.

Здесь мы должны воспользоваться документами, которые проливают свет на действительное положение дел внутри Ордена тамплиеров. В 1877 г. в Галле был издан посмертный труд ольденбургского библиотекаря Мерцдорфа. Изучая историю масонства, он обнаружил в архиве главной гамбургской ложи ящик документов, полученных в 1860 г. из Санкт-Петербурга вместе с другими документами закрытых в 1822 г. русских масонских лож. Среди масонских документов оказался манускрипт конца XVIII века, воспроизводивший, как значилось в заголовке, тайные тамплиерские уставы, хранившиеся в Ватиканском архиве, в том числе известный в подлиннике устав Ордена, принятый на соборе в Труа. Остальные копии содержали два «тайных» устава, а третья — изложение тайных знаков и паролей, по которым посвящённые могли узнавать друг друга, обращаться с призывом о помощи и эту помощь получать¹⁴².

Во втором по счёту из этих документов, извлечённом из XXIV кодекса актов инквизиции и обозначенном как *Statuta secreta Electorum* (т. е. «Тайные установления Избранных»), содержались секретные постановления, которые, как отмечено в конце, *«переданы братьями Рожером де Монтаю и Робертом де Барри, а переписаны братом Бернаром из S. Audomarо 18 августа 1252 года»*.

Устав этот начинается с заявления, что *«теперь настали последние времена и к тем, которые крещены не водою, а Духом Святым и огнём, приблизилось Царство Божие»*. Обращаясь к начальникам Ордена, составитель (или составители) призывает учреждать *«капитулы избранных»*, в число которых дозволено принимать только самых достойных братьев, причём собираться они должны тайно, ночью, в месте, имеющем тайные выходы, и охраняемом стражей. Кроме чистоты жизни, твёрдости в соблюдении обетов, неустрашимости и благородного происхождения от кандидата требовалась высокая образованность, владение языками и занятия наукой. Кандидата следовало готовить исподволь, проверяя его качества и стойкость,

¹⁴² Здесь и далее сведения приводятся по обзору документов: *Фортинский Ф.* Новые открытия в области истории ордена Тамплиеров. Отдельный оттиск из «Университетских известий». — Киев, 1878, с. 1-25.

постепенно открывая ему сомнения в истинности учения и жизни римской Церкви, уподобившейся библейскому Вавилону, давно уклонившемуся с пути истины и праведности.

Чрезвычайно любопытно, что в числе этих сомнений указывалась возможность рождения Христа от Девы Марии, обладание им реальным телом, возможности быть положенным в гроб и затем воскреснуть. Следом за этим пояснялось, что само по себе крещение не ведёт к очищению, а в освящении вина и хлеба не происходит никакого таинства или «претворения», так что во всём, что *«проповедуется в синагоге антихриста»* (т. е. в римско-католической церкви), нет ни истины, ни спасения.

Когда кандидат усвоит эти мысли и согласится с ними, ему можно намекать, что *«есть лица, имеющие доступ к ангельским откровениям, привезённым из восточных стран»*, и что от него самого зависит получить это знание или нет.

Подготовив таким образом кандидата и получив согласие капитула, назначалось место и время для приёма неофита. Сама процедура оказывается весьма сходной с обстоятельствами приёма в масонскую ложу, причём оговаривалось, что если приведённый к испытанию проявит колебания, весь церемониал предписывалось обратить в шутку с изрядной выпивкой и запрещением в дальнейшем привлекать этого рыцаря в члены тайного общества. В случае же его достойного поведения начинался настоящий приём.

При вступлении неофита в комнату, собравшиеся пели псалом. Посвящаемый давал обет молчания, а затем *«клялся, что верует в Бога Творца, в его едиnorodного Сына и Вечное Слово (т. е. Логос — А. Н.), которое никогда не рождалось, не страдало, не умирало на кресте и не воскресало из мёртвых»*. Вместе с тем он клялся в ненависти как к мирским тиранам, так и к *«синагоге Антихриста, о пришествии которого известил Иоанн»*, по-видимому, Иоанн Богослов. После этой клятвы братья бросали на землю свои кресты и попирали их ногами — факт, в высшей степени знаменательный, поскольку, как известно, не только первые христиане, но несториане и многие сектанты доныне отказываются поклоняться кресту как орудию мученичества Иисуса, воздвигнутого руками его палачей.

Вместе с тем, специальный параграф, отказывавший Христу в полном воплощении, т. е. в его плотском существовании среди людей, требовал от посвящённых с почтением относиться к *«Иисусу, сыну Марии»*, поскольку тот принадлежал к его ученикам.

Статуты, как указывалось, не были неизменными. Их предписывалось читать четыре раза в год — накануне Крещения, Великой Пятницы, дней Иоанна Крестителя и архангела Михаила, особо почитавшихся тамплиерами, причём членам капитула предоставлялось право их комментировать, пополнять и изменять. Запрещён был только их перевод с латыни на местный язык, чтобы они не попали в руки необразованных людей.

Ещё более для нас оказывается интересно изложение самого учения «избранных», от которых требуется *«оставить мир, воздерживаться от лишнего употребления мяса, преследовать воров, ростовщиков, клеветников, развратников и разбойников, снискивать себе пропитание физическим и умственным трудом, не причинять оскорбления ни одному честному человеку, принимать с любовью всякого, кто выкажет ревность к нашему учению, повиноваться больше Богу, чем людям. Если будут исполнены эти правила, нет нужды в таинствах, которые продаются в синагоге Антихриста; а если они будут нарушены, никакие таинства не доставят спасения. Тут содержится вся сумма нашего оправдания, и в дополнение к ней не требуется установление каких-либо новых церемоний, так как всё Евангелие и апостольское Учение ограничиваются этим немногим»*.

Определяя в последующих параграфах как должны себя вести посвящённые, чтобы не подавать повода к подозрениям и пересудам со стороны других братьев и мирян, а также со стороны духовенства, авторы статута рассказывают далее об устройстве орденских зданий и помещений для тайного капитула, об участии в выборах на орденские должности и о

разрешении *«принимать участие в войнах на Востоке и в Испании, но с условием, чтобы они боролись ради освобождения угнетённых, а не из-за славы».*

Наконец, нельзя обойти вниманием знаменательное указание, что при каждом орденском доме *«следует завести библиотеку, в состав которой, кроме Библии и творений святых отцов, должны входить произведения Иоанна Эриугены, Ансельма Кентерберийского, Абельяра, собрание канонов Грациана, Петра Ломбардского и, наконец, недавно запрещённые синагогой Антихриста сочинения Амалика де Бена и Давида де Динато».*

Третий устав, озаглавленный Liber Consolamenti (т. е. «Книга Утешения»), извлечён был из ватиканского кодекса XXXI и в конце имел помету, что *«правила эти собраны магистром Ронцелином, а переписаны Робертом из Самфорда, прокуратором тамплиеров Англии, 28 июня 1240 года».*

В отличие от предыдущего устава, он содержит в своей преамбуле заявление, что только одним «утешенным» доступен свет Истины, которого не ведают *«ни прелаты, ни князья, ни учёные, ни сыны Нового Вавилона».* Последние, то есть приверженцы римско-католической церкви, требуют наибольшей осторожности в сообщении им каких-либо сведений и в принятии их в число «утешенных». Наоборот, двери тайного братства следует открывать невзирая на национальные различия тем, *«которые в тулузской провинции называют себя “добрыми людьми”, в лионской области — “бедными”, скрывающимся около Вероны и Бергама (т. е. речь идёт о катарах и альбигойцах. — А. Н.), “байолям” Галисии и Этрурии, “боргам” (богумилам. — А. Н.) Болгарии, “друзам” на Кипре и в горах Ливана, а также сарацинам в Испании»*, причём в последнем случае в пример приводится приём в Орден Саладина по рекомендации Энфрида Турского.

Это уникальное известие, которому нет основания не верить, вместе с предшествующим документом открывает тайные цели Ордена, заключавшие в себе попытку коренной реформации христианства в духе собственно евангельского учения и построения на земле того утопического общества, о котором, как оказывается, мечтали не только бедняки Европы, но и самый образованный и просвещённый цвет её рыцарства.

Видимо в силу этих причин, требовавших предельной конспирации, «утешенные» (самоназвание которых возникло, вероятнее всего, из провозвещённого Иисусом имеющего прийти за ним «Утешителя» — Параклета) составляли ещё более узкий, затруднённый для приёма кружок, чем «избранные» предыдущего документа. Возрастной ценз не допускал приёма людей моложе 36 лет и ставил преграду монахам, клирикам, аббатам, епископам и клерикальным учёным, *«потому что они поступают коварно, скрывая в сердце измену, или, отказавшись от своих заблуждений, ищут Света только для того, чтобы с большей свободой погрязнуть в пороках».*

Строго и уже безо всяких зазорных испытаний совершался приём в «капитул утешенных».

«Каждый избранный, прежде чем он будет допущен в число утешенных, должен вручить своему учителю письменную, подробную и обстоятельную исповедь во всех своих грехах и проступках, совершённых им по настоящее время. Полноту и истину своей исповеди он обязан подтвердить клятвою в присутствии двух свидетелей. Эта исповедь должна быть положена на хранение в архив капитула...»

Подробное описание обряда с чередованием пения антифона и псалмов, последующих молитв и принятия клятв свидетельствует о церковном (собственно — антицерковном) характере «капитула утешенных», противопоставлявших свою «истинную Церковь» — «вавилонской блуднице», Риму, тогда как в уставе «избранных» ощущается гораздо более подлинной духовности и уважения к интеллекту.

Одно из самых интересных известий ритуала «утешенных» — провозглашение трёх молитв трёх пророков, *«посланных Богом на утешение».* Первая — молитва Моисеева — заимствована из книги Чисел, вторая — Иисусова — из евангелия Иоанна, а третья — Бафометова — раскрывает нам ещё одно значение загадочного имени, потому что представляет собой пересказ начальных стихов Корана, к которым посвящающий присоединяет следующую

фразу: «Один Господь, один алтарь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, и каждый, кто призовет имя Господа, спасен будет», на что присутствующие отзываются «*ja allah!*», что означает «слава Божия».

Здесь мы видим, как гностическое «крещение мудростью», связываемое первоначально с личностью Иоанна Крестителя, в результате контактов тамплиеров с эзотерическим мусульманством на Востоке оказалось переосмысленным именем Мухаммед. Этот удивительный пример синкретизма трёх великих религий, имеющих одну основу и для всех трёх представлявший в то время безусловную ересь, можно посчитать дерзостной попыткой всеобъемлющего экуменизма, утверждаемого в следующих выражениях: «*Народ, ходивший во тьме, увидел Великий Свет, который возблистал и для сидящих в стране и сени смертной. Трое суть, которые возвестили миру о Боге, и эти трое — суть одно!*»

Посвящение неопфита на этом не заканчивалось. «В ту же или следующую ночь» ему предстояло узнать «*тайное учение о Боге, о воплощении, об Иисусе, о Новом Вавилоне, о природе вещей и вечной жизни (по-видимому, о карме и реинкарнациях. — А. Н.), о тайнах, касающихся человека, о великой философии, Абраке и талисманах*». Предостережение последующих параграфов «*не совершать известных алхимических опытов, простые металлы превращая в золото и серебро*» в тех домах, где, кроме посвящённых, проживают и другие братья, а заниматься этим «*в отдалённых местах с соблюдением величайшей тайны, на пользу себе и утешенным*», совершенно определённо указывает, что это ответвление тайного тамплиерства имело дело не только с широко распространёнными в те времена ересями, но и с алхимическим оккультизмом, от которого открывался прямой путь к практической магии и каббалистике, т. е. к розенкрейцерству.

Таким образом, «Книга Утешения» содержит косвенное, однако весьма серьёзное подтверждение розенкрейцерской легенды о связи Христиана Розенкрейца с тамплиерами, что неоднократно подвергалось сомнению исследователями нового времени, по каким-то причинам упустившими из своего поля зрения эти примечательные документы.

Как можно убедиться, ни один из параграфов тайных уставов не даёт основания заподозрить «избранных» и «утешенных» тамплиеров, составлявших, возможно с другими такими же группами, «орден внутри ордена», в какой-либо склонности к «сатанизму», на чём особенно настаивали их обвинители и настаивают клерикальные историки современности. Более того, их сопоставление неопровержимо доказывает, что в основании христианского гнозиса, воспринятого тамплиерами уже в первом столетии Крестовых походов, оказалась личность Иоанна Крестителя, а соответствующие реликвии (мощи, псевдомощи) положили начало той самой его статуарной иконографии (фигура с головой в руках, голова на блюде), которая перешла каким-то образом от средневековых тамплиеров в православную иконографию как в живописном, так и в скульптурном её исполнении.

Не это ли вызвало обвинение сначала в «идолопоклонстве», а затем и в «сатанизме», когда одна из ветвей тайного тамплиерства, вошедшая, по всей видимости, в более тесные контакты с эзотерическим мусульманством (суфизм) во время пребывания на Востоке, контаминировала этот образ с «третьим пророком» — Мухаммедом — имя которого оказалось столь созвучно в формулой первоначального посвящения.

Теми же гностическими источниками следует объяснить и упоминание в «Статутах избранных» «*Вечного Слова, которое никогда не рождалось, не умирало и не воскресало*», т. е. Логоса, равно как и отказ видеть в Христе человека, отделяя его от «*Иисуса, сына Марии*», поскольку последователи христианских гностических учений точно так же видели в Искушителе «воплощённого Эона», принимая его как духовную сущность, а его физическое тело полагая только иллюзорной оболочкой.

Как известно, Христос — Эон Любви, у гностиков почитался сыном «Высочайшего Бога», поскольку был исходящей от него частью, однако Бога, который не был непосредственным

творцом нашего мира. Последний был создан одним из низших демиургов, Иалдабаофом, не подозревавшим ни о заложенной в нём самой божественной искре Света, освобождение которой из косной материи могло произойти только через освобождение и поднятие человека, ни об иных сферах Божественного Мира, которые располагаются по ступеням «Золотой лестницы».

Мне представляется чрезвычайно примечательным тот факт, что большинство гностических параллелей, которые можно обнаружить в учении тайных тамплиеров XIII века, мы находим и у тамплиеров (анархо-мистиков) России в XX веке, в первую очередь у того же А. А. Карелина, в пьесах-диалогах которого действует не только Утешитель-Параклет, но и «другой Иисус, сын Марии», ничего общего не имеющий с одноимённым ему Учителем (Христом), «который воспитывался в Египте и был посвящён в таинства его жрецами»¹⁴³.

Сходство учения анархо-мистиков 20-х годов нашего столетия с тайными обществами тамплиеров и с «ересями» средневековья, опиравшихся на евангелия и гностические учения ранних христиан, простирается и на отношение к церкви с её властной иерархией, обскурантизмом, алчностью и гонениями на инакомыслие. Даже в кратком изложении «Статуты избранных» мы находим очень многое, почерпнутое непосредственно из евангелий. Вместе с тем, в этих документах отчётливо проступает новый этический момент, чуждый Востоку, который со второй половины XVII века приобретает, кроме личностного, ещё и социальное значение — требование свободы, как «естественного права человека», в том числе свободы вероисповедной.

Так может быть именно об этих «избранных» писал в своём памфлете Ю. Аникст¹⁴⁴, подтвердив, сам того не подозревая, историческую преемственность московских анархо-мистиков от древних тамплиеров?

В самом деле, обретая знание «добра и зла», «избранный» вместе с тем получал свободу выбора и в своих мыслях, и в своих поступках на пути совершенствования, целью которых является помощь страждущему и борьба за справедливость. Не случайно перед рыцарями, вставшими на этот путь, открывается свобода изменения первоначальных статусов, которые оказываются не догмой, а всего только помощью на первых шагах в поисках истины и подвига духовного... Это действительный путь рыцарства, путь служения и путь свободы, на котором рано или поздно встанет вопрос об акратии, естественной для человека, научившегося управлять собой и видящего цель своей жизни и деятельности в служении окружающим его людям.

Наоборот, «Книга Утешения» приоткрывает нам формирование иных ветвей тайного посвящения — каббалистического розенкрейцерства и, по-видимому, масонства. Стоит напомнить, что происхождение этого документа связано именно с Англией, где раньше всего проявилась государственная оппозиция католической Церкви, завершившаяся английской революцией XVII века, и где впервые объявило о себе масонство. Очень вероятно, что эта оппозиция в предшествующие века поддерживалась тайными тамплиерами, которые, несмотря на запретительную буллу Климента V, были оправданы английским королевским судом и в последующее время проводили своё влияние через строительные ложи до объявления «правильного масонства».

Впрочем, вопрос этот требует особого рассмотрения, поскольку, как осторожно замечали в прошлом веке рецензенты труда Мерцдорфа, в Ватиканском архиве тогда ещё не был обнаружен оригинал документа, с которого в конце XVIII столетия была снята публикуемая копия.

¹⁴³ Напр., в пьесе-диалоге «Заря христианства» (рукопись).

¹⁴⁴ А-м Юр. Указ. соч., с. 15.

Примечательно и другое. Как я уже говорил, содержание обоих статусов, «избранных» и «утешенных», их безусловная связь с гностическими учениями, позволяет нам попытаться определить истоки обвинений тамплиеров в «сатанизме», что, стоит заметить, в те достаточно варварские времена имело совсем иную окраску, чем теперь.

Древнехристианские гностики полагали, что Эоны уже дважды сходили на Землю, чтобы освободить мир и человека от власти злого и ограниченного демиурга Иалдабаофа, тождественного ветхозаветному Яхве, который по незнанию вложил в человека частицу Божественного Света, но запретил ему путь познания, позволив пользоваться только ощущениями тела. Первым из них был Эон Мудрости, который в облике Змия освободил человека от пут незнания и власти Яхве, дав ему возможность двигаться в высшие миры через познание окружающего (гнозис). Он сошёл на Землю, чтобы пробудить в человеке спящие божественные силы, развитие которых обеспечивает торжество духа над материей.

У гностиков была своя система отсчёта ценностей, которая строилась не на именах (они не играли роли), а на определении того, что есть добро и что — зло. Яхве-Иалдабаоф был богом материального мира, богом запретов, ограничений и страданий, богом, создавшим несправедливость и умножающим её, как о том повествует Библия. Вместе с тем он требовал к себе внимания, поклонения, жертв и только так, на сделках между ним и людьми, мог существовать этот мир. Можно ли было считать его Богом с большой буквы? Гностики однозначно говорили «нет», потому что если Яхве-Иалдабаоф и был богом, то богом не добра, а зла.

Вот почему, по мнению гностиков и в отличие от церковного учения, «ветхозаветный Змий» был ни «падшим архангелом», ни «врагом рода человеческого», ни олицетворением зла, а всего только посланцем высших сил. К слову сказать, у манихеев и болгарских богумилов Сатанаил («Бог-противник») прямо указывается «братом Христа», так что ни о каком «олицетворении зла» и речи быть не может¹⁴⁵.

Вторым на Землю сходил Эон Любви, известный под именем Христа, чей приход был возведён Иоанном Крестителем. Крещение людей водой предшествовало и предуготовляло их к истинному крещению в духе. К обрётённому ранее знанию, т. е. гнозису, они должны были теперь присоединить любовь ко всему сущему в мире, любовь к самому миру, чтобы осознать свою с ним общность. Конечно, это было совсем не то, что содержится в каноническом четвероевангелии, активно зовущему к отказу и забвению этого мира, но кто возьмёт на себя смелость утверждать, что более истинно — «апокрифические евангелия» или те, что освящены авторитетом Церкви?

Вот почему мне представляется, что если «крещение мудростью» у «избранных» тамплиеров сопровождалось открытием неопиту той истины, что трое — Эон Мудрости (позднее явившийся в образе Иоанна Крестителя), Эон Любви (Христос) и ожидаемый Параклет («Утешитель») — в своей божественной сути едины, поскольку являются эманациями одного и того же Логоса, проросшими семенами которого являются и люди, и духи, одинаково идущие вверх, к Свету, к Высшему Богу, Сущему и Непостижимому, поскольку несут в себе искры Божественного Света, то у другой ветви тайного тамплиерства, «утешенных», они персонифицировались как основатели трёх ветвей иудео-христианства — Моисея, Иисуса и Мухаммеда.

С точки зрения ортодоксальной Церкви всё это было ересью, гораздо худшей, чем идолопоклонство или сатанизм, поскольку утверждало подлинный экуменизм и объявляло

¹⁴⁵ Подробнее о богумилах и их взглядах см.: *Примов Б.* Бугрите. Книга за поп Богомил и неговите последователи. — София, 1970.

несущественными все конфессиональные различия при тождестве основного постулата — единого Творца, не могущего иметь ни противника, ни соперника. Учение Церкви (в противоположность собственно проповеди Христа) строилось на изначальном дуализме мира, который является ареной борьбы света и мрака, тёмных и светлых сил, духов добра и зла, причём постоянно указывало, что «в данный момент» торжествует «враг рода человеческого», которому «дана воля» с тем, что по прошествии неопределённо долгих лет раз и навсегда восторжествует справедливость.

Собственно говоря, Церковь в лице её иерархов молчаливо соглашалась с тезисом, согласно которому Земля и человечество отданы во власть зла, почему сама она и ведёт себя «применительно ко злу», как можно сказать, перефразируя Ф. М. Достоевского.

Церковное учение в известной мере было учением «о несвободе человека», с которым по самой сути своей не могло примириться рыцарство, возраставшее в Европе на началах равенства, взаимного уважения, братства и свободы выбора. Во время Крестовых походов на Востоке европейские рыцари не просто столкнулись с миром новых для них идей и представлений, а смогли глубоко в этот мир проникнуть — во время долгих перемирий и тесных контактов со столь же рыцарственным, но во многих случаях гораздо более просвещённым противником. Естественно, что они не могли пройти мимо тех тайных учений Востока, которые здесь всегда жили бок о бок друг с другом, заимствуя друг от друга знания и не обращая внимания на национальные и вероисповедные барьеры.

Сравнивая полученные из такого краткого сопоставительного анализа результаты с тем, что сейчас нам известно о гностиках, с одной стороны, а с другой — об анархо-мистиках, особенно по содержанию их легенд, невольно приходишь к заключению не просто о схожести многих положений и образов, но и об их тождественности. Другими словами, возникает убеждённость, что общие гносеологические корни исторических тамплиеров и тамплиеров нашего века в России питались одними и теми же источниками.

Я не надеюсь и не стремлюсь доказать, что гностические представления московских анархо-мистиков были восприняты именно от исторических тамплиеров в непосредственной устной передаче через столетия, как в это верили многие из членов «Ордена Света». На мой взгляд, пути передачи этих сведений были куда менее загадочны и тривиальны. К 20-м годам большая часть интересующих нас источников была опубликована, так что наиболее вероятно прямое заимствование тем и сюжетов из книг, в том числе и из публикаций Мерцдорфа. Человек, желавший воссоздать ритуалы и легенды тамплиеров, как это мы находим в масонстве XVIII века, легко мог это сделать уже по актам инквизиции, опубликованным в XVII веке, выбрав из них тот материал, который представлялся ему наиболее интересным и достоверным.

С другой стороны, публикация собственно гностических текстов в XIX и в начале XX века давала пищу не только таким сочинениям, как «Разоблачённая Изида» и «Тайная доктрина» Е. П. Блаватской, но и направлению, известному под именем «французского оккультизма», прямо связанного с розенкрейцерством у масонов, а через него — и с тамплиерством, которое оказалось упомянутым на самой вершине масонской иерархии.

Все темы и сюжеты неотамплиерских легенд — космогония и теогония, история Грааля и копья Лонгина, крестовые походы, встречи в пустынях с друзьями, Атлантида и Египет, средневековые с его папашем ведьм, монастырями, искушениями рыцарей и монахов, не сохранившие, практически, ни одной достоверной или «датирующей» детали о событиях, которая не была бы известна по другим источникам, — всё это заставляет думать, что тамплиерство, привитое на российскую почву А. А. Карелиным, имело не столько исторический, сколько общекультурный характер.

Такой вывод косвенным образом подтверждает и анализ рыцарской символики, насколько её удастся восстановить по материалам следственного дела «Ордена Света». Единственной деталью, напоминающей об историческом Ордене тамплиеров, оказывается белый холщёвый пояс, символизирующий чистоту сердца, который получали переходящие на третью ступень посвящения «рыцари». Знак восьмиконечного красного креста на белом фоне — основной символ Ордена тамплиеров — насколько я мог выяснить у живых анархо-мистиков, никогда в их обиходе не фигурировал, подобно тому, как в обиходе исторических тамплиеров никогда не употреблялись ни восьмиконечная голубая («богородичная») звезда, ни белая и красная розы, попавшие в ритуал московских тамплиеров, скорее всего, из символики розенкрейцеров.

Конечно, опираясь на «статуты избранных» можно предположить, что «в мирах и веках», а точнее — на протяжении протёкших столетий, многие параграфы тайных уставов тамплиеров были пересмотрены и изменены до неузнаваемости. Однако правомерно ли в таком случае говорить об Ордене тамплиеров, поскольку это понятие предполагает не только определённое содержание, но и столь же определённую форму? К тому же и эти «статуты» принадлежали не всем тамплиерам, а только «избранным», которые, образовав «орден в ордене» с совершенно иной программой, чем первоначальная, с иным уставом, иными идеалами и целями, представляли совершенно новую духовную организацию, которая рано или поздно неминуемо должна была принять совершенно иной облик, чем та, в недрах которой она зародилась.

Ещё большее основание говорить о подобной эволюции части Ордена дают документы «утешенных», чья организация развивалась хоть и в сходном, но всё же ином направлении, чем братство «избранных».

Безусловно одно: и те, и другие могли стать основой для развития будущих масонских организаций с их лозунгами «братства, равенства, справедливости и свободы», однако стали ли они ими? Другими словами, осуществился ли в веках реальный перенос из рук в руки через столетия древнего знания в европейских странах, или всякий раз при возникновении оппозиции господствующей церкви и власти происходило спонтанное открытие древних истин? Пока я более склонен принять второе утверждение, хотя окончательно можно решить этот вопрос только сравнив московских тамплиеров с другой организацией, о которой упомянул Ю. Аникст в своём памфлете против А. А. Солоновича, — с масонством.

С тем самым масонством, о котором почему-то ни разу не поинтересовались следователи ОГПУ, хотя именно масонство в двух своих главнейших системах — «Строгого шотландского послушания» и «Шведского строгого послушания» — утверждает свою преемственность от тамплиеров, скрывшихся от преследований папистов в Шотландии среди «вольных каменщиков», которым они передали свои знания и своё учение.

Вопрос о связях масонства с предшествующими ему по времени тайными организациями поднимался постоянно на протяжении всего его существования. И следует признать, что в этом плане открытие «Книги Утешения» 1240 г., о которой шла речь выше, и связанного с нею описания тайных знаков и символов, содержащегося в том же кодексе, является серьёзным аргументом в пользу признания собственно масонской традиции. Прямое указание на преимущественное право приёма тайным капитулом тамплиеров представителей гонимых ересей (альбигойцев, богумилов, катаров и пр.) вскоре после их окончательного разгрома на юге Франции в 1229 г., и тот факт, что этот статут был переписан именно в Англии, а не на континенте, делает версию о происхождении масонства от преемников тамплиеров в высшей степени вероятной. Споры идут о том, каким образом передавалась эта традиция и существовали ли «братья каменщики» в качестве самостоятельной орденской организации в Англии и

Шотландии XIV века, поскольку официальное зарождение масонства в его нынешнем виде обычно относят к концу XVII века¹⁴⁶.

Однако насколько корректно поставлены эти вопросы? Исследование М. Морамарко «Масонство в прошлом и настоящем», ставшее недавно доступным для русского читателя¹⁴⁷, утверждает непрерывность существования «строительных братств» (то есть непрерывность передачи строительных секретов и ритуалов) на протяжении всей истории Европы. Другими словами, оставив в стороне вопрос о компетентности автора и идентичности перевода исходному тексту, возможно перевести вопрос в другую плоскость, попытавшись выяснить не то, в какой форме продолжала жить традиция, а кто был заинтересован в её поддержании.

С этой стороны, как мне представляется, не было недостатка в приверженцах восточной и древнехристианской мистики, связанной с ересями, алхимией, каббалой, астрологией и настойчивыми попытками проникнуть в мир духов и стихийных сил, чтобы подчинить его себе. Об этом свидетельствует как развитие опытной и теоретической науки на протяжении XIV-XVII веков, так и многочисленные инквизиционные процессы этого периода, с помощью которых Церковь продолжала бороться с пытливостью ума последователей тайных тамплиеров¹⁴⁸.

Но, кроме общих рассуждений, в пользу такого предположения есть и прямые свидетельства, заставляющие подозревать московских анархо-мистиков XX века в преемственной связи с масонством, как его изображает М. Морамарко.

Начать следует с того, что в масонстве уже первый шаг на пути посвящения в первую ступень «ученика» определяется его «стремлением к Свету». Символикой Божественного Света проникнуто всё масонство, поэтому наши «рыцари Света» уже на основе одного этого факта могут быть восприняты в качестве одного из ответвлений всемирного братства, чьи идеи выражались в тех же требованиях «свободы, братства, справедливости». Столь же показателен и пиетет, проявляемый обеими сторонами к Евангелию от Иоанна, наиболее мистическому из четырёх, к Апокалипсису и к памяти Иоанна Крестителя, день которого для всех масонов является главным праздником, отмечаемым торжественными собраниями и процессиями в тех странах, где масонство легализовано и уважаемо.

Кроме того, в Древнем Шотландском обряде, разделённом на 33 степени или «градуса», 17-й градус — Рыцарь Востока и Запада — отмечен «почётным знаком восьмиугольника», заставляющим сразу же вспомнить «голубую восьмиконечную звезду», которая, по показаниям некоторых арестованных, фигурировала при посвящении «рыцарей» Ордена Света. На лицевой стороне этого восьмиугольника изображён был Агнец с Книгой Семи Печатей, которая ассоциируется, с одной стороны, с Апокалипсисом, а с другой — с «печатами мистического молчания», фигурирующими в орденских легендах анархо-мистиков.

Как пишет (довольно кратко) об этой степени посвящения Морамарко, главным в раскрытии её содержания является призыв к возможно большему синкретизму, соединению духовных учений Востока с рыцарскими идеалами Запада, т. е. то самое, что мы обнаружили как у тайных тамплиеров средневековья (см. «Книгу утешенных»), так и у анархо-мистиков XX века. С этой степенью связано и мистическое значение числа «7», проходящего лейтмотивом в Апокалипсисе, а у московских тамплиеров отражённое «семью степенями посвящения» по свидетельству некоторых арестованных.

¹⁴⁶ О масонстве, его истоках и истории, в том числе и о русском масонстве, дают достаточно полное представление недавно переизданные сборники «Масонство в его прошлом и настоящем» (М., 1914—1915), а также прекрасная работа Г. В. Вернадского «Русское масонство в царствование Екатерины II». — Пг., 1917.

¹⁴⁷ Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем. — М., 1990.

¹⁴⁸ См.: Халл, Меллэй П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. — СПб., 1994.

Столь же любопытен для сравнения оказывается и 18-й градус масонства, вводящий посвящённого в степень «Князя Розенкрейцера». Согласно масонской легенде, после разрушения своего орденского Храма рыцари Востока и Запада (т. е. тамплиеры 17-го градуса) скитались в горах и лесах, скрываясь от гонений, пока их не приняли в свои ряды розенкрейцеры. Истолковать это можно как сообщение о синтезе гностицизма раннего христианства с миропостижением посредством оккультных знаний и опытных исследований, над которым возвышается фигура исторического Христа и его гностического двойника Христа-Эона (Логоса). Вместе с тем, как сообщает Морамарко, *«обязанностью масона, посвящённого в степень розенкрейцера, по крайней мере в итальянской традиции, было вести работу в больницах, общественных и частных организациях, занимающихся благотворительностью, во всех учреждениях, как сказано в уставе, созданных для того, чтобы облегчить страдания человека»*¹⁴⁹, — то есть деятельность эта оказывается никак не связанной с мистическим содержанием самой степени.

Как совместить и объяснить такое противоречие, М. Морамарко не говорит, и здесь мы остаёмся в неведении, что же на самом деле превалирует: вытесненное из жизни воспоминание о действительно происшедшем некогда слиянии ветвей тайного тамплиерства и взраставшего под его непосредственным влиянием розенкрейцерства, сыгравшего значительную роль в последующие века до выступления на историческую сцену масонства, или же собственно благотворительная деятельность, воспринятая масонством в качестве закономерного претворения в жизнь их собственных идей и как продолжение деятельности собственно рыцарско-монашеских орденов средневековья с их госпиталями, больницами, приютами и т. п.

Между тем, всё это мы находим и у московских тамплиеров с их разнообразными благотворительными лекциями, вечерами, концертами, с «Чёрным Крестом», формально обслуживающим анархистов, а ещё больше — в анонимной деятельности «Братства Милосердия», поставившего своей задачей такую же заботу о больных и нуждающихся, — пусть не в столь широкой форме, как это могли делать (и делают сейчас) на Западе тамплиеры и масоны, однако с использованием всех средств, доступных в условиях советской России.

Рассматривая «градусы» «Древнего шотландского обряда» в их символическом значении и содержании, нельзя не заметить, что 17-й и 18-й «градусы» больше соответствуют «Книге утепленных», нежели «Статуту избранных», что, по-видимому, и предопределило вхождение той ветви тайных тамплиеров в Орден розенкрейцеров, а затем и формированию на этой почве масонства в Англии и Шотландии. Наоборот, для тайных тамплиеров, следующих «Статуту избранных», в Шотландском обряде предусмотрена гораздо более высокая, завершающая «градусы» масонской лестницы, 30-я степень «Рыцаря Кадоша», т. е. «Святого Рыцаря», которого можно истолковать также как «Рыцаря Света». Следующие за ней три степени в масонстве имеют чисто административное значение и не знаменуют никакого духовного восхождения или совершенствования Мастера.

И здесь мы опять сталкиваемся с любопытными параллелями.

Символика ритуала возведения Мастера в «градус» Рыцаря Кадоша прямо связана с воспоминаниями о гибели Ордена тамплиеров и смерти на костре великого магистра Ордена Жака де Моле, который, воплощаясь в новом Рыцаре Кадоше, возвращается в мир, чтобы восстановить попорченную справедливость. Наиболее существенно при этом, что под восстановлением справедливости подразумевается не совершение нового зла, а преодоление зла в окружающей жизни, воспрепятствование его распространению и торжеству. С этой задачей прямо связано и напоминание посвящаемому о его долге, как пишет об этом Морамарко.

¹⁴⁹ Морамарко М. Указ. соч., с. 191.

«Для Рыцаря Кадоша долг — это “дхарма”, устремлённость осуществить смысл своего существования путём реализации всех возможностей своей личности... Рыцарь Кадош должен претворять на практике знания, полученные им в храме. Но каким образом? Никто не в состоянии его научить этому. Секрет инициации остаётся секретом до самого конца. При этом следует учесть, что масоны обычно гордятся тем фактом, что никогда не подавляют творческую индивидуальность своих адептов, но способствуют «индивидуализации», то есть стремятся раскрыть в личности человека всё то, что в ней отложилось в ходе совершаемого пути, то, что было усвоено в доктринах и символах предыдущих степеней, то, что свидетельствует о развитости духа...»¹⁵⁰

Последнее замечание чрезвычайно важно. На протяжении всего своего исследования Морамарко (или его переводчик на русский язык) подчёркивал ту безграничную степень духовной свободы и свободы мнений, которая характеризует масонство, требующее от братьев единственно только веры в существование Великого Архитектора Вселенной, но за всем тем предоставляющее полную свободу как его восприятия и осмысления, так и самостоятельности в выборе собственного пути и разрешении встающих перед каждым вопросов.

В этом плане с изложенным замечательно совпадают показания двух арестованных, отрицавших свою причастность «Ордену Света», первый из которых, судя по всему, имел высокую степень посвящения, тогда как второй только слегка соприкоснулся с кругом посвящённых.

Первое свидетельство принадлежит Д. А. Бему — доценту теоретической механики, преподавателю МВТУ им. Баумана и других московских вузов, заместителю заведующего Музеем П. А. Кропоткина. *«Анархо-мистицизм я считаю попыткой дать анархизму некоторое философско-идеалистическое толкование, — показывал он на допросе 15. 9. 30 г., — хотя думаю, что ни анархизм, ни мистика не могут иметь места, как явления массовые: они — для отдельных индивидуумов. В настоящее время считаю пропаганду анархических идей преждевременной, так как, будучи неправильно поняты, они могут нанести только вред. Усвоение их возможно лишь при очень высоком культурном уровне масс, а для этого необходима интенсивная культурная работа не менее 50 лет... В своей личной жизни я стараюсь избегать всякого насилия над людьми, выработал спокойное отношение к различным взглядам людей и считаю, что каждый человек имеет право иметь свои убеждения и должен при этом считаться с тем, чтобы они не приносили вреда окружающему обществу. За жизнь нужно постараться узнать возможно больше, а при жизни принести окружающим людям наибольшую пользу...»¹⁵¹*

Второе чрезвычайно любопытное свидетельство принадлежит В. И. Сно — человеку, случайно попавшему в дом Никитиных, а затем к А. А. Солоновичу в Музей П. А. Кропоткина. Он был неудачник по природе, поскольку не обладал ни здоровьем, ни достаточным образованием, ни сколько-нибудь определёнными интересами в жизни, а главное — стремлением в этой жизни утвердиться. Его постоянно преследовали личные неудачи, отсюда возникала неустроенность быта, безработица, и, попав в середине 20-х годов в Москву, он так и не смог найти в ней для себя места.

«Анархизм» Сно был чисто декларативным, и посещая собрания в Музее Кропоткина, слушая выступавших, он, по его словам, хотел, чтобы его «наполнили содержанием», не замечая, что для этого в себе надо ещё иметь определённый «сосуд». Ему следовало идти или в церковь или в комсомол. Вот почему, *«пообдумав над вопросам об анархистах»*, как В. И. Сно написал после ареста в своей «Подробной автобиографии», он *«понял, что мне начинают предъявлять требования в каком-то послушничестве; во-вторых, я не встретил со стороны анархистов ни совета, ни поддержки. У них*

¹⁵⁰ Там же, с. 195.

¹⁵¹ ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, л. 54.

*это не принято, и они ясно дали понять, что обращаться за советами нельзя. Можно говорить только своё мнение и вносить свои предложения...»*¹⁵²

Определённую близость к масонским заседаниям можно усмотреть и в действиях «орденских кружков», о которых рассказывала, например, Е. А. Поль: *«На этих собраниях говорили о работе над собой (по масонской терминологии это называлось «работать над камнем». — А. Н), о воспитании духа, твёрдой воле, избавлении от имеющихся недостатков, о помощи близким. В области искусства каждый должен был овладевать своей областью, чтобы через неё влиять на людей облагораживающе, так как искусство может смягчать дурные инстинкты и пробуждать лучшие чувства...»*¹⁵³. Кроме этого, каждый должен был рассказать о том, что он сделал хорошего, и что, по его мнению, — плохого.

И всё же, несмотря на такую близость, а порою даже и схожесть действий анархо-мистиков и масонства, попытка их сравнения производит обескураживающее впечатление. В первую очередь — в отношении символики и ритуала.

Масонство ритуально и символистично от начала до конца. Каждый шаг масона, каждый жест, каждое его слово полно тайных смыслов. Его невозможно представить среди посвящённых без фартука, перевязи, перчаток, лопатки, угольника, циркуля и прочих атрибутов, не говоря уже о знаках и паролях, которыми открывается вход в ложу. Точно так же нельзя представить масонство без ложи — специального помещения, являющегося копией масонского Храма, где обязательно должны присутствовать перечисленные предметы и много других, в которых проявляется (опять же символистично) мировоззрение «свободных каменщиков».

Ритуал в масонстве с самого начала его возникновения занимал главнейшее место. У каждой ложи имелись свои знаки и пароли, сохранявшиеся втайне от членов других лож, а в целом структура масонства, несмотря на провозглашаемое в нём равенство, являло строгую иерархичность и подчинённость снизу вверх. Иерархичность проявлялась в первую очередь в регламентации, степенях, дипломах, знаках и прочих документах, которыми управлялись ложи и подтверждалась их законность, подобно тому как статус («традус») того или иного масона удостоверял его принадлежность к определённой ветви «братства» и его место в общей иерархии лож.

Существующая на русском языке литература о масонстве, если не считать книги М. Морамарко и ещё некоторых статей в научных журналах и отведённых им отдельных глав в соответствующих изданиях, посвящена почти исключительно русскому масонству XVIII-XIX вв., когда содержанием общих собраний ложи оказывается театрализованная ритуальность, дружеские пирушки, а также надежды некоторых легковых получить власть над «духами природы», чтобы научиться «деланию камня философов». Впрочем, подобную приверженность нынешних масонов к обрядности и ритуалам подтверждают и современные авторы — черта, которую мы при всём желании не находим у московских тамплиеров и анархо-мистиков.

Единственными знаками, имевшими символическое значение, для членов «Ордена Света» служили белая роза, напоминавшая о чистоте устремлений «рыцаря», и голубая восьмиконечная (богородичная) звезда. Последняя обозначала, как указывал А. С. Поль, «мир восьми измерений», т. е. мир «легов» (ангелов), согласно космогонии тамплиеров, промежуточный между миром людей (мир четырёх измерений) и миром «арлегов» (т. е. архангелов), обладающим шестнадцатью измерениями. Ничего подобного мы не находим ни в одном масонском ритуале, который, к тому же, не знает культа Богородицы, хотя в 18-м градусе (Князя Розенкрейцера) и присутствует восьмиугольник.

¹⁵² ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 7, л. 537.

¹⁵³ ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 427.

Несколько больше соответствий при желании можно найти в упоминании 7 степеней «Ордена Света» (впрочем, по другим показаниям их было 8, 10 и даже 12), поскольку действительными степенями в Шотландском обряде считаются тоже семь степеней: 1) ученик, 2) подмастерье, 3) мастер, которые одинаковы для всех масонских систем, после чего идёт 4) тайный мастер, 5) рыцарь-избранник Девяти (что соответствует 9-му градусу), 6) Князь Розенкрейцер (соответствующий 18-му градусу) и 7) Рыцарь Кадош (соответствующий 30-му градусу).

Вообще, о количестве степеней и об их содержании в самом масонстве идут вековые споры, поскольку большинство склоняется к тому, чтобы признавать только три первые степени — ученика, подмастерья и мастера, — всё же остальные оказываются «декоративными» и, по существу, не прибавляют их обладателям никакого особого авторитета и власти. Что же касается промежуточных степеней, то их присвоение оказывается ещё более запутанным и обычно объединяется с присвоением последующей «основной» степени Шотландского обряда.

Но если в масонстве восхождение по основной триаде степеней (ученик, подмастерье, мастер) весьма серьёзно изменяло статус посвящаемого, то в «Ордене Света», как согласно показывали все его члены, переход из степени в степень не давал никаких новых прав, кроме права присутствия при посвящении новых членов и возможности в дальнейшем вести свой собственный кружок.

В связи с этим стоит остановиться и на самом ритуале посвящения в Орден, столь отличном от ритуалов масонского посвящения, неоднократно описанных как в специальной, так и в художественной литературе весьма подробно.

Наиболее обстоятельно об этой церемонии на допросах в ОГПУ осенью 1930 г. рассказывали Ф. Ф. Гиршфельд и А. С. Поль, чьи показания рисуют одинаковую картину. Проводящий посвящение «старший рыцарь» с белой розой в руке рассказывал вступающим в Орден легенду о древнем Египте (о существовании среди египетских жрецов трёх степеней посвящения и, соответственно, знания — для народа, для жрецов, для избранных), после чего к каждому посвящаемому подходили два других старших рыцаря, мужчина и женщина, завещая ему быть мужественным, блюсти четь рыцаря и хранить молчание о том, что ему предстоит узнать.

Затем посвящающий ударял каждого неопита рукой по плечу, имитируя удар мечом плашмя, как то происходило в реальном рыцарском посвящении, и предлагал избрать орденское имя. Примечательно, что в разных кружках имена выбирались в каждом на свою букву алфавита, что, по-видимому, было связано с какой-то их «систематизацией».

При вступлении посвящённому сообщались следующие сведения об Ордене: что он состоит из семи степеней, что во главе Ордена стоит командор, что рыцари переводятся из степени в степень в зависимости от их активности (на самом деле — по ознакомлении с определённым количеством рыцарских легенд), что цель Ордена — борьба со злом, которое заключено во всякой власти и в насилии над человеком. Также он узнавал, что в Орден не принимаются лица, состоящие в политических партиях, в том числе в коммунистической, однако принадлежность к анархическим группировкам допускается, и что средства Ордена образуются путём ежемесячного отчисления средств рыцарями в размере одного или полутора процента от их заработка.

В этом изложении при всём желании нельзя найти ни одной черты, роднящей тамплиеров с масонами, особенно если вспомнить, что центральной темой (или сюжетом) масонских обрядов, начиная с посвящения, всегда оставалось «возрождение человека», т. е. смерть и воскрешение, где важнейшую и обязательную роль в ритуале играли череп, скелет, гроб и тому подобные атрибуты смерти и похоронного обряда. Изображения этих предметов заполняют

перевязи и фартуки масонов, их можно видеть на печатях, брелоках, часах, предметах обихода, переплётах книг, в орнаментике домов и, конечно же, в помещении самой ложи, обязательно драпированной в соответствии с ритуалом. Ничего этого у анархо-мистиков нет — ни в показаниях, ни среди предметов, обнаруженных при обысках их квартир, хотя на отыскание религиозных символов, «крестов с розой», символических рисунков и всего прочего работниками органов ОГПУ обращалось особое внимание.

Стоит также напомнить, что масонство было исключительно мужским братством, куда не допускались и до сих пор не допускаются женщины, хотя за последнее время и появились собственно женские ложи. Наоборот, среди тамплиеров мы не просто обнаруживаем женщин, но их присутствие при посвящении считалось особенно желательным, возможно, как своего рода отражение рыцарственного «культа Дамы». Другой чертой, резко отличающей московских тамплиеров от французского масонства было, насколько я смог заметить, резко отрицательное отношение к оккультизму и спиритизму, занятия которыми считались недопустимыми для человека, идущего по пути Света и опирающегося в своих действиях на огонёк Божественной Искры, которую он смог ощутить в себе и теперь несёт столь же трепетно, как сохраняемое в ладонях трепетное пламя свечи от Светлой заутрени...

Всё сказанное заставляет признать, что несмотря на некоторые совпадения тамплиеры (анархо-мистики) не принадлежали и не были связаны ни с одной известной ветвью масонства, хотя принадлежность к масонству самого А. А. Карелина на первых порах представлялась более чем вероятной. Такое заключение косвенным образом подтверждается и действиями следователей ОГПУ, ни разу не попытавшихся поставить знак равенства между тамплиерами и масонами, по которым в предшествующие годы прошло несколько крупных «дел» в Москве и в Ленинграде¹⁵⁴, или просто поинтересоваться о наличии таких связей.

Но что же тогда представлял собой «Орден Света» и его филиации, такие как «Храм Искусств», «Орден Рыцарей Духа» и другие, о которых упоминало, с одной стороны, обвинительное заключение 1931 года, а с другой — Юрий Аникст в своём памфлете против А. А. Солоновича?

Мне представляется, что понять их возникновение и распад, их характер и место в общественной жизни советской России 20-х годов в целом дают возможность показания людей, в тот или иной момент следствия искренне объяснявших своё мировоззрение и свою жизненную позицию. В том, что такая искренность была не только возможна в тех условиях, но и использована многими из них, убеждают ответы подследственных на следующий день после ареста, когда, заполняя так называемую «Анкету арестованного», а затем и в первом протоколе допроса, они указывали на своё *«анархическое мировоззрение»*, часто не скрывая, что *«к советской власти относятся, как и ко всякой власти, отрицательно»*, иногда поясняя, что *«считают нужным её поддерживать за неимением лучшей»*.

И всё же это были очень разные люди по своим характерам, судьбам, устремлениям, как разнствовали пути, которыми каждый из них пришёл в «Орден Света». Среди них были люди равнодушные к церковной обрядности, прямо враждебные церкви, как таковой, люди, глубоко верующие, и люди, только ещё вступившие на путь своей веры.

Через интерес к мистике и толстовству к евангелическому христианству, например, шёл Н. К. Богомолов, один из ближайших сподвижников А. А. Карелина по Всероссийской федерации анархистов-коммунистов. На допросе 14. 9. 30 г. он писал: *«Ещё раньше»* (смерти Карелина. — А.

¹⁵⁴ См.: Ленинградские масоны и ОГПУ. Публикация В. С. Брачёва. // Русское прошлое, кн. 1. — Л., 1991, с. 252-279; Петербургские мартинисты 1910—1925 годов. Публикация В. С. Брачёва. // Отечественная история, 1993, № 3, с. 177—192.

Н.) я начал интересоваться учением А. Н. Толстого. Одного анархо-коммунизма мне казалось мало, казалось необходимым подвести под него более обширные основания идеологического порядка. Толстой связывал своё учение с христианством, и мне казалось необходимым изучить эту связь как в рамках учения Толстого, так и вообще. <...> Я вошёл в число членов-состязателей Толстовского общества в Москве. Посещал собрания Общества и много думал о том, какой путь правильный: с применением насилия или без применения насилия. Решение этого вопроса я считал для себя важным. На этом пути мне пришлось обратиться даже к прочтению Евангелия и литературы по истории христианства. Отношение к этому вопросу церкви меня тоже интересовало. Должен оговориться, что я вообще не церковник, никогда не хожу в церковь. К Церкви, как властной организации, как к организации принципиально иерархического порядка у меня всегда было ярко отрицательное отношение. Нужно проводить резкую грань между Церковью и христианством, беря последнее как одно из учений о нравственности. Прочитавши некоторые из источников, я увидел, что поучения Церкви в вопросе об оправдании государства и власти, оправдании насилия, являются нелогичными, двойственными и явно неверными. Размышления над текущей политической деятельностью как в СССР, так и за границей, привели меня к мысли, что применение насилия должно быть и становится всё менее действенным для тех, кто его применяет. Насилие не даёт тех результатов, которые от него ожидают, оно решительно для всех сторон приносит только неприятные в конечном счёте последствия...»¹⁵⁵

И позднее, на допросе 29. 12. 30 г. разъяснял: «Ознакомление с мистическими идеями, с учением Христа по Евангелию, показало мне правильность и с этой стороны основных установок анархизма, как я их понимал, т. е. о принципах любви, красоты, принципах безвластия, принципе добра. <...> Для меня было крайне важно, что у Христа нет ни одного изречения, оправдывающего государственность и насилие. <...> В отношении же вопросов тактического характера ознакомление с мистикой укрепляло во мне те толстовские взгляды, которые у меня были по этому вопросу и ранее. <...> Вот в этом понимании во мне уживались анархизм и мистика, но всё же у меня были некоторые сомнения и искания, т. к. я осознавал, что идеи мистического и толстовского порядка всё дальше уведут меня от социально-революционного элемента в анархизме, каковой элемент ранее, в первые годы революции для меня превалировал...»¹⁵⁶

Более подробно и с указанием возможности практической деятельности в этом направлении внутри советского общества, но под углом зрения христианских идей, как мировоззренческой основы современного человека, писал в своих показаниях Н. И. Проферансов, в юности — активный революционер, после 1922 г. заведующий кабинетом истории социальных движений в Институте Маркса-Энгельса, а к моменту ареста работавший техническим редактором Большой советской энциклопедии.

«Приблизительно с 1910-1912 г. я перестал быть материалистом, а когда стал анархистом, то не считал, что для анархиста обязательно быть материалистом. Я считал и считаю, что в социализме и анархизме сущностью их являются требования, которые общи с требованиями первоначального христианства, именно — общечеловеческая солидарность и любовь к каждому человеку. Первоначальное христианство привлекает меня также тем, что отрицает собственность, государственную власть и стоит за экономическое равенство. В связи с этим я стал думать, что задачей анархистов в условиях советской действительности является пересмотр старого отношения к религиозным проблемам и обоснование синтеза анархического мировоззрения и мировоззрения раннего христианства, а также обоснование новой философии анархизма — осуществление в жизни таких учреждений, которые бы вытекали из этого синтеза анархии и религии. Это мне представляется возможным в результате длительной работы над просвещением в этом духе народных масс. Под такими учреждениями я мыслю всякого рода союзы, артели, коммуны, создаваемые на принципах

¹⁵⁵ ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 3, лл. 79-80 об.

¹⁵⁶ Там же, лл. 95—96.

религиозно-философского анархизма... Основываясь на существовании толстовских коммун, я думаю, что в таких коллективах можно вести анархическую и духовно-просветительную работу...»¹⁵⁷

Как это всё преломлялось в сознании члена «Ордена Света» и внутри самого Ордена раскрывает в своих показаниях К. И. Леонтьев на ряде допросов.

«Я исповедую христианские идеи, заключающиеся в той проповеди любви, которая изложена в Евангелии, — писал он 14. 9. 30 г., — но не в церковном толковании, а в моём собственном, а именно:

*Церковь истолковывает учение Христа для поддержки власть имущих, а в моём истолковании учение Христа является попыткой построить на земле братство на основах любви и равенства. Пропагандой учения Христа я не занимаюсь и считаю это бесполезным навязывать каждому...»*¹⁵⁸

На допросе 15. 11. 30 г., возвращаясь к этой теме, Леонтьев пояснял смысл и содержание «Ордена Света» следующим образом.

«Кружок мистико-анархического направления, именуемый “Орденом Света”, который существовал, как мне помнится, с декабря 1924 по осень 1925 года, ставил своей задачей ознакомление с этикой мистического анархизма. В основе её лежала христианская этика, очищенная от примесей церковного догматизма. В образе так называемого “рыцаря” мыслился человек самоотверженный, осуществлявший любовь и добро в жизни. Одним из основных положений этой этики было то, что как в жизни личной, так и общественной — в политике, цель не может оправдывать средства. Это значит, что как бы ни была высока цель, она не может осуществляться нечистыми средствами, как, например, ложь, насилие над совестью, спекуляция на народной темноте и дурных человеческих инстинктах.

Занятия этого кружка и заключались в том, что во время встреч, которые происходили раз или два раза в месяц, разбирались те или иные вопросы этики, возникавшие при чтении или рассказывании легенд и лекций А. А. Солоновича.

*Именование членов этого кружка “рыцарями” имело чисто символическое значение и связывалось с воспитанием в себе начал христианской этики...»*¹⁵⁹

С иной подготовкой и иными мыслями оказался в Ордене А. В. Уйттенховен, продолжавший до конца следствия категорически отрицать какую-либо свою причастность Ордену и признававший только факт личного знакомства с А. А. Карелиным, Ю. А. Завадским, В. С. Смышляевым, А. А. Солоновичем и рядом других тамплиеров и анархо-мистиков. Впрочем, в данном случае важно не его утверждения (которые опровергаются содержанием его литературного творчества и тесной связью с оставшимися в живых тамплиерами), а набросанный им самим эскиз эволюции его интересов, приоткрывающий душевный (и духовный) мир многогранного и талантливого человека.

А. В. Уйттенховен был блестящим художником, зарабатывавшим на жизнь в середине 20-х гг. портретами и иллюстрациями в театральных журналах Москвы, переводчиком с нескольких языков, включая санскрит, который он начал изучать в Московском университете, редактором военного журнала, дипломатом, поэтом... и проведя большую часть жизни по лагерям и ссылкам, скончался убеждённым мистиком в инвалидном доме под Архангельском.

Вот, что он писал о себе 14. 10. 30 г.

«На повторный вопрос об эволюции моего мировоззрения могу сообщить следующее. Интерес к вопросам философского характера возник у меня очень рано (мне было тогда лет четырнадцать), и первым тогда был интерес к анархизму, выразившийся в чтении Эльцбахера и Ницше. Чтение Эльцбахера (книга «Анархизм», где излагаются разные системы анархизма) привело меня к изучению Льва Толстого и к увлечению его «Евангелием», так что в течении нескольких лет (до 1915-1916 гг.) я считал себя толстовцем. От этого

¹⁵⁷ ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, лл. 473-474.

¹⁵⁸ ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 271 об.

¹⁵⁹ Там же, л. 274.

периода осталась у меня склонность к вегетарианству (мяса я не ем до сих пор, рыбу — изредка) и некоторые взгляды на искусство (например, нелюбовь к Шекспиру). Знакомство с различными религиозными системами (через Толстого) привело к изучению буддизма и теософии. Первое выразилось в том, что в университете я занялся изучением санскрита, прерванное призывом меня на военную службу в мае 1916 г. В университете же прочитал почти все книги по теософии, имевшиеся на русском языке. Пребывание на военной службе до октября 1917 г. (когда я вернулся с юго-западного фронта), прервало это изучение, возобновившееся отчасти осенью этого же года. В университете я занятия не возобновлял, т. к. интересующие меня предметы (санскрит и экспериментальная психология) не начинали читаться. В это время я нашёл (по объявлению на обложке книги) библиотеку Теософского общества, некоторое время брал там книги и познакомился с некоторыми теософами (председателем московского Общества Герье, библиотекарем Зелениной, НА. Смирновой, П. Н. Батюшковым. — А. Н.) Книги Р. Штейнера привели меня, в свою очередь, к антропософии, и это увлечение (вытеснив теософию) продолжалось вплоть до осени 1920 г. Попав в это время за границу (в г. Ригу в качестве секретаря военного атташе), я стал знакомиться с последними работами Штейнера в области социального учения. Эти работы показались мне настолько наивными <...>, что и к прочим учениям антропософии я стал относиться гораздо более критически. Процесс постепенного расхождения с антропософией продолжался до 1922 г. и закончился прочтением (в Антропософском обществе. — А. Н.) доклада «Очередная утопия», после которого всякие связи с антропософией были прерваны...»¹⁶⁰

Остаётся неизвестным, когда и каким образом А. В. Уйтгенховен познакомился с А. А. Карелиным, но можно думать, что это произошло в 1922 или, самое позднее, в 1923 г., когда он учился во ВХУТЕМАСе и был связан с московскими театрами, — через В. С. Смышляева, Ю. А. Завадского или даже М. А. Чехова. Причину можно угадать: всё тот же интерес к тамплиерским легендам и тайнам Ордена тамплиеров, как вообще ко всем «древним тайнам», будоражившим воображение в те годы в связи с открытиями сокровищ древних цивилизаций и, конечно же, первоочередной сенсации — гробницы Тутанхамона.

Этим «интересом к древним легендам» объясняли своё вступление в Орден А. С. Поль, а знакомство с Карелиным — Ю. А. Завадский и П. А. Аренский, до которого рука ОГПУ-НКВД дотянулась только в мае 1937 г., когда был продолжен «отлов интеллигенции» по именам, упоминавшимся в делах, проходивших «инвентаризацию» в архивах этого заведения, как это было и с архивно-следственным делом «Ордена Света», получившим свой настоящий вид только в 1936 г.¹⁶¹ Стоит вспомнить, что по показаниям А. С. Поля, Е. А. Поль, Ф. Ф. Гиршфельда, В. Ф. Шишко и, по-видимому, свидетелей, упоминаемых только в обвинительном заключении Э. Р. Кирре по делу «Ордена Света» (А. Ф. Евстратовой и Г. Е. Ивакинской), П. А. Аренский, Ю. А. Завадский, В. А. Завадская и В. С. Смышляев проходят в качестве «старших рыцарей», которые вели кружки и проводили посвящения. Но к 1930 г. В. А. Завадская уже умерла, её брат Ю. А. Завадский был вытасчен из Бутырской тюрьмы стараниями К. С. Станиславского и (как я полагаю)

А. С. Енукидзе, а В. С. Смышляев по каким-то причинам не тронут. Судя по пометам на характеристике, которую дал ему на следствии А. С. Поль¹⁶², Смышляеву предстояло весной 1937 г. разделить участь Аренского, но он успел умереть осенью 1936 г. от инфаркта. Аренский же был арестован, осуждён на пять лет колымских лагерей и скончался на Колыме в декабре 1941 г. за несколько месяцев до окончания срока, что, впрочем, в той ситуации не принесло бы ему освобождения.

¹⁶⁰ ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 8, л. 13 об.

¹⁶¹ ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 1, л. 1.

¹⁶² ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 6, л. 405 об.

В письме из лагеря от 18. 8. 40 г. своей жене, актрисе В. Г. Орловой-Аренской, которая спрашивала его о причине ареста и обстоятельствах дела (она ничего не знала о тамплиерах, поскольку Аренский не посвящал её в орденские дела), он писал полуправду, рассчитанную на цензуру, тем не менее, представляющую для нас интерес: «...С Карелиным я был знаком только по одной причине: он обладал древнеегипетскими и средневековыми рыцарскими легендами, которые привлекали меня своей художественностью, и в подлинности которых я хотел убедиться. Поэтому и после смерти Карелина продолжал видеться с Солоновичем, который читал мне эти легенды. Солонович же — один из последователей Карелина по анархизму. Он передал мне тетрадку с некоторыми древнерыцарскими обрядами, которые мы изучали и даже разыгрывали в кружке знакомых Веры Александровны (т. е. В. А. Завадской, которая до 1925 г. была женой Аренского, а с осени 1928 г. — В. С. Смышляева. — А. Н.). Там был и А. С. Поль. (По-видимому, В. Г. Орлова писала Аренскому в лагерь, что следует хлопотать о пересмотре его дела, и интересовалась, почему А. С. Поль в курсе всех этих дел. — А. Н.). Когда я сошёлся с тобой в 1925-1927 гг., всё это мне уже надоело, и я перестал видеться с Солоновичем...»¹⁶³

Конечно, всё это было не так. А. А. Карелин умер 20. 3. 26 г., и «видеться с Солоновичем» Аренский мог только в последующие годы, скрывая это от В. Г. Орловой, которая совершенно не интересовалась этой стороной его жизни. Наоборот, по воспоминаниям Е. А. Шиповской, бывшей в те годы женой А. С. Поля, П. А. Аренский более чем серьёзно относился к своей миссии «рыцаря», ведя орденские кружки. Здесь же интересно другое: такая же попытка представить «игровой» характер орденского ритуала и занятий, как та, что была предпринята Л. А. Никитиным уже по окончании следствия и вынесении приговора.

«Изучение средневекового искусства и литературы, посвящённой Средневековью, — писал он, — побуждали меня отнестись с особым интересом к идеям средневекового рыцарства и формам его внешнего проявления... Возникла мысль проделать лабораторно-экспериментальную работу по театральной реализации известных художественных образов, связанных с рыцарством, вплоть до воссоздания внешних форм ритуала посвящения и других торжественных церемоний по историческим материалам, имеющимся в литературе. Однако, делаясь своими мыслями на эти темы с рядом лиц, я выяснил большую сложность всего этого, что отчасти определялось необходимостью учёта мистической мотивации ряда явлений, связанных с рыцарством. В частности, ритуалы посвящения требовали некоего мистического смысла и содержания, без чего они не могли быть оправданы психологически. Должна была быть создана атмосфера чувствования в художественный образ. И вот тогда для достижения этой, совершенно конкретной цели возникла необходимость известной лабораторной работы над теми или иными материалами и темами, могущими способствовать подобного рода настроенности. Другими словами, здесь мне казалось целесообразным применить уже испытанный на театре в системе Станиславского метод лабораторного вживания в художественный образ...»¹⁶⁴

Возвращаясь к этой же теме позднее, он писал: «Наряду с этой основной работой наметилась также возможность идеологической проработки вообще проблем искусства под лозунгом «искусства большого стиля» в духе мистерий с привлечением соответствующей терминологии вроде «Храма Искусств». Мистериальная основа такого искусства взята была именно потому, что вообще представляла собой форму синтетического искусства, из которой в дальнейшем развился театр и другие виды искусства. Всё это в целом, однако, не ставило никаких политических целей и задач, и те организационные формы, в которые это выливалось, существовали постольку, поскольку какой-то минимум организованности должен был быть для осуществления этой работы...»¹⁶⁵

Перевод мистериального действия в некий «театр для себя» — безусловно, не самая убедительная форма защиты, которую могли выбрать подследственные. И всё же в таком

¹⁶³ РГАЛИ, ф. 2952, оп. 1, ед. хр. 140, л. 22.

¹⁶⁴ ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 5, л. 356-356 об.

¹⁶⁵ Там же, лл. 360 об — 361.

объяснении, повторённом через десять лет Аренским в письме к жене, были какие-то непонятные нам сейчас основания, коренившиеся в обстоятельствах тогдашней жизни. Тем более, что упомянутое «романтическое увлечение», насколько я могу сейчас судить, не укладывалось ни в рамки начала 20-х годов, как давал понять Ю. А. Завадский, ни в краткий период 1924-1925 года, на чём настаивали мой отец и П. А. Аренский, а для многих из них длилось фактически до 1930 г.

Мне думается, прежде чем выносить хотя бы предварительное суждение по данному вопросу, следует обратить внимание на некоторые факты, установленные выше.

Напомню, что все мои попытки установить сколько-нибудь «правильные» истоки «Ордена Света» и связанных с ним организаций (т. е. непосредственное исхождение от розенкрейцерства, масонства или тамплиерства в их организационных европейских формах) не привели к успеху. «Тамплиерство», привитое Карелиным в Москве на одну из ветвей движения анархистов-синдикалистов (коммунистов) не имело, по-видимому, никаких реальных «предков» и было явным новообразованием, использовавшим в различной степени элементы и достижения других духовных движений, с которыми мог быть знаком его основатель.

С одной стороны, это была попытка распространения анархистских идей среди интеллигенции, в общем-то довольно равнодушной к собственно политическому анархизму с его примитивным экономическим материализмом, мало чем отличавшимся от такого же материализма коммунистов; с другой стороны — попыткой возрождения самого анархизма уже как философского направления, зашедшего к тому времени в тупик, путём внесения в него этического момента, который ещё до П. А. Кропоткина начал разрабатывать в плане «безвластничества» (акратии) Л. Н. Толстой, подходя к проблеме государства и личности с позиций христианства¹⁶⁶.

Если оставить в стороне загадку происхождения орденских легенд, часть текстов которых сохранила явные следы перевода, в том числе с французского языка, а часть — столь же безусловные следы переработки уже на российской почве, впервые этот своеобразный сплав христианского гностицизма, розенкрейцерства, средневекового рыцарства, оккультизма и анархизма получил своих слушателей и последователей в 1920 г., тогда как собственно «Орден Света» с его кружками — не ранее конца 1923 — начала 1924 года. На последний отрезок времени приходится работа ведущих «рыцарей» в Белорусской драматической студии в Москве, во 2-м МХАТе, в Студии (затем — театре) им. Е. Б. Вахтангова, в Студии Ю. А. Завадского и других местах, в том числе — и в Музее П. А. Кропоткина.

Ситуация в стране как нельзя лучше способствовала успеху этой затеи. Православная Церковь к этому времени подверглась не просто сокрушительному погрому со стороны государства: задолго до революции она растеряла подавляющую часть своей паствы из-за собственного обскурантизма, сотрудничества с государством в области запретительной и доносительной (духовная цензура, фискальная обязанность священников нарушать тайну исповеди и т. п.) и сопротивления давно назревшим внутренним реформам в вопросах брака, образования и пр. Церковь в России не сумела объединить общество и, наоборот, противопоставила себя прогрессу и науке, которая бурно развивалась на протяжении предшествующего столетия, совершив в умах живущих гораздо больше переворотов, чем революция политическая. В результате возникла ситуация, аналогичная той, о которой, применительно к Западу, говорил Дж. Гамберини, некогда Великий Мастер Великого Востока Италии, отмечая «универсализм» масонства:

¹⁶⁶ См.: Никитин А. А. Заключительный этап..., с. 89—101.

«Благодаря протестантской реформе этическое единство западного мира прекратило своё существование в силу распада христианства. Европейцы доказали, что они вполне могут обходиться без единства веры. Однако они оказались не в состоянии развиваться при отсутствии этического единства, общей нравственной ткани, связующей их воедино. Когда окончательно погибла иллюзия Священной Римской империи, а религиозное единство вступило в полосу трагического кризиса, вот тогда европейцы и обратились к масонству. Оно приняло их в объятия своего конкретного универсализма, который тем прочнее, чем меньше в нём идеологических примесей»¹⁶⁷.

Не так ли произошло и в нашем случае? Анархо-мистицизм в форме тамплиерства не был религией и никогда не посягал на это, неуклонно подчёркивая свою приверженность первоначальному христианству. Он не давал конкретной программы действий, не требовал исполнения какого-либо устава, не вмешивался ни в личную, ни в духовную жизнь человека. По существу, он не требовал от человека даже веры, убеждая, что главное — это соблюдение общечеловеческой этики, содержащейся в евангельских заветах, стремление к познанию и совершенствованию — ко всему, что влечёт ум человека, не обращая во вред другому. Единственно, в чём пытался убедить анархо-мистицизм своих адептов, так это в том, что данная им жизнь, имея физический конец, отнюдь не является концом жизни и развития духовной личности, для которой совсем не всё равно, как именно будет пройден этот краткий, но обязательный отрезок земного существования.

В мире распада и разрушения, в мире крушения — казалось бы — всех ценностей, такая философия, питаемая достижениями человеческого духа всех времён и народов, к тому же опиравшаяся на один из наиболее понятных для европейцев идеал нравственной чистоты — рыцарство, оказалась способной заинтересовать и увлечь множество людей, чьё сознание не хотело смириться с разрушением многовековой культуры, с превращением человека в биологический механизм, с растлением и физическим уничтожением миллионов людей, по большей части не понимавших, что с ними происходит. У тех же, которые понимали, была отнята не только религия, но и сама вера. Они не могли обратиться к разгромленной и даже подменённой Церкви, пошедшей на сотрудничество с властями, не могли ей довериться, потому что уже убедились в пропасти, разделяющей эту Церковь (организацию вполне мирского порядка) от Учения, которое ею было истолковано и перетолковано в свою пользу.

Нужна была не столько новая вера, сколько её новые горизонты, её живое применение к новым формам жизни и быта. Эту потребность уже эксплуатировал поток чувственной мистики, оккультизма, тайных (и не тайных) учений Востока, спиритизм, теософия и антропософия, вербующие своих адептов. Однако у всех этих новых религий, учений и «откровений» присутствовало либо явно выраженное требование «учительства», либо попытка уловить души посредством обещания наделить их «сверхъестественными» силами, заглянуть в «тайное тайных», чтобы подчинить их и управлять ими. Так человек опять оказывался в руках неких посредников между ним и Неведомым, теряя представление о собственной ценности, собственном пути и предназначении в мире. А именно это каждому следовало понять и найти самому, чтобы с успехом пройти испытание подаренной ему земной жизни.

Если христианская, в том числе и православная Церковь учила человека смирению и выполнению своих обязанностей — перед нею, перед Богом, перед властями и перед обществом, то уже масонство дополнило её, указав на необходимость активных действий в круге этических задач, заговорив об обязанностях человека развивать и совершенствовать собственную личность. Обращение московских тамплиеров к гнозису ещё более расширило задачи, стоящие перед человеком на протяжении его жизненного пути: теперь от него

¹⁶⁷ Морамарко М. Указ. соч., с. 216-217.

требовалось не только упражнения в нравственности, но и приобретение знаний об окружающем его мире как опытным, так и мистическим способом.

Всё это никак не обогащало его материально (хотя он был даже обязан использовать благоприобретаемое знание на пользу себе и людям), не наделяло его никакими сверхъестественными способностями, однако рождало уверенность, что он не стоит на месте, а движется в назначенном ему направлении к какой-то далёкой, непостижимой, но изначально заложенной цели. А раз это так, то всё остальное, что с ним может здесь произойти — нищета, личные неудачи, болезни, арест, заключение или ссылка, даже смерть, — не может затронуть или помешать той, заключённой в нём Божественной Сущности, которая идёт «в мирах и веках» раз и навсегда предначертанным путём, на котором все отклонения, остановки и даже возвраты зависят исключительно от него самого, а не от привходящих случайностей очередного воплощения на «физическом плане»... И движущей силой является не зло, которое он ощущает в качестве того или иного препятствия на своём пути, а добро, которое становится средством постижения Абсолюта.

В связи с этим я не могу отказать себе в удовольствии процитировать отрывок из обращения другого Великого Мастера, который приведён в книге М. Морамарко, о важности естественной эволюции и преступности попыток её искусственного ускорения.

«Чередование времён года дало человеку понимание меры времени: арка, состоящая из 365 дней годового цикла, есть синтез того, чем является его жизнь. Природный порядок вещей переменчив, но его устройство таково, что человек не испытывает при этом страданий. Медленно, но неуклонно, день сменяется ночью, из царства дня человек переходит во владения ночи, испытывая наслаждение этой неизречённой гармонией... Данный порядок вещей приводит в равновесие миры — мир человека и мир природы. Человечество продвигается вперёд только в том случае и тогда, когда перемены совершаются постепенно, путём восхождения с одной ступени на новую, высшую. Так восходит к Свету человек посвящённый: медленно, но изо дня в день трудясь над своим внутренним совершенствованием, работая в тайниках своего личного опыта, пользуясь поддержкой символов, он оказывается в силах отказаться от всего, что преходяще и мнимо... Вот почему, всякий раз, когда мир потрясает насилие, чинимое во имя перемен, всё остаётся так, как было прежде, или даже хуже, чем прежде...»¹⁶⁸

Пытаясь определить временные границы существования кружков «Ордена Света» как одной из ступеней Ордена российских тамплиеров, я не могу отделаться от мысли, что показания подследственных, указывавших интервал между весной 1924 года и 1927 годом, были вызваны не просто попыткой преуменьшить свою «вину». Скорее всего, на этот период приходится наибольший энтузиазм неопитов и работа кружков, после чего интерес идёт на спад и большая их часть сворачивает свою работу.

Но толчок был дан, искра разгорелась. Дело было не в организации, не в символах, а в пробуждении внутреннего импульса к активной духовной и общественной жизни наперекор обстоятельствам быта; к жизни, которая на какое-то время стала замерзать от ужаса и безысходности происходившего. Друг другу тайно передавалась литература по религиозным и философским вопросам, размножался и циркулировал «самиздат», делались переводы с древних и новых языков, шло активное общение людей друг с другом, коллективное посещение выставок, докладов, обсуждались вопросы, действительно формировавшие мировоззрение человека и заставлявшие его аналитически подходить к себе и к событиям окружающего мира.

Люди читали, люди думали, обменивались мнениями и включались в творческую работу. Сейчас я могу с уверенностью сказать, что упавшие в 1929-1930 гг. репрессии на членов орденских кружков уже не могли искоренить и уничтожить само движение. И хотя на основании

¹⁶⁸ Там же, с. 235-236.

БИБЛИОТЕЧКА «АПОКРИФА»

этих следственных дел в 1936-1937 гг., а затем в 1941 г. и позднее изымались те, на кого по каким-либо причинам не упали первые репрессии, и повторно забирались уже выпущенные на свободу, «российское тамплиерство» продолжало существовать, передавая свои заветы молодому поколению во время очередных «затиший», приобретая новые черты, новые формы, возникая под новыми названиями...

Собственно, так оно и должно было быть. Ибо до тех пор, пока жив человек, он будет верить в своё бессмертие и будет стремиться к познанию, которое и есть путь к Свету. И это единый путь для Мироздания и Человека «в мирах и веках», как говорили московские тамплиеры.

Рядом с Михаилом Чеховым¹⁶⁹

Свидетельства друзей великих современников, как правило, разочаровывают своей лаконичностью и общими словами, и в то же время именно в их лаконичных воспоминаниях исследователь может найти драгоценные факты, о которых не может знать и даже догадаться никто другой.

Человеком, находившимся в теснейшей дружбе с замечательным артистом М. А. Чеховым (1891-1955) с осени 1914 г. и до отъезда последнего за границу летом 1928 г., был скрипач сначала Камерного, а затем и Большого театра Зиновий (Зундель) Моисеевич Мазель (1896-1978). Насколько мне известно, З. М. Мазель не оставил никаких мемуаров, однако его краткие рассказы были записаны сначала Е. Г. Дуловой¹⁷⁰, собиравшей воспоминания современников о М. А. Чехове и МХАТе 2-м, а затем Н. Р. Балатовой¹⁷¹, любезно познакомившей меня с ними. Кое-что мне удалось узнать при встрече с внуком Мазеля, А. С. Бородиным, помнившим отдельные припоминания своего деда.

Из этих рассказов следует, что З. М. Мазель родился в Витебске, в достаточно зажиточной семье скрипача, который мог позволить старшего сына своего Илью (Рувима) Мазеля (1890-1967), впоследствии достаточно известного советского художника, отправить учиться за границу. Где учился музыке младший Мазель, выяснить не удалось. В Москву он заехал летом 1914 г. по пути в Петербург, где намеревался поступить в Консерваторию, но его дальнейшее путешествие остановила начавшаяся Первая мировая война. Неизвестно, учился ли он в Московской консерватории, но в 1917 г. Мазель уже работал в оркестре Камерного театра.

В Москве З. М. Мазель остановился у своего приятеля по Витебску скульптора А. С. Бессмертного¹⁷², снимавшего студию в доме художника Э. Э. Лиснера (Крестовоздвиженский переулок, 9), располагавшуюся на одной лестничной площадке со студией другого молодого скульптора — А. А. Ленского, сына известного актёра и режиссёра Малого театра. Эти обстоятельства определяли дальнейшую судьбу начинающего скрипача: оба скульптора были тесно связаны с театральным миром Москвы, в особенности же с молодёжью Первой студии Художественного театра. Той же осенью З. М. Мазель встретился на именинах А. С. Бессмертного с МА. Чеховым. Знакомство переросло в теснейшую дружбу и с тех пор до конца 20-х годов они почти не расставались.

Свидетельств этой дружбы сохранилось немало. В архиве актрисы и педагога М. И. Кнебель мне удалось найти фотографию гипсового бюста З. М. Мазеля работы О. К. Чеховой¹⁷³, первой жены М. А. Чехова, закончившей в те годы Строгановское училище по классу скульптуры и подававшей большие надежды как скульптор, хотя действительно мировую

¹⁶⁹ С некоторыми изменениями напечатано в журнале «Дельфис» (М., 1997, № 1(9), с. 48-51).

¹⁷⁰ Дулова Е. Г. Глазами современников. Воспоминания современников о М. А. Чехове и МХАТе 2-м. Научная библиотека СТД, Отдел рукописей, Д. 81 (766), лл. 59—66.

¹⁷¹ Личный архив Н. Р. Балатовой.

¹⁷² Бессмертный Аркадий Соломонович (1890—1965), скульптор, ближайший друг М. А. Чехова, З. М. Мазеля, Ю. А. Завадского и др. В конце 1918 г. выехал к родственникам в Одессу через Крым, затем за границу. По воспоминаниям В. Шверубовича (*Шверубович В. О людях, о театре и о себе.* — М., 1976, с. 326 и др.), в конце 1920 или в начале 1921 г. к группе МХТа, гастролировавшей за границей, присоединился А. Бессмертный, «который удивительно играл на гитаре и свистел», и вскоре женился на Марии Крыжановской, с которой, в конце концов, обосновался в Париже, где его навестил в 50-х гг. Ю. А. Завадский. Что произошло с его скульптурами — неизвестно. Сохранился ряд его портретов работы А. А. Никитина.

¹⁷³ РГАЛИ, ф. 2977, оп. 1, ед. хр. 991. Чехова Ольга Константиновна, урожд. Книппер (1897—1980), звезда мирового и германского кинематографа, автор мемуаров «*Meine Uhren gehen anders*» («Мои часы идут иначе»), изданных в ФРГ и полных невероятных фантазий. Рукопись перевода, выполненного Е. М. Чеховой, находится в фонде Чеховых в РГАЛИ (РГАЛИ, ф. 2316, ед. хр. 75, 76, 77).

известность ей суждено было получить в качестве киноактрисы. На другой фотографии, негатив которой хранится в Музее МХАТа, небритый, исхудавший Чехов запечатлён вместе с Бессмертным, Мазелем и пианисткой С. И. Коган. Этот снимок сделан, судя по виду МА. Чехова, в декабре 1917 г., когда О. К. Чехова ушла от него к их общему знакомому венгру Яроши, обладавшему не только несколькими именами (Мирослав, Ференц, Фёдор), но, по свидетельству Мазеля, подтверждённому М. А. Чеховым в его книге «Жизнь и встречи», ещё и ярко выраженными гипнотическими особенностями¹⁷⁴.

Трагедия в семье Чехова произошла в первых числах декабря 1917 г., и вскоре Мазель, по приглашению М. А. Чехова, переехал к нему в Газетный переулок (позднее — ул. Огарёва, 3). Там, в большой трёхкомнатной квартире Чеховых, Мазель прожил около двух лет, став свидетелем тяжелейшей депрессии артиста, навязчивой мысли о самоубийстве и, как следствие, его ухода из театра. В те месяцы играть Чехов не мог. Решающую роль в его спасении сыграли тогда два ближайших к нему человека — Мазель, который буквально не отходил от Чехова, и В. С. Смышляев, давний товарищ по театру, подавший Чехову мысль открыть свою студию.

Идея собственной театральной студии возродила Чехова, тем более что поначалу рассчитывали получать от неё и средства к существованию. Однако, как вспоминала М. И. Кнебель, *«всем, кого принимали, говорили, что студия платная, но ни с кого из нас он (Чехов) ни разу не взял денег. С первых же уроков студия стала для него главным делом жизни. Потом он говорил, что выздоровел только благодаря своей работе с нами. Я думаю, что так оно и было. Ему нужен был контакт с молодыми, здоровыми, влюблёнными в его творческую индивидуальность людьми...»*¹⁷⁵

Для заработка было придумано другое.

В Крестовоздвиженском переулке Э. Э. Лисснеру принадлежали два дома. В первом находились студии и типография издательства «Задруга», во втором владелец жил сам и сдавал квартиры. В одной из них на первом этаже в августе 1915 г. поселилась семья Никитиных, приехавшая из Рязани — мать с дочерью и сыном, Л. А. Никитиным¹⁷⁶, молодым, но уже сформировавшимся художником, поступившим на юридический факультет Московского университета. Там, тремя курсами старше, уже учились частые гости Бессмертного и Ленского — молодые актёры МХАТа Ю. А. Завадский и В. С. Смышляев. По-видимому, к Бессмертному Л. А. Никитин вскоре привёл и своего сокурсника, молодого поэта П. Г. Антокольского.

Так за два года до семейной драмы Чехова в Крестовоздвиженском переулке было положено начало содружеству актёров, художников, поэтов и музыкантов, собиравшихся попеременно то у Ленского, то у Бессмертного, то на квартире Никитиных.

Именно на квартире Никитиных в начале 1918 г. по предложению матери художника М. В. Никитиной возникла идея театрально-концертного объединения «Сороконожка», названного так по числу ног его первоначальных членов. В «Сороконожке» принимали участие: поэт П. Г. Антокольский, поэт, переводчик, востоковед П. А. Аренский, его жена, пианистка О. Ф. Аренская, артист Н. П. Баталов, скульптор А. С. Бессмертный, пианист А. К. Боровский, актёр Первой студии МХАТа А. А. Гейрот, актёр и режиссёр Ю. А. Завадский, пианистка Е. П. Ландсберг, скульптор А. А. Ленский, скрипач З. М. Мазель, художник Л. А. Никитин, актёры Первой студии МХАТа В. С. Смышляев и МА. Чехов, администратор и конферансье М. (Ф). Яроши, актриса Зотова и другие.

¹⁷⁴ Чехов М. А. Жизнь и встречи. // Новый журнал, Нью-Йорк, 1944, №8, с. 10-11.

¹⁷⁵ Кнебель М. Вся жизнь. — М., 1967, с. 59.

¹⁷⁶ Никитин Леонид Александрович (1896—1942), театральный художник, график, педагог. О нём см.: Никитин А. Л. Леонид Александрович Никитин. // Панорама искусств, вып. 12. — М., 1989, с. 241—261; Никитина В. Р. Дом окнами на закат. — М., 1996.

Первоначальным местом выступлений, как вспоминал Мазель, было кафе «Алатор», находившееся в позднее снесённом одноэтажном доме на углу Газетного переулка и Тверской улицы, поблизости от квартиры Чехова. Когда кафе закрыли, «сороконожники» выезжали играть по домоуправлениям, выступали в воинских частях и рабочих клубах, забирая «гонорар» продуктами. Выступали и с концертами, но особенным успехом в рабочих районах пользовался старинный водевиль «Пишо и Мишо», где Пишо играл Чехов, Мишо — Баталов, слугу Франсуа — Мазель. Вскоре для репетиций и выступлений было арендовано помещение рядом с Художественным театром — на углу Камергерского переулка и Тверской, напротив бывшего «Алатора», где уже в наши дни, не так давно находилась столовая, а затем пельменная. В новом помещении шли уже регулярные представления три раза в неделю, выступали известные актёры, читал любимец московской публики В. И. Качалов, пели лучшие певцы Большого театра...

«Сороконожка» прекратила свою деятельность в конце июня 1918 г. вместе с выходом первого (и последнего!) номера журнала того же названия¹⁷⁷. Больше повезло студии Чехова, которая вскоре переехала из квартиры артиста в пустовавшую квартиру барона В. П. Брискорна, бежавшего за границу (Никитский бульвар, 6), где в семи комнатах сохранилась вся обстановка — ковры, зеркала, кресла, буфет, но главное — большой гардероб со множеством маскарадных костюмов. Студия просуществовала четыре года, дав только один выпуск, среди которого были М. И. Кнебель, В. А. Громов, В. Н. Татаринов, Б. В. Бибилов, В. Бендина и другие будущие актёры и режиссёры. Среди них была и Л. М. Гурвич, гимназическая подруга М. И. Кнебель, ставшая в 1920 г. женой З. М. Мазеля, а позднее работавшая в труппе МХАТа 2-го.

Столь тесные дружеские связи З. М. Мазеля с М. А. Чеховым придают особенное значение тем скудным свидетельствам о некоторых обстоятельствах духовной жизни великого актёра, о которых рассказывал Мазель и которые не нашли отражения в автобиографической книге самого М. А. Чехова, до сих пор так полностью и не опубликованной в России.

Обычно считают, что интерес к антропософии у М. А. Чехова и ряда других актёров МХАТа 2-го (напр., М. А. Скрябиной¹⁷⁸, сохранявшей ей верность до конца жизни) возник в связи с работой над постановкой в середине 20-х гг. спектакля «Петербург» по роману Андрея Белого. Известно также, что за это увлечение в последующем театр подвергался травле со стороны идеологической цензуры и прессы, притихшей только с отъездом Чехова за границу.

По словам Мазеля, всё началось гораздо раньше и было много серьёзнее, чем это можно сейчас представить.

Действительно, ещё в июле-августе 1923 г., когда артист находился на лечении и отдыхе в Германии, произошла знаменательная для Чехова встреча с основателем антропософии доктором Р. Штейнером. «Он не рассказывал мне подробно об этой встрече, — говорил Мазель, — но одну его фразу я помню точно: “После встречи со Штейнером я понял всё величие духовной жизни человека”». И далее, говоря о том, какую огромную роль в жизни Чехова в 20-е гг. играли религия и мистика, Мазель добавил: «Мы оба были членами Антропософского общества и членами масонской орденовой ложи».

¹⁷⁷ Первый (и единственный) номер журнала «Сороконожка» вышел в конце июня 1918 г. следующего содержания: Отрывок из учебника Всеобщей истории; Мирослав Яроши — Сороконожка; П. Аренский — Vers la flamme (о Скрябине); П. Аренский — Молитвы; М. А. Чехов — Отдельные мысли; Мирослав Яроши — «Лава» (драматический эскиз); «Хай-кай» (пер. с японского); П. Аренский — Этюд; П. Антокольский — Эдмонд Кин, «Облака под мёртвым небом загибались...» (стихи); рисунки — А. Ленского, Л. Никитина, Ю. Завадского и портрет А. Н. Скрябина работы А. Я. Головина. Об этих людях см: Никитина В. Р. Дом окнами на закат. — М., 1996.

¹⁷⁸ Скрябина Мария Александровна (1901—1989), дочь композитора А. Н. Скрябина, жена режиссера В. Н. Татаринова, актриса, антропософ.

Что это была за ложа, какое место оба они занимали в ней, в чём заключались их занятия, кто ещё состоял в членах этой ложи — никто из встречавшихся с Мазелем тогда не догадался расспросить, то ли не слишком поверив его словам, то ли не обратив на них внимания. Между тем факт этот чрезвычайно интересен как со стороны представления о тогдашней жизни России, так и для характеристики Чехова и понимания свершавшегося в нём в те годы переворота, только отчасти показанного им в книге «Путь актёра»¹⁷⁹, — книги, выпшедшей в России накануне его отъезда за границу. Немного больше он говорит об этой стороне своей жизни в книге «Жизнь и встречи», из которой можно понять, что интерес к мистике у Чехова был связан с учением йогов:

«Йоги постепенно подвели меня к учению теософов, — писал М. А. Чехов, — и я познакомился с некоторыми членами этого общества. Мои новые знакомые (по большей части пожилые дамы), беседуя со мной, несколько затемняли для меня философскую доктрину, вплетая в описание объективных фактов рассказы о своих личных чувствах. <...> Не порывая связи с моими новыми друзьями, я искал и других мистических течений. Тайных обществ в Москве оказалось больше, чем можно было предположить. Я стал посещать некоторые из них и увидел, как легко люди, соблазнённые эгоистической радостью пассивного пребывания в “мистическом тумане”, ослепляются и теряют способность критического отношения к окружающему. Умные, образованные, уважаемые люди, часто с громкими именами, собираются в группы, совершают ритуалы и искренне верят, что они истинные хранители тайн и традиций розенкрейцеров, тамплиеров и других славных своих предшественников. И всё это ради «мистического тумана».

*Встречал я и индивидуальных мистиков, идущих собственным путём. Были среди них интересные умы. По большей части это были заблуждающиеся, но честные люди, по-своему искавшие правды. Но попадались мне и шарлатаны, так сказать, клоуны от мистики...»*¹⁸⁰

Действительно, на протяжении всех 20-х гг., не только в Москве, но и по всей России возникали различные мистические группы, кружки и ордена, среди которых встречалось множество шарлатанов, проходимцев и сумасшедших, как это было во все времена, в том числе и в наши дни. Но всё же, какую бы форму ни принимали эти группы, как бы ни соединяли теософию с православием, индийский мистицизм с анархистской этикой, а современную науку — с антропософией, в них проявилась последняя, достаточно серьёзная волна духовного сопротивления русской интеллигенции «всеобщему оскотнению», как выразился тогда о советской действительности И. А. Бунин.

Сам З. М. Мазель довольно рано принял православие, в крещении был наречён Зеноном, и небольшая иконка соимённого святого бережно сохранялась им всю жизнь, хотя, по свидетельству внука, к религии в её догматической (церковной) обрядовости он относился довольно равнодушно или, возможно из-за условий советского быта — осторожно, не желая входить в идеологический конфликт с государством.

Признание Мазеля в причастности М. А. Чехова не только к Антропософскому обществу закрытому осенью 1923 г., но и к какой-то «орденской ложе», сейчас находит документальное подтверждение и позволяет представить общую последовательность событий.

Начать следует с того, что традиционный взгляд на возникновение у Чехова интереса к антропософии в результате работы над постановкой «Петербурга» оказывается несостоятельным. Его знакомство с А. Белым произошло значительно раньше, 15 октября 1921 г. на одном из заседаний Вольной философской ассоциации (Вольфила). Таким образом, его встреча с Р. Штейнером, происшедшая два года спустя, представляется отнюдь не случайной, а целенаправленной и подготовленной всё тем же А. Белым. По словам Мазеля, А. Белый, «часто

¹⁷⁹ Чехов М. Путь актёра. — Л., 1928.

¹⁸⁰ РГАЛИ, ф. 2316, оп. 3, ед. хр. 26, лл. 16-17.

бывавший у нас дома, много рассказывал Чехову о своих беседах и встречах с Рудольфом Штейнером». Именно после этих разговоров Чехов, видимо, и захотел с ним встретиться.

Однако и появление Чехова на заседаниях Вольфила нельзя считать исходным пунктом его интереса к духовным знаниям. Скорее, наоборот: посещение заседаний Вольфила как и Антропософского общества в Москве и его библиотеки, находившейся на Сивцевом Вражке, куда ходили Чехов и Мазель, было только продолжением пути, начало которого высвечивается с конца предшествующего этому 1920 года.

Как ни странно, об этом нам сообщает С. М. Эйзенштейн. В одной из главок автобиографических записок С. М. Эйзенштейна «Le bon Dieu»¹⁸¹ сохранилось описание знакомства будущего великого кинорежиссёра в Минске с Б. М. Зубакиным, который посвятил его в члены Ордена, оказавшегося впоследствии исключительно продуктом самодеятельности самого Зубакина — талантливого скульптора, поэта и безусловного мистификатора. Значительно дополняют и расшифровывают эти зарисовки письма СМ. Эйзенштейна к матери того же периода, дающие представление об участниках этих «заседаний» — поэте Б. Л. Плетнере, мистике и религиоведе актёре И. Ф. Смолине и уже упоминавшемся мною П. А. Аренском, вместе с которым (и с Л. А. Никитиным) Эйзенштейн в конце сентября 1920 г. приехал в Москву¹⁸².

В Москве занятия эзотерическими науками были продолжены уже без Б. М. Зубакина, причём к Аренскому и Эйзенштейну теперь присоединились В. С. Смышляев и М. А. Чехов:

*«Среди новых adeptов — Михаил Чехов и Смышляев. В холодной гостиной, где я сплю на сундуке — беседы. Сейчас они приобретают скорее теософский уклон. Всё чаще упоминается Рудольф Штейнер...»*¹⁸³

Однако теперь можно с уверенностью сказать, что гораздо раньше, чем Чехов встретился с «Доктором», в том же 1920 или 1921 году Чехов познакомился с А. А. Карелиным, основателем Всероссийской ассоциации анархистов-коммунистов, который одновременно был и основателем Ордена тамплиеров¹⁸⁴.

Тот факт, что М. А. Чехов был одним из первых учеников Карелина, получившим в числе других — П. А. Аренского, Ю. А. Завадского, В. А. Завадской и В. С. Смышляева посвящение в Орден, подтверждается показаниями одного из крупнейших антропософов России, друга А. Белого, тамплиера и розенкрейцера М. И. Сизова. На допросе 26. 4. 1933 г. Сизов показал, что в числе других «*артист М. А. Чехов имея одну из старших степеней Ордена*»¹⁸⁵. Отсюда можно заключить, что Мазель вспоминал именно об этой «орденской ложе», которая его собеседниками, ничего не знавшими об Ордене тамплиеров, была воспринята, как ложа «масонская»...

Все эти факты позволяют по-новому взглянуть на Чехова, который уже в первой своей исповедной книге «Путь актёра» рассказывает о попытках заполнить духовную пустоту существования, к слову сказать, характерную вообще для семьи Чеховых. Интерес к йогам, сочетание философии и розенкрейцества, тамплиерство, всё большее увлечение антропософией, по-видимому, отвечали внутренним устремлениям актёра, который, мучимый своим талантом, в предшествующие годы метался в пустоте бездуховности, поочерёдно ища забвения в эмоциональных взрывах на сцене, в любовных похождениях и в вине. Вряд ли я

¹⁸¹ Эйзенштейн СМ. Мемуары, т. 1. — М., 1997, с. 61—64.

¹⁸² Подробнее см.: Никитин А. А. Московский дебют Сергея Эйзенштейна. М., 1996, с. 37-45.

¹⁸³ Эйзенштейн СМ. Указ. соч., с. 63—64; Никитин А. А. Московский дебют..., с. 96—97.

¹⁸⁴ Карелин Аполлон Андреевич (1863—1926). О нём см.: Никитин А. А. Заключительный этап развития анархистской мысли в России. // Вопросы философии, 1991, № 8, с. 95—96; он же. Тамплиеры в Москве. // Наука и религия, 1992, № 9, с. 21-23.

¹⁸⁵ ЦА ФСБ РФ, Р-35656, л. 80.

ошибусь, предположив, что зимой 1920/21 года он пережил один из решающих этапов своего катарсиса, направившего его жизнь по новому руслу удивительным образом сочетая своё штейнерианство с православным «старчеством», как он пишет о том в своей американской книге, описывая одну из встреч со «Старцем».

«...На этот раз разговор зашёл о Рудольфе Штейнере. Монах, схимник, сорок лет проводивший в посте и молитве, прямой последователь школы старых подвижников, человек, имевший свои откровения, своё переживание евангельских истин, следовавший традициям, в которых не упоминалось ни о перевоплощении человеческого духа, ни о законах судьбы (кармы), этот человек без колебаний и сомнений заговорил о Рудольфе Штейнере и его учении как об истинном и правдивом. Он несколько раз возвращался к этой теме и всегда говорил положительно, за исключением одного только раза, когда он выразился так:

— То, что говорит доктор Штейнер, есть как бы букет цветов, — и, подумав мгновение, добавил: — Но попадаются и плевелы.

Если это всё, что русский подвижник захотел сказать против европейского оккультиста, то, право же, стоит задуматься над этим фактом, как нам, антропософам, так и верующим христианам, боязливо отрицающим науку о духовных мирах...»¹⁸⁶

В основе своей — с детства — М. А. Чехов был мистичен и неврастеничен, но выросши в слишком прямолинейной и рациональной среде, в которой, как я вынес из собственного общения с Чеховыми, отсутствовала сама возможность религиозного, а тем более мистического чувства, он долго метался, не мог понять и найти себя. Теперь это произошло. И Мазель, безусловно сопричастный этому перерождению, не случайно спустя много лет характеризовал своего друга знаменательными словами: *«Чехов был актёр-мистик. Это было в нём главное. Поэтому он и сумел так проникнуть в самую суть образа Хлестакова: он играл его мистическую пустоту...»*

В июле 1928 г. М. А. Чехов со своей второй женой К. К. Чеховой, урожд. Зеллер, уехал за границу, чтобы уже никогда не возвращаться в Россию. К этому времени у Мазеля была своя семья, свой дом. К 1925 г. из Витебска в Москву переехали его родители, поселившиеся на Знаменке, 13, чуть ли не в квартире П. А. Аренского, где теперь жил и В. С. Смышляев.

После прежней, далеко не всегда обеспеченной, но яркой и бурной жизни начала 20-х годов, в 30-х годах следовало приспособляться к действительности, которая, вопреки утверждению Гегеля, оказывалась далеко не «разумной». Прежние друзья были за границей, как А. С. Бессмертный и М. А. Чехов, или погибали в лагерях, как П. А. Аренский и Л. А. Никитин, или просто умирали, как В. С. Смышляев... Письма от Чехова приходили всё реже, но даже их Мазель уничтожил в одну из тревожных ночей 1939 года, опасаясь доноса соседа-энкаведиста. Лишь изредка окольными путями удавалось передать весточку далёкому другу, о котором надлежало забыть так же, как об антропософах и тамплиерах: Мазель играл в оркестре Большого театра и над его судьбой, грозя раздавить, нависал карниз теперь уже правительственной логики...

¹⁸⁶ Чехов М. А. Жизнь и встречи. (РГАЛИ, ф. 2316, оп. 3, ед. хр. 26, л. 36).

Московский Сен-Жермен¹⁸⁷

Из всех тайных обществ, известных широкой публике лишь по названию, наибольшей популярностью после масонов всегда пользовались розенкрейцеры. Слава об их знаниях, власти над силами природы, тайном могуществе утвердилась ещё в XVII веке. Они были алхимиками, каббалистами, астрологами, магами, хранителями секрета «философского камня», эликсира вечной жизни, властелинами стихийных сил. В принадлежности к этому тайному братству подозревали всех сколько-нибудь выдающихся естествоиспытателей-учёных XVII и XVIII веков и знаменитых авантюристов, подвизавшихся при королевских и императорских дворах Европы. Одной из таких загадочных личностей был граф Сен-Жермен — человек легенды, о котором до сих пор не прекращаются споры исследователей¹⁸⁸.

Современники считали его сыном венгерского короля Ракоши, и в то же время — Великим Посвящённым, человеком, обладавшим секретом бессмертия, умевшим превращать свинец в золото, делать искусственные бриллианты и повелевать духами. Смерть Сен-Жермена, как то положено подлинному розенкрейцеру, окружена загадками и тайной. Никто из знавших его при жизни не мог поручиться, что он действительно умер. Поэтому никто из посвящённых в тайны братства розенкрейцеров не был удивлён, когда в 20-х годах нашего века на улицах Москвы появился человек, которого близкие называли Графом или прямо Сен-Жерменом.

Впрочем, в быту он носил другое имя. Его звали Всеволодом Вячеславовичем Белюстиным, и каждое утро он шёл из дома на углу Трубной площади и Неглинной на Кузнецкий мост, в Наркомат иностранных дел, где составлял обзоры зарубежных газет и журналов. А вот после работы, в кругу ближайших друзей он превращался в мага и учителя, поскольку попытался на российской почве возродить подлинное розенкрейцерство.

Последняя оговорка весьма существенна. Прежде чем начать рассказ об этом удивительном человеке, следует напомнить, что за люди называли себя розенкрейцерами, хотя за последнее столетие о них написано множество романов и без них не обходится ни один приключенческий фильм на сюжеты европейского средневековья.

Розенкрейцеров обычно путают с масонами. Происходит так потому, что масоны, пытаясь показать себя последователями розенкрейцеров, одну из самых высших своих посвятительных степеней называли их именем. Но это чистая формальность, пустое слово. Точно так же далеки от подлинных средневековых розенкрейцеров современные братья «Злато-Розового Креста», занимающиеся в Голландии изданием древних манускриптов и духовным самосовершенствованием.

Подлинные средневековые розенкрейцеры были, в первую очередь, учёными-практиками, экспериментаторами. Они пытались создать «единую науку», объединив знания, с одной стороны, своих предшественников, естествоиспытателей, какими были тогда алхимики, врачи, строители, рудознатцы, астрологи и астрономы, математики и механики, а с другой — магов, каббалистов, гадалей, языческих жрецов и заклинателей духов. Они всерьёз изучали свойства минералов, растений, органических веществ, однако полагали, что в химических превращениях главную роль играют духи стихий, которых алхимик и каббалист могут подчинить себе, обладая особыми знаниями.

Но овладение тайной изготовления «камня философов», способного обращать любые металлы в золото, не было для них главным. Розенкрейцеры полагали, что овладение тайной веществ и стихийными силами — только средство для улучшения и совершенствования

¹⁸⁷ Сокращённый вариант опубликован в газете «Клуб Третий Глаз», 1997, № 2, с. 6.

¹⁸⁸ Последняя работа о Сен-Жермене см.: Володарская О. По следам Сен-Жермена. // Наука и религия, 1996, №№ 9—11.

природы самого человека, способ приблизить человека к божественному знанию, совершенствуя его собственную личность.

Первым сформулировал такую задачу в XIV веке Христиан Розенкрейц — легендарный основатель этого тайного братства, связав своё имя с символами этих устремлений — розой на кресте, напоминающими о божественной мудрости мироздания и крестном пути мучительного труда и смирения страстей на поприще опытной науки¹⁸⁹.

Столь дерзкое соединение двух высочайших задач — овладения силами видимого и невидимого мира и, одновременно, духовного роста человека, достигающего познания божественных сфер, оказалось нестойким и иллюзорным. Оно было возможно только на протяжении XVI и первой половины XVII века, когда отдельные гении-энциклопедисты могли охватить всю массу накопленных к тому времени знаний.

Уже в XVII веке это призрачное единство стало распадаться на множество отдельных наук, требующих от учёного всё более узкой и углублённой специализации. Вот почему все последующие розенкрейцеры, объявляющие себя таковыми, оказываются только теоретиками. Они надевают на себя одеяния своих предшественников, рассуждают о духовных путях совершенства, играют знаками и символами, пытаются их истолковать, но далее не идут.

Первым, кто дерзнул пойти по пути древних розенкрейцеров в России, был Всеволод Белюстин.

О его жизни известно сейчас и много, и мало. В отличие от исторического Сен-Жермена, известно, что Белюстин родился в конце прошлого века в семье военного генерала, позднее сенатора по 2-му департаменту правительствующего Сената. Ещё до того, как он закончил Александровский лицей по специальности филолога-языковеда, Белюстин заинтересовался спиритизмом, астрологией, оккультизмом. Годы Гражданской войны он провёл в Крыму, но в Белой армии не служил, в эмиграцию не уехал и в 1922 году вернулся из Крыма в Москву, где с 1924 по 1932 год работал в Народном комиссариате иностранных дел в качестве переводчика. Затем, как бывший дворянин, он был уволен из комиссариата, весной 1933 года арестован, но вскоре освобождён.

Причиной ареста был обнаруженный органами ОГПУ Орден московских розенкрейцеров, во главе которого, как выяснилось, и стоял В. В. Белюстин.

Каким образом рядовой работник комиссариата иностранных дел оказался во главе тайного мистического ордена? Ответ на это был обнаружен в самом полном и драгоценном архиве истории России советского периода — в архивах ФСБ, вобравших в себя архивы органов ОГПУ, НКВД, МГБ и КГБ, где сохранилось и его следственное дело. Вот как представил он это сам своим следователям.

Среди многочисленной литературы, издававшейся в России до революции и посвящённой магии и оккультизму, обращала на себя внимание фундаментальная работа молодого инженера путей сообщения В. А. Шмакова — «Священная книга Тота». Вторую, гораздо более значительную работу, посвящённую феноменологии духа — «Пневматология» — автор опубликовал в 1922 году, уже при советской власти.

Именно эта книга заставила Белюстина искать знакомства со Шмаковым. Оно произошло в мае 1923 года у Шмакова, где собирались весьма примечательные люди, как, например, А. А. Сидоров, искусствовед, историк книжного искусства, впоследствии член-корреспондент Академии наук СССР; известный философ и богослов, священник П. А. Флоренский, всегда

¹⁸⁹ Подробнее об исторических розенкрейцерах см.: Халл, Мелли П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. СПб., 1994, сс. 514-637.

интересовавшийся магией и оккультизмом; биофизик М. И. Сизов, один из виднейших российских антропософов, близкий друг поэта Андрея Белого и Рудольфа Штейнера¹⁹⁰.

Много было и других людей, не менее интересных, но менее известных нам сейчас, как, например, инженер-техник Ф. П. Верёвин, медицинский работник М. В. Дорогова. Оба они впоследствии сыграют немаловажную роль в сохранении и распространении розенкрейцеровских идей в России.

Здесь, на квартире у Шмакова, встречались люди самых различных характеров, взглядов и духовных устремлений. Были антропософы, теософы, члены Ордена тамплиеров, масоны, богоискатели, православные священники и сектанты. Ещё пестрее был состав этого кружка по служебной деятельности, специальностям и происхождению этих людей. Попав в такое общество, Белюстин сразу же занял в нём ведущее положение: Шмаков, оценив его знания в области тайноведения, предложил молодому розенкрейцеру, каким считал себя Белюстин, читать собравшимся курс арканологии, то есть философии мистики, и вести практические занятия по каббалистике.

Показания Белюстина органам НКВД во время его последнего ареста в 1940-1941 гг. являются единственным источником наших сведений и о судьбе самого В. А. Шмакова, и об обстоятельствах его отъезда из Москвы. Вот что показывал Белюстин:

«В. А. Шмаков, по его словам, ещё до революции (со времён войны) был тесно и дружески связан с бывшим президентом бывшей Чехословакии¹⁹¹ Масафиком, которому он, Шмаков, в бытность Масафика в России в годы войны, неоднократно оказывал различные дружеские услуги и заручился его дружбой. По отъезде Масафика в Прагу Шмаков продолжал поддерживать с ним связь через бывшего посланника Чехословакии в Москве — Гирса, так что когда Шмаков уезжал за границу в 1924 г., то визы и отправка денег оформлялись Шмаковым через Гирса...»

В августе 1924 г. В. А. Шмаков с семьёй выехал в Германию, а оттуда в Прагу, где оформил своё чехословацкое подданство по представлению президента Масафика, как я мог догадаться. Эти сведения о Шмакове я лично узнал, однако, позднее, когда получил от него в конце 1924 г. последовательно два письма с пути в Южную Америку, куда окончательно решил отправиться Шмаков. Он писал мне, что едет в Аргентину, в Буэнос-Айрес, осуществляя своё давнишнее желание... Более писем от Шмакова я не получал, кроме поздравительной открытки к Новому (1925) году от его жены.

От В. П. Жданова я слышал, что Шмаков писал ему ещё один или два раза о своём устройстве в Аргентине по инженерной специальности, и на этом сведения о семье Шмаковых прекратились, пока, наконец, насколько помню, в конце 1930 г. Ждановым было получено письмо от жены Шмакова, извещавшее его, что В. А. Шмаков умер от удара в октябре 1929 г. в Аргентине...»¹⁹²

С отъездом Шмакова Белюстин стал неофициальным главой московских розенкрейцеров, оставшихся без руководства, и в 1926 году основал московский орден неорозенкрейцеров «орионийского посвящения». Впрочем, последняя дата, несмотря на то, что её не раз повторял Белюстин, вызывает сомнение.

Как показывал на допросе весной 1933 г. М. И. Сизов, в Ордене розенкрейцеров он состоял с 1922 г. (т. е. первоначальное своё основание Орден получил ещё в бытность Шмакова в Москве), «продолжая оставаться тамплиером, причём для тамплиеров моё пребывание в розенкрейцерах — тайна, т. к. розенкрейцеры более замкнуты и высоки по предъявляемым к членам требованиям...»

Белюстин... организовал Орден самостоятельно, не получив ни от кого на это прав или посвящения, исключительно своей работой над собой достигнув больших знаний... Мы имеем много литературы —

¹⁹⁰ ЦА ФСБ РФ, Р-23618, лл. 34-37.

¹⁹¹ «Бывшей», поскольку в это время Чехословакия была аннексирована фашистской Германией. — А. Н.

¹⁹² ЦА ФСБ РФ, Р-23618, лл. 423-424.

результаты своих изысканий и трудов по оккультным вопросам. Цели Ордена — воспитание своих членов в духовном отношении по теориям нашего Ордена.

Орден имеет отличительные знаки степеней. Так, зелёная лента с чёрными каймами означает начала «астральной сознательности» и надевается при собраниях. Сам Белюстин носит ленту, смотря по характеру собрания, то белую, то лиловую...»¹⁹³

В эти годы Белюстин жил на Неглинной улице, возле Трубной площади, и, как я уже сказал, работал переводчиком в отделе печати Народного комиссариата иностранных дел на Кузнецком мосту, напротив здания ОГПУ на Лубянке. Он был умён, образован, воспитан, красив, и, если взглянуть, в его взгляде, даже на фотографии, сделанной пятнадцать лет спустя при последнем аресте, можно увидеть определённое сходство с историческим Сен-Жерменом, своё тождество с которым сам Белюстин не утверждал, но и не отрицал.

Был ли он на самом деле очередным воплощением того мага древности, кто нам известен под именами Христиана Розенкрейца, а позднее — графа Сен-Жермена? Во всяком случае, именно на такую мысль наталкивали, казалось, безграничные знания в области оккультных наук, которыми обладал этот, сравнительно молодой тогда человек. Действительно, в 1926 году Белюстину было всего только 27 лет, но среди своих единомышленников, многие из которых были старше его, он обладал непререкаемым авторитетом.

В отличие от широкого круга посетителей Шмакова, Орден, организованный Белюстиным, насчитывал всего только 16 человек. Его члены имели разные степени посвящения и, соответственно, располагались по рангам. После периода ученичества, т. е. изучения литературы под руководством наставника и написания ряда собственных сочинений, вступающий в Орден получал посвящение в «оруженосцы». Затем следовали две «рыцарские» степени — «рыцаря внешней башни» и «рыцаря внутренней башни», после чего следовали степени духовного посвящения, которыми обладали члены Верховного капитула Ордена.

Вот что показывал об этом один из членов Ордена, в прошлом — масон, СВ. Полисадов.

«Формирование Ордена происходит путём вербовки членов, т. е. подходящий по своему развитию человек постепенно подвергается, так сказать, «фассматриванию» со всех точек зрения, а затем постепенно вводится в круг обычного учения розенкрейцеров. Формальное вступление в Орден совершается по особому обряду, более длительному или сокращённому, причём со вступающего берутся клятвы: 1) молчания, т. е. хранения орденских тайн, а следовательно, и конспирации, и иногда 2) готовности погибнуть во славу Ордена и не выдавать тайн. От вступающего требуется известное развитие как интеллектуальное, так и моральное, и широта кругозора»¹⁹⁴.

Членами Ордена, кроме уже упоминавшихся М. И. Сизова и С. В. Полисадова, были В. В. Новиков, инженер В. И. Жданов, художник В. П. Монин, В. А. Волкова, супруги Трущёвы, ближайшая сподвижница Белюстина по оккультной работе А. А. Толмачёва-Вишпер, а также М. В. Дорогова и Ф. П. Верёвин — люди, входившие также и в другие мистические группы и организации. Особо важную роль, похоже, играла в этом плане Дорогова. Подобно Сизову и Сидорову, она занимала видное место в Ордене тамплиеров, вела занятия в рыцарских кружках, активно занималась переводами иностранной литературы и распространением «мистического самиздата». Эти люди позволяли Белюстину, оставаясь в тени, знать, что происходит в других тайных обществах и кружках. Впрочем, особенно узнавать было нечего. Большая часть мистиков пользовалась оккультной литературой, изданной до революции, и одним и тем же «мистическим самиздатом», состоявшим из переводов с европейских и древних языков.

¹⁹³ ЦА ФСБ РФ, Р-35656, лл. 67об— 68об.

¹⁹⁴ ЦА ФСБ РФ, Р-35656, л. 89 об.

Московские розенкрейцеры не были исключением из этого правила, но, будучи гораздо лучше других подготовленными и начитанными, они создавали собственную орденскую литературу, которая не выходила за пределы их ограниченного круга.

В отличие от руководителей других орденов и обществ, целью Белюстина было, как показывал один из членов Ордена на допросе в ОГПУ, «*достижение астрального посвящения*», то есть «*жизни в двух мирах*» — на физическом плане в физическом теле, и, одновременно, в плане астральном. Впрочем, и это было не целью, а средством. Подлинная цель состояла в подготовке к овладению магическими способностями древних розенкрейцеров. Достичь этого следовало путём длительных тренировок, путём перестройки сознания в определённом направлении, использовании оккультных знаний древних в сочетании с алхимией и астрологией.

С точки зрения человека конца XX века, это звучит несколько странно, если не сказать — фантастично. И всё же надо признать, что для нас подобная попытка менее удивительна, чем для людей 20-х годов, современников Белюстина. Ведь мы не только подготовлены к чудесам развитием позитивной науки и её открытиями, но и миром парапсихических, экстрасенсорных явлений, которые, как оказалось, стали для нас почти заурядным явлением. Мы видим по телевидению людей, которые на наших глазах меняют давление и ритмику сердца, читают запечатанные письма, воспринимают мысли на расстоянии и заставляют вращаться магнитную стрелку движениями ничем не вооружённой руки.

Кстати сказать, в те далёкие от нас годы, именно передача мысли на расстояние занимала умы не только учёных в Институте мозга, где над этой проблемой работали И. П. Павлов и В. М. Бехтерев, но и всех мистиков-окультистов. Освоение телепатии и ясновидения рассматривались ими как обязательные ступени к последующему «выходу в астрал». И здесь оказывается, что параллельно с розенкрейцерами Белюстина этими проблемами занималась другая группа московских экспериментирующих розенкрейцеров во главе с Е. К. Тегером и В. К. Чеховским. За их работой, не вступая с ними в непосредственный контакт, Белюстин весьма пристально следил через Ф. П. Верёвина, который был допущен к работам этой группы.

Как можно понять из показаний Белюстина в ОГПУ, идея возродить подлинное, то есть оперативное розенкрейцерство в Москве, была им выдвинута в 1923-1924 годах и предложена двум окультистам — Верёвину и Тегеру. Но в 1925 году между ним и Тегером произошёл раскол из-за выбора пути, по которому следовало идти. Впрочем, иначе и быть не могло. По своему происхождению, образованию, мистическому и житейскому опыту Тегер был антиподом Белюстина и, конечно, менее всего мог поддаться чарам московского Сен-Жермена.

Немец, родившийся в Германии, Е. К. Тегер ребёнком переехал с родителями в Россию. В 1905 году подростком он принял участие в декабрьских боях в Москве на стороне анархистов, был сослан в Якутию, вернулся по амнистии 1913 года в Москву уже увлечённый оккультизмом и по какому-то случаю поселился в семье уже упоминавшегося мною М. И. Сизова. Поскольку Тегер оставался подданным Германии, после начала Первой мировой войны в августе 1914 года он был интернирован в Вятку, где и встретил революцию.

После октябрьского переворота 1917 года Тегер перешёл на сторону советской власти, прошёл Гражданскую войну командиром, вернулся в Москву, работал в Наркомате иностранных дел, был некоторое время советским консулом в Капшгаре и в Афганистане, но самое главное, что к середине 20-х годов успел познакомиться с большинством мистических кружков Москвы и Ленинграда, и ни один из них его не удовлетворил.

Вот как описывал Белюстин своё знакомство с Тегером и попытку начать совместные работы по практическому оккультизму:

«С Тегером я познакомился впервые осенью 1923 г. через Ф. П. Верёвина у него на квартире в Москве. Верёвиным и Тегером мне было сделано предложение принять участие в мистических работах по теории и

практике западного и восточного оккультизма. До меня этим вопросом Тегер и Верёвин занимались с А. И. Ларионовым, инженером-химиком, мистиком и специалистом в области символизма, имеющим тесные и дружественные связи с А. А. Сидоровым, инженером М. Д. Асикритовым и филологом Д. С. Недовичем. Предложение Тегера и Верёвина я принял, и до начала 1925 г. мы встречались втроём и занимались мистическими вопросами до тех пор, пока между нами не произошёл разлад по вопросу изучения оккультизма. Я тогда вышел из группы Тегера-Верёвина и все последующие новости о деятельности Тегера по мистической линии в Москве знал со слов Ф. П. Верёвина...»¹⁹⁵

Знакомство с Белюстиным утвердило Тегера в необходимости «восстановить древнее посвящение», то есть попытаться овладеть забытыми знаниями и силами средневековых розенкрейцеров. В отличие от Белюстина, он относился к магии, как к практической науке, будучи скорее атеистом, чем теистом, и с пренебрежением относился к теоретическим знаниям, которые для розенкрейцеров считались обязательными.

Такой утилитарный подход к сокровенному знанию не мог не оттолкнуть от него Белюстина. Но Тегер уже нашёл единомышленника — экзальтированного, безусловно способного молодого метеоролога В. К. Чеховского. Чеховский на собственный страх и риск вёл эксперименты по передаче мысли на расстояние и уже сделал несколько сообщений об этом на заседаниях научной комиссии Института мозга в Ленинграде. Благосклонный приём в академическом научном центре вдохновил Чеховского, и он сделал попытку открыть в Москве филиал Комиссии Института мозга с привлечением лучших научных сил столицы.

Для этой цели Чеховский, который жил на Малой Лубянке, вместе с Тегером арендовали у домкома обширный подвал, где и разместилась их, так и не разрешённая официально лаборатория.

Замысел экспериментаторов был достаточно прозрачен. Комиссия должна была стать легальным полем их деятельности, где могли ставиться опыты и заслушивались бы их доклады. Но под её прикрытием в подвале начала работать небольшая засекреченная группа в области практического оккультизма. Цель была та же, что и у розенкрейцеров Белюстина: восстановление древнего посвящения путём овладения астральными планами и подчинением себе «элементалей», то есть стихийных сил — земли, воздуха, воды и огня.

По словам В. К. Чеховского, в их организации существовало девять степеней или этапов продвижения её участников: «1-я — научное исследование метаспсихических явлений, выразившихся, главным образом, в работах по передаче мыслей на расстояние и работы по ясновидению; 2-я — слушание курса арканологии и начало оккультной тренировки; 3-я — оккультная магическая практика, изучение магии; 4-я — центр “Эмеш Редевивус”, не претендующий на достижение полноты оккультных возможностей; 5-я — то же после создания подходящей базы для серьёзной оккультно-магической работы в течение ряда лет; 6-я — то же по достижении некоторых результатов и после начала строительства мирового оккультного магического центра на собственной территории в СССР или за границей; 7-я — мировой оккультно-магический центр, овладевающий полностью астральным планом; 8-я — то же при полном овладении ментальным планом; 9-я — то же при полном овладении божественным планом.

Все эти девять ступеней делились на три группы по три последовательных ступени в каждой по признаку: первая группа — периферия, вторая — центр (Эмеш Редевивус) как орудие для создания мирового оккультного центра, обладающего полнотой оккультного знания и реализационных возможностей; наконец, третья группа мирового оккультного магического центра, владеющего этими возможностями и обслуживающего ими культурный прогресс и человечество...

В нашей организации существовало четыре степени. В первую степень входили лица, не знавшие о существовании организации. Во вторую степень входили лица, которые при прохождении курса начинали

¹⁹⁵ ЦА ФСБ РФ, Р-23618, л. 114.

подозревать существование неизвестной оккультной организации с магическим уклоном. В третью степень входили лица, знавшие о существовании организации и получавшие некоторые понятия о её целях, но не знавшие ни наименования, ни строения, ни основных положений организации. В четвёртую степень входили лица (только мужчины), знавшие наименование и цели организации и имевшие право знакомиться со всеми материалами, которыми располагала организация, причём за каждым членом этой степени не оставалось права личного владения материалом и сведений, относящихся к другим подобным организациям, если они предварительно имели с ними дело...»¹⁹⁶

Для достижения всего этого предполагалась поначалу минимальная теоретическая подготовка — курсы лекций, где оккультизм и история религий перемежались лекциями по органической и неорганической химии, оккультной ботанике и медицине. Для проведения экспериментальной работы проводились сборы дикорастущих магических и лекарственных трав под Москвой, планировалось их выращивание на плантациях и проводились эксперименты в области галлюциногенных препаратов, ароматов, мазей и прочего...

Подвал, помещавшийся именно на Малой Лубянке, был тоже выбран неслучайно. Как показывал на очной ставке с Чеховским его ближайший сотрудник по оккультной практике В. В. Преображенский, *«когда я в первый раз был приведён в подвал дома № 16 по ул. Малая Лубянка вместе с руководителями организации Тегером и Чеховским и спросил их, почему для работы избрано такое неблагоустроенное помещение, то получил ответ, что подвал, во-первых, находится в центре города, во-вторых, он расположен рядом с подвалами ОГПУ, где проливается кровь расстреливаемых, а, как известно, кровью умерших питаются ляввы, создающие царство мрака и тьмы, которое должно быть разрушено токами света от магических операций в генераторе подвала...»¹⁹⁷*

Действительно, как можно убедиться, у Чеховского и Тегера мы находим все атрибуты подлинного розенкрейцерского «делания» — от далеко идущих целей «принести счастье всем без исключения людям» путём овладения магическими силами Земли и Космоса, до экспериментальной работы в области химии (алхимии), экстрасенсорики и парапсихологии...

К сожалению, всё это очень скоро закончилось. По нелепой случайности, органы ОГПУ в феврале 1928 года арестовали Чеховского и Тегера, а вместе с ними и ещё два десятка молодых людей. Оба руководителя были сосланы на Соловки, откуда Тегер по болезни был переведён в Среднюю Азию, а Чеховский, пытавшийся возглавить массовый побег заключённых, был расстрелян в октябре 1929 года...¹⁹⁸

Арест Тегера и Чеховского, а вместе с ними и других розенкрейцеров, связанных с Белюстиным, казалось бы, должен был задеть «орионийцев», но всё обошлось благополучно. Московский Сен-Жермен оправдал свою репутацию мага и каббалиста: продержав его три месяца на Лубянке, ОГПУ отпустило своего пленника. Трудно сказать, что ему тогда помогло: магические силы или то, что он в своё время отказался лично знакомиться с Чеховским и его сообщниками. Тегер же был опытным конспиратором и Белюстина в своих показаниях не упоминал. Молчал о Белюстине и Верёвин, привлекавшийся только в качестве свидетеля по делу Тегера и Чеховского. В результате органы ОГПУ не трогали Белюстина и его орионийцев-розенкрейцеров до весны 1933 года — на протяжении семи лет.

Чем они в это время занимались?

Тайные общества потому и называются тайными, что от непосвящённых скрыта их внутренняя жизнь. Можно выяснить имена их членов, места собраний, результаты деятельности, но главное — мысли, чувства, действия людей всегда оказываются за завесой тайны. В

¹⁹⁶ ЦА ФСБ РФ, Н-5003, лл. 62-62 об.

¹⁹⁷ Там же, л. 69.

¹⁹⁸ УФСБ РФ по Архангельской обл., П-13969.

особенности это касается обществ, связанных с ритуальной магией. Рассказать о внутренней жизни Ордена могут или члены его, или же его документы. И здесь нам посчастливилось.

Оказалось, что не всё потеряно. Сами «орионийцы» постарались изложить на бумаге всё то, чем они жили и что, как они надеялись, должно было прийти на помощь России и человечеству. Ими был создан огромный комплекс манускриптов, остатки которого сохранялись у самого младшего из розенкрейцеров, избежавшего ареста В. П. Монины, где излагались их верования, расчёты, легенды, тщательно разработанная символика, вычисления, необходимые для магических обрядов... В этих рукописях скрупулёзно описывались символы, созданные московскими розенкрейцерами для различных ритуалов, различные цветовые сочетания, магические знаки, которыми следует украсить помещение и надеть на себя, цвета одежды, драгоценные камни, соответствующие тому или другому ритуалу, ароматы и курения на различных алтарях, формулы заклинаний и молитв, которые произносят хором участвующие.

Вот, например, замечательное по детализации описание порядка коллективного совершения розенкрейцерами «Великой Мистерии Стихий», которое я обнаружил в одном из манускриптов. В скобках я даю необходимые пояснения к тексту:

«Общее благословение присутствующих (по-видимому, Белюстиным). Великое заклинание Владыки Телема (т. е. астрала). Коллективное исполнение священного гимна, присущего Пентаграмме Великих Стихий (который я привожу в находившемся там же русском переводе): «О Великий Телем, Духо-Материя проявленной Вселенной! Твоя стихия объемлет необъятные бездны Мироздания и пребывает во мне, ибо Вселенная и я — едины. О Великий Огонь, Принцип Жизни! Ты горюшь в каждом атоме бытия и сознания Сущего и пылаешь во мне неугасимой искрой Жизни... О Великий Воздух, принцип Творчества! Ты замыкаешь Миры в круг свето-идей и хранишь их сокровенной Тайной... О Великая Вода, принцип Произрождения! Ты проникаешь в недра всех Вещей и течёшь во мне алым потоком... О Великая Земля, принцип Смерти и Возрождения! Ты поглощаешь Материю, дабы открыть Духу Врата Свободы... Благословляем и славословим тебя. Неизречённая Пентаграмма Стихий, пребывающая в Великой Пентаграмме Человека и пробуждающая её лучи к извечному Творчеству в Боге, Человеке и Вселенной!..»

Всё это произносилось, естественно, на сакральном языке, созданном розенкрейцерами, после чего происходил «великий вызов Владык пентаграммы Стихий. Покой погружается во мрак. Присутствующие преклоняют колена и погружаются в ментальное созерцание серебряного диска.

Фиксация возможных зрительных восприятий.

Покой освещается. Присутствующие поднимаются, подходят к престолу и замыкают вокруг него магическую цепь. Вознесение предметов ритуала (крест, жезл, меч, чаша, пантакль, магические зеркала — квадратные, чёрно-матовые, курильница). Великое заклинание Владык Пентаграммы Великих Стихий. Присутствующие размыкают магическую цепь и, поклонившись Верховному Жрецу (т. е. Белюстину), возвращаются на свои места.

Покой вторично погружается во мрак. Личный экстаз присутствующих, которые преклоняют колена. Возможные ментальные образы.

Покой освещается. Верховный Жрец благословляет присутствующих священными предметами ритуала. Присутствующие поднимаются и, начиная с младшего и кончая старшим, преклоняют колена и, поклонившись Верховному Жрецу, возвращаются на свои места. Священная молитва, присущая Пентаграмме Великих Стихий.

Присутствующие, начиная со старшего и кончая младшим, подходят к престолу, держа меч в правой, опущенной руке. Опускаются перед ним на колена, встают, и во главе с Верховным Жрецом по очереди обходят вокруг него и вокруг малых престолов и, поклонившись Верховному Жрецу, возвращаются на свои места. Это символизирует мистический обряд обручения присутствующих адептов со Стихиями...»

И далее, в том же духе.

Надо признаться, что эти, чудом сохранившиеся рукописи открывают нам удивительный мир, в котором жили московские розенкрейцеры. Вселенная представляла перед ними в виде семи «космических кругов», включающих в себя различные звёздные системы, каждая из которых имела собственное имя, и о которых им было всё известно — от количества обитаемых и необитаемых миров вплоть до числа комет, бороздящих межзвёздные просторы. Соответствующим образом они рассматривали историю Земли, историю человечества и историю России — как поле битвы Света и Тьмы, поле битвы Добра и Зла. Они приняли дуализм древних манихейцев как основу мироздания, и потому считали, что каждый розенкрейцер должен пройти два посвящения — не только светлое, но и тёмное, чтобы уметь распоряжаться силами тьмы.

Уже упоминавшийся мною СВ. Полисадов показывал в 1933 г.: «Различается “ток Света” и “ток Тьмы”, что даёт нам Белое и Чёрное посвящение. Белое Посвящение, основанное на “токе Света”, способствует эволюционному восхождению в область раскрытия сознания и достижения совершенства. Чёрное Посвящение, базирующееся на “токе Тьмы”, привлекает в область материи и затемняет сознание, мешая эволюции.

В астрале происходит вековая, непрекращающаяся борьба светлых и тёмных сил, причём успех бывает то на одной, то на другой стороне. Настоящий переживаемый момент является моментом господства тёмных сил, т. е. сил, принуждающих к остановке на пути эволюции благодаря порабощению сознания материей. Избавление от уз материи совершается при сознании иллюзорности физического плана и направлению сознания на мир идей.

Приблизительно, получается концепция Ормузда-Аримана или бога Добра и бога Зла, как борющихся начал. Как известно, эта концепция отразилась в христианстве в виде будущего пришествия Антихриста, сына Сатаны, который будет править Землёй. Отсюда попы провозглашали “Антихристом” каждое лицо, которое вставало на их дороге. Очень близкие им по своей духовной немощи теософы, кажется ещё в 1924 г., рассматривали большевизм как некое проявление сатанизма. От них эта концепция перешла в мистические кружки и т. д., благодаря чему в настоящее время сплошь и рядом можно слышать, что большевики, как и вожди их, суть сатанисты. Этому ещё способствовал циркулировавший по Москве слух в 1924 г., что в Кремле есть “Люциферианский Центр”. Таким образом, сравнение коммунизма с сатанизмом есть результат концепции “добра-зла”, толкуемый в превратном смысле.

Розенкрейцеры обычно уделяют много места философскому понятию “добра-зла”, рассматривая первое как освобождение от уз материи, а второе — как “окутывание” материей. В официальном орденом учении “добро-зло” трактуется только с метафизической точки зрения. В практической магии, указывающей путь борьбы со злом, даются более конкретные указания относительно носителей зла в астрале и способах борьбы с ними...»¹⁹⁹

Не в этой ли скрупулёзной самодеятельности и заключён был главный просчёт московских розенкрейцеров, питавшихся своей самоуверенностью и гордыней? Они стремились к власти — сначала, как исторические розенкрейцеры, к власти над стихийными силами Земли и Космоса, затем — к власти над мировыми силами зла, чтобы стать владыками мира и облагодетельствовать человечество... Но власть и самонадеянность всегда оказываются самыми верными и самыми действенными ловушками для людей, мнящими себя «избранным сосудом».

Московские розенкрейцеры считали себя защищёнными своим знанием от людей и от стихийных духов, которыми они хотели повелевать, неуязвимыми для сил зла, в то время как реальные его приспешники всё больше и больше сжимали вокруг них круги, привлекая своей кажущейся податливостью и слабостью. И когда, наконец, в 1933 году ловушка ОГПУ

¹⁹⁹ ЦА ФСБ РФ, Р-35656, л. 90.

захлопнулась и все розенкрейцеры во главе с новым Сен-Жерменом оказались на Лубянке, им оставалось только признать своё поражение. Серьёзное всего пострадали только готовившиеся вступить в Орден супруги Трущёвы, для которых с тех пор начались мыкания по лагерям и ссылкам, — остальные розенкрейцеры, в том числе М. И. Сизов и Белюстин, были благополучно отпущены по домам, а Орден московских розенкрейцеров — закрыт...

По-разному сложилась их дальнейшие судьбы. М. И. Сизов, благополучно пережив аресты 1935-1938 гг. в Москве, захвативших большинство его прежних друзей по антропософии и тамплиерству, после этого уехал с новой семьёй в Сочи, где работал в каком-то биологическом институте Академии Наук СССР, откуда вернулся в Москву только в начале 50-х годов.

А. А. Сидоров, человек, обладавший самой полной в Москве библиотекой книг и собранием рукописей по оккультизму, тамплиер, розенкрейцер и масон высокого посвящения, как показывали сведения о том люди, оказался в стороне от всех этих репрессий. Он продолжал интересоваться мистицизмом, охотно вёл на эту тему разговоры со своими знакомыми, порою даже давал им читать книги по вопросам оккультизма и теософии, и, хотя многие из этих людей затем исчезали в тюрьмах и лагерях, сам он благополучно пережил последующие страшные годы.

Ф. П. Верёвина репрессии не миновали. По счастью, они оказались не слишком продолжительны. Как мне удалось выяснить, во время Второй мировой войны он служил на Тихоокеанском флоте и, по миновании сталинских времён, охотно делился своими оккультными знаниями с молодёжью. Он сохранил весь свой архив и его «зелёный сундучок» с заветными рукописями, как мне рассказывали, до сих пор кочует где-то среди потаённых российских розенкрейцеров.

Ещё более счастливой оказалась судьба М. В. Дороговой, принимавшей активное участие в работе московских розенкрейцеров и входившей в орден тамплиеров. Она испытала два ареста в 1933 и 1935 гг., причём оба раза содержалась во внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке, в последний раз была приговорена к трём годам ссылки в Мордовию, после которой её неминуемо ожидали мордовские лагеря, но уже с этапа была возвращена «с зачётом срока» и с тех пор до своей смерти невозбранно вела в Москве мистические кружки по оккультизму. Умерла она уже в 70-х годах и о ней самой и их общей работе с большой теплотой рассказал известный деятель рериховского движения поэт Валентин Сидоров в своей книге «Знаки Христа»²⁰⁰.

Кто-то из розенкрейцеров погиб в лагерях, кто-то вышел на волю после долгих мытарств... Но самая загадочная судьба, как и следовало ожидать, выпала на долю московского Сен-Жермена.

Вторично Белюстин был арестован в апреле 1940 года — в Сталинабаде, нынешнем Душанбе, куда он уехал из Москвы, оставив свою семью, для работы в местном Педагогическом институте в качестве преподавателя английского и немецкого языков. После ареста его привезли в Москву. На Лубянке в те годы была задумана грандиозная провокация против учёных-востоковедов, которых предполагалось объявить шпионами разных государств, спрятавшимися за покрывалом мистики, а главным свидетелем по этому делу должен был выступить Белюстин при поддержке своих старых знакомцев-масонов — С. А. Полисадова и Б. В. Астромова. Привлекли было ещё и Е. К. Тегера, найдя его в одном из лагерей ГУЛАГа, но он категорически отказался участвовать в этом спектакле и, после избитий в Лефортовской тюрьме, бывшего оккультиста вынуждены были отправить назад. Отказывался от всех обвинений на очных ставках и Астромов, хотя его «изобличали» с двух сторон Полисадов и Белюстин.

²⁰⁰ Сидоров В. Знаки Христа. М., 1992.

Несмотря на такие «накладки», всё шло, как задумано: составлялись протоколы, назывались имена, но когда дело было завершено и Белюстин первый должен был предстать перед Военным Трибуналом, он отказался подписать себе расстрельный приговор, и всё дело лопнуло. С фактами в руках он доказал сначала вызванному прокурору, а затем и Военному Трибуналу, почему он не был и не мог быть шпионом, особенно после его освобождения в 1933 г., а всё, что написано в протоколах — их совместная со следователем выдумка. И — был оправдан по этому, самому страшному пункту обвинения.

Однако, поскольку он и теперь не отрицал, что именно им был создан и возглавлен Орден московских розенкрейцеров, на этом же судебном заседании Военный Трибунал приговорил Белюстина к 10 годам лагерей.

Где он отбывал свой срок? Когда умер? Как ни парадоксально, всё это до сих пор остаётся загадкой. Сведений о его смерти не смогли найти ни в 1957 году, когда по заявлению его вдовы Н. Б. Салько он был полностью реабилитирован ни теперь, когда я знакомился с его делом. Он сошёл с «физического плана» жизни, пользуясь выражением оккультистов как настоящий граф Сен-Жермен, не оставив никаких свидетельств о своей смерти...

МАТЕРИАЛЫ

Легенды русских тамплиеров²⁰¹

ЗОЛОТАЯ ЛЕСТНИЦА КОСМОСОВ

В стране Кемн²⁰² — Древнем Египте — существовало две касты жрецов и три отличавшихся друг от друга учения.

Одно из них было внешним, предназначенным для народа, и гласило, что после смерти человека его душа переселяется в другое тело в зависимости от того, какую жизнь вёл этот человек. Если он вёл себя благородно, то в своей последующей жизни он мог подняться на более высокую общественную ступень, воплотиться в жреца и даже фараона; если же он вёл себя недостойно, нарушал законы, то его душа должна была возродиться в теле слуги, раба, животного или растения.

Однако сами жрецы в это не верили. Они полагали, что переселение душ совершается не на нашей земле, а на других небесных телах, куда те переносятся в зависимости от поступков предыдущей жизни.

Но среди верховных жрецов была группа посвящённых, которые знали, что наш мир — мир жёлтых солнц — всего только песчинка в мироздании; что существуют иные вселенные, иные космосы. Их количество бесконечно, их разнообразие безгранично, как безграничны космические пространства, их разделяющие. И все эти миры — только светильники у подножия Бога Элоима, расположенные по «Золотой лестнице», идущей к престолу Бога Великого и Неизречённого²⁰³.

И учили жрецы, что ступенями этой Золотой Лестницы являются космосы, которые населяют снизу вверх люди, Леги, Арлеги, Араны, Отблески, Нирваны и Нирваниды, духи Инициативы, духи Силы, духи Познания, духи Гармонии, духи Света и, наконец, Эоны²⁰⁴. В

²⁰¹ Текст частями публиковался в журналах «Наука и религия», 1992, № 8, с.32-33 («Светильники у трона Бога») и «Литературное обозрение», 1994, № 3/4, 105-106 («Золотая лестница космосов» и «О двух Элоимах»). Комментарий Е. С. Лазарева.

²⁰² Кемн (Та-Кем — «Черная земля») — древнее самоназвание Египта.

²⁰³ Идея множества миров у современного читателя обычно ассоциируется с соответствующими индуистскими и буддийскими представлениями. Однако здесь уместнее вспомнить слова Христа из Евангелия от Иоанна, особо почитавшегося представителями многих неортодоксальных направлений в христианстве «В доме Отца Моего обителей много» (Ин. 14,2, где «Дом Отца» традиционно истолковывается как «Царство Небесное»). Именно словом «обители» называются обитаемые миры (человеческие и ангельские) в легендах тамплиеров. Что касается использования иноязычной (иноконфессиональной) для Египта терминологии, то это выглядит результатом поздней обработки легенд, не противореча известной концепции о едином истоке всех эзотерических знаний.

²⁰⁴ Иерархия миров Золотой Лестницы при кажущемся несхождении с традиционной христианской ангелологией обнаруживает родство с ней. Дело в том, что миры Легов и Арлегов (Ангелов и Архангелов) подразделяются на восемь разрядов каждый. Разряды мира Арлегов (в понижающемся порядке и с добавлением Легов, взятых как единый разряд) — Серафы, Керубы, Многоочитые, Троны, Господства, Силы, Власти, Начала, Леги — нетрудно соотнести с девятью чинами традиционной ангелологии (Серафимы, Херувимы, Престолы, Господства, Силы, Власти, Начала, Архангелы, Ангелы), которая выглядит как частный случай более глубоко разработанной ангелологии тамплиеров (если иметь в виду все миры Золотой Лестницы). Ступени Золотой Лестницы в орденовых легендах нередко обозначаются греческими буквами: люди — альфа, Леги — бета, Арлеги — гамма, Араны — тэта. Отблески — капта. Нирваны — ламбда, Инициативы — мю, Силы — ню. Познания — ро; Гармонии — сигма, духи Света — тау, Эоны — дельта, Эоны Мудрости — дзета. Использование греческих букв может восходить к гностическим традициям первых веков нашей эры, хотя неясно, почему выбраны именно эти буквы. Отметим только, что если заменить их древнегреческими цифровыми эквивалентами, они дадут в сумме число 766. Его так

некоторых из указанных разрядов духов существуют ещё свои подразделения. Так Леги делятся на вестников, магов стихийных сил, магов потухших солнц, водителей планет, богов лун и туманностей, звёзд знания и проводников света. Арлеги делятся на начала, власти, силы, господства, многоочитых, престолы (троны), керубов, серафов и так далее.

Вот как возникла населяемая нами бесконечность. Однажды в ней появились два Элоима²⁰⁵, чтобы создать вселенную. Элоим Верха выделил Логос, из которого вверх поднялась эманация Слова и океан душ высших. Элоим Низа выделил Хаос и океан душ низших. Элоим Верха поместил своё творение внизу, а Элоим Низа — наверху.

И стал Хаос опускаться на Логос душ высших, чтобы соединиться с ним. Но насколько опускался Хаос, настолько же уходил вниз Логос, так что соединение оказалось невозможным. Тогда переместили свои творения Элоимы, так что Логос душ высших стал опускаться на Хаос, который недвижно ожидал его. Казалось, сольются они, но при дальнейшем сближении слияние оказалось невозможным: Хаос не допускал до себя Логоса бушеванием стихийных сил.

Элоим Низа захотел создать новое начало, которое, слившись с Хаосом, стало бы началом посева, а Элоим Верха волил создать духов, которые разложили бы Хаос на его составные части и тем упорядочили бы его. И согласился Элоим Низа. Оба Элоима вне сферы прежнего творчества создали новую сферу, в которую упали семена Логоса. От них произошли прекрасные и могущественные духи Света, которые начали жить в этом космосе. Но когда Элоимы предложили им разложить Хаос, те отказались, говоря:

«Это вам надо, чтобы появились другие духи. Но творить стоит только равных нам или более совершенных. А поскольку лучше нас вы уже ничего не создадите, то и творить не следует». И стали подниматься в верха, откуда пришли Элоимы.

Тогда в новую сферу были брошены другие семена Логоса, давшие начало духам Гармонии, Познания, Силы, Инициативы. Эти духи стали выполнять волю Элоимов, изменяя Хаос. Духи Гармонии реют над Хаосом, смирняя его, а духи Познания, Силы, Инициативы разлагают его на свет абсолютный с прослойками света простого, на свет обыкновенный, на огонь, воду, движущийся воздух, материю, землю, пространство, время. Они выделили из Хаоса мир безумия, куда вошёл самый страшный элемент Хаоса, мир тьмы, мир мглы, мир причинности и всё, что только есть в мирах тяжёлого и материального.

Когда духи Гармонии увидели разложенный Хаос, их так восхитил свет абсолютный с прослойками света простого, что они решили сохранить его, зная, что свет абсолютный не потерпит в себе никакого мрака и отразит его. Для этого отразили они свет абсолютный в спокойной поверхности водного зеркала и увели воду. А в отражённое начало упали семена Логоса и появился в нём свет Логоса, превратившийся в непобедимых Аранов.

В свете простом появились Арлеги и Леги, соответствующие нашим представлениям об архангелах и ангелах. Четыре основные стихии вместе с прочими началами образовали земли, на которых нашли приют воплотившиеся души людей и животных. Океан душ высших дал людей, а океан душ низших — животных. Из других семян Логоса появились духи Времени и Причинности.

Во мгле, извлечённой из Хаоса, зародились лярвы, а там, где мгла соприкасается с тьмой, возникли лярвы, подобные Легам. Семена Логоса падали и в абсолютную тьму, и в тьму простую, и там возникали могучие духи, которые тотчас же начинали борьбу со мглой и тьмою, не желая оставаться в этих началах и стремясь подняться, чтобы занять место рядом с Элоа. Это

называемый «мистический корень» равен 1 ($7+6+6=19$, $1+9=10$, $1+0=1$), и Золотая Лестница как бы развертывается вниз из Божественной Единицы.

²⁰⁵ В данном случае подразумеваются два демиурга (творца). — А.Н.

были тёмные Арлеги, Князья Тьмы, и тёмные Леги. Они поднимались очень быстро, так что по своей мощи тёмные Арлеги стали превосходить светлых Арлегов. Но на своём пути восхождения они не научились различать добро и зло, неся в себе неизжитые элементы Хаоса.

Так поднимались они до тех пор, пока не встретились с Аранами.

Араны зародились из семян Логоса, упавших в отражение света абсолютного. Но уведённая духами Гармонии стихия воды постоянно возвращалась в космос Аранов, заливая вновь созданный мир. На помощь Араны призвали стихию огня, который изгнал воду, и часть его осталась в их космосе. Из этого огня в сплаве с огнём мистическим, в водной стихии отражённым, выковывают свои огненные мечи Араны.

Но Элоимы продолжали создавать всё новых и новых духов, и духи эти в поисках, где бы им поселиться, появлялись в космосе Аранов. К ним приходили духи Причинности, Времени, Кармы, даже духи Тёмного Царства. Но когда ворвались к ним духи Безумия, истощилось терпение Аранов, и потребовали они от Элоима Низа, чтобы он оградил их от порождений Хаоса. Но тот не ответил Аранам, и они прокляли Элоима Низа за его творения, так что тот вынужден был покинуть нашу вселенную вместе с главными духами стихий Хаоса.

Тогда сплотились Араны против оставшихся и изгнали их из своего космоса, поклявшись не пропускать в верха ничего, что несёт в себе элементы Хаоса.

А в верхней части Логоса появились Эоны, облёкшиеся в абсолютный свет. И хотя находились они выше всех других космосов, но добровольно переместили свой космос между космосами Аранов и Арлегов, чтобы стать ближе к тем, кто нуждается в их помощи.

Когда Элоим Низа удался из нашей вселенной, с ним ушли не все духи, обитавшие во мгле и в тьме. Узнав, что существуют более высокие космосы и что им придётся долго и мучительно подниматься из тьмы к свету, эти духи, не считаясь с волей Элоа, захотели силой прорваться в верха. Но тут несокрушимой преградой встали на их пути Араны, поклявшиеся не пропускать в верха элементы Хаоса.

Встретив несокрушимую преграду, Тёмный Арлег, предводитель тёмных духов, обратился к Элоиму Верха с требованием пропустить их к себе. Но Элоим Верха не ответил тёмным, а Араны заявили, что даже если бы Элоа приказал им пропустить тёмных духов, они бы не выполнили такой приказ.

Тогда-то и объявили духи Тьмы войну Элоа, но не в силах подняться, заменили её войной с теми духами, которые стремятся подняться к Свету. Они совлекают их с истинного пути, отвлекают в сторону, увлекают обратно во тьму, уверяя, что Света и Верхов не существует. Главное же, напускают на земли людей лярв, животных своих миров, которые развращают людей, вносят хаос и тьму в их сознание, толкают на путь зла. Лярвы и встают перед людьми, препятствуя им в восхождении по Золотой Лестнице космосов к Богу Великому, которая открыта для всех духовных сущностей.

Космосы, по Золотой Лестнице расположенные, — это те, о которых говорит нам мистика²⁰⁶. Принимая наш мир, мир людей, за мир четырёх измерений, космосы Золотой Лестницы кратны квадрату измерений предыдущего. Так космос легов имеет 16 измерений, космос Арлегов — 256 измерений, космос Аранов — 65 536 измерений, и так далее²⁰⁷.

²⁰⁶ Мистика в контексте орденских легенд означает тайноучение о высших мирах.

²⁰⁷ Представления о многомерности ангельских космосов позволяют описывать духовные явления с позиций математики. Проекция одного и того же многомерного объекта в наш мир дадут множество разнообразных трехмерных форм, что можно сопоставить с многозначностью, вариантностью описаний духовного мира, скажем? явлений ангелов и святых (простая геометрическая параллель: обычный трехмерный цилиндр в проекции на двухмерную плоскость может выглядеть как круг или прямоугольник, которые совершенно различны с точки зрения символического толкования, хотя цилиндр в данном случае один и тот же).

Существуют как бы «промежуточные» космосы пяти, семи, двенадцати и другого количества измерений, а также «привходящие» космосы — времени, пространства, блуждающих духов, меняющихся образов, теней, звуков и пр.

Космосы, расположенные по Золотой Лестнице, более гармонизированы, более завершены в своих проявлениях, чем космосы промежуточные, поскольку в космосе, скажем, пяти измерений имеются большие возможности для развития его обитателей, чем в космосе людей, но, благодаря отсутствию в нём совершенной гармонии, в него чаще врывается Хаос.

Примером космосов меньшего количества измерений, чем мир людей, могут служить космосы звуков, теней, зеркальных отражений, меняющихся образов и так далее. В этих космосах нет ничего постоянного, там происходят непрерывные изменения: цветок через мгновение может стать книгой, червяком, бабочкой, деревом... И все эти космосы не изолированы, а проникают друг друга²⁰⁸.

Причиной перехода духовной сущности из одного космоса в другой является изменение силовых линий, проникающих вселенную, и карма. А кажущиеся бесконечными пространства, разделяющие эти космосы (хотя они и проникают друг друга) служат для встреч их обитателей, которые не могут иначе проникнуть в иной космос, кроме как приняв на себя действие его законов, преобразующих сущность до неузнаваемости²⁰⁹.

БУНТ САТАНАИЛА²¹⁰

Мирны²¹¹ лет тому назад, а может быть и вчера, ибо мистика не знает времени, в космосе Арлегов двухсот пятидесяти шести измерений шла асса²¹².

Прекраснейший из Серафимов — Сатанаил — возмутился против установленных Богом Элоимом законов восхождения по Золотой Лестнице. И сказал он:

— Пусть сорвут Арлеги Печать Окультного Молчания со своего космоса для космосов низших. И снимутся тогда по законам окультного соответствия и для нас Печати Окультного Молчания с космосов высочайших, и откроется свободный путь по Золотой Лестнице, и все духи поднимутся и станут рядом с Элоимом...

Но встретил Сатанаил отпор в лице Михаила, охраняющего Печати Окультного Молчания, и не удалась его попытка. Зазвенел тогда по космосам призывный клич Сатанаила — Легов звал он к себе на помощь. И явился весь космос Легов, и незваными прилетели к нему тёмные Леги, Князь Тьмы и тёмные Арлеги; словом, всё Тёмное Царство прилетело к нему²¹³. Не

²⁰⁸ Подобные образы прочно вошли в фантастическую литературу XX века, в искусство кино (мультипликация), но, возможно, они имеют и древний источник.

²⁰⁹ Переход в более высокий мир рассматривается в легендах тамплиеров и в отчасти известных нам посвященных ритуалах древности как приобретение нового, более совершенного тела. Символом этих новых тел выступают, например, одежды, возлагавшиеся на египетского посвящаемого в описании Апулея (Метаморфозы, XI, 24). Нисхождение же — сознательное или вынужденное — по лестнице миров означает мучительное лишение этих тел (вспомним месопотамский миф о сошествии в подземный мир богини Иштар, когда стражи врат, через которые она проходит, постепенно отбирают у неё все одежды и украшения).

²¹⁰ Печатается по тексту, опубликованному в журнале «Наука и религия», 1992, № 9, с. 23. Комментарии Е. С. Лазарева.

²¹¹ *Мирны* — мириады, неопределенно большое количество. Впрочем, в орденских легендах встречается и такое выражение, как «полмирны».

²¹² *Асса* — «битва», одно из слов священного языка легенд. Возможные лингвистические параллели: франц. *assaut* — штурм, натиск (от латинского *assilire* — нападать, бросаться; др. греч. *астосо*) — устремляться, спешить. Другие образы, характерные также лишь для орденских легенд (например, Печать Окультного Молчания, мистические солнца и кометы), понятны из контекста.

²¹³ Это ещё раз напоминает, что «тёмные силы» существовали и до отпадения Сатанаила.

смог Михаил противостоять таким силам. И сорвал Сатанаил первую Печать Окультиного Молчания, Печать знания, и знание широко разлилось по космосам.

В свою очередь зазвучали тогда трубы Михайлов, увидевших, что не могут они одни охранять Печати Окультиного Молчания, — звали они на помощь и обращались они к Господствам. Но нейтральными остались Господства, так как не хотели сражаться с Сатанаилом, свободным его считая.

На призыв Михайлов откликнулись только Начала. Они окружили весь космос Арлегов магическим кругом мистических комет, и тогда в космосе остановилось время. Но не пожелали Серафимы внутри магического круга Начал оставаться. Своими мистическими солнцами растопили они прилегающую цепь круга. Как бы над космосом Арлегов встали Михайлы, а Сатанаил, тоже не захотевший внутри круга оставаться, получил возможность свободно входить и выходить из него.

И ещё одним магическим свойством обладал магический круг Начал — свойством не выпускать в себя ничего чуждого ему и сразу выбрасывать всё чужое. И выброшены были из него тёмные Арлеги, Князь Тьмы и тёмные Леги, и упали они во тьму. И выброшены были из него Леги, и упали они в свой космос шестнадцати измерений. Но после блеска, великолепия и роскоши космоса Арлегов бесконечно серым и тусклым их космос им показался. И решили они сделать попытку его покинуть и в космос Арлегов подняться. Но, не надеясь на свои силы, призвали они на помощь силы стихий и в могучей хорее²¹⁴ бросились в бой.

Алмазной стеной встретил их магический круг мистических комет, и отброшены были Леги. Но так как теперь карма их была отягощена тем, что в борьбе высших духов между собой они призвали стихийные силы²¹⁵, то они не смогли удержаться в своём космосе шестнадцати измерений и упали в космос восьми измерений. А в космосе Арлегов продолжалась асса. На свободе остался Сатанаил, и ни слова упрёка не было ему сказано, только отлучили его Серафимы от своих мистических собраний (а в послании апостола Иуды сказано, что не мог Михаил произнести суда над ним²¹⁶).

ГОЛУБОЙ АРЛЕГ²¹⁷

Некогда в Египте жили два воина. Оба они были посвящены в тайны высокой религии жрецов, и связывала их тесная дружба. А у царствовавшего тогда фараона была дочь, слава о красоте которой далеко разнеслась за пределами Египта. Однажды оба воина увидели её и одновременно влюбились, но ни один из них не сказал об этом другому. Но каждый стал думать, как завоевать её сердце.

Чтобы заслужить благосклонность принцессы, один из воинов собрал войско и во главе его отразил набег кочевников, часто в то время беспокоивших страну. Он явился во дворец победителем, открылся принцессе, просил её руку и сердце, но получил отказ.

²¹⁴ *Хорея* — хоровод, воинство небесных сил. В древнегреческом языке слова с этим корнем со времен античности использовались для описания божественного мира.

²¹⁵ Стихийные духи, много примитивнее Арлегов (Архангелов), а потому их привлечение было недостойно последних.

²¹⁶ «Михаил Архангел, когда говорил с дьяволом, споря о Моисеевом теле (после кончины Моисея — см. Втор., 34, 6), не смел произнести укоризненного суда, но сказал: «да запретит тебе Господь» (Иуд., 1, 9) — другими словами, воздаяние находится в руках Бога, а не Архангела (и, тем более, не человека). Сюжет о бунте Сатанаила этим фрагментом не исчерпывается, развиваясь в других легендах.

²¹⁷ Текст опубликован в журнале «Литературное обозрение», 1994, № 3/4, с. 106-109.

Второй воин вошёл в коллегию жрецов и сумел склонить её на сторону царствующей династии, благодаря чему предотвратил волнения в стране. Он также открылся принцессе и также получил отказ.

Вскоре принцесса вышла замуж за того, кого она любила, но между прежними друзьями с тех пор возникла тайная вражда. Эта вражда сопровождала всю их жизнь, и только когда оба состарились, они осознали, как мелко и недостойно было это чувство. Они примирились, и в обоих возникло желание каким-либо подвигом загладить то недостойное чувство, которым они запятнали свою земную жизнь. Умерли они почти одновременно и вскоре встретились в космосе «Легов в золотых доспехах».

Однажды в космос «Легов в золотых доспехах» прилетели «Леги в голубых доспехах», чтобы провести совещание. Присутствовали и оба воина. И вдруг они заметили, что за границей их космоса находится какой-то чрезвычайно могучий тёмный Лег и напряжённо прислушивается к тому, о чём говорят собравшиеся. Он был весь окутан густой мглой, и видны были только напряжённые уши. И так настойчиво прислушивался этот тёмный Лег, что воины почувствовали к нему сострадание и желание помочь ему освободиться от окружающей его мглы. С этой просьбой они обратились к Легам, и те пригласили его войти в их космос.

Спросили его «Леги а голубых доспехах»:

— Чего ищешь ты? К чему прислушиваешься так напряжённо?

Ответил тёмный Лег:

— Я ищу возможности от мглы освободиться.

— Зачем тебе это? Что ты будешь потом делать?

— Освободившись от мглы, я освобожусь от власти Князей Тьмы и тёмных Арлегов, сам стану Арлегом.

— Почему ты хочешь освободиться от их власти? Разве так тяжела ваша участь?

— Конечно, — ответил тёмный Лег. — Ведь они посылают нас в миры низшие, где мы должны задерживать стремление низших космосов в верх. Князья Тьмы и тёмные Арлеги говорят нам, что все мы боремся с несправедливостью, боремся с Элоа, чтобы заставить его пропустить нас вверх, к нему.

— Как это неразумно, — сказали «Леги в голубых доспехах».

— Но что ты будешь делать, если мы освободим тебя от мглы?

— Я вернусь в Тёмное Царство, чтобы прекратить там борьбу с Элоа, буду бороться против зла. Я буду звать всех обитающих там к свету, над злом сияющему...

Тогда «Леги в голубых доспехах» сняли с него мглу и окутали своей голубой дымкой, так что уже никакая мгла не могла теперь пристать к Легу, ставшему теперь Голубым Легом.

Быстрее молнии понёсся Голубой Лег в Тёмное Царство. Бесконечно простиралась вокруг него тьма, когда, наконец, выступила перед ним фигура тёмного гиганта. Обратился к нему Голубой Лег:

— Скажи, где происходит собрание Светозарных?

— Видишь, там далеко виднеется светлая точка? — показал ему Князь Тьмы сияющую красным пламенем искру.

Голубой Лег повернул голову, и в это время страшный удар обрушился на него, и почувствовал он, что падает в неизмеримую глубину. Наконец, невероятным усилием удалось ему расправить свои крылья, задержать падение, а потом и подняться снова из тьмы, в которую его погрузил удар. И не пристала, не охватила его мгла, только слышалось ему, как невидимые духи Бешенства шептали ему в уши: «Ударь, ударь Князя Тьмы! Отомсти за его удар!»

Но Голубой Лег только отмахнулся от духов Бешенства и полетел к видневшейся вдалеке искре. По мере того как он продвигался вперёд, всё сильнее разгоралась искра, и скоро

гигантское красное пламя охватило полнеба. Увидел на фоне этого могучего пламени Голубой Лег громадные силуэты собравшихся. Приветствовали его тёмные Арлеги словами:

— Привет тебе, новый собрат! Мы принимаем тебя! Отныне ты становишься одним из нас — Арлегом! Мы знаем, что теперь мгла не пристаёт к тебе, что мощь твоя победила духов Бешенства...

И Лег, ставший теперь Голубым Арлегом, стал говорить Светозарным, чтобы они прекратили борьбу с Элоа. Но отвечали тёмные Арлеги:

— Не можем мы на это согласиться, потому что так решено было изначально. И если мы сделаем это, то изменится наше Царство, а с ним и все мы потеряем силу...

Но ответил им Голубой Арлег:

— Ваша борьба не трогает Элоа, не знающего времени. Вы тратите свои великие силы на то только, чтобы помешать мирам иным подняться в верха. Неужели же сила могучих духов пригодна лишь для того, чтобы мешать в восхождении слабым?

И продолжал он звать Светозарных к тому, чтобы согласовали они свою волю с волей Элоа и перестали бы творить зло в низших космосах. Но Светозарные не стали его слушать. Они заявили, что не могут бороться с ним, ибо никогда Светозарные не враждуют друг с другом, однако вынуждены отлучить его от мистического общения с собой. И в то же мгновение исчезли все Светозарные, оставив во тьме одного Голубого Арлега.

Полетел Голубой Арлег по Тёмному Царству, призывая его обитателей отказаться от борьбы с Элоа, но мало кто был расположен слушать его. Когда же он встречал тёмного Арлега и хотел приблизиться к нему, тот исчезал. И тогда Голубой Арлег понял, что обречено на неудачу задуманное им дело, и вернулся он к «Легам в голубых доспехах», чтобы просить у них совета.

А два прежних воина всё ещё пребывали в космосе «Легов в золотых доспехах» и не знали, какой совершить им подвиг. Но наконец дошла до них весть, что в далёкой вселенной находится космос чарн — животных мира Эгрегоров²¹⁸. С некоторых пор стало известно, что этому космосу и всем его обитателям грозит гибель. Между тем час их преобразования был ещё далёк, а это означало, что катастрофа в их мире отодвинет их восхождение в верха на долгое время. Решили два воина переселить обитателей космоса чарн в какой-то иной космос, но оказалось, что об этом нечего и думать. Хотя после долгих поисков они нашли такой опустевший космос, но дорога к нему была столь трудна и полна превратностей, что мысль о переселении пришлось оставить. И воины отправились за советом в космос «Легов в голубых доспехах», а по пути встретили летевшего туда же Голубого Арлега, который тоже летел за советом. Услышав о космосе чарн, загорелся и он желанием помочь несчастным.

Но «Леги в голубых доспехах» только горестно покачали головами, когда выслушали прибывших. Да, они знали, каким образом можно спасти космос чарн, однако единственное возможное средство столь трудно, что никто на это не согласится. Когда же прибывшие продолжали настаивать, «Леги в голубых доспехах» сказали им следующее:

— Чтобы спасти космос чарн, надо, чтобы нашёлся дух, готовый на великую жертву: он должен согласиться, чтобы его вковали в основание космоса чарн. При этом его ждёт почти полное уничтожение как свободного духа. Всё остановится для него, всё забудет он — своё развитие, свои достижения, свою духовность — и навеки сольётся с материей. Даже забудет он самого себя. Но будучи вкован в дно космоса, он сохранит его, потому что разваливается космос чарн оттого, что из него ушли духи, его державшие...

²¹⁸ Эгрегоры — боги Света, созданные Абсолютом для строительства Вселенной и обитателей воплощения. — А. Н.

Тогда Голубой Арлег заявил, что готов на эту жертву и просит сделать с ним всё, что требуется для спасения космоса чарн. Жалея, стали его отговаривать «Леги в голубых доспехах»:

— Зачем тебе надо стремиться к этому? Много великого и прекрасного ты сможешь сделать и помимо такого подвига. Ведь тебя здесь ждёт уничтожение!

— Как! — воскликнул Голубой Арлег. — Моя помощь нужна именно здесь, а я буду искать чего-то, что спасёт моё существование, в то время как погибнет целый космос с его обитателями? Нет, я готов исчезнуть...

Но «Леги в голубых доспехах» продолжали отговаривать его, убеждая, что мало одного только желания — нужно ещё, чтобы хватило сил, потому что только очень могучий дух способен скрепить распадающуюся материю дна космоса.

Но Голубой Арлег вместо ответа взялся за космос Легов и слегка приподнял его. Поразились такой невероятной мощи «Леги в голубых доспехах» и уже не нашли ничего возразить Голубому Арлегу. Вместе они отправились в космос чарн и сообщили о решении Голубого Арлега. Радость и ликование сотрясли космос. А «Леги в голубых доспехах» расстелили свои голубые плащи, на которые лёг Голубой Арлег, сковали его громадными цепями и огромными молотами вбили его в дно космоса, скрепив им материю...

Пронеслась в мирах слава о Голубом Арлеге и его подвиге. Говорили духи всех космосов, что никогда не забудут о его великой жертве и, пока стоит Вселенная, бесконечно будут о нём помнить. Но прошли мириады веков, и все забыли о Голубом Арлеге. Забыли о нём даже в космосе чарн, который он спас своей жертвой. И помнили о его подвиге только два воина, которые хотели найти возможность освободить героя, полагая, что для них это будет как раз тот подвиг, о котором они мечтали ещё в Египте. Решили они снова обратиться к «Легам в голубых доспехах», чтобы спросить, каким путём можно освободить Голубого Арлега. Но когда они достигли их космоса, то ничего не смогли узнать. Посоветовали им «Леги в голубых доспехах» обратиться к Сатлаам²¹⁹, собравшимся в космосе Арлегов, и подняли туда двух воинов.

А Сатлы собрались, чтобы обсудить, как им теперь сноситься с мирами, выше их космосов лежащими. С тех пор, как Серафы исключили Сатлов из своих мистических собраний, своих ритов, лишились они возможности с высшими мирами входить в сношение. Говорили между собою Сатлы:

— Нам необходимо иметь свои риты, свои ритуалы, и весь вопрос в том, как это сделать. Стало быть, надо самим создавать риты...

— Не нужны вам риты, — отвечали Арлеги. — Нет никакой разницы в собраниях, всё равно — ритное оно или не ритное. Лучше ритных собраний совсем не устраивать, а заниматься продуктивной работой, помогая другим обитателям космосов.

— Нет, — упорствовали Сатлы, — только через ритные собрания мы вступаем в общение с мирами высокими, а без этой мистики, без сообщений из выше лежащих миров нельзя нам. Тоска и апатия воцаряются тогда среди нас. Вопрос весь в том, можем ли мы сами свои новые риты придумать или должны искать древние?

На это некоторые из них возражали, что действенны только древние риты, а новые, самовольно придуманные, будут недействительны. Другие же говорили, что и придуманные будут действенны, если на них удастся получить санкцию миров высоких. Так обсуждали Сатлы свой вопрос и, поскольку не могли прийти к одному решению, надумали снарядить экспедицию в одну из далёких бесконечностей, где обитали духи Мудрости, которым было известно всё прошлое, настоящее и многое из будущего. А поскольку Сатлы тоже не знали, как освободить Голубого Арлега, то воины попросили их взять с собой в эту экспедицию.

²¹⁹ Сатанаилы, тёмные Арлеги. — А. Н.

Вынуждены были Сатлы согласиться на их просьбу, хотя указывали на невероятные трудности такого путешествия. Но воины настаивали. Тогда Сатлы окутали воинов и себя материей своего космоса и помчались к далёкой бесконечности, где обитали духи Мудрости «только на вопросы отвечающие». И, наконец, достигли их обителей.

Спросили Сатлы духов Мудрости, могут ли они установить свои рит?

— Конечно, — ответили духи Мудрости. — Ведь рит не может принудить кого-либо из высших спуститься к вам, но он создаёт чистую атмосферу собрания и облегчает духовный подъём. Редко, очень редко посещают рит высокие гости, но эманации их всё же оседают участников рита. А потому безразлично, есть ли какая-либо древность у рита: всё дело в участниках собрания и в их устремлениях к высотам. Поэтому вы, Сатлы, вполне можете установить тот рит, который сами создадите.

— А чем закончится наша борьба с Михаилами? — спросили Сатлы. — Продолжать ли нам эту борьбу?

— Пока между вами и Михаилами идёт борьба, — ответили Мудрые, — вашей борьбой пользуется Тёмный Арлег и творит своё тёмное дело, мешая низшим космосам вверх подняться.

Спросите у Арлегин, что делать вам дальше.

— О! — воскликнули Сатлы. — Арлегины давно уговаривают нас помириться с Михаилами!

О многом спрашивали Сатлы у духов Мудрости «только на вопросы отвечающих», а когда они закончили, обратились к Мудрым воины и спросили: есть ли средство освободить Голубого Арлега?

— Да, — ответили духи Мудрости, — мы знаем о его великом подвиге и великой жертве. Чтобы освободить его, вам надо обратиться к духам Инициативы и попросить их помочь вам, только скажите, чтобы они не забыли захватить с собой частицу материи своего космоса. А если всё это им будет трудно, то пусть призовут на помощь духов Силы.

После этого Сатлы и воины вернулись в космос Арлегов. Оттуда, с помощью Сатлов, воины поднялись в космос Аранов, а там Элара²²⁰ поднял их в космос духов Инициативы. И когда воины рассказали им о своей просьбе, согласились те помочь Голубому Арлегу. Они взяли с собой материю своего космоса, пригласили двух духов Силы и вместе с воинами полетели в космос чарн.

Там из материи своего космоса они сковали новое дно для космоса чарн, а затем стали руками разрывать, раздроблять старое дно, постепенно освобождая контуры огромного тела Голубого арлега. Тогда только вспомнили чарны о жертве Голубого Арлега, и всё её величие встало перед ними и захватило их настолько, что бросились они помогать его освобождать, забыв, что освобождение его может угрожать всему их космосу.

И, увидев это, бежали нависшие над космосом чарн тёмные силы, выжидавшие удобного момента, чтобы напасть на духов Инициативы, ибо поняли, что после обнаружения жертвы Голубого Арлега не имеют они никакой власти над обитателями космоса чарн.

Наконец был освобождён от материи Голубой Арлег, и духи Силы порвали последние цепи, сковывавшие его. И он встал, подобно сверкающему голубому солнцу, исполненный новых сил и нового мужества. А в космосе чарн было поставлено новое дно, скованное духами Инициативы.

Улетели все из космоса чарн, рассеялись все по своим космосам, а духи Инициативы пригласили Голубого Арлега подняться когда-нибудь к ним.

²²⁰ Элара — пластическая сизигия Эльана (Человека, Сына Божьего). — А. Н.

И вот настало время, когда Голубой Арлег стал подниматься и достиг космоса Аранов. Вышли они все из космоса во главе с Элара, чтобы приветствовать Голубого Арлега, подарили ему голубой сияющий шлем, обещали всегда помощь, но сказали ему:

— Не можем мы пропустить тебя через свой космос, хотя и считаем тебя своим товарищем, ибо есть ещё в тебе хаос, в который ты не спускался, чтоб от него очиститься. Наша же клятва запрещает нам пропускать к верхам тех, кто не освободился от хаоса. Но есть обходная дорога. Правда, она ведёт через огненное озеро и вселенную Дракона, но что тебе до того? Ведь ты — Могучий!

И решил Голубой Арлег идти путём, ему Элара указанным.

Но едва вступил Голубой Арлег во вселенную Дракона, как тотчас окружили его духи, в тесноте мистической пребывающие, звери большие и малые, драконы и воинства их... Все они просили Голубого Арлега, чтобы он вывел их из этой вселенной, представляющей собой огненное серное озеро. Обещал им помочь Голубой Арлег.

— Но раньше, — сказал он, — должен я выполнить обещание и подняться к духам Инициативы. А потом я постараюсь помочь вам...

Достиг Голубой Арлег духов Инициативы, и радостно приняли они его в своём космосе. Говорили они, что теперь он может остаться у них навсегда, чтобы отдохнуть от страданий, которые перенёс в космосе чарн. И в это время появился перед ним дух Света, державший в руке чашу с напитком мистическим.

— Выпей её, — сказал Голубому Арлегу дух Света, — и тогда ты и в наш космос поднимешься. Ты сам станешь духом Света, и никогда уже тебе не придётся в низы спускаться...

Но Голубой Арлег отклонил от себя и приглашение духов Инициативы, и чашу духа Света, сказав, что не может остаться в верхах, потому что дал он обещание помочь обитателям серного озера. И, простившись с ними, начал свой спуск вниз.

И опять окружили его обитатели серного озера, прося об избавлении и обещая навсегда отказаться от борьбы против творцов их вселенной и против добра, если он их выведет отсюда. Согласился Голубой Арлег и сказал, что единственный для них путь спасения — идти в глубокий Хаос и оттуда начинать подъём к высоким мирам. Отвечали обитатели огненного озера, что они готовы на это, но только если пойдёт с ними и Голубой Арлег.

И снова, не поколебавшись ничуть, пошёл с ними Голубой Арлег в низы, даже не вспомнив, что звали его к себе духи Инициативы и духи Света. Проходили они космосы и расступались перед ними стражи, когда видели среди обитателей серного озера Голубого Арлега в его сияющем шлеме, который подарили ему Араны. Близки они были уже к Хаосу, уже рокот стихийных сил доносился до них, когда их встретили три Эона.

— Что можем мы подарить Голубому Арлегу, идущему в Хаос? — спросил Эон Любви.

— Ничего не надо ему, ничего не примет он от нас, — ответил Эон Воли.

— В таком случае, — сказал Эон Мудрости, — даруем ему забвение прошлого на всё то время, пока он будет работать в Хаосе, с тем, чтобы мог он всё вспомнить потом, когда свершатся предначертанные времена!

И спустился Голубой Арлег в Хаос, чтобы выполнить предначертанное — то, что выбрал он по своей воле и по своему желанию.

АТЛАНТИДА²²¹

Мне скоро исполнится семьдесят лет, я уже глубокий старик, и за свою долгую жизнь я многое видел и многое слышал. От моего друга Кора я слышал рассказ об Атлантиде, который

²²¹ Текст опубликован в журнале «Литературное обозрение», 1994, № 5/6, с. 58—59.

отличался от рассказов Платона или Бэкона. Один из них сочинил утопию, а другой знал только о тех поселениях, которые остались после атлантов и выродились в варварские общежития. Что касается рассказа Кора, то он передавался на протяжении тысячелетий в его семействе из рода в род, от одного поколения другому. Вот о чём он рассказал мне.

На том месте, где ныне находится Атлантический океан, в далёкие времена, когда наше солнце сияло ещё белым, а не жёлтым светом, жило племя могучих великанов, называвших себя «атлантами». Удивительно развитой была их материальная культура. Они обладали чудодейственными машинами, искусственными крыльями для полётов над землёй, сокрушительным оружием для истребления зверей, которых мы называем «допотопными»... Множество полезных изобретений делало жизнь атлантов более богатой и разносторонней, чем жизнь людей XX столетия, хотя мы и гордимся нашими открытиями и техническими достижениями. Атлантам была известна скоропись, которая превосходила нашу стенографию, у них были механические книги, а наука в целом стояла на такой высоте, о которой нам трудно судить. И очень важно отметить, что все атланты жили чрезвычайно долго, в десятки и сотни раз дольше, чем современный человек. Чем это обусловлено, сейчас неизвестно, но, по-видимому, у них были очень здоровые организмы, а болезненные бактерии не могли жить под лучами ослепительного белого солнца.

Среди прекрасных дворцов атлантов, похожих на сказочные замки, были разбросаны дома, напоминавшие наши постройки. В них жили гиперборейцы — низкорослые, малоразвитые люди, пришедшие в страну атлантов с севера. У атлантов не было городов. Их дома были разбросаны на всём пространстве их прекрасного материка, но на некотором расстоянии друг от друга были построены как бы культурные центры — громадные здания для общих собраний, помещения для библиотек, коллекций, залы для лекций, здания высших и начальных школ, мастерские, лаборатории, театры и концертные залы. Здесь же находились склады для товаров, которые производились в мастерских.

Частные дома были чрезвычайно просторны даже для обитавших в них атлантов, а их внутреннее убранство зависело исключительно от желания их обитателей, потому что всё, что они хотели иметь в своих жилищах из мебели и предметов роскоши, всё это они могли безвозмездно получить из общественных складов. Больше того, каждый имел право получать не только имевшееся в наличии, но и заказать отсутствующее в надлежащей мастерской или, подобрав товарищей, основать новую мастерскую для ещё несуществующих изделий. Построенные атлантами машины для изготовления предметов первой необходимости были столь совершенны, что давно уже сделали рабочий день очень коротким, поэтому большая часть желающих работать трудилась в мастерских для изобретений столько времени, сколько им хотелось. При этом надо заметить, что предметами первой необходимости атланты считали и такие вещи, которые мы полагаем предметами изысканной роскоши.

Пища атлантов состояла из небольших сравнительно с их ростом доз высокопитательных веществ, но при желании к ней можно было присоединять и вкусовые вещества, напоминавшие нашу пищу. Однако мясо было совершенно исключено из рациона атлантов, которые испытывали непреодолимое отвращение перед пожиранием трупов убитых животных. Атланты уничтожали диких зверей только ввиду их опасности. А поскольку в то время наша планета была населена огромными и страшными чудовищами, впоследствии погибшими от различного рода катаклизмов, то на границах Атлантиды, в нескольких десятках вёрст от последних поселений атлантов, находилась постоянная стража, которая, перелетая с места на место, мощным оружием уничтожала особо вредных из этих чудовищных зверей.

Иногда группы молодых атлантов, хорошо вооружённых, отправлялись в далёкие экспедиции для изучения других стран.

В особом почёте, даже преимущественно перед науками, у атлантов были различные искусства, в том числе музыка, ваяние и живопись, темами которых была жизнь миров нездешних, куда проникали атланты своим духовным взором.

В начальных школах атланты пользовались для концентрации внимания учеников чем-то вроде гипноза, что для высших школ было уже излишним. Особое внимание обращали на гимнастику в школах, так что вся молодёжь принадлежала к различным гимнастическим обществам. Там же, в школах, учащиеся обучались искусству летать на механических крыльях.

Семейства атлантов были очень дружны между собой, но взрослые дети, как правило, селились отдельно от родителей. У атлантов наблюдалась строгая моногамия, разводы были редки и происходили только в том случае, если оба супруга считали желательным развестись, чтобы создать новые семьи. Ничего похожего на правительство атланты не знали, в этом отношении у них была полная аkratия. Те же дела, которые требовали участия многих атлантов, делались ими по взаимному соглашению и осознанной необходимости.

Как я уже сказал, в то счастливое время атланты не знали болезней. Атлант умирал лишь в том случае, если хотел перейти в другой мир. В этом случае его тело сжигалось. Впрочем, у атлантов была особая болезнь, которой они подпадали столь же часто, как мы — простуде. Будучи подвержены мистике, атланты начинали порой жить в мире, который мы назвали бы миром иллюзий или галлюцинаций, возникавших от желания представить себе жизнь других миров. Происходило это оттого, что все атланты знали о конце эпохи белого солнца, на смену которой через многие миллиарды лет придёт эпоха жёлтого солнца. Их учёные были заняты поисками средств, чтобы побывать в той эпохе после своего ухода в миры высшие. Другие учёные были озабочены тем, чтобы передать последующим поколениям, которым придётся жить под жёлтым солнцем, некоторые из своих знаний, в том числе — свои религиозные взгляды. Для этого они создали группу лиц, которая должна была передавать эти знания из поколения в поколение.

Суть религии атлантов заключалась в том, что некогда, мириады мириад лет назад на Земле жили предки атлантов — великаны. А в мирах нездешних измерений жили духовно более высокие существа, между которыми возникла распря. Часть этих духов, находя слишком длинным и скучным тот путь, который был предопределён для их поднятия в миры более высокие, решила силой пробить себе дорогу в Высшие миры, чтобы сравняться с Великим Богом. Но они потерпели неудачу. Часть потерпевших поражение решила готовиться к новой битве, а другая часть восставших против предопределения решила искупить свой проступок, заключавшийся в том, что они призвали себе на помощь низших духов, далеко стоявших от светлого начала. Чтобы искупить это, раскаявшиеся слетели на Землю и вошли в тела атлантов. Через них атланты и узнали многое из жизни сфер высоких.

Они узнали, сколь многочисленны миры, лежащие за космосом золотисто-жёлтых солнц; узнали, сколь бесконечно число бесконечностей, населённых разумными сущностями. Главное же — они узнали, что превыше Элоа стоит Великий Бог, дать определение которому невозможно и к которому нельзя применить ни одного эпитета, имеющегося на языках людей и духов. Он тот, о котором можно сказать «он есть», но нельзя сказать «он существует», так как последнее будет уже целиком человеческим понятием.

Тогда же узнали атланты, что их фантазии возникают не сами по себе, а являются искажёнными отражениями идей и явлений Других далёких миров. И что, постоянно совершенствуясь, работая над собой, их духовные сущности будут восходить всё выше и выше по Золотой Лестнице космосов к храму Великого Бога...

О ГРААЛЕ²²²

1. Я, Аппер, пишу тебе, Соммий, о странном. Удивительно изменились семь знакомых мне женщин — стали добрее, умнее, деятельнее. Все они говорят: «Упали в нас звёзды и превратились в наших физических телах в тела астральные...» Женщины, озарённые звёздами, почувствовали в себе как бы иное начало. Они говорят: «С высот сошли в нас могучие духи, решившие искупить свои прегрешения, когда, во время борьбы с духами высшими, призвали себе на помощь какие-то стихийные силы...» Станные речи говорят теперь эти женщины, вроде того, что на какой-то планете не только само тело, но и душа какого-то великого духа были положены в некую чашу, называемую Грааль. А теперь, утверждают они, и их тела после схождения в них звёздного начала стали подобием этого Грааля. Ярче стала их жизнь, духовнее и интереснее. И на нас, мужчинах, отразилось это. Прибудь и убедись.

2. Аппер Соммию — привет. Я чувствую, что и на меня снизошёл дух высокий. Внезапно я понял, что не одни мы в мире, есть многое выше нас, и мы сопряжены с Граалем. «Чаша» эта, в которую жертвенная кровь Эонов во всех мирах изливается, не более как образ, потому что она все миры охватывает. В ней и наш, духов высоких, мир был, а ныне, с людьми слившись, мы только в основании её находимся. До недавнего времени тела атлантов, в которых мы вошли, были сосудами ненаполненными, которые в далёком только будущем проникнутся эманациями Его. Мне трудно в новом теле, трудно привыкнуть к его ограниченности. Их солнце я вижу жёлтым, оранжевым, красным, потухшим. Я вижу, как в отдалённом будущем сталкиваются чёрные потухшие солнца и снова разгораются огнём ослепительным. Это те искромётные звёзды Грааля, которые несут духовные сущности к более высоким началам. И не один я — все мы, здесь воплотившиеся, рвёмся в верха и полны тоски, которая исцеляется только могучей любовью и решимостью помочь людям.

3. Мы, Апперы, давно уже живём в наших крытых городах на дне океана. Более двадцати поколений моих долголетних предков прожили здесь. Род Апперов — древний род. Я родился здесь, и только смутное предание говорит, что мы, атланты, жили когда-то над водой, где светило тёплое солнце и не надо было готовить из воды воздух. Я посвящён с двадцати пяти лет. Я знаю, что во мне воплощена высокая духовная сущность, потому что, усыпив моё физическое тело, наши учёные слышали рассказ этого духа о том, что он неоднократно покидал эту планету после смерти одного из Апперов, и снова возвращался, чтобы воплотиться в нового члена нашего рода, чтобы помогать людям. Сейчас почти все атланты больны равнодушием, отсутствием ко всему интереса, у нас часто кончают самоубийством. Я знаю, что мы должны подняться в наших аппаратах на поверхность океана, потому что должны выйти на сушу и найти тех, кто отказался остаться в подводных городах. Мы, члены моей общины, являемся прообразом Грааля, потому что во всех нас струится мистическая кровь Эона, полученная через воплотившихся в нас высоких духов. Я уже стар. Настало время нам подняться, чтобы увидеть звёзды и снова продолжить наше дело на земле. Оповести об этом всех, Соммий!

4. Двое мужчин стояли друг против друга в пещере и каждый из них держал правую руку положенной себе на грудь. Один был в звериной шкуре, другой в одежде из искусственной ткани, но они понимали друг друга, хотя и с трудом. В глубине пещеры горел костёр, и около него сидела женщина в такой же звериной шкуре с ребёнком. «Я в Граале? — спросил пришелец и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Ты — в нём сущий, а она — кровь его?» — «Я не знаю, — ответил хозяин пещеры. — Но это действительно Грааль, а мы — прообраз Его тела и Его крови. Так учил нас старейший, ибо Грааль — это наша защита и залог нашей

²²² Публикуется впервые по рукописи.

жизни, возможность остаться людьми, когда всё погибло». — «Значит, ты знаешь, откуда ты?» — «Мы вышли из моря, так говорят предания, но больше я ничего не знаю». — «Значит, мы из одного рода, иначе бы не поняли друг друга. Расскажи, что говорят ваши легенды».

«Нам говорили, что наших предков застал потоп и они не успели спастись в подводных укрытиях. Но они не погибли и через много поколений добрались до этих гор. Среди нас живёт сказание, что когда-то в наших людей спустились со звёзд какие-то высокие и могучие духи. С тех пор они живут в нас, иногда уходя со смертью того, в ком поселились, потом снова приходят, чтобы воплотиться в другого, и те, в ком живёт такой дух, помогают всему нашему племени. Поэтому иногда во время сна нам кажется, что этот дух — наше «я» — выходит из нашего тела и путешествует где-то, а потом возвращается перед пробуждением. И ещё мы знаем, что то, что мы Граалем называем, — не подлинный Грааль, а через много поколений появится новый Грааль, потому что он живой и всегда меняться будет...»

5. Слушай, сын мой и мой ученик, что я, Эль Харери, скажу тебе сейчас, а ты, когда тебе исполнится сто лет, передашь лучшему из учеников своих, научив его искусству долгой жизни, чтобы передать это знание другому его ученику, и так до конца веков. Когда тебе минет полвека, иди в южный Лабиринт, пять ночей стой на страже у восточного входа, и когда к тебе выйдут жрецы, скажешь, что я послал тебя принять Великое Посвящение. А в знак того, что ты его достоин принять, передай в точности то, что сейчас от меня услышишь.

Четырнадцать тысячелетий назад наши предки прибыли в эту страну по воде, покрывавшей всю западную пустыню, потому что они вышли из подводных городов, лежавших в глубине океана. По подобию и в память о таком городе был построен и здешний лабиринт, в котором до сих пор живут потомки атлантов, к которым принадлежишь и ты. От всех остальных людей земли мы отличаемся тем, что в нас обитают духи высокие, сходящие на землю, чтобы поднимать ввысь души людей. Там, в Лабиринте, ты узнаешь многое о прошлом и будущем, о мирах иных, выше и ярче Ра, сияющего в нашем небе; узнаешь о временах, когда люди потеряют своё духовное начало и будут стремиться обратиться в зверей двуногих, от чего мы, атланты, призваны их спасти, чтобы не прекратился подъём сущих в верха... Через атлантов этот Лабиринт стал как бы особым сосудом, сохраняющим эманацию Высокого Эона, дающую нам стремление и смысл в жизни. И как эманация тела Озириса в молоке и хлебе представляется, когда мы ими насыщаемся, так же и эманация Света Тихого разлита в Лабиринте. И мы, несущие в себе духовные сущности, принимая то, что называем телом и кровью духа высокого, приобщаемся как бы к великой семье, называемой Граалем.

Вот то, что ты должен помнить, Аппер, а завтра я вручу тебе условные знаки, по которым тебя признают атланты в Лабиринте.

6. Я был в подземном городе атлантов, как многие другие из нашего древнего рода. Прекрасна и спокойна жизнь атлантов, и хотя их чертоги уходят глубоко в землю, воздух, которым они дышат, так же ароматен и свеж, как воздух полей Нубии, цветущих после дождя. На торжественную тихую мелодию похожа жизнь атлантов... Я видел Учителя и одиннадцать учеников Его. С двумя из них, Машара и Орсеом, я разговаривал. На вид Учителю не более тридцати лет, но атланты говорили мне, что Он первым явился на эту планету и уже живёт на ней мирны лет ещё с тех пор, когда над ней блистало белое солнце. Грустными и усталыми казались мне ученики Его, ещё более грустными, чем остальные атланты. И только Он один, Великий и Светлый, был всегда радостным. Немного из Его речей я понял, так как плохо говорю на языке атлантов. Он говорил, что здесь на земле неизбежно пресыщение долгой жизнью, что даже ясная жизнь атлантов не спасает от этого пресыщения, и что от этого есть только одно лекарство: оставить жизнь в Лабиринте и выйти к людям, чтобы нести им Высокое Учение.

Он говорил, что люди страдают от физических и моральных мук, от духовной нищеты и материальных лишений, и много добра сделает тот, кто пожертвует (если надо будет) своей душой, чтобы помочь людям. Что если люди не смогут понять эоновские заповеди любви, то поймут обещаемое за добрую жизнь посмертное вознаграждение. Но Он верил, что найдутся люди, которые смогут принять не только заповеди блаженства и любви, но и заповеди Великой работы. Я хотел спросить его об этих заповедях, но Он прочёл мои мысли и сказал, что это законы жизни атлантов, борющихся с влиянием лярв и создающих такой строй жизни, в котором нет места злу...

Многое было мне непонятно, но когда Машара и Орсен сказали ему, что хотят идти к людям и нести им Высокое Учение, то и я попросил Его благословения на подвиг. И Учитель меня, Апшера из древнего рода Апшеров, благословил на жертвенное служение людям и предрёк, что один из моего рода будет свидетелем того, как жертвенной кровью Эона будет наполнен новый Грааль.

7. Я, Апший Клавдий из древнего рода Апшиев, стоял со своей когортой у креста, на котором распяли Его по наущению еврейских первосвященников. Я был свидетелем того, как страдая Он простил своих врагов. Я видел, как центурион Лонгин ударил его копьём, и в подставленную какой-то женщиной чашу пролилась его кровь и вода. Чашу эту отнял у женщины воин моей когорты, и я выкупил её у него. Не буду говорить, что было потом в роде моем и с родом моим — этим полны наши родовые предания. Я живу, не старея, уже десятое столетие. Мои потомки стали рыцарями, и не иссякает пролившаяся на нас благодать, а сам я уйду, когда иссякнет она в Граале. Но тогда Граалем станет рыцарский Орден.

Не беда, если в чаше Грааля подлинные самоцветы будут заменены искусственными камнями, но беда для рыцарей, если они окажутся недостойны излившейся на них благодати. А это возможно. Я вижу, как лярвы волнами тьмы обрушиваются на человечество, и горе, если в наш Орден войдут люди, одержимые лярвами. Чтобы этого не произошло, надо, чтобы Орден очистился от тлетворной грязи богатства, чтобы рыцарями соблюдались обеты бедности и любви. Только тогда Орден станет провозвестником учения Параклета, и новым содержанием наполнится наш земной Грааль. Но прежде, чем уйти, я открою вам, рыцари, тайну, о которой никто не знает.

Когда Он был снят с креста, а сам крест вынут из земли, ученики Его, Машара и Орсен, выкопали из земли камень, который лежал у подножия креста, потому что на этом камне остались капли крови и воды, истёкшие из Его раны, в Грааль не попавшие. Они истолкли этот камень, а их ученики разнесли полученный от них песок в разные страны и во время бурь развеяли его, заповедав ветрам разнести его по всей планете. Так что теперь вся наша Земля стала священным для нас Граалем, объединяющим наши души и наши сердца во имя работы, заповеданной нам Эоном Любви.

8. Я давно обещал написать тебе, но занятия на кафедре и в лаборатории мешали мне сесть за письмо. Вот и теперь ограничусь только несколькими строками.

Сейчас я склонен думать, что ты был прав, а я проявил себя крайне легкомысленно, требуя, чтобы ты показал мне душу, сущую в каждом из нас. Может ли сила быть материальной? А ведь нашей жизнью, нашими помыслами и поступками, часто противоречащими логике, двигает наша душа, а не что-либо иное. Я пришёл к этой мысли, пытаюсь найти силы, связывающие мельчайшие частицы материи, но так и не мог её найти. А ведь связь между ними есть, и такая связь, которую мы до сих пор не в силах разорвать. Не есть ли это то, что называли раньше «духом»? Ведь «дух» всегда оказывался в представлениях идеалистов главной движущей силой, которой подчинены материальные тела. В конце концов важно признать, что существует

явление и его проявления, а как оно будет названо — дело десятое. Что ты думаешь по этому поводу? Напиши. Твой Сальдар.

Р. С. Кстати, вот выписка из странной рукописи, которая, как мне кажется, каким-то образом соотносится с предметом нашего спора: «Мы дали великую клятву найти Грааль в высотах несказанных. На днях мне об этом напомнил мой друг, раньше меня присоединившийся к воинству высших миров.

Я слышал речь его, достигшую тайного слуха о том, как прекрасны духи высоких космосов, когда они освобождаются от своих телесных оболочек...»

МАРИЯ ИЗ МАГДАЛЫ²²³

Мария из Магдалы стояла у подножия креста и держала чашу, в которую пролилась кровь и вода из раны распятого Учителя. Неизъяснимое волнение охватило её в эту минуту. До этого она считала, что всё поняла из вечерних бесед Учителя, о которых ей рассказал Фома, но теперь она чувствовала, что какая-то новая великая тайна встала перед нею. Она знала, что безошибочны слова Учителя, но она видела, как в муках умирали и те, кто был верен идее, и те, кто её отвергал. Но только теперь открылось ей, что не просто человеком был Учитель, что не умер он, а только ушёл от них по своему, одному ему известному пути, принеся в жертву нечто гораздо большее, чем только земная жизнь, и его тайна ушла вместе с ним.

И когда римский воин вырвал из рук Марии чашу с кровью Распятого и прогнал её, она решила посвятить свою жизнь тому, чтобы узнать об этой тайне любимого Учителя. Она знала, что должна для этого отправиться в страну Кеми, как называли тогда Египет, ибо Он пришёл, по слухам, оттуда, и оттуда же к Нему приходили какие-то неведомые люди, с которыми он говорил без учеников.

Всё, что у неё было, продала Мария из Магдалы, обратив в золото свой дом, имение, драгоценности и рабов. Она наняла небольшую охрану и с этим золотом и одной служанкой, присоединившись к каравану купцов, отправилась в страну Кеми.

Мария долго путешествовала по Египту, расспрашивая о тамошних мудрецах, но мало что узнала. Наконец, она решила приобрести небольшой домик почти на границе пустыни в районе древних пирамид и прилегающее к нему имение, которое давало бы ей всё необходимое для жизни. Она не обременяла своих рабов, трудившихся в саду и на полях, принимала от них только самое необходимое для своего пропитания, и часто на рассвете или к вечеру, когда спадала дневная жара, уходила далеко от дома, чтобы читать рукопись, которую оставил ей Фома, где были записаны слова Учителя.

Больше всего полюбилось Марии одно место, неподалёку от проезжей дороги. Там, под сенью пальм, из камней пробивался чистый родник, веяло прохладой, и она там наиболее часто бывала. Постепенно стала замечать, что когда она приходит туда, мимо неё неизменно в сторону пустыни проезжают на верблюдах два пожилых человека, каждый раз внимательно на неё поглядывая. И вот наступил день, когда они остановили своих верблюдов возле родника, опустили их на колени, сошли с них, и один, назвавшийся после почтительного приветствия Орсеном, спросил Марию, кто она, откуда, и почему так усердно читает рукопись, по внешнему виду которой он полагает, что рукопись принадлежала его другу Фоме.

Мария не могла бы объяснить, почему она почувствовала внезапное доверие к незнакомцу, — может быть потому, что рукопись, которую он заметил у неё в руках, действительно была оставлена ей Фомой. Но она рассказала ему об Учителе, о его смерти, о том, что она верит, что он не умер, а только перешёл в другую жизнь, и что она, Мария из Магдалы, готова на всё,

²²³ Публикуется впервые по рукописи.

чтобы снова встретиться с Учителем и задать ему вопросы, которые теперь стали смыслом её жизни.

Орсен внимательно выслушал её и сказал, что, может быть, он и сможет ей чем-нибудь помочь, но главное зависит от самой Марии, от её желания и настойчивости, от готовности преодолеть многие трудности... И Мария тотчас сказала, что готова на всё, лишь бы ей было позволено опять увидеть Учителя.

И тогда Орсен сказал, что должна для этого сделать Мария.

Через несколько дней Мария успела раздать всё своё имущество, отпустить на волю рабов и прислугу, а когда это было сделано, ранним утром она уехала с Орсеном в пустыню.

Они ехали долго среди раскалённых песков и скал, сворачивали то в одно, то в другое ущелье, поднимались и опускались по каменным осыпям и, наконец, очутились у входа в громадную пещеру. Орсен сказал, что это вход в древний Лабиринт. Здесь их встретили люди в жреческом одеянии, но совсем не похожие на маленьких и смуглых жителей страны Кеми. Они отвели Марию в предназначенную для неё небольшую комнатку, и там на стене она увидела изображение Учителя.

Много дней провела Мария в этом Лабиринте, разговаривая со жрецами, присутствуя при странных богослужениях, где жертва приносилась ароматическими веществами и цветами. Жрецы разъяснили ей многое из того, что казалось непонятным в рукописи Фомы, рассказали об Учителе, о том, что жизнь его продолжается в новых воплощениях на других мирах, и Мария ещё больше утвердилась в мысли о необходимости ей увидеть Его. Но когда она стала спрашивать, что для этого надо сделать, жрецы отвечали, что для этого надо принести самую великую жертву, которую она только сможет. Никто не способен подсказать ей, какую жертву она должна принести, поскольку определить это может только сама Мария, и от её выбора будет зависеть успех или неуспех её дела.

Долго размышляла Мария над словами жрецов, много прошло дней, и, наконец, она сказала: «Я хочу умереть за учение Христа, но с тем, чтобы и после смерти продолжать жить жизнью простого человека. И эта новая жизнь мне нужна только для того, чтобы проповедовать Его учение и страдать за Него, как Он пострадал за нас. Вы рассказывали мне о прекрасной жизни в мирах высоких, о восхождении к престолу Великого, но я добровольно отказываюсь от этого жребия, чтобы помогать подняться тем, кого ещё не коснулся свет, от Него исходящий, который я несу в себе. И пусть будет так!»

Подумав, жрецы Лабиринта признали, что жертва, которую готова принести Мария из Магдалы, действительно велика, и благословили её на подвиг учить человечество в мирах и веках.

Простившись с жрецами, Мария вернулась в Египет, а оттуда отправилась в Рим, где начала учить заветам Распятого и организовала первую христианскую общину. Будучи смиренной и готовясь к подвигу, она приняла на себя обязанность при собраниях верующих в катакомбах раздавать приходящим светильники у входа.

Однажды, когда была объявлена облава на христиан, Марию схватили римские солдаты, пришедшие в катакомбы со шпионами. Мария знала, что всех христиан бросают на растерзание зверям в цирке, и с радостью ждала своей участи. Поэтому, когда от неё потребовали, чтобы она показала, где на этот раз собираются последователи Распятого, она с готовностью повела солдат по подземным галереям. Долго, очень долго вела их она и в конце концов вывела далеко за город, к Аппиевой дороге. Так христиане были спасены, а Марию, после пыток, на следующий же день звери растерзали на большой арене Колизея.

Испустила Мария последний стон и тотчас же очнулась на улице какого-то большого города. Она была хорошо одета, ей было столько же лет, как и в момент смерти, она помнила всё, что с ней произошло, но в этом городе она никого не знала.

Заметив её, оглядывающуюся и смущённую, к ней подошёл один из прохожих и спросил:

— Ты, вероятно, чужеземка и у тебя нет знакомых?

— Да, господин, — ответила она. — Я впервые попала в этот город и не знаю, куда мне идти.

— Пойдём, — сказал тот, — я отведу тебя в дом для чужеземцев, где ты сможешь остановиться.

— Но у меня нет денег, и мне нечем заплатить за приют, — возразила Мария.

— Не беспокойся, — ответил тот, — у нас давно уже всё общее, и никто не берёт никакой платы. А если у тебя есть что-то лишнее, ты отдашь в общую кассу...

Действительно, Марию очень приветливо встретили в странноприимном доме, отвели в отдельную комнату, дали ей всё необходимое из одежды, предложили самой выбрать, как ей питаться — за общим столом или отдельно, и ни о какой плате разговора не было.

Присмотревшись к жизни этой страны, она увидела, что никто из живущих не имел ничего такого, что бы он почитал только своей собственностью. У каждого было то, что ему было нужно, так что никаких нуждающихся там не было. Не было у них ни богатых, ни бедных, а все были равны, каждый делал, что хотел, трудился по мере общей, а не личной необходимости, и все они жили красивой и гармоничной жизнью.

Но было другое, что поразило Марию: никто из жителей этой страны не подозревал, что после смерти жизнь продолжается в мирах других. Они были уверены, что со смертью кончается всё, а потому боялись смерти и старались отсрочить её час, хотя среди них были и такие, которым, как видно, было всё равно — продолжать жить или уйти из этой жизни навсегда. Все они гордились той справедливостью, которая царила в их обществе по отношению к его членам, но они не могли понять идеи милосердия и всепрощения, а когда Мария заговаривала о любви к ближнему, они её просто не понимали.

И тогда Мария из Магдалы поняла, почему после своей смерти на Земле она попала в этот мир.

Мария нашла учениц, которым она рассказывала о земной жизни Христа, о той жертве, которую Он принёс, и о том учении любви, которое Он проповедовал, и вместе с ними стала обходить страну и везде говорить о любви и правде и о жизни вечной. Некоторые слушали её внимательно, другие даже стали её последователями, но большинство людей считали её безумной. А поскольку высшим принципом жизни этих людей была справедливость, они поместили Марию в больницу для умалишённых и стали её лечить. Но никакое лечение не могло отвратить её от учения Распятого.

Прилетали к ней в обитель скорби духи Фантазии, приносили ей вести из миров иных, о том, что жив Учитель и продолжает своё учение на далёких мирах. Мария слушала их шёпот и непрестанно молила ангела Смерти прийти за ней, потому что здесь она уже не могла продолжать свой подвиг. А прилетавшей к ней ангел Смерти говорил ей, что ещё не настало время, что она должна жить, чтобы её ученики могли распространять и укреплять на новой земле учение Христа, предтечей которого она здесь стала. И что пусть не беспокоится Мария, что она мало успела сделать — проповедь её была только лёгким порывом ветерка, предвещающим приближение могучего вихря веры...

Но наступил день, и умерла Мария, благословляя этот мир, которого коснулось учение Распятого.

Умерла — и тотчас же оказалась на море в утлой лодке, которую несло к берегу. Здесь встретили её суровые, грубые люди, похожие, не знавшие улыбки. Они были гостеприимны, ни о чём не спросили прибывшую, но Мария видела, что суров был климат этого мира и трудна жизнь, в которой они добывали для себя пропитание. Обитатели этого мира жили большими семьями-общинами по много десятков человек под одной крышей, и хотя у каждого было что-то своё, но они сообща пользовались предметами, сообща работали и выходили в море. У них не было деления на богатых и бедных, не было начальников, почти не было ссор, но в то же время они не считали нужным заботиться о стариках, и когда переходили на новое место, оставляли старикам и больным только немного пищи, говоря, что те всё равно умрут и пользы от них никакой.

Мария стала рассказывать им о загробной жизни, о том, что со смертью жизнь не кончается, и выяснилось, что это им известно. Что же касается стариков и больных, то они спрашивали Марию, будут ли они на том свете голодать, если на этом не оставят пищи старикам-бездельникам, и бывали очень довольны, когда Мария, не желая кривить душой, говорила, что и этот грех им простится, как совершённый по неведению.

Спрашивали они её и о том, надо ли, например, говорить матери, что её сын утонул в море, или надо сказать, что он уехал далеко и не вернулся? И опять Мария говорила, что не надо никогда лгать, но когда осиротевшей матери говорили правду, та мучилась и не находила себе покоя.

О многом говорила Мария так, как она запомнила слова Учителя о том, что прежде всего надо идти путём правды и что нельзя ни к кому применять насилия, даже если от этого может погибнуть жизнь невинного человека.

Ни разу не солгала Мария, ни разу не посоветовала сделать что-либо, нарушающее заповеди любви и всепрощения, и долго, очень долго не прилетал к Марии ангел Смерти. И видела она, что её добрые слова и советы часто влекли за собой не добро, а зло, и это её мучило, потому что она не понимала, как это может происходить.

А когда, наконец, появился ангел Смерти, ни слова одобрения не услышала от него Мария. И она умерла.

Умерла — и в очередной раз воскресла на площади города, переполненной восставшим народом. Первая победа была одержана, и теперь все горячо обсуждали, надо ли продолжать борьбу, чтобы расправиться со своими эксплуататорами и притеснителями. Мария же возвысила свой голос и стала проповедовать любовь ко всем, стала уговаривать смириться и претерпеть, уверяя, что за это в другой, последующей жизни каждый получит воздаяние, что нехорошо убивать человека, каким бы он ни был...

Но её никто не стал слушать, восстание разрасталось, пролилось много крови, но вместе с тем восстановилась и справедливость. Жители страны поделили между собой поровну землю, постановили делить поровну все продукты, сообща работать, и скоро во всей стране установился справедливый строй. А тем богачам, которые остались в живых, предложили на выбор: или отдать свои богатства и стать такими же, как все, или получать скудный паёк, только чтобы не умереть от голодной смерти, если они не хотят сами работать. Больше того, их подвергли остракизму, и никто не хотел общаться с ними, только Мария и её последователи нарушали этот запрет, передавая бывшим эксплуататорам продукты и поддерживая их надеждами.

И снова, когда настало время, ничего не сказал Марии прилетевший за ней ангел Смерти...

Так много, много раз переходила Мария из Магдалы из одного мира в другой, везде рассказывая об Учителе, Его земной жизни и Его учении, держась заветов правды и любви к

людям. Наконец, после одной из смертей она попала в мир, который смутно напомнил ей ту землю, на которой она впервые встретила Учителя.

Не прошла она по дороге и сотни шагов, как увидела впереди идущую ей навстречу группу людей, в которых она узнала своего Учителя с учениками. Протянула к Нему Мария руки, упала на колени и заплакала от радости, что привелось ей снова увидеть того, чьё слово она несла в веках и мирах, и от боли, что не знает, как высказать всё, что накопилось у неё за это время.

И спросила только:

— Господи, много жизней прошла я, но чувствую, что не так учила, как учил нас Ты! Что же мне сделать для того, чтобы стать подлинно Твоей ученицей?

А Учитель ответил ей, ласково поднимая с колен:

— Главное — люби. Люби каждого, но не бойся согрешить, когда этого требует от тебя любовь...

И тогда прозрела Мария из Магдалы. И когда началась её новая жизнь, она не побоялась солгать матери, что сын её жив и, может быть, вернётся ещё к ней, заронив надежду в материнское сердце; она спасала людей, когда это было нужно, не думая, что отягощает себя грехами, потому что радостно было ей видеть возвращавшихся к жизни людей. И когда это понадобилось, она не побоялась поднять людей на восстание против извергов, потому что любовь должна быть не только щитом для невинных и слабых, но и мечом против злодеев...

А потом наступили предугаданные сроки, и ангел Смерти, приветствующий подвиг Марии из Магдалы, поднял её в высший космос.

АГАСФЕР²²⁴

Он шёл быстро, куда обращался его взор, не отличая дня от ночи, часто сворачивая в стороны и не замечая этого. Когда усталость становилась чрезмерной, он падал на месте и засыпал, а проснувшись, вскакивал и снова шёл и шёл, отгоняя от себя назойливые мысли. Он избегал встреч с людьми, боясь, что завязавшийся разговор коснётся недавних событий... Наконец перед ним блеснуло море, и он пошёл по его берегу, а вскоре перед ним раскинулся большой приморский город.

Голод и жажда томили его, и, войдя в городские ворота, он напился у первого же фонтана. Затем он зашёл в лавку, чтобы купить хлеба. Какой-то покупатель рассказывал лавочнику о событиях в Иерусалиме, в том числе и о том, как некий Агасфер на крестном пути Христа на казнь оттолкнул его от стены своего дома, когда тот прислонился, чтобы перевести дыхание. И возмутился слышавший жестокосердию Агасфера, но в тот же миг вспомнил, что он и есть этот Агасфер, который не дал отдохнуть несчастному и прогнал его от дома своего. И ужас снова охватил Агасфера: он бросился из лавки, чтобы не слышать рассказа говорившего, повторявшего его имя.

Ноги принесли его в гавань, где оканчивалась оснастка корабля, готового отправиться в путь. Агасфер нанялся рабочим, и все эти дни, куда бы он ни пришёл, слышал рассказ о себе и своей жестокости. Когда корабль был нагружен, он нанялся на него плотником, потому что хотел как можно скорее и дальше уйти от Иудеи.

Но если он мог убежать от иудеев, он не мог убежать от рассказа о своей жестокости. Об этом говорили матросы во время перехода в Афины, и едва только корабль причалил, как Агасфер потребовал расчёт и сошёл на берег. Здесь он сразу попал в толпу горожан, обсуждавших казнь пророка в Иерусалиме и жестокость еврея Агасфера. Каждый новый

²²⁴ Текст опубликован в журнале «Литературное обозрение», 1994, №3/4, с. 109-110.

рассказчик приводил новые подробности, и каждый новый рассказ всё больше и больше являл сердце Агасфера, заставляя его метаться по городу, а затем бежать из Афин дальше. Но на первом же привале в придорожной таверне, спросив лепёшку и кружку вина, он услышал за соседним столом свою историю...

Агасфер шёл всё дальше к северу. Менялась природа, менялись люди, менялись языки, но куда бы он ни попадал, на всех языках, которые ему дано было теперь понимать, он слышал рассказ о жестокости Агасфера, о его запрете перевести дыхание обессиленному Иисусу.

Наконец он дошёл до страны, в которой, казалось бы, никто не должен был знать и интересоваться делами в Иерусалиме. Здесь жили варвары, не имевшие ещё понятия об истинном Боге, поклонявшиеся деревьям и рекам, и язык их был непонятен страннику. И Агасфер поселился среди них. Но едва только он начал связывать смысл слов чужого языка, едва только начал понимать говоривших, как услышал, что и здесь на все лады обсуждают жестокость еврея Агасфера, отринувшего от порога своего дома праведника и мученика.

И ему снова пришлось бежать неведомо куда, потому что Агасфер не мог больше слышать своё имя, то имя, которое он таил ото всех: каждый раз, приходя в другую страну или город, он должен был называться новым именем, чтобы не поняли, что он — тот, о ком так много говорят... Но не было ему покоя, потому что ни один чужой язык не оставался ему непонятен, и на всех языках встреченные им люди говорили только о жестокости Агасфера.

Он достиг глубочайшей старости, переходя из страны в страну, из города в город, но напрасно призывал смерть. Много раз Агасфер пытался покончить с собой, но что бы ни делал, это не приносило успеха. Верёвки и ремни обрывались, узлы развязывались, ломались стальные лезвия, раны мгновенно заживали, а яд не оказывал своего смертельного действия. Его вынимали из петель, вытаскивали против воли из воды, морские волны выбрасывали его невредимым на берег, и само пламя отступало перед ним, когда он бросался в горящие здания...

Долго, очень долго длилась эта нескончаемая мука. Прошли века, прежде чем мольбы его были услышаны и ангел Смерти появился у изголовья Агасфера, приветствовавшего его с несказанной радостью.

Кончилась земная жизнь Агасфера, но едва совершился его переход в новый мир, как тут же окружили его обитатели, прося рассказать о последних часах Иисуса и о том, почему же Агасфер не позволил ему отдохнуть на пороге своего дома? И снова ужаснулся Агасфер, давно познавший бессмысленную жестокость своего поступка.

Он рассказал всё как было, и всё, что он потом пережил и передумал, и обратился к одному из существ этого мира, готовившемуся отправиться в другой мир, более высокий, с просьбой: передать из мира в мир — до самого Иисуса Светлейшего! — чтобы позволено было Агасферу забвение греха, свершившегося по невежеству и жестокосердию.

Из уст в уста, из мира в мир передавалась просьба Агасфера, пока не дошла до Великого, и Он послал своего вестника сказать раскаявшемуся, что давно было бы снято с него заклятие, если бы он догадался попросить об этом или же сделал что-либо, что искупило его поступок.

И Агасфер забыл о том, о чём так страстно желал забыть. А когда изредка слышал о случившемся, то никак не связывал услышанное с собой...

Протекло время, и ещё выше поднялся Агасфер, в более высокий космос. Там снова услышал он рассказ об Агасфере и пояснение, что и до сих пор шёл бы гонимый воспоминаниями, если бы не догадался обратиться с просьбой к Тому, чьё милосердие воистину безгранично. И в то же время слышал он, что не пришла бы Агасферу эта мысль на ум, если бы на земле не бросался он в огонь и в воду — не только ища своей смерти, но и спасая жизнь других. Ибо одного желания мало, надо делом утверждать добро.

Странная жизнь была в том космосе, куда поднялся Агасфер. Не было отдыха у его обитателей, не требовался им сон и покой, и отдыхом для них была перемена деятельности. Назывались они равты, а когда наступал для кого-либо из них момент смерти, то они просто засыпали, зная, что пробудятся в другом, ещё более прекрасном космосе, или в том, в котором они прежде жили, если готовы пойти на подвиг и спуститься для помощи идущим в верха...

Наступило время, когда заснул Агасфер после долгой жизни в этом космосе. Он знал, что ждёт его переход в иной космос, что должен выбрать он свой путь дальнейший, поэтому не было это для него смертью, а как бы сном, в котором являлись перед ним духи космосов высших.

Первым склонился над его изголовьем дух Любви и, положив свою руку на затихающее сердце Агасфера, сказал ему: «Люби. Что бы с тобой ни случилось, как бы тебе ни было плохо — люби подобных себе и с тобою не схожих, более высоких и более низких, чем ты сам. Только в такой всеохватывающей любви найдёшь ты и собственное счастье, и — спасение. В том космосе, в котором ты живёшь, выше всего — любовь. Ты должен ей служить, пока в других космосах ты не узнаешь, что есть выше любви и чему там служить следует».

На смену духу Любви пришёл дух Мудрости. Положив руку на лоб Агасфера, сказал он ему: «Всё исследуй. Всё — пойми. А потому — прости всё злое и возрадуйся всему доброму. Сколько есть в тебе сил, препятствуй злу, помогай добру и спокойно гляди в будущее нездешнее. Сам проверяй, насколько хороши семена, которые бросаешь на ниву космосов. Делай лучшее из того, что от тебя зависит, и, какие бы сомнения ни посещали тебя, — не смущайся, постигай всё, что можешь постичь, и в то же время помни, что далеко не всё может быть постигнуто тобой. Как инфузория не может постичь существования людей, хотя они существуют, так и для человека остаётся непостижимым многое, что выше его. И поскольку существует бесконечность, постольку и каждая мечта твоя не может быть вполне достигнута...»

Дух Воли сменил духа Мудрости и, положив руку на глаза Агасфера, сказал ему: «Прекрасными должны быть не только цели твои, но и пути, которыми ты будешь их достигать. Что бы ни случилось с тобой, иди всегда только путём добра. Помни, что добро — всегда Свет, и делай всё, чтобы помешать погасить его!»

Появился у ложа Агасфера дух Света и промолвил: «Трудна жизнь в мирах не высоких, но только через неё лежит путь к высотам несказанным. И чем большему числу существей облегчишь ты подъём, тем легче он будет для тебя самого. Освещай им и указывай дорогу! И не смущайся, если иной раз окажется, что ты им не тот путь указал. В веках и мирах другие исправят твои ошибки и изживут их, помогая тебе своим светом, как ты помогал другим.»

Услышал Агасфер голос духа Познания: «Везде, где есть зло, липнет оно к добру. Поддержи падающего, увлекаемого злом во тьму, даже если знаешь, что потом он всё равно творить зло будет, потому что в самом злом человеке искорка добра таится. Долг твой — постараться раздуть эту искорку в очищающее пламя. Смертью зло не уничтожается, оно только переносится на других, только умножает само себя...»

И новый дух склонился над Агасфером, проговорив: «Пусть никогда не исходят от тебя волны ненависти и страха, чтобы притекали к тебе другие души и солидарность стала основным началом твоей жизни... Поставь себе цель высокую, пусть даже только счастье близких твоих, и ни на минуту не забывай о ней...»

И увидел Агасфер, как отряды небесной конницы мчатся с высот в низы, где идёт бой с тёмными силами и где тамплиеры отражают натиск тёмных, пытающихся проникнуть к сияющим Звёздам Знания. И всадники зовут с собой Агасфера.

Тогда проснулся Агасфер в новом космосе. Оказался он на планете, которую ещё не посетил Христос, и где правил дракон — Зверь Бездны, вышедший из озера огненного. Понял

Агасфер, что должен он бороться со Зверем из Бездны, чтобы освободить людей того мира, и начал учить их добру.

Через всё прошёл Агасфер — через предательство, заключение в темницу, пытки слуг Дракона, но уже кончалось царство Зверя Бездны. Был он свергнут небесным воинством, и, когда влекли его в цепях, чтобы низвергнуть в Бездну снова, пожалел его Агасфер. Он отёр пот с его лба, напоил, несмотря на проклятия и угрозы Дракона, потому что знал, что рано или поздно и в Драконе разгорится скрытая в нём божественная искра, которая обратит его к добру, как когда-то обратила Агасфера...

АППИЙ КЛАВДИЙ²²⁵

Проповедь Эона не была понята даже ближайшими Его учениками. Зло, залившее мир своими волнами, не было побеждено, и тогда Христос решился пострадать как человек и умереть за Своё учение, чтобы кровью Своей запечатлеть его в сердцах людей.

Христос был осуждён на смерть за то, что учил добру. Его тело распяли на кресте, а римские власти, ожидавшие восстания иудеев, попытались спровоцировать его, прибыв к кресту надпись «ИНЦИ»²²⁶. Они думали, что юноши Иерусалима, прочтя эту обидную для них надпись, бросятся спасать Распятого, и римляне поставили недалеко от креста когарту, которой командовал Аппий Клавдий. А на окраинах Иерусалима были сосредоточены другие войска.

Когда Христос был распят, тёмные тучи покрыли небо, и Аппий Клавдий увидел, как оно разверзлось, как сонмы ангелов с гирляндами роз в руках спустились к кресту и обвили тело Распятого розами. И понял тогда Аппий Клавдий, что не простой человек был распят на кресте, а из разговоров евреев узнал, что многие считали Распятого Сыном Божиим. И ему захотелось иметь что-нибудь на память о Распятом.

Аппий Клавдий поручил стоявшему около него центуриону²²⁷ достать какую-либо вещь, принадлежавшую Христу. Около креста оставались только женщины: ученики Христа были оттеснены за цепь воинов. И вот, когда один из воинов пронзил копьём бок Христа, Иоанн вынул ту чашу, из которой все ученики пили на Тайной вечере, и протянул её женщинам с просьбой собрать в неё лившуюся из раны кровь Учителя. Мария из Магдалы исполнила его просьбу, но когда она передавала чашу Иоанну, один из римских воинов отнял её у неё и поставил рядом с собой на землю. В это время подошёл центурион и, увидев, что воины уже поделили между собой одежды Христа, купил эту чашу у отнявшего и передал её Аппию Клавдию.

Аппий Клавдий не мог забыть видения на Голгофе. Он решил познакомиться с людьми, знавшими Христа, и центурион, щедро одарённый им за чашу, разыскал по его просьбе несколько учеников Христа, из которых он познакомился с Иосифом Аримафейским и Никодимом. Они рассказали ему о Христе то, что сочли возможным рассказать римскому офицеру, но не успели сделать его учеником Христа, так как Аппий Клавдий, закончив срок службы в Иудее, должен был возвратиться в Италию. Корабль, на котором плыл Аппий Клавдий, нередко попадал в бурю, и он с удивлением видел, что хотя и наклонялась чаша с кровью Христа, кровь эта из неё не выливалась ни разу.

Аппий Клавдий принадлежал к древнему роду Клавдиев. Этот род, как и все патрицианские роды, включал в себя не только родственников и свойственников старшего в

²²⁵ Текст опубликован в журнале «Наука и религия», 1993, № 2, с. 15. Комментарий Е. С. Лазарева.

²²⁶ «Иисус Назарянин, Царь Иудейский» (Ев. Матф. 27,37; Иоан. 18, 19; и др.)

²²⁷ В Евангелии от Луки упоминается сотник (центурион), который уверовал в Христа в час Его крестной смерти (Лк. 23, 47). Церковное предание обычно именует его Лонгином.

роде, но также многочисленных клиентов и рабов. Вернувшись в Рим, Аппий Клавдий присоединил Чашу к *res sacra*²²⁸ своего рода. И странное явление стало замечаться всеми: в этом семействе исчезла разница между патрициями и плебеями, между свободными и рабами. Все они начали относиться друг к другу как братья и сёстры, как любящие друг друга родственники. Так происходило в той ветви этого рода, которая хранила Чашу. И если кто-либо из членов рода задумывал сделать что-то хорошее, оно неизменно ему удавалось. Если было замыслено что-то дурное — ничего не выходило...

Многие члены этой семьи занимали высокие должности, и ещё недавно в христианских катакомбах можно было видеть надпись: «Клавдий, понтифекс-максимус²²⁹ почил во Христе».

Шли годы, прошло много, очень много лет, но Аппий Клавдий оставался таким же молодым и сильным, каким стоял некогда на Голгофе у креста²³⁰.

Все члены рода Клавдиев стали христианами, а потом образовали полумонашеский орден Розы и Креста, поскольку их символом стал крест, обвитый розами, а их святыней — чаша с кровью Христа. Но в XIII веке по Р. Х. хранители Чаши увидели, что в ней стала иссыхать кровь. От христианской религии к тому времени осталась только оболочка, которую заполнила религия Митры, называемая теперь «христианством». И чем более крепло это зло на земле, тем быстрее иссыкала кровь в Чаше, а вместе с нею — и благодать Христова.

Ясно было, что скоро ничего не останется от Грааля. Но Розенкрейцеры, уже давно ставшие рыцарями, знали, что на земле существует ещё более древний и более мощный, тоже ставший рыцарским Орден. И они обратились за советом к старшинам этого Ордена.

Много раз на совместных собраниях они обсуждали вопрос о том, почему иссыкает кровь в Граале. И в тот день, когда она окончательно иссыкла, они образовали из двух орденов новый, живой Грааль, недостойный, по их мнению, воспринять непосредственно благодать Христову, но способный и могущий вместить благодать Серафимов²³¹, которые в надлежащее время войдут в Орден — в новый Грааль, хранящий жизненную сущность Христова учения. И тогда преобразятся земля и небо.

И было решено Орденом: чтобы его рыцари были достойными хранителями учения Христа, сам Орден должен стать Граалем, а содержащаяся в нём живая кровь рыцарей должна пролиться не только на полях сражений, но и от рук палачей, а их тела должны быть испепелены огнём, чтобы пострадать так, как пострадал Эон-Христос. Так и случилось, и лучшие из лучших рыцарей нового Грааля погибли на кострах инквизиции.

Розенкрейцеры вошли в этот древний Орден уже в XV веке, когда ему, существовавшему втайне от всех, грозила гибель. Они отвлекли от Ордена внимание гонителей, показав им мираж «философского камня», поэтому уже в XVII веке, некто Андреа²³², не зная о происшедшем слиянии орденов, тщетно пытался разыскать древних Розенкрейцеров.

²²⁸ *Res sacra* — святыни (лат.).

²²⁹ *Pontifex maximus* — великий понтифик (лат.) — в древнем Риме глава коллегии жрецов-понтификов. В латыни христианской эпохи — Первосвященник.

²³⁰ Упоминание Иосифа Аримафейского и Никодима, факт необычайно долгой жизни хранителя Грааля и другие подробности позволяют рассматривать эту легенду как вариант средневековых преданий о рыцарях Грааля, современных историческому Ордену тамплиеров. Однако средневековые легенды хранителями Грааля называют потомков Иосифа Аримафейского, а не аристократический римский род Клавдиев, в котором были и императоры.

²³¹ *Серафимы* — Серафимы традиционной ангелологии.

²³² Иоганн Валентин Андреа (1586—1654), лютеранский пастор, опубликовавший так называемую «Химическую свадьбу Христиана Розенкрейца» и пытавшийся возродить Орден.

ИСПОВЕДЬ²³³

Теперь я монах, а раньше был священником. Моей обязанностью было исповедовать рыцарей, шедших под предводительством Пьера де Монтагю на завоевание Гроба Господня и его защиту от мусульман. Достигнув восьмидесяти пяти лет, я вернулся во Францию, где жил в монастыре неподалёку от Бордо. Все знали, что я мало сплю, и поэтому, когда нужен был ночью священник, обычно посылали за мной.

Однажды наш привратник прислал ко мне послушника ночью сказать, что в соседнем замке умирает его владелец Анзо де Фосс, и там ждут меня. Вместе со служкой я отправился в путь, и вскоре нас ввели в замок, но не в спальню, где я рассчитывал увидеть умирающего, а в столовую залу, где хозяин приветствовал меня, как видно, в добром здравии.

Выяснилось, что какие-то видения и предчувствия смутили его душу. Он был уверен, что скоро умрёт, и боялся умереть без отпущения грехов. Отослав окружавших его людей, он открылся мне, что он — тамплиер, посвящён в тайное тайных Ордена, а потому исповедь его должна содержаться в тайне только от людей простых, но не от рыцарей, с которыми он уже давно не имеет связи. Вот почему он просил меня записать всё, что я от него услышу, и по возможности переслать магистру Ордена.

Так я и сделал впоследствии. И вот, что он мне рассказал.

«Я был знаком с тайными науками, знал заклинания, чтобы вызвать духов, и однажды мне захотелось во что бы то ни стало увидеть тёмных Арлегов, о которых я слышал в наших орденских легендах. Я сотворил заклинание, и в тот же миг меня подхватил и помчал какой-то вихрь. Мне казалось, что на минуту я потерял сознание. Когда же глаза мои открылись, я увидел себя в окружении безобразных химер и решил, что это толпы дьяволов, о которых говорит Церковь.

Но эти страшилища быстро разбежались, и я увидел, что ко мне приближаются существа, похожие на ангелов, как их рисуют иконописцы, только в чёрных одеяниях и с громадными чёрными крыльями за плечами. На их глазах то появлялись, то исчезали чёрные повязки, и тогда на меня пристально смотрели их тёмные грустные глаза.

— Что хочешь ты знать от нас, рыцарь? — спросил меня один из них.

— Но кто вы? — спросил я, растерявшись от вопроса.

— Те, кого вы в своих легендах называете тёмными Летами.

— Верите ли вы в Бога? Поклоняетесь ли Ему? — спросил я их.

И они ответили мне:

— Мы не верим, а знаем, что Бог есть. Но мы знаем также, что Ему не нужны наши поклонения, как не нужны они и нам...

Тёмные Леги замолчали и словно бы ждали других моих вопросов, но я не знал о чём их спрашивать, и они исчезли. На их месте появились могучие крылатые гении, облачённые в сверкающие доспехи, и я понял, что передо мною Князья Тьмы. Мрачно смотрели они на меня, пришлеца, и чтобы хоть как-то разрядить гнетущее молчание, я спросил их:

— Скажите, враждебны ли вы нам, рыцарям?

— Мы не интересуемся обитателями Земли, — ответили они.

— Исполняете ли вы веления Бога?

— Бог не интересуется нами, — с горечью ответили Князья Тьмы. — Нам не о чем разговаривать друг с другом.

— Как же так? — вскричал я. — Даже мы, люди, и то обращаемся к Нему с каждодневными просьбами, и Он сам, или через пророков, отвечает нам, людям!

²³³ Текст опубликован в журнале «Литературное обозрение», 1994, № 3/4, с. 110-112.

Рассмеялись Князья Тьмы и громами прокатился их смех:

— Ни сам Он, ни через пророков не говорил с вами. С вами говорят только Тёмные и лишь изредка — Светлые, которых вы «богами» называли...

И я оторопел и вспомнил, что и вправду в Ветхом Завете Бог появляется не сам, а только в виде Ангела. Тогда я снова спросил:

— А правда ли, что вы стараетесь вовлечь людей в грех, чтобы потом мучить их?

И снова рассмеялись Князья Тьмы, и один из них сказал:

— Зачем нужны вы нам? К вам спускаются животные мира нашего, лярвы, существа грязные и злобные, но вы, должно быть, ниже их, потому что потом они возвращаются к нам ещё хуже, чем были.

— Но если бесы, смущающие нас на земле, суть только животные вашего мира, почему же вы не обуздываете их? Тогда, выходит, вы сами повинны в том зле, которое ими творится на землях наших!

— Это ты так считаешь, — сказали мрачные Князья Тьмы и исчезли.

Едва только начала сгущаться тьма и зашевелились в ней лярвы, как передо мной появились в сиянии красного огня три великана, одетые также в доспехи, которые спросили, зачем я явился. И я понял, что это тёмные Арлеги.

— Отзовите ваших зверей от Земли, — сказал я, не опуская перед ними глаза, — дайте людям жить свободно!

Расхохотались они в ответ, и смех их громами прокатился по пространству космосов:

— Если вы, люди, с таким ничтожеством, как лярвы, не в состоянии справиться, то вам ли к высоким пределам стремиться?!

— Кто дал вам право судить о нас? — спросил я тёмных Арлегов. И ответили они, что никому не дают отчёта в своих поступках, но ответственность за них лежит на тех, кто им мешает подняться по ступеням Золотой Лестницы. И когда я предположил, что, быть может, они не той дорогой хотят подняться вверх, тёмные Арлеги только молча посмотрели на меня и не удостоили ответом, дав, однако, понять, что не здесь, а в других бесконечностях они работают, накапливая огромные знания, чтобы потом применить их.

И исчезли великаны.

Я был очень недоволен собой, потому что ни тёмным Арлегам, ни Князьям Тьмы не задал ни одного из тех вопросов, которые хотел им задать и которые представлялись мне такими важными. Я шёл во тьме, и вдруг ко мне подлетело существо, которое я могу назвать Крылатым Гением. Оно было похоже на человека, только совсем призрачного, с телом, сотканным как бы из неясного света, и с крыльями прелестнейшей бабочки. Весело улыбаясь, он спросил меня, кто я такой и откуда иду. Я ответил, но он вряд ли полностью понял меня и сказал, что уже в третий раз прилетел из своей далёкой бесконечности к Светозарным, потому что они гораздо более гостеприимны, чем драконы... Тогда я спросил его: идёт ли от их бесконечности Золотая Лестница к верхам несказанным и поднимаются ли по ней её обитатели?

У Крылатого Гения слегка потускнело тело, и с лёгкой печалью он мне ответил:

— Да, и от нас восходит Золотая Лестница, но подниматься по ней может только тот, кто на протяжении трёх тысячелетий не согрешил ни делом, ни словом, ни помышлением, а таких очень мало. Вот и я уже в четвёртый раз изживаю свои три тысячелетия.

— А есть ли миры других существ, расположенные по Золотой Лестнице ниже вашей бесконечности? — стал расспрашивать я.

— Да, многие! Но я уже забыл о своём пребывании там.

— Так, значит, тебе всё равно, существуют или нет лежащие ниже миры?

— Что ты! Ведь если я здесь такой, а не менее совершенный, то это только потому, что я сумел пройти через нижние миры и подняться...

В это время ко мне подлетело странное существо, состоящее, как мне казалось, из одной головы и гигантских крыльев, в которые переходили плечи. Я понял, что это тот, кого мы называем Керубом, и спросил его, не ощущает ли он неловкости, обладая таким странным обликом. И Керуб мне ответил:

— Я обитаю в бесконечностях, расположенных выше миров людей и даже Арлегов, и там моё тело гораздо более сложное, чем когда я спускаюсь сюда, приноравливаясь к здешним условиям. Ведь и живущий в каждом из людей Лег предстаёт только маленькой искоркой, погребённой в твоём теле, тогда как, возвратившись в свои обители, он предстанет совсем в ином облике и славе.

— Почему же происходит такая перемена? — спросил я Керуба.

— Разве это не понятно? Каждое тело, которым облекается дух, соответствует определённой среде. По мере передвижения вверх и вниз меняется облик духа, и тот же великий Лег, пролетев огромные расстояния, отделяющие его обители от нашего мира, становится маленькой искоркой, мелькнувшим на мгновение метеором...

Я вспомнил тогда звезду, шедшую с востока, которая остановилась над яслями в Вифлееме, и спросил:

— Значит, и та, вифлеемская, была Легом?

— Ты сказал, — ответил Керуб. И добавил: — Здесь тебе грозит опасность, и хорошо, что ты приобрёл друга, — указал он на подлетевшего снова к нам Крылатого гения.

— Ты должен скорее уйти отсюда, — обратился тот ко мне. — Здешние обитатели хотят захватить тебя в плен, чтобы потом забавляться, как с комнатной собачкой, но ты не должен этого допускать!

Вспыхнув от обиды, я схватился за меч и тут увидел идущих ко мне тёмных Арлегов, чьи глаза на этот раз сверкали угрозой. Я уже хотел взмахнуть мечом, как услышал слова Керуба:

— Не лезвием, а рукоятью!

И вспомнив о силе креста, я понял его как защиту перед тёмными Арлегами. Словно молния ударила меня в руку, но я не выронил меч, и враги исчезли. Но Крылатый Гений торопил меня уходить, уверяя, что враги постараются лишить меня силы креста и защиты Керуба.

— Уведи меня назад! — сказал я тому, и — очнулся в лесу возле моего замка.

Вот, что произошло со мной, и о чём я должен был поведать перед своей смертью, чтобы донести до братьев-рыцарей то, что видел и слышал. Они должны знать, что не напрасно стоят они на страже против лярв, что не страшны эти животные Тёмных, потому что неизмеримо сильнее их люди в своём стремлении вверх, к чему ведёт заключённая в их телах божественная искорка Легов».

Вот о чём рассказал мне рыцарь, который на вид был вполне здоров, но чувствовал, что наступает для него смертный час. И когда он покался мне в мелких прегрешениях, вольных и невольных грехах, я очистил его молитвой и приуготовил к далёкому пути, который суждено пройти каждому из нас. Но он, казалось, был приуготовлен уже лучше, чем это мог сделать я, потому что ещё при жизни ему было дано лицом к лицу увидеть тех, о ком мы можем только помыслить, и дух его не содрогнулся.

А затем я вернулся в свой монастырь, и утром мне сообщили, что дух рыцаря покинул этот мир.

Скоро наступит и моя очередь, и поэтому, следуя данному обещанию, я рассказываю то, что услышал на исповеди сеньора Анже де Фосса, да славится душа его в высших обителях Света!

КАК БЫЛ СПАСЕН ОРДЕН СЯТОГО БЕРНАРДА²³⁴

Память не сохранила года, когда произошло это событие, однако точно известно, что незадолго до праздника Рождества Христова в обитель ордена святого Бернарда Клервоского в Плесси-о-Роз прибыл из Святой земли монах, по его словам, давным-давно покинувший Францию. Никто из живущих его уже не помнил, но прибывший брат привёл столь неоспоримые доказательства своей причастности Ордену, что никаких сомнений они не вызвали. Он привёз в подарок обители землю из Гефсиманского сада, орошённую слезами молившегося там Спасителя, а вместе с тем предложение, о чём обещал сказать на совете Ордена, который просил назначить на первый день наступающего года.

В двенадцать монастырей с этим известием были посланы послушники Плесси-о-Роз с приглашением принять участие в переговорах, и к Рождеству прибыли сюда двенадцать настоятелей, три епископа и приглашённая на совет настоятельница монастыря святой Анны. Когда миновали праздники, прошедшие в благочестивых размышлениях, службах и молитвах, и наступил предназначенный день, в трапезной монастыря собрались приглашённые, хозяева и гость, которому было предоставлено первое слово.

Монах внимательно оглядел собравшихся и начал говорить о том, как был огорчён, найдя по возвращении своём некогда могущественный и богатый Орден столь бедным, малочисленным и незаметным в общественной жизни. Причины этого, конечно, лежат, в первую очередь, в бездеятельности братьев, которые замкнулись в монастырских стенах, ограничившись одними молитвами. Он указал, что ещё на его памяти бернардинцы гордились древними сказаниями и легендами, которые хранились в их памяти и в архивах, но теперь, увы, в связи с развитием науки, кто может поручиться за ценность этих легенд? Они ничем не отличаются от творчества трубадуров, повествуют о духах, которых никто не видел, и о событиях, о которых нет никаких достоверных свидетельств. Нечего и говорить, что их научная ценность, — а теперь всё начинает определяться наукой, — ничтожна. Если же говорить о влиянии Ордена в области общественной морали или о духовном воздействии его на мирян, то и здесь дело обстоит как нельзя более плохо, потому что вполне достаточно оказывается светских установлений...

Долго говорил приехавший, и в конце концов сказал, что Орден, по его мнению, исполнил свой долг, изжил себя, его следует упразднить, а силы монахов направить на дела практические, например, на заведение мануфактур, на приобретение виноградников и открытие винных погребов, на то, чтобы развивать промышленность и давать деньги в рост.

Молча выслушали его собравшиеся, а дождавшись конца, так же молча поднялись и направились к выходу из залы, даже не поинтересовавшись, что скажут на это присутствовавшие епископы. Выходя, последний монах обернулся и благословил новоприбывшего брата знаком креста, отчего на лице того промелькнуло что-то вроде гримасы. А председательствовавший епископ, не подав вида, что произошло нечто необычное, пригласил продолжить этот разговор на следующий день в тот же час.

Настоятели двенадцати монастырей, вышедшие из залы заседаний, собрались в одной из келий, предоставленных им на это время, чтобы обсудить случившееся. Они заметили, что прибывший из Палестины брат не знает обычаев обители, что он «не ответил на тайные знаки,

²³⁴ Публикуется впервые по рукописи.

которые делали ему монахи, и сам не попытался показать, кто он и какое посвящение имеет. Заметили они, что ни словом прибывший не упомянул о тех добрых делах, которыми всегда славилась обители бернардинцев, и что напрасно противопоставлять науку и духовное знание, которые не противоречат, а всего только дополняют друг друга.

О многом говорили между собой собравшиеся, и сходны были их мнения, потому что они давно знали друг друга, знали, кто что делает и кто как думает, и знали свои обители, которые оставались, островами добра и надежды в ненадёжном человеческом мире. В конце концов сошлись они на том, что не стоило им приезжать, чтобы выслушивать от новоприбывшего обычные сомнения, которые высказывают люди невежественные, а тем более предлагать распустить древний и знаменитый Орден.

Утром на следующий день этих настоятелей посетили епископы и просили остаться на вечернее заседание, чтобы своим отъездом не показать столь явное пренебрежение гостю, тем более, что имело смысл обсудить возможности дальнейшей хозяйственной деятельности, позволяющей обителям не только существовать, но и делать добрые дела в миру.

А в это время, как выяснилось позднее, происходили другие события, связанные с приездом неизвестного брата.

Один из послушников Плесси-о-Роз, посланный в дальнюю обитель, передав приглашение, не поехал назад, а завернул по дороге к отшельнику, жившему высоко в горах и известному своим подвижничеством и прозорливостью. Отшельник жил в маленькой хижине в глубине леса и принял послушника, который рассказал ему следующее.

В ту ночь, когда в Плесси-о-Роз приехал брат из Святой земли, он, этот послушник, был дежурным и ночевал в комнатке при воротах монастыря, рядом с которой находилась келья для гостей, куда и был помещён приехавший монах. Утомлённый дневными работами, послушник быстро заснул, но открыл глаза с последним ударом башенных часов, отбивших полночь. Он снова хотел закрыть глаза, как вдруг увидел, что маленькое потайное окошечко, пробитое в соседнее помещение и с той стороны замаскированное, чтобы можно было незаметно наблюдать за приезжавшими людьми, вдруг вспыхнуло кроваво-красным светом.

Заинтересованный послушник тихо подставил к стене табурет, взобрался на него и взглянул в потайное окошечко. Он страшно удивился, увидев там не только приехавшего монаха, но и какого-то другого человека, сидевшего к нему спиной, хотя послушник мог побожиться, что больше никого в монастырь не пропускал, а этот человек был явно не из монастырской братии. О чём они тихо беседовали, он не слышал. Однако его поразило, что лицо приезжего явно изменилось, стало много грознее и злее, а над его головой по обеим сторонам, как два пламенных рожка, виднелись какие-то образования, хотя он не мог поклясться, что это не было пламя двух свечей, расположенных сзади монаха.

По комнате двигались какие-то серые тени, и послушнику явно почудился запах серы.

В том, что перед ним нечистая сила, готовая заполнить монастырь, послушник убедился, когда попытался перекреститься — и не смог. У него едва достало сил добраться до кровати и задремать, а когда он снова проснулся и, преодолев слабость, опять поднялся на табурет, то в соседней комнате увидел уже не людей, а безобразных чудовищ. Что было потом, он не знает, потому что потерял сознание и очнулся на полу. Утром же его разбудили и послали с письмом в здешний монастырь, откуда он и поспешил захватить к отшельнику.

Выслушав этот сбивчивый рассказ испуганного послушника, отшельник спросил его, не думает ли он, что привидевшиеся ему чудовища были не в реальности, а всего только сновидением? Послушник отвечал, что именно этот вопрос он и хотел задать святому отцу. Тогда тот успокоил его, подтвердив, что всё это ему привиделось, и отпустил с миром в Плесси-

о-Роз, наказав никому не рассказывать об увиденном и дав ему письмо к настоятелю с пристойным объяснением по поводу его задержки. С тем тот и уехал.

Отшельник же в следующую ночь поднялся на соседнюю гору, более высокую, чем та, на которой жил он сам, и зажёг на её вершине большой костёр из сушняка, сложенного там с незапамятных времён. Прошло совсем немного времени, и вдалеке на двух других горах загорелись такие же огни. А через три дня к отшельнику пришли два других отшельника и выслушали его рассказ. После этого один из пришедших усыпил его, и дух отшельника, отделившись от тела, взмыл ввысь.

Дух этот был не человеческим духом, а духом Лега, спустившегося на землю, и теперь он стремился в космические выси к небесному воинству Михаила, чтобы сообщить, что в монастыре Плесси-о-Роз появился какой-то тёмный Арлег, грозящий опасностью не только самой обители, но, по-видимому, и Ордену. Передав это сообщение, он вернулся на землю в тело отшельника, и едва тот поднялся на ложе, как в дверь его кельи постучали, и на пороге появился незнакомый монах, назвавший себя Михаилом, капитуларием Ордена святого Бенедикта, идущим в Плесси-о-Роз, и попросил приюта...

На второй день Нового года капитуларий уже стучался в ворота монастыря и был с почётом принят одним из епископов, который тотчас же оповестил присутствующих о прибытии высокого гостя.

Вечернее заседание открылось под председательством капитулария. Приехавший из Палестины монах опять предложил распустить Орден за ненадобностью, но если присутствующие всё же склонны его сохранить, то заняться более полезной деятельностью, чтобы перестроить монашескую жизнь на светский лад, собирая богатства, устраивая мануфактуры, открывая в городах винные погреба и тому подобные коммерческие заведения.

Видя, что некоторые из присутствующих смущены, капитуларий спросил настоятеля Плесси-о-Роз, не было ли за последнее время пожертвований от владельцев существующих мануфактур, и когда получил утвердительный ответ, попросил принести по одной золотой монете от каждого вклада.

Казначей принёс требуемое, и когда положил первую монету на стол, то она вся как бы съёжилась, и на ней проступили четыре капли крови. С ужасом смотрели присутствующие на монету, а когда казначей положил рядом вторую, то она точно так же уменьшилась в размерах, но вместо крови на ней проступили четыре слезинки.

— Вот что несёт в себе золото, добытое чужим трудом и чужим горем, — произнёс капитуларий и обратился к эконому монастыря с просьбой принести кубок любого вина.

Тот повиновался, пошёл, вскоре вернулся и поставил на стол закрытый крышкой большой серебряный кубок. Когда же капитуларий откинул крышку кубка, из него вырвалось синее пламя, а затем показался маленький чертёнок-лярва, который униженно кланялся приехавшему из Палестины монаху.

Всё было ясно без слов. Приехавший опрометью бросился в двери, и сразу же во дворе раздался топот несущихся коней. Пришедшие в себя монахи обернулись к капитуларию, желая его благодарить за заступничество, но место его уже опустело: Михаил сделался невидим и так исчез из монастыря Плесси-о-Роз, изгнав тёмного гостя.

АЛХИМИК²³⁵

В 1276 году к одному из рыцарей Храма явился гость. Он отрекомендовался старым другом покойного отца рыцаря, и поэтому его пригласили пробыть в замке столько времени, сколько

²³⁵ Текст опубликован в журнале «Литературное обозрение», 1994, № 5/6, с. 55—57.

он захочет. После небольшого колебания гость, достигший, судя по виду, весьма преклонного возраста, принял приглашение и сказал, что остановится здесь на две недели. Очень скоро и сам хозяин замка, его челядь и жившие в замке рыцари были восхищены обходительностью старого рыцаря, его учёностью, интересными и глубокими разговорами, а прислуга — ещё и совершенно сказочной щедростью.

Однажды во время разговора хозяин замка заметил своему гостю, что такая щедрость, сама по себе вызывающая восхищение, ставит в неловкое положение приезжающих в замок его гостей, которые не могут тратить подобных сумм на подачки слугам и на подарки бедным рыцарям.

Разговор происходил наедине, и старый рыцарь, как было видно, искренне удивился.

— Неужели эти мизерные суммы и подачки представляются заслуживающими внимания? — спросил он и, получив утвердительный ответ, заметил: — А я всегда полагал, что рыцари вашего Ордена чрезвычайно богаты!

— Богаты не рыцари, а Орден, — пояснил хозяин замка.

— Но Орден действительно очень богат? — поинтересовался гость.

Хозяин с гордостью ответил, что в распоряжении Ордена находится сумма, превышающая десять миллионов полновесных золотых. Это поразило старика-гостя.

— Я долгое время жил в Индии, — объяснил он, — и не мог подумать, что Орден столь беден. Ведь только то, чем я сам обладаю, в несколько тысяч раз превышает богатство Ордена, поэтому я с удовольствием сделаю вклад в орденскую кассу!

. Но рыцарь-тамплиер был достаточно горд, чтобы отклонить такой подарок, и заявил, что вклады принимаются только от членов Ордена.

На этом разговор был закончен, однако за ужином вечером встал вопрос — надо ли и как лучше прийти на помощь голодным крестьянам, пострадавшим от неурожая. Старый рыцарь предложил собравшимся принять от него пожертвование в пользу голодающих и, когда на этот раз получил согласие, тотчас же приказал принести деньги. Двое его слуг с трудом втащили в пиршественную залу огромный кожаный мешок, набитый золотыми монетами. А его владелец, не довольствуясь этим поистине королевским даром, вынул из кошелька ещё три огромных бриллианта, присоединив их к золоту.

На другой день при встрече хозяина замка с гостем разговор опять зашёл о богатствах. Старик убеждал рыцаря, что только богатство в сочетании с известной храбростью тамплиеров обеспечит их победу над мусульманами и упрочит их положение в Палестине. Он вполне понимает, что гордость не позволяет рыцарю взять у него, старика, денег, которые ему не нужны, однако, может быть, он согласится вот на что. Поскольку он был другом его покойного отца, то он согласен научить рыцаря готовить философский камень, чудодейственная сила которого позволит Ордену получать любое количество золота и драгоценных камней.

Речи старика были столь убедительны, а доводы разумны, что после долгих колебаний рыцарь согласился последовать за ним в его замок, чтобы там постигнуть тайны алхимического искусства, обратив их для большей славы Ордена. Пока же он согласился взять у своего гостя достаточную сумму денег, чтобы оставить их мажордому покидаемого им родового замка.

После долгого пути они прибыли в роскошный неприступный замок на высокой горе, где к их услугам было множество странного вида рабов и всё необходимое для алхимической работы.

Время летело незаметно, и вскоре рыцарь уже мог делать прекрасные большие алмазы. Он уже хотел было вернуться домой, но учитель убедил его, что крайне неразумно остановиться на этой стадии науки, тем более, что появление на рынке большого количества таких прекрасных и крупных камней обесценит их очень быстро. Гораздо важнее научиться изготовлять наряду с

алмазами и другие драгоценные камни — изумруды и рубины, а затем научиться делать и золото. Рыцарь согласился и постепенно освоил эту науку. Но всякий раз, как он собирался назад, его учитель указывал на несовершенство его знаний и на очередную задачу, которая задерживала отъезд.

Время летело незаметно, и рыцарь не мог бы сказать, сколько месяцев или лет он провёл в этом сказочном замке. Но однажды во сне он услышал боевые трубы рыцарей Храма и увидел, что его товарищи зовут его назад, в Палестину. Это было так реально, что он встал с твёрдой уверенностью возвратиться к своим орденовским братьям. Он рассказал о своём сне хозяину, и на этот раз тот не стал его отговаривать и оставлять. Наоборот, он помог в сборах и настоял, чтобы тот взял возможно больше золота и драгоценностей, которыми были завалены комнаты замка.

Десять дней молчаливые слуги упаковывали тюки с золотом и драгоценными камнями, а когда всё было готово, хозяин замка предложил рыцарю и нескольким слугам, которых он с ним отправлял, переодеться в странные костюмы, которые рекомендовал не снимать до тех пор, пока они не придут в Реймс, куда стремился рыцарь. Следуя другому совету, они отправились в путь, ночуя в лесах или в поле, но не останавливаясь ни в городах, ни в сёлах, пока не прибыли в Реймс со своими семью тяжело нагруженными повозками.

Рыцарь был поражён и смущён видом этого города, совершенно не похожего на тот, который он знал когда-то. Ещё более он удивился языку, на котором говорили горожане, и платью, в которое они были одеты, поскольку оно оказалось таким же, как то, в которое одел их перед отправкой из замка старый алхимик.

Сойдя с коня и привязав его к одной из повозок, рыцарь стал расспрашивать прохожих, которые глядели на него с неменьшим удивлением, где бы он мог остановиться и сложить свои товары. Ему указали на гостиницу. Он получил там номер, сложил свои драгоценности в подвал и отпустил сопровождавших его слуг старого рыцаря, как то было у них обговорено.

Рыцарю казалось, что он попал в какой-то совершенно иной мир. Прежде чем выйти на улицу, он достал слиток золота и несколько алмазов, которые с большим трудом обменял на странные деньги, ничего общего не имевшие с теми, к которым привык в своей прежней жизни. Но как же он был поражён, когда, спросив ювелира о том, какой теперь идёт год от воплощения Христова, услышал, что с момента приезда к нему в замок старика-алхимика прошло уже более шести столетий! Больше того, оказалось, что и самого Ордена Храма давно уже нет, и никто не слышал о его рыцарях...

Рыцарю пришлось начинать жизнь как бы снова, но, поскольку он обладал сказочными богатствами, ему не грозила нищета. Он вскоре познакомился с двумя юношами из аристократических семейств, которые рассказали в ответ на его осторожные расспросы, каким образом несколько столетий назад погибли тамплиеры, оклеветанные королём Филиппом перед папой. Постепенно в разговорах он столько рассказал им об истинном облике рыцарей-тамплиеров, что вскоре оба юноши стали предлагать ему восстановить древний Орден, конечно, уже приспособленный к новым условиям. Рыцарь согласился, но предложил сначала хорошенько всё продумать, а, расставшись с ними, пошёл в погреб, где лежали его сокровища, за исключением небольшого количества, которое он держал у себя в номере.

Каково же было его удивление, а потом и ужас, когда, открыв один из тюков, он обнаружил, что всё золото превратилось в свинец, а драгоценные камни — в стекляшки! Тогда только он понял, что был обманут тёмными силами, а его «благодетель» специально увёл его с рыцарского пути на путь стяжания... Одно только поддержало его от отчаяния, когда он вернулся в свою комнату: находившиеся там драгоценности не потеряли своего вида, и, стало быть, он мог не разочаровывать своих молодых друзей, уже увлечённых идеей восстановления Ордена.

Рыцарь тотчас же продал большую часть оставшихся богатств, вручил обоим юношам по миллиону франков и некоторое время наставлял их в орденских правилах, поясняя, для чего нужно рыцарство и как они должны ему служить. Но всё это время рыцарь чувствовал страшную тоску и пустоту, поскольку жизнь переменилась, Ордена давно не было, и он не знал, для чего ему жить. Кроме того, он полагал, что погубил свою душу, оказавшись учеником Дьявола. Поэтому, распродав оставшийся у него свинец и расплатившись с хозяином гостиницы, однажды утром рыцарь покинул город, ничего не сказав своим молодым друзьям. Сохранившиеся драгоценности он завязал в котомку и шёл от селения к селению, останавливаясь только, чтобы купить себе еду, пока не поднялся в лесистые горы, где решил поселиться и провести остаток жизни отшельником.

Довольно скоро он нашёл большую, достаточно сухую и затерянную в лесу пещеру, пригодную для жилья, где проводил время в размышлениях и молитвах, лишь изредка спускаясь в долину, чтобы купить себе пищу. Но очень скоро его одиночество было нарушено. У входа в пещеру появились два жандарма, потребовавшие у него документы, удостоверяющие личность. Поскольку же никаких документов у рыцаря, естественно, не было, они хотели его арестовать, применив силу и даже оружие. Но рыцарь, обладавший гигантской силой, легко справился с ними, изломал их сабли и пистолеты, бросил их со склона, а сам ушёл со своей котомкой.

Теперь он решил искать убежища в монастыре, и первый, который встретился у него на пути, оказался монастырём иезуитов. Рыцарь сделал богатый вклад в монастырскую казну, был охотно принят послушником, и, когда посланные на его поиски жандармы добрались и до этой его обители, им было сказано, что никого похожего на описанного человека здесь не видели.

Так рыцарь прожил некоторое время, удивляя монахов и настоятеля своими рассказами о Крестовых походах и заслужив репутацию человека учёного, благодаря чему его допустили работать в монастырской библиотеке. Но чем дольше наблюдал рыцарь жизнь иезуитов, чем больше читал книг, тем яснее ему становилось, что рыцарь Храма не должен находиться в обществе иезуитов. Он чувствовал, что его дни на земле не для того были продолжены, чтобы он удалился от людей и добровольно заточил себя в монастырскую келью.

И вот, спустя два года после вступления в монастырь, он тайно его покинул, унося котомку с остатками бывшего богатства, которое продолжало оставаться всё ещё весьма значительным.

Купив современное светское платье, старый рыцарь снова отправился в Реймс, где разыскал своих молодых друзей. Они очень обрадовались возвращению наставника, потому что всё это время трудились над восстановлением Ордена и много в этом преуспели. Среди новых рыцарей были молодые и старые люди, принадлежавшие к лучшим дворянским родам, заслужившие известность своими научными трудами, общественными заслугами и благотворительной деятельностью.

К великой радости вернувшегося рыцаря, один из его новых собратьев, оставшись с ним один на один, показал ему древние знаки, по которым раньше тайные тамплиеры узнавали друг друга, и сообщил, что Орден не погиб, как это считали все. Просто после гонений храмовники не открывают своё существование, но Орден жив, его центр по-прежнему находится в Париже и ведёт свою работу, привлекая в свои ряды лучших из лучших.

Обрадованный таким известием, рыцарь спросил — богат ли Орден и нуждается ли он в деньгах? И получил ответ, что, наученный горьким историческим опытом, Орден давно уже отказался от стяжания богатств земных, работая над совершенствованием своих членов в духовном плане. В свою очередь, рыцарь рассказал новому знакомому свою историю, как дьявол увлёк его с истинного пути рыцарства в погоне за стяжанием богатств для Ордена, и попросил принять оставшиеся для искупления его ошибки, чтобы всё это потратить на дела благотворительности.

Сам же он возглавил созданный им отряд рыцарей Храма в Реймсе, приняв его девизом слова: «Не золото, не меч, но разум и воля».

О ТРОНЕ²³⁶

Однажды между рыцарем-тамплиером и рыцарем-мальтийцем зашёл разговор о традициях. Тамплиер указывал, что мальтийцы растеряли все те ценности, которые были у них раньше.

— Но мы не знаем, что есть ценного у вас, — возразил ему мальтиец.

Тогда тамплиер спросил его, встречают ли мальтийцы духов иных миров, и, получив отрицательный ответ, рассказал следующий случай.

«Вы знаете, что у нас существуют разногласия между тамплиерами и розенкрейцерами. Современное розенкрейцерство я считаю только ложным уклонением от тамплиерства. Меня часто посылает Орден для переговоров с розенкрейцерами именно как истинного тамплиера. Как-то понадобилось выяснить отношение нашего Ордена к этому общественному движению. Мы, тамплиеры, жили в Париже, они — в Версале. Я отправился в Версаль на поезде. Когда я вошёл в вагон и занял место, передо мной оказался незнакомый человек, который приветствовал меня, как приветствуют друг друга рыцари-тамплиеры. Это меня удивило, потому что я с ним никогда не встречался.

— Вы едете в Версаль? — спросил он.

— Да.

— Я тоже. Мне надо переговорить с этими же людьми. Едва я хотел спросить, к какой группе тамплиеров он принадлежит, как он заявил, что он — тамплиер-одиночка.

Мы приехали в Версаль, вышли и направились к дворцу, где жили маги. На стук нам открыл портье-индус. Но больше всего меня удивило, какой ужас отразился на его лице при виде моего спутника. Меня поразили отчаянные жесты и бег по лестнице этого индуса, принадлежавшего, судя по знакам, к высшей степени «восточного посвящения».

Поднявшись за ним, мы вошли в комнату, где нас встретили три мага — два розенкрейцера и одна женщина-тамплиер. Первые два были явно смущены. Я слышал, как мысленно они сказали друг другу: «Вот он опять появился, этот Трон!» И весь дальнейший разговор происходил без единого звука.

Маги-розенкрейцеры говорили между собой: «Вот опять здесь рыцарь Саризель. Но кем он приглашён?» И я слышу ответ Саризеля: «Вы сами знаете, почему я здесь. Вспомните, сколько прошло времени, когда мы виделись у таборитов. Что сделали вы за это время? Продвинулись ли вы вперёд в решении той задачи, которую поставил Он?» — «Ты сам знаешь, — был молчаливый ответ, — что если Ему не удалось, то как это могло удастся нам?» И тут мне почудилось, что пришедший со мной Трон чуть ли не громко воскликнул: «Это не ваш ответ! Это говорит тёмный Арле! Зачем он здесь?»

В этот момент мне показалось, что между нами и магами-розенкрейцерами колеблются какие-то светлые фигуры, за которыми расплываются очертания магов. Я почувствовал холодную дрожь и сказал:

— Здесь три, если не пять, рыцарей Христа. Где наше собрание, тёмному Арлегу нет места!

— Не так уж он тёмный, как ты думаешь, — ответил один из магов.

Справа от меня, где сидел Трон, сверкнул яркий свет. Я повернулся и тотчас же опустил глаза, столь невероятно ярко сияла его фигура. И он произнёс:

²³⁶ Текст опубликован в журнале «Литературное обозрение», 1994, № 5/6, с. 57-58.

— Где тамплиеры, там наш Христос. Неприглашённым здесь нет места. Вы пригласили тёмного Арлега?

— Нет, — ответили маги.

— Тёмный Арлег должен удалиться, — сказал я. — Если маги не хотят опоясать нас магическим кругом, скажи мне, рыцарь, своё боевое имя!

В этот момент я почувствовал, что задыхаюсь. Мне казалось, что какая-то мохнатая рука схватила меня за горло и начала душить. Конечно, это была рука не тёмного Арлега. Вероятно, один из Князей Тьмы по-своему вмешался в наш разговор. Я попытался схватить своей рукой эту руку, но она встречала только воздух, пока, наконец, рука моего астрального тела не оторвала её от моего горла. Он снова потянул меня к себе, но я не уступал. Маги встали, очертив своими жезлами магический круг, и тогда раздался голос одного из розенкрейцеров: «Саркос,пусти!» Меня отпустили, и молчавший до этого маг-розенкрейцер сказал:

— Конечно, Трон, наш ответ был ответом тёмного Арлега. Если мы сделали мало, не считая мага-тамплиера, то это потому, что тёмный Арлег искушал нас очень удачно. Но мы были спокойны, так как маг-тамплиер работала в этом направлении. Если ты спустился к нам из сфер, чтобы напомнить нам о наших обязанностях, то мы возьмёмся снова за работу. Конечно, мы знаем, что тёмному Арлегу даётся власть над царствами, но мы знаем, что ему возразить. Ты можешь уйти, Трон, будучи уверенным, что мы сделаем своё дело.

Долго продолжался разговор Трона с магами. Этот разговор примирил меня с ними. Какая сила мысли, какое умение отметить всё лукавство тёмного Арлега! Потом мы с Троном и магами вышли из дома. Портье лежал в своей комнате на полу, крестообразно раскинув руки. Дверь как бы сама собой распахнулась и закрылась за нами. Я хотел обратиться с вопросом к Трону — кто он? — но его уже не было с нами. Когда я спросил об этом мага-тамплиера, она ответила, что это «Трон из космоса Валгаллы, принявший на себя миссию напоминать кому следует забытые им слова Эона».

Трубадур мистического анархизма (А. А. Солонович)²³⁷*Tu est laid, mais tu as de la physionomie*²³⁸

Преподаватель Московского высшего технического училища по курсу математических упражнений, наследник покойного А. А. Карелина по «анархическим» и оккультно-политическим делам и организациям, Алексей Александрович Солонович, несомненно, талантливая и незаурядная личность. Внешнее безобразие придаёт энергии его внушения особую силу, особенно действующую на восторженные натуры и женщин. Громадная активность, пропагандистская и организационная, искупает его организационную бездарность, окружая его постоянно видимостью организационного кипения, вереницей эфемерных организаций. Бесконечные ордена и братства: Света, Духа, Креста и Полумесяца, Сфинкса, Взаимопомощи и т. п., целая иерархия оккультных, политических, «культурных» организаций, посвящённых Иалдабаофу и его alter ego — Архангелу Михаилу, феерией болотных огней вспыхивают на тёмных и извилистых тропинках его жизни.

Официальной маской этой тайной деятельности Карелина и Солоновича была, как известно, Всероссийская Федерация Анархистов-Коммунистов, которую они возглавляли и которая, по существу своему, ни к чему их не обязывала²³⁹, но давала им ослепительный ореол крайних революционеров. Все вышеперечисленные ордена, братства, а также разные «крестьянские» (в которых не было крестьян) и «рабочие» (в которых всё же была как будто пара настоящих рабочих) союзы и т. п. были для них тоже лишь вспомогательной иерархией организаций: каждая из этих организаций не подозревала даже о существовании другой — «вышей», которой она подчинена. А вся эта иерархия подчинена верховной международной организации, ни имени которой, ни содержания я пока не назову. Могу сказать лишь одно: Карелин вывез её в Россию из Парижа, а в Париж, по-видимому, имел рекомендацию от русских масонов. Должен, однако, предупредить, что в хронике этой верховной организации упоминается, что масонство тоже было маской для этой организации, и, следовательно, она с масонством не тождественна.

Личный состав этой верховной организации, конечно, не анархический. Её задача — гегемония избранных. Презрение, с которым они говорят в своих избранных кругах о претензиях рабочих на культуру и политику, достаточно говорит о том, что им не всё равно, какая гегемония. Острый антисемитизм это подчёркивает.

Россию и частично русскую эмиграцию унаследовал от Карелина по линии анархической маски Солонович. Но, если Карелин умел держать анархическое реноме, у Солоновича, как человека более бестактного, его оккультное существо бьёт наружу. *Экономический, политический и культурный революционный анархизм ему скучен. Люб ему только блеск оккультных аналогий, правда, улавливаемых им лишь со стороны их блестящей пёстрой поверхности, блеск эффектных организационных церемоний (ритуалов), в которых он поистине «священнодействует», кипение организационных феерий и, главное, самочувствие «папы», спасителя, полубога, ибо он не считает себя человеком, а архангелом, даже выше архангела, и это говорится им совершенно серьёзно. Большая часть людей, как он сам говорит, — лярвы, дьяволята, которыми командует Сатана. Солонович возмущался, когда один из его близких заметил ему лишь: «В нас тоже есть лярвы». «Нет, — сказал Солонович, — мы по меньшей мере ангелы».*

²³⁷ Печатается по тексту: «Дело Труда», № 50—51, Париж, 1929, с. 15—17.

²³⁸ «Ты безобразен, но у тебя есть свое лицо» (франц.). Из Цвейга.

²³⁹ Все выделения в тексте принадлежат автору. — А. Н.

Талант Солоновича своеобразен. Он пишет стихи. Но они никуда не годны по форме и их нельзя понимать: это какой-то набор звонких слов и образов. Он читает лекции и доклады, ошеломляет ими публику до одурения: столь они блестят эффектами остроумия, сравнений, неожиданных «новых» (хотя и вычитанных) взглядов и оборотов. Но как я ни пытался самое позднее на другой день после их произнесения узнать от его слушателей, о чём же говорил в лекции Солонович, ни разу ни один, несмотря на все потуги, не мог ничего, кроме внешних эффектов, припомнить, — так, по существу, они всегда бессодержательны и бессистемны. Они бьют на болезни воображения.

Он написал «труды»: «О Христе и христианстве», «Волхвы и их предтечи», «Бакунин — Иалдабаоф» и т. п. — бесконечный ряд трудов, кроме оккультных Голубых сказок, пьес (подражания Карелину), медитаций и т. п. О «Бакунине — Иалдабаофе» он ухитрился в два года написать шесть громадных томов, имея до 1925 г. равнодушно-отрицательное отношение к Бакунину, натолкнутый в 1925 г. на пригодные для него моменты у Бакунина одним анархистом и начавший собирать материалы и писать эту «работу» самое раннее во второй половине 1926 года, т. е. материалы он собирал в процессе писания. Я спрашивал читавших об их впечатлении от этой работы. Серьёзные интеллекты, привыкшие к ответственности за свои мысли и утверждения, говорили в одно слово: сумбур. Остальные восхищались, как он возвеличил Бакунина, как разругал Маркса. И всё? Всё: больше никто ничего серьёзного мне не мог поведать.

Я сам читал его стихи, названные труды, пьесы и т. д., слушал его лекции, доклады, но ничего обо всём этом говорить не буду: не стоит.

Физиономия его, как я уже упоминал, безобразна. Ещё безобразнее его внутреннее существо. Анархиста В. Михайлова он грозил отдать под суд за то, что тот отложил печатание его статьи перед более существенным и неотложным. И при всём том Солонович осмелился потребовать с анархического издания самый живодёровский гонорар.

Самая наглая беззастенчивость обнаруживается в его борьбе с теми, которые ему покажутся опасными конкурентами. О Р(огдае)ве, Пастухове и некоторых других анархистах Солонович и его жена распустили слух, что те служили или служат агентами-provокаторами.

О современном Международном Товариществе Рабочих и о ряде других анархических организаций Солоновичи уверяли, что это «одна жидовская лавочка».

Характерно для физиономии Солоновича, что, будучи отъявленным антисемитом, он втягивает и евреев в побочные вспомогательные организации. В основные организации допускаются только крещёные.

Но самое характерное для Солоновичей — это то, что, обвиняя вас за глаза в провокации, в безнравственности, в моральной нечистоплотности, они тем не менее в глаза будут по-прежнему жать вам руки, приглашать к себе, пытаться увлечь вас своими фантазиями и вовлечь вас в свои затеи и организации. Если они искалечат вам жизнь своими сплетнями и клеветами, отпугнут от вас всех друзей — что ж, тем лучше: вы будете или морально раздавлены, как это случилось с Пастуховым и Проферансовым, или будете их верными клеветами, как это вышло с Бемом и С...

*

Откуда же такая «душевная красота»?

С точки зрения проповеди самого Солоновича, он состоит из духа, души и тела. Красота его тела нам известна, душу его ещё при старом режиме судили за порнографию. Но, в отличие от презренных масс, он имеет ещё и дух. Люди — или физики, любящие тельце, или психики — мыслители, организаторы и т. п. Он же — пневматик, а потому — «мистик», прозревает

глубины всех семи и двенадцати небес и сверх них. Кем был и будет в воплощениях его дух, я его не спрашивал. Но его жена хвасталась, что в прошлом воплощении она была мужчиной и в следующем тоже будет мужчиной, нынешнее же, женское, ниспослано ей в качестве испытания.

Что же представляет из себя дух Солоновича?

В революцию 1905-1907 гг. он напечатал какую-то брошюру об анархизме. В реакцию 1912 года он уже издаёт свои «Скитания духа». Там он пишет:

«Это была маленькая полутёмная комната, почти совершенно пустая, если не считать мраморной статуи распятого Христа у одной из стен.

Спеша и путаясь от лихорадочно-стремительной поспешности, она разделась и подошла к статуе (стр. 148)... вот её голова поднялась до уровня, где узкая повязка покрывала верхнюю часть ног и низ живота статуи.

Тогда её руки сразу сжались, голова выпрямилась, а губы впились в то место, где повязка немного выдавалась... Всё тело прижалось одним сокращением к мрамору, а ноги обвили вокруг ног изваяния (стр. 149-150).

Голова Христа нагнулась к ней, и острый поцелуй, горячий, как огонь, обжёт её с ног до головы.

Он как будто влил расплавленный металл и заклокотал в ней... Он и она были одно...» (стр. 150).

Словом — оккультно-порнографическая поэма в прозе.

Наступает война 1914-1917 гг. Солонович печатает ура-патриотические стихи, призывает в них бить немцев как исконных врагов славянства, воспекает «триединое царство», Россию, сербского короля и т. п.

1917 год. Революция. Солоновича его приятель тащит на революционную улицу, а Солонович... читает Масперо и отмахивается: «До Р. Х. были революции и после этой будут, а что в них толку». Но неутомленный приятель не отстает, вытаскивает Солоновича на улицу, и, конечно, Солонович превращается в левейшего революционного деятеля. Печатает «Квадригу мировой революции» (первое своё анархо-мистическое исповедание).

Побеждают большевики. Карелин — член ВЦИК, проповедует официально мирное завоевание большинства в Советах. А тайно — создаёт оккультные организации совокупно с Солоновичем. Объявляется священная война материалистическим движениям. Кропоткина и Бакунина Солонович третирует как недалёких «психиков». Кропоткинский музей бойкотируется истинными последователями Карелина, за исключением разве немногих старших, что объясняется «тактикой».

С 1924 г. Карелин, Солонович и К° через Эрманда, специально по просьбе рабочих организаций Америки (доверившихся ореолу Карелина) посланного для этой цели, руководят известной газетой «Рассвет». И «Рассвет» постепенно превращается в оккультно-анархо-белогвардейскую газету.

В этой газете, в созданном ею журнале «Пробуждение» и как будто с её помощью и отдельными изданиями они под разными псевдонимами печатают свои руководящие внешне оккультные откровения. К сожалению, не имея под руками номеров газеты и журнала, я не могу сказать, были ли напечатаны там такие оккультные произведения самого Карелина, как «Маги», «Два Калиостро», «Свет нездешний» и т. п., или другие, но что названные и другие, неназванные были посланы в Америку Эрманду и то многое, что среди русских последователей считается эзотерической тайной, а в Америке было опубликовано, это мне известно из уст самих московских заправил.

С 1925 г. эта компания в поисках трибуны устраивается в Музее Кропоткина, выдворив оттуда разными «красивыми» и некрасивыми способами почти всех анархистов. Но ведь неприлично же быть во главе

ансекции Кропоткинского комитета таким явным врагам Бакунинско-Кропоткинского материалистического анархизма. И вот Бакунин, Кропоткин и Толстой объявляются пневматиками. Солонович заявляет, что они во главе угла его мирозерцания, начинает их изучать и фальсифицировать.

Всё ж ещё в 1926 г., по Солоновичу, Бакунин, Кропоткин и Толстой — только языческие волхвы с востока, явившиеся, чтобы быть преклонёнными и возвестить славу какого-то ещё только рождённого оккультного мессии. (См. его статью «Волхвы и их предтечи».)

Позднее Бакунин из волхвов превращается Солоновичем уже в бога седьмого неба — Иалдабаофа, враждующего с богом земли и евреев — Иеговой-Марксом (ср. статьи Булгакова и Бердяева за границей).

Знаменательное повышение по службе.

Таковы зафиксированные самим Солоновичем на страницах печати его «Скитания Духа».

Для чего же всё это? Чего и какими методами хочет достичь Солонович?

Со слов жены Солоновича, оккультизмом они занимались ещё до революции 1905 года. Как видно из «Скитаний Духа», они находились под влиянием оккультизма западного посвящения, преимущественно каббалистического. «Скитания Духа» близки по форме и содержанию писаниям Сент-Ив д'Альвейдера.

Карелин ввёл их в одну из форм строгого посвящения, привезённую им из Парижа. Многие данные говорят, однако, за то, что это — фальшивая форма строгого посвящения. Так, например, многие идеи и методы абсолютно противоречат документам хотя бы известного Братства Философов Древней Системы.

Кто же они, эта карелино-солоновичская компания, эта солоновщина?

Если вы, по их мнению, неспособны проникнуться их затеями, они используют вас в периферических организациях *и выдают себя за самого ярого правоведа вашего вероисповедания*, если только вы попали к лицам, которым, в силу разделения труда, поручены соответствующие категории вероисповеданий.

Если им кажется, что вы податливый человек, вам начинают предлагать переходную литературу: оккультные романы, йогов, каббалистов, теософов и антропософов, Карпентера, Эмерсона, церковных мистиков, Бердяева, Булгакова, литературу по сектантству, индусскую, персидскую и т. п. мистическую литературу, соответственно тому, что окажется подходящее. Вам читают лекции, направленные против материализма, или даже в первое время против наименее удобных форм материализма. Затем вводят в кружок взаимопомощи, изучения евангелия, изучения философии и т. п. Затем начинают незаметно прививать свой псевдопневматизм, антисемитизм, ненависть к науке и технике и к индустриальной культуре. Прививают любовь к средневековью, к магизму и т. д. Приучают лгать так, чтобы чувствовать себя говорящими как бы правду, но фактически — обмануть, пользуясь софистическими оборотами, двусмысленностями и неточностью языка, пустить в массу вымысел, чтобы получить нужный эффект (магия слова). Это они называют — быть в лабиринте Миноса.

Их задача, как я уж сказал, — гегемония избранных, пневматиков, как они о себе отзываются. Их средства — все, какие будут найдены удобными: обман, клевета и т. п. Их метод — мимикрия. По поводу смерти Ленина они печатают сочувствие ВКП партии и восхваляют Ленина за то, что он «дал землю крестьянам». В Кропоткинском музее они самые «неподдельные кропоткинцы». В «Рассвете» они восхваляют Николая Николаевича Романова, человека, неизвестного в России, и т. п. В их руководящей организации представлен спектр партии религиозных организаций, на всякий случай, по-видимому. Кто же они на самом деле? Авгуры. Их вера — бессердечный словесный фокус на службе самозванного мессианизма.

Куда политически тянет эта компания?

Из сказанного ясно, что даже не к буржуазно-демократической контрреволюции: маска анархизма, идея гегемонии лучших, ненависть к индустриальной культуре, черносотенная форма мистики — всё это говорит, что здесь мы, по-видимому, имеем дело с деформацией дворянско-мистической контрреволюции в условиях современности.

Один из карелино-солоновичцев, член анархической секции и Кропоткинского Комитета, так буквально и пишет:

«Россия ждёт своего нового патриарха Гермогена, своих новых воителей Александра Невского и Дмитрия Донского. Все они могут вновь родиться скорее всего в лоне внутренней мистической церкви...»

Чего же ждать от этих новоявленных мессий? Только самых мрачных дней средневековья, когда судьбу мира решал сонм «мошенников священных», по выражению апологета церкви — Владимира Соловьёва.

Нет им места среди честных революционеров и изыскателей истины.

Подпольная литература в Советской России²⁴⁰

В современной России любопытное явление представляет собою подпольная рукописная литература. Несмотря на трудности и дороговизну «издания» литература эта распространена повсеместно, в особенности в Москве и Петрограде. Карликовые тиражи Ундервуда или Ремингтона, позволяющие выпускать в свет не более 10 экземпляров, вызывают необходимость издавать ходкие произведения в нескольких «списках», выходящих часто почти одновременно в разных городах России. Кое-где смельчаки рискуют оборудовать стеклограф или примитивный гектограф, позволяющий выпустить от 50 до 100 экземпляров рукописи, но явление это редкое, так как провал такой «типографии» влечёт за собой обычно расстрел.

Внешний вид рукописных изданий носит, конечно, самый примитивный характер, как в издательском, так и в редакционном отношении, но чем толще рукопись, тем аккуратнее и заботливее она выпускается, тем лучше техническая редакция и тем выше качество бумаги и другие стороны техники издания. Рукописи, превышающие печатный лист, обычно сшиваются ниткой и имеют цветную обложку из толстой альбомной бумаги. Некоторые произведения выходят даже в переплёте. Так, работа о Бакуnine — одного из видных анархистов — вышла в 4-х томах нового писчего стандартного формата, каждый свыше 300 страниц, на бумаге довоенного качества в прекрасных коленкорových переплётах тиражом в... 6 экземпляров²⁴¹.

Другая работа по религиозной философии на папиросной бумаге содержит свыше 500 страниц большого писчего формата, вышла в двух изданиях в Москве и в Петрограде по 11 экземпляров, при этом одно издание тоже в переплёте, а другое в аккуратных толстых обложках.

Лекции одного профессора, чрезвычайно популярные среди молодёжи, где они впервые и читались в нелегальных кружках, вышли в течение пяти лет, по крайней мере, 15 раз в разных городах советской России, в Москве, Петрограде, Нижнем Новгороде, в Харькове и на Кавказе. Они содержат 4 курса в объёме нескольких сот страниц на самые различные темы популярной философии.

Несчётное количество раз переписываются различные церковные документы, в особенности относящиеся к расколу внутри «тихоновской» церкви, вызванному известным посланием митрополита Сергия. Каким-то безвестным монахом в глухом местечке Центральной России в глубокой тайне изданы 6 экземпляров «Сборника» этих документов, содержащих свыше 200 документов на 500 страницах большого формата, преимущественно направленных против митрополита Сергия. Большим успехом пользуются различные стихотворения, не могущие быть напечатанными в советских изданиях в силу их идеалистического или религиозного характера. Особенно много таких стихов посвящено России, её судьбе и страданиям.

По свидетельству одного из большевистских толстых журналов, рекорд тиража за 10 лет революции принадлежит не какому-либо из советских изданий Государственного издательства, а известному стихотворению анонимного автора, приписываемому, однако, единодушно Сергею Есенину, под названием «Ответ Демьяну Бедному» на его наглую и кощунственную «Юмористическую Библию». Действительно, едва ли есть в России грамотный человек, даже среди большевиков, который бы не читал этого стихотворения и, по-видимому, тысячи

²⁴⁰ Печатается по тексту: «Рассвет», №№ 233—235, 3—4—б. X. 1930 г.

²⁴¹ Речь идёт о А. А. Солоновиче и его исследовании «М. А. Бакунин и культ Иалдабаофа», сыгравшем решающую роль в формулировках обвинительного заключения. Количество томов и «тираж», приводимый М. Артемьевым подтверждается данными следствия по делу «Ордена Света».

машинисток переписывали его среди советских циркуляров по всем городам России, ибо количество «изданий» этого стихотворения, талантливого по содержанию и по форме, неисчислимо.

Русская интеллигенция всегда отличалась страстью копить книгу, собирать у себя дома свою библиотечку. Так и в настоящее время распространено коллекционирование этих рукописей. Собрания их под названием «архивов» хранятся обычно не дома в столе или на этажерке, а в корзинах или в чемоданах где-либо у безобидной знакомой старушки под диваном или на шкафу, часто даже без её ведома, или где-нибудь на даче в сарае или на чердаке. Иногда такие архивы у неосторожных и легкомысленных лиц залёживаются в квартире, вернее, на «жилоплощади», ибо слово «квартира» почти вывелось из употребления в СССР. Тогда эти «архивы» рано или поздно делаются добычей ГПУ и всегда являются лакомым блюдом для производящих обыск чекистов.

Провал «архива» вселяет тревогу в окружающей среде, ибо хотя рукописи переписываются и анонимны, но ГПУ довольно быстро расшифровывает аноним, если не персонально по отношению к автору, то ту среду, в которой могла появиться соответствующая рукопись, и начинается форменная облава.

Вот почему при получении известия об аресте кого-либо из друзей или знакомых, один из первых тревожных вопросов касается — не провалился ли при обыске «архив». Часто репрессии обрушиваются и на машинисток. Так, в июне сего года (т. е. 1930 г. — *А. Н.*) в сравнительно узком кругу общества в Москве за два дня было арестовано пять Лель, очевидно в поисках какой-то Ольги или Елены, переписчицы неприятной для большевиков рукописи²⁴². Автору этих строк в течение ряда лет удалось просмотреть и ознакомиться с немалым количеством таких «архивов» у самых разнообразных представителей интеллигенции, главным образом у молодёжи, при этом у него сложилось определённое впечатление об общем состоянии общественного сознания русской интеллигенции, чутким барометром коего является творческая мысль.

О чём же трактуют, что и как пишут анонимные авторы подпольной литературы? Каковы темы, каков круг интересов, в чём «злоба дня», какова социально-политическая ориентация, каков характер разработки проблем в смысле философского направления — вот вопросы, напрашивающиеся у всякого, с кем приходится делиться впечатлением от знакомства с подпольной литературой в советской России. Кое-какие обобщающие выводы несомненно могут быть сделаны на основании знакомства с десятком «архивов», содержащих более сотни разнообразных рукописей, вышедших за последние

10 лет преимущественно в столицах и на Кавказе.

Прежде всего бросается в глаза творческая импотенция (бессилие) целого значительного слоя русской интеллигенции, присвоившего себе в прошлом эпитет «передовой», шедшей в авангарде так называемого «освободительного движения», вожди коего действительно в течение ряда десятилетий были властителями душ молодёжи и самых широких кругов общества. Речь идёт о социалистах, преимущественно меньшевиках и эсерах. Автор этих строк тщетно искал в течение восьми лет какие-либо следы творческой жизни среди уцелевших ещё представителей этих кругов интеллигенции — ни разу за всё время ему не попала ни одна рукопись этой ориентации. Лишь однажды в Москве в Сельсоюзе встретила ходившая там тощая рукопись, по-видимому, эсеровской ориентации под заглавием «В защиту Революции», содержащая в себе нечто вроде обвинительного акта против большевиков, дискредитировавших идею революции.

²⁴² Одной из жертв этих арестов в июне 1930 г. стала О. С. Пахомова, приговоренная к ссылке в Казахстан за связи с Библиографическим кружком и непосредственно с А. А. Солоновичем.

Это было в 1922 г. вскоре после известного эсеровского процесса, когда в Сельсоюзе, только что тогда возникшем, было много бывших эсеров. И затем, много лет позднее, в «архиве» одного бывшего меньшевика среди рукописей по оккультным вопросам неожиданно встретил прошлогодний номер «Социалистического Вестника», проникший каким-то образом через границу в СССР. Ни о каких серьёзных работах или толстых томах в связи с социалистическими доктринами говорить не приходится — о социализме достаточно книг выпускают сами большевики. Объяснять оскудение творчества социалистической мысли полным разгромом меньшевистских и эсеровских кадров едва ли будет правильно, ибо не меньшему разгрому подверглись и другие группировки, например, круги церковной интеллигенции, давшей, однако, в тяжёлых условиях большевизма ряд замечательных по глубине сочинений по всем основным вопросам общественного сознания вплоть до «Религиозных оснований политической экономии».

Гораздо более правильным «показателем» существа дела является то зловещее для социалистических кругов обстоятельство, что им нет в советской действительности никакой «смены», что среди современной молодёжи немислимо встретить ни одного эсера или меньшевика (в смысле сочувствия им), как будто бы эта порода людей относится к совершенно другой исторической эпохе.

Это обстоятельство, наряду с творческим оскудением демократической мысли и наряду с тем, что бывшие бойцы разбитой армии более, чем кто бы то ни было впали в ничтожество, предаваясь пьянству, картам и мечтам о еврейских погромах — свидетельствует о глубочайшем кризисе русской демократической мысли.

Но кризис общественного сознания не ограничивается одним только разочарованием в демократических идеях, он идёт гораздо глубже и дальше и затрагивает внутренние основы сознания, распространяясь не только на мировоззрение, но и на мироощущение. Кризис охватил всё научно-позитивное сознание, всё материалистическое мироощущение.

Дело не в демократизме, ибо его «враги» в лице либерализма и консерватизма впали в такую же прострацию, как и он сам, которая однако менее заметна, ибо демократизму принадлежало первенство на арене политической борьбы.

Дело в политике вообще. Политикой никто в Советской России не интересуется, она вызывает отрыжку и отвращение. Ею отравлены все, и как раньше в безбожных семинариях богословие вызывало скуку и злобу, так и теперь политграмота, вечная политическая проблема вызывает ту же скуку и протест «всего существа», как писал один комсомолец-самоубийца. От политики бегут как от чумы куда попало и более всего по линии наименьшего сопротивления — в спорт, в шахматы, на зелёное поле преферанса, к «родной бутылочке с белой головкой». Те, кто посильнее духом, в ком живёт ещё личность, выбирают путь страдания и исповедничества — надевают на шею крест и идут в храм, теряя тем самым в короткое время советскую службу, профсоюзный билет, а за ним право на хлеб и кров.

Вот почему в рукописях современных авторов отсутствует не только социализм, но и политика вообще. Лекция по аграрному вопросу, о рабочем законодательстве, о форме правления и даже о возможных преемниках большевикам не собрала бы ни одного слушателя в особенности из среды молодёжи.

В центре внимания современного общественного сознания вместо политики вопросы философии и в особенности — философии истории. Кто только не подходит к этим проблемам! Если бы не ответственность за судьбу оставшихся там, в России, то здесь можно было бы привести ряд блестящих имён из самых разнообразных лагерей старой русской интеллигенции, «ударившихся» в философию истории, о которой они ранее и не мечтали. Тут и кающиеся социалисты, ищущие «смысл истории» в... метафизике общества и зовущие к

забытой «религии» Мережковского, к его «неохристианству» и соборной общественности, тут и анархисты, пишущие «мистику истории», тут и бывший видный кадет, философствующий о «солидаризме» в истории, тут и бывший толстовец, зовущий на «Остров достоверности» православия, тут и антропософы, углубляющие Штейнера и копирующие в реставрационных красках идеал «Государства» Платона, тут и учёные с именем и без имени, вещающие о диктатуре аристократии мысли, тут и музыканты, зовущие уйти от цивилизации на стезю странничества в горы или в пустыню, тут и церковники, выпускающие многотомные сочинения по апокалиптике истории, тут даже и бывшие коммунисты, каким-то чудом додумавшиеся до «онтологии» революции и открывающие внутренний смысл её в... теологических обоснованиях антисемитизма и т. д. — все наперерыв ищут сокровенного, тайного, внутреннего, первоначального, вечного, абсолютного, божественного, истинного, словом, одна сплошная «философия», «онтология», «метафизика», «мистика» и прочие области, вызывавшие раньше у молодых политических пропагандистов и агитаторов снисходительное презрение и высокомерную жалость к «реакционному образу мыслей».

В соответствии с указанными интересами преобразились и комнаты современных интеллигентов. Вместо Маркса и Энгельса, ставших теперь казёнными «царскими» портретами, висят над письменным столом хотя тоже немецкие, но совсем другие учителя — Рудольф Штейнер или Гёте, вместо Герцена и Чернышевского — Достоевский, вместо Гаршина и Короленко — Хомяков, вместо Успенского — Константин Леонтьев, вместо Лаврова и Михайловского — Вл. Соловьёв и Н. Фёдоров, вместо Толстого — Серафим Саровский, вместо Кропоткина — Карелин, и только один Бакунин продолжает владеть сердцами в соответствующих кругах, но уже по-новому, и если бы нашёлся художник для его нового портрета, то Бакунин был бы изображён не в обычной своей нигилистической куртке с открытым воротом, а в чёрных латах рыцаря с большим крестом на груди.

Кое-где можно встретить портреты даже таких почти совсем неизвестных в прежних демократических интеллигентских кругах русских мыслителей XIX века, как Бухарев и Несмелое. Но главным властителем дум современной интеллигенции всех возрастов и всех положений является всё же Достоевский, страдальческий лик которого, так гармонирующий с ликом современной России, красуется везде на самом почётном месте.

Так отражается в звуках творческой мысли падение и гибель в России материализма, так отходит на задний план позитивизм. Ещё одна заметная черта присуща современному творчеству, характеризующая в свою очередь кризис позитивизма: сама философия, куда с головой окунулись современные авторы, избегает традиционных форм и установившихся понятий; создаются, правда, в большинстве случаев весьма незрелые и чересчур смелые новые «системы» философии, новые понятия, новая терминология. Авторы избегают писать «исследования», как будто бы боясь позитивных традиций, необходимости «доказательства» и скучной работы над источниками, они пишут свою «независимую» философию, выбирают новые темы, избегая писать о чём-то, трактуя что-то, непосредственную данность нового опыта.

Всё это производит отчасти неблагоприятное впечатление «ученичества», с научной точки зрения бездоказательности и незрелости, преждевременного «дерзновения», позёрства, гордости и т. д., и вместе с тем свидетельствует о стремлении освободиться от каких-то старых изжитых пут гносеологии, дать нечто совсем своё, не только оригинальное, но и как продукт непосредственного внедрения в тайны смысла, в новые мироощущения.

Кризис позитивизма характеризуется ещё одним печальным явлением, перешедшим, как зараза, от советской действительности и в свободную подпольную мысль. Это — проникновение лжи в научный позитивный опыт, т. е. то, отсутствием чего русская наука всегда по праву гордилась.

Ложь позитивного опыта в стиле известного геккелевского подлога, имевшего когда-то характер скандала на весь мир, стала в современной «советской» науке едва ли не обычным явлением, доставляющим истинные муки старым учёным. Автору этих строк пришлось выслушать в этом отношении жалобы и скорбь одного видного физиолога, приведшего множество фактов о современных новых методах науки.

То, что не вызывало ранее и тени сомнения, поскольку факт констатируется учёным в его докладе или книге, ныне уже не вселяет полного доверия и часто требует дополнительных доказательств или тайной проверки — явление неслыханное в академических традициях. Другой учёный, академик, выразился однажды во время обеда в Пулкове, когда праздновалось двухсотлетие Академии наук, что «мы живём в эпоху отсутствия точных фактов». К этому можно прибавить, что само понятие факта поколеблено (теория относительности) и затрудняет практику позитивного опыта.

В области литературы и поэзии можно отметить в общем ту же эволюцию, что и в области научной и философской мысли. Советская, печатанная в типографиях литература, как и наука, подчинённая «ленинизму», полна лжи, в особенности лжи умолчания и лжи пустых слов. Причина первой лежит в сознании, второй — в воле. Там ложь творчества, мыслей, восприятий; здесь ложь жизни. Несомненно, между тем и другим существует большая внутренняя связь. Но здесь не место говорить о советской литературе, речь идёт о литературе подпольной и свободной. Здесь, конечно, лжи гораздо меньше, хотя и сюда она не могла не проникнуть и выражается, главным образом, в самообмане «духовного видения», о чём любят трактовать современные «гносманцы». Затем характерно почти полное исчезновение так называемых гражданских мотивов в литературе и в особенности в поэзии. Вместо этого литература повествует или уход на лоно природы на гамсуновские мотивы с привкусом джек-лондоновского героизма, или, что особенно характерно и важно и что идёт нога в ногу с философией, она пропитывается апокалипсическими настроениями, которые выражаются не только в чаяниях конца мира и преображения, не только в стремлении покаяться, пока не поздно, но и в космическом ощущении действительности.

Этим последним особенно отличается обширная подпольная поэзия. В одном «архиве» на Кавказе, уцелевшем от последнего разгрома всех живых сил в сентябре-ноябре 1929 года, имеется замечательная и весьма своеобразная «коллекция» Архангела Михаила, в которой собрано всё, что дало творческое сознание об Архистратиге, как во время Революции, так и до неё. В этой интересной коллекции, содержащей, между прочим, и несколько замечательных икон и гравюр, чрезвычайно рельефно выделяется космическое сознание современной творческой мысли. Особенно много стихов о России и большая половина их проникнута ярким апокалипсическим духом, а космические ощущения бушуют даже у такого поэта надполья, как Маяковский, который, подобно своему американскому собрату Уолт Уитмену, слышит биение пульса Земли и звоны небесных колоколов. Как из области философии истории исчезли понятия «прогресс» и «Человечество» с большой буквы, и заменились «Вселенским спасением» и «Церковью», понимаемой, кто как умеет и может, так и в литературе и в поэзии исчезло «земля» и «душевное» и появилось «Небо» и «Дух».

Что можно ещё прибавить к характеристике подпольной литературы? Нельзя не упомянуть, что невероятное распространение в советской России антисемитизма, которым насквозь проникнуты и сами большевики, нашло достаточное отражение в рукописях в самых разных формах и видах.

Затем достойна внимания апология (восхваление) мещанства не только в экономическом смысле, как реакция социализму, но и в моральном смысле, как реакция процессу разрушения семьи.

Наконец, таким же парадоксом современности является сравнительно большая терпимость или, вернее, равнодушие к большевизму. Это выражается в том, что в рукописях отсутствует то, что можно было бы назвать агитацией и пропагандой, в них нет призывов к борьбе с советской властью, нет специфической контрреволюции или «белогвардейщины», ибо преобладает вместо всего различные учения, «откровения», проповеди и т. д. Большевизм почти единодушно квалифицируется, как сатанизм, и борьба с ним не мыслится в формах политических, а как-то иначе, глубже и на более просторной арене.

Такова действительность общественного сознания, отражённая в подпольном и свободном творчестве мысли и сердца. Здесь не дана оценка этой действительности. Одним она может показаться «реакцией», сумерками, закатом, другим, наоборот, возрождением, спасением и новою жизнью; одних приведёт в грусть и уныние, другим вселит надежду, бодрость и радость. Одно несомненно и это должно быть осознано прочно, что мы переживаем время, которое является несомненно громадным историческим переломом, гранью, за которой лежит многое из того, что ещё не изведано человечеством. Мы вступаем в новую полосу исторического существования, начинаем главу мирового развития и, несомненно, это вступление находится в весьма заметной зависимости от того, что происходит на нашей великой Родине.

И вспоминаются слова Апостола: «...наблюдайте времена и сроки...»

Обвинительное заключение²⁴³

По делу № 103514 на гр. гр. АДАМОВУ Елену Георгиевну, АНОСОВА Григория Ивановича, БОГОМОЛОВА Николая Константиновича, ИЛЬИНА Георгия Дмитриевича, СМОЛЕНЦЕВУ Александру Ивановну, СОЛОНОВИЧА Алексея Александровича, УЙТТЕНХОВЕН Ирину Николаевну, ЛЕОНТЬЕВА Константина Ивановича, ЛЮБИМОВУ Варвару Николаевну, НИКИТИНУ Нину Александровну, СМЕРНОВА Евгения Николаевича, КОРОЛЬКОВА Павла Ефимовича, ПОЛЬ Елену Аполлинариевну, УЙТТЕНХОВЕНА Александра Владимировича, ЛЕОНТЬЕВУ Надежду Алексеевну, АНДРЕЕВА Александра Васильевича, КОРНИЛОВА Петра Аркадьевича, НИКИТИНА Леонида Александровича, НИКИТИНУ Веру Робертовну, БЕМА Дмитрия Александровича, БРЕНЕВА Евгения Константиновича, РЫТАВЦЕВА Илью Евгеньевича, ПРОФЕРАНСОВА Николая Ивановича, ЛАДЫЖЕНСКОГО Николая Алексеевича, СНО Владимира Ивановича, ПОЛЯ Александра Сергеевича, АСКАРОВА Германа Карловича, ГИРШФЕЛЬДА Феликса Фёдоровича, ПОКРОВСКУЮ Ирину Владимировну, РУСОВА Николая Николаевича, ВОДОВОЗОВА Николая Васильевича, ЗАВАДСКОГО Юрия (Георгия) Александровича и ШИШКО Владимира Фёдоровича.

9-го января 1931 года. Я, помощник начальника 1-го отд. СО ОГПУ КИРРЕ, рассмотрев дело за № 103514 по обвинению гр. гр. АДАМОВОЙ Е. Г., АНОСОВА Г. И., БЕМА Д. А., БОГОМОЛОВА Н. К., БРЕНЕВА Е. К., ГИРШФЕЛЬДА Ф. Ф., ИЛЬИНА Г. Д., ПОЛЯ А. С., РЫТАВЦЕВА И. Е., СОЛОНОВИЧА А. А., УЙТТЕНХОВЕН И. Н., ВОДОВОЗОВА Н. В., ЗАВАДСКОГО Ю.-Г. А., ЛЕОНТЬЕВА К. И., ЛЮБИМОВОЙ В. Д., НИКИТИНОЙ Н. А., СМЕРНОВА Е. Н., ШИШКО В. Ф., КОРОЛЬКОВА П. Е., УЙТТЕНХОВЕНА А. В., НИКИТИНОЙ В. Р., НИКИТИНА Л. А., ПРОФЕРАНСОВА Н. И., ЛАДЫЖЕНСКОГО Н. А., СНО В. И. по 58/10 и 58/11 ст. ст. УК, СМОЛЕНЦЕВОЙ А. И., ПОЛЬ Е. А., ЛЕОНТЬЕВОЙ НА. по 58/10 ст. УК; АСКАРОВА Г. К., ПОКРОВСКОЙ И. В. и РУСОВА Н. Н., коим обвинение не предъявлено, арестованных: АДАМОВА Е. Г., АНОСОВ Г. И., БОГОМОЛОВ Н. К., ГИРШФЕЛЬД Ф. Ф., ИЛЬИН Г. Д., ПОКРОВСКАЯ И. В., РУСОВ Н. Н., СМОЛЕНЦЕВА А. И., СОЛОНОВИЧ А. А., УЙТТЕНХОВЕН И. Н., ВОДОВОЗОВ Н. В., ЗАВАДСКИЙ Ю. Г. А., ЛЕОНТЬЕВ К. И., ЛЮБИМОВА В. Н., СМЕРНОВ Е. Н., НИКИТИНА Н. А., ШИШКО В. Ф. 11 сентября 1930 года, БЕМ Д. А., БРЕНЕВ Е. К., РЫТАВЦЕВ И. Е. 14 сентября 1930 года, АСКАРОВ Г. К., ПОЛЬ А. С. 15 сентября 1930 года, НИКИТИН Л. А. 16 сентября 1930 года, СНО В. И. 24 сентября 1930 года, КОРОЛЬКОВ П. Е. 25 сентября 1930 года, ПОЛЬ Е. А. 26 сентября 1930 года, УЙТТЕНХОВЕН А. В., ЛЕОНТЬЕВА Н. А. 7 октября 1930 года, АНДРЕЕВ А. В. 11 октября 1930 года, КОРНИЛОВ П. А. 13 октября 1930 года, НИКИТИНА В. Р. 1 ноября 1930 года, ЛАДЫЖЕНСКИЙ Н. А. 7 августа 1930 года, ПРОФЕРАНСОВ Н. И. 14 августа 1930 года, из коих содержатся под стражей: СОЛОНОВИЧ А. А., БОГОМОЛОВ Н. К. во Внутренней тюрьме при ОГПУ, БЕМ ДА., АНОСОВ Г. И., БРЕНЕВ Е. К., НИКИТИНА НА, АДАМОВА Е. Г., ЛЕОНТЬЕВ КИ., СМЕРНОВ Е. Н., ЛЮБИМОВА В. Н., ИЛЬИН Г. Д., УЙТТЕНХОВЕН И. Н., ПОЛЬ А. С., КОРОЛЬКОВ П. Е., ЛЕОНТЬЕВА Н. А., ПОЛЬ Е. А., ПРОФЕРАНСОВ Н. И., ЛАДЫЖЕНСКИЙ НА, УЙТТЕНХОВЕН А. В., АНДРЕЕВ А. В., КОРНИЛОВ П. А., СМОЛЕНЦЕВА А. И., РЫТАВЦЕВ И. Е., НИКИТИН Л. А., НИКИТИНА В. Р., СНО В. И. в Бутырской тюрьме, ВОДОВОЗОВ Н. В., РУСОВ Н. Н., ЗАВАДСКИЙ Ю.-Г. А., ГИРШФЕЛЬД

²⁴³ Печатается по тексту: ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 2, лл. 1-17.

Ф. Ф., ШИШКО В. Ф., ПОКРОВСКАЯ И. В. и АСКАРОВ Г. К. освобождены под подписку о невыезде из Москвы и явке по первому требованию —

НАШЕЛ:

что во главе анархо-мистической организации «Орден Света» стоял старый анархист, бывший член Секретариата ВФА — СОЛОНОВИЧ, называемый командором. Члены «Ордена Света» назывались рыцарями. Организация строилась сверху донизу по принципу десятков, и перевод из низовых кружков в вышестоящие производился через «рыцарское посвящение».

Знаки ордена — голубая семиконечная²⁴⁴ звезда и белая роза.

В момент собраний на младших степенях роза лежит на столе, а старших — каждый рыцарь держит её в руке.

Организация ставила своей целью борьбу с совластью как властью «Иалдабаофа» (одним из воплощений сатаны) и установление анархического строя. Ставились задачи противодействия и вредительства совласти на колхозном фронте, среди сов-учреждений и предприятий. Пропагандировался мистический анархизм с кафедры и по кружкам, в которых вырабатывались массовые руководители, главным образом из среды интеллигенции. В кружках пропаганда велась в виде легенд, рассказываемых только устно посвящённым рыцарям. Запись легенд категорически запрещалась под страхом не только исключения из «Ордена», но вплоть до физического воздействия. Рыцарям внушалось, что для защиты идей и интересов «Ордена» — они не должны пренебрегать средствами борьбы вплоть до убийства²⁴⁵. В последнее время делались попытки перекинуть свою деятельность в крестьянские массы под видом евангельской пропаганды; с целью внедрения в советские артистические круги своей идеологии, в противовес линии марксизма, проводимой компартией в искусстве, велась специальная проработка вопросов искусства в кружках, при этом имелись письменные материалы, называемые «мифами», в которых проповедовался и противопоставлялся марксизму идеалистический взгляд на искусство с вклиниванием мистических идей. Работа эта велась группой, называемой «Храм искусства», в задачу коей входила разработка практических методов, а «Орден Света» являлся идеологическим руководителем. Члены «Храма искусств» назывались «жрецами».

Материалами дела и следствием установлено: что идея тайных мистических орденов в Россию перенесена анархистом КАРЕЛИНЫМ²⁴⁶ из-за границы, каковой являлся командором так называемого ордена. В дальнейшем им эта идея применялась для распространения и прикрытия анархо-подпольной деятельности под видом якобы «аполитичной» мистики. Способствовал вовлечению в анархо-подпольные организации лиц с религиозным и мистическим мировоззрением. Как при жизни КАРЕЛИНА, так и после его смерти активным последователем и проводником этих идей являлся СОЛОНОВИЧ Алексей Александрович, БОГОМОЛОВ Николай Константинович, ПРОФЕРАНСОВ Николай Иванович, БЕМ Дмитрий Александрович, АНОСОВ Григорий Иванович, НИКИТИН Леонид Александрович, ПОЛЬ Александр Сергеевич, ЛЮБИМОВА Варвара Николаевна, УЙТТЕНХОВЕН Ирина Николаевна, КОРОЛЬКОВ Павел Ефимович и другие.

²⁴⁴ Ошибка: восьмиконечная.

²⁴⁵ «Никаких клятв, тем более связанных с угрозой, я никогда не давал, и это вообще не было в духе Ордена» (из показаний А. С. Поля 21. 9. 30 г.). «Вступающий должен был сохранять в тайне свое посвящение. Нарушивший слово подвергался мистическому отлучению, заключающему в самом себе наказание» (из показаний В. Ф. Шишко 1. 10. 30 г.).

²⁴⁶ Карелин Аполлон Андреевич (1863—1926) — видный теоретик анархизма, с 1905 по 1917 г. находился в эмиграции в Париже, где получил посвящение, и вернулся в Россию с заданием основать Восточный отряд Ордена тамплиеров.

Материалами дела и результатом следствия по делу анархо-мистической организации «Орден Духа», ликвидированной в июне 1930 г. в Н. Новгороде, установлено, что она являлась филиалом и получала идеологическое руководство от анархо-мистического центра, находящегося в Москве, через видного её члена анархо-мистика ПРОФЕРАНСОВА, непосредственно связанного и руководившего этой анархо-мистической группой. Группа получала руководящие указания и анархо-мистическую литературу из Москвы. Ставила основной своей целью свержение советской власти путём широкой агитации и пропаганды анархо-мистических идей, призывая к активной борьбе с соввластью, как и со всякой другой²⁴⁷.

Материалом дела и следствием по делу анархо-мистической организации Орден тамплиеров и розенкрейцеров, ликвидированной в Сочинском районе СКК в августе 1930 г., установлено, что сочинская группа анархо-мистиков также тесно связана с анархо-мистическим центром в Москве, как и нижегородская. В руководстве этой группы анархо-мистиков принимали участие, помимо ПРОФЕРАНСОВА, и другие видные анархо-мистики — СОЛОНОВИЧ, БОГОМОЛОВ и др.

Сочинская группа анархо-мистиков также ставила своей целью свержение советской власти путём активной борьбы с ней²⁴⁸.

Материалами, обнаруженными во время ликвидации анархо-мистического центра в Москве, установлено следующее: в найденной листовке у активного члена анархо-мистической организации УЙТТЕНХОВЕН²⁴⁹ критикуется колхозная политика советской власти и коммунистической партии и призывается к массовым стачкам и массовым восстаниям. В обнаруженных отпечатанных на пишущей машинке книге «Бакунин и культ Иалдабаофа» в 3-х томах автора А. А. СОЛОНОВИЧА, нелегально распространявшихся среди членов Ордена и знакомых лиц, высказываются следующие мысли:

«Принцип власти привит человечеству, как болезнь, подобная сифилису. От властолюбия надо лечиться, а с его безумством, беспощадно бороться, ибо по следам Иалдабаофа ползут ляфвы и бесовская грязь накопится души людей и их жизни... Среди наиболее мощных фанатиков власти, для которых цель оправдывает средства, мы найдём Ивана IV, Филиппа II, Лойолу, Торквемаду, Ленина, Маркса и др. Все они были под непосредственным руководством ангелов Иалдабаофа в той или другой форме или степени» (т. 2, с. 22).

«Благодаря союзу рабочих и крестьян с интеллигенцией русская революция победила в Октябре. А затем большевики вогнали клин государства между рабочими и крестьянами, разъединили город и деревню, благодаря мероприятиям эпохи военного коммунизма и затем в 1920-1921 гг. продавши революцию, шедшую глубже... Последние всплески революции раскатились громами Крошадтского восстания, махновщины, крестьянских восстаний и так называемых голодных бунтов. То, что Носке проделал в 1918 г. в Германии»²⁵⁰, большевики

²⁴⁷ Так называемое нижегородское дело Раевой С. Н., Владимировой М. А. и других (всего осужденных 12 человек), входивших в литературно-философский кружок студентов агрономического факультета Нижегородского университета в 1924—1927 гг., связанных через ссылки с анархо-мистиками Москвы (Н. И. Проферансов) и Петрограда (А. А. Синягин и др.). Следствие велось в июле-октябре 1930 г. сначала в Нижнем Новгороде, затем в Москве. 23. 10. 30 г. Постановлением Коллегии ОГПУ подсудимые получили различные сроки заключения и ссылки.

²⁴⁸ Так называемое сочинское дело, охватившее несколько десятков человек (Я. Т. Чага, Н. А. Ладыженский и др.) мистиков различных направлений (теософы, антропософы, анархо-мистики, толстовцы и пр.), давшее обширный материал для последующих арестов и репрессий в других городах (Харьков, Свердловск, Ростов-на-Дону, Киев и др.).

²⁴⁹ Уйттенховен-Иловайская Ирина Николаевна. Судя по всему, инкриминируемая ей «листовка» («Что такое анархисты-коммунисты») ей не принадлежала и могла оказаться у неё в провокационных целях.

²⁵⁰ Носке Густав (1868—1946), став членом правительства в декабре 1918 г., в январе 1919 г. жестокими репрессиями подавил революционное движение в Германии.

проделали в ещё большем масштабе в России. Удушив революцию, погубив революционные элементы крестьянства, они тем самым подготовили себе прочную и бесславную гибель в объятиях буржуазно-мещанского элемента и того же крестьянства, а растоптав все элементы общественной самодеятельности, они отрезали себя и от пролетариата как массы, как революционного класса в городах. Они, таким образом, выделили и обособили сами себя в новый, неслыханно беспощадный и глубоко реакционный отряд иностранных завоевателей» (т. 2, с. 362).

«Империализм же московских большевиков пока, т. е. в 1927 г., занят внутренней войной и безнадёжным старанием покорить страну. Однако занятость внутренняя может искать себе сил и во внешних завоеваниях. Но не нужно забывать немецко-еврейского происхождения большевизма, остающегося и обречённого всегда оставаться чуждым совокупности народов СССР» (т. 3, с. 358).

«Человек есть “гроб Господень” — его надо освободить новыми крестьянскими походами, и должно для этого возникнуть новое рыцарство, новые рыцарские ордена — новая интеллигенция, если хотите, которая положит в основу свою непроборимую волю к действительной свободе, равенству и братству всех в человечестве» (т. 3, с. 10).

Характерна оценка, даваемая анархо-мистикам в изданной за границей брошюре анархиста С. ВОЛОДЬКИНА:

«Сообщение наших московских товарищей о том, что группа реакционных мистиков во главе с А. Солоновичем путём «борьбы из-за угла и прямой провокации» вынудила анархистов уйти из Музея им. П. А. Кропоткина. Под видом борьбы за анархическую свободу личности, за “общечеловеческую любовь” выросла и воцарилась в Музее им. Кропоткина реакционная партия мистиков-иезуитов во главе с Солоновичем».

В подпольном анархо-мистическом журнале, обнаруженном в нескольких экземплярах у анархо-мистика КОРОЛЬКОВА, разбираются преимущественно произведения Блока. В № 7 на стр. 6-8 имеется следующее:

«Самое страшное в мире — это мистика. Ибо ужасен путь мистического постижения мира. Нет одиночества большего, чем одиночество провидца, не переходящего в действие. Трепетный, напряжённый от полноты предгрозового миг поры великого решения, когда будет избран мир или меч — смерть покорная или подвиг воинствующей жизни».

В распространявшихся среди членов анархо-мистических кружков рукописях мистического содержания между прочим пишется:

«Современное российское правительство выбросило лозунг: “Религия — опиум для народа”. В противовес ему можно выбросить другой лозунг: “Государство — опиум для народа”. С понятием “государства” какого бы то ни было неразрывно связано понятие “насилие” — насилия над обществом, над личностью, над индивидуальностью и т. д.»

Руководящее ядро «Ордена Света» одновременно с вышеуказанным вело свою работу в Музее им. Кропоткина, состоя членами Кропоткинского, Бакунинского и Карелинского комитетов и членами анархистской секции музея. Ведя в последнем анархическую работу, устраивало вечера, лекции и собеседования, широко привлекая в основном интеллигентскую молодёжь.

При непосредственном участии СОЛОНОВИЧА, БОГОМОЛОВА, БЕМА, АНОСОВА, ПРОФЕРАНСОВА, УЙТТЕНХОВЕН и др. и благосклонном содействии КРОПОТКИНОЙ С. Г.²⁵¹ музей постепенно превратился в центр подпольной деятельности различного рода контрреволюционеров. Наиболее ярким примером чему служит участие расстрелянного ПАЛЬЧИНСКОГО²⁵² в деятельности музея.

²⁵¹ Кропоткина Софья Григорьевна (1856—1941) — вдова П. А. Кропоткина, входила в Правление мемориального Музея П. А. Кропоткина.

²⁵² Пальчинский П. А. (1875—1929), крупный инженер, предприниматель, член Военной комиссии последней Государственной думы, заместитель министра торговли и промышленности Временного правительства, начальник

ПАЛЬЧИНСКИЙ являлся заместителем председателя Комитета по увековечению памяти Кропоткина, руководил научной секцией музея, председательствовал на заседаниях Комитета, на которых присутствовал СОЛОНОВИЧ и другие анархисты. Никаких мер со стороны анархистов по удалению из Кропоткинского музея ПАЛЬЧИНСКОГО принято не было, хотя отдельными анархистами — САНДОМИРСКИМ, АТАБЕКЯНОМ и др. — поднимался вопрос о его удалении как бывшего министра при Временном правительстве, жестоко расправлявшегося в июльские дни с революционными рабочими.

ПАЛЬЧИНСКИЙ, конечно, меньше всего руководствовался увековечением памяти Кропоткина, пользуясь музеем как гостиницей. Принимая посетителей, совещаясь с ними, приезжал из Ленинграда. После расстрела вредителей, в том числе и ПАЛЬЧИНСКОГО, в издающейся в САСШ анархической газете, в которой сотрудничали и московские анархисты, как то СОЛОНОВИЧ, ХУДОЛЕЙ, ХАРХАРДИН и др., «Рассвет» была напечатана статья об этом, в которой сообщалось:

«Пальчинский, Фон Мекк и Величко были расстреляны без суда по распоряжению ЧЕКА. Приказ о расстреле был подписан известным чекистом Ягодой. Один из расстрелянных, проф. Пальчинский, был одним из организаторов Кропоткинского музея» (газета «Рассвет», США).

В отобранной у НИКИТИНОЙ Нины рукописной тетради записаны различные мистические методы посвящения в рыцари Ордена, различные церемонии мистических орденских праздников и различные орденские мистические явления.

Показаниями обвиняемых ПОКРОВСКОЙ Ирины Владимировны, ПОЛЬ Елены Аполлинарьевны, ПОЛЯ Александра Сергеевича, ШИШКО Владимира Фёдоровича, ГИРШФЕЛЬДА Феликса Фёдоровича, ЗАВАДСКОГО Юрия-Георгия Александровича, ЛЕОНТЬЕВА Константина Ивановича, БРЕНЕВА Евгения Константиновича и других существование анархо-мистической организации, возглавляемой СОЛОНОВИЧЕМ, НИКИТИНЫМ, СМЫШЛЯЕВЫМ, АРЕНСКИМ, БЕМОМ, БОГОМОЛОВЫМ, ПРОФЕРАНСОВЫМ, ЗАВАДСКИМ, АНОСОВЫМ, ПОЛЕМ и другими, под названием «Орден Света» и «Храм искусств», а также существование общества «Братство Милосердия», руководимого НИКИТИНОЙ Верой Робертовной, достаточно подтверждено.

Установлено, что на квартире НИКИТИНА Л. А. часто проходили под видом семейных вечеринок собрания рыцарей Ордена, на которых происходила (путём чтения мистических произведений, рассказывания сказок, чтения докладов, пения и музыки) обработка в анархо-мистическом духе намеченных для вербовки в орденские кружки лиц. На таких вечеринках у НИКИТИНА выступали: СОЛОНОВИЧ, ЛАНГ²⁵³, ТАРАБУКИН²⁵⁴, АДАМОВА, НИКИТИН, ЕВСТРАТОВА, ПОЛЬ и другие.

Собрания под видом семейных вечеринок происходили также у родных СМИРНОВА на Тверской и у знакомых ЛЕОНТЬЕВА, на которых вся программа вечера заранее была намечена орденским кружком, руководимым ПОЛЕМ А. С. при непосредственном участии КОРОЛЬКОВА, ЛЮБИМОВОЙ, ЛЕОНТЬЕВА и ЛЕОНТЬЕВОЙ, АДАМОВОЙ и других.

«Орденом Света» устраивались также публичные платные вечера с целью пополнения средств, каковые шли в большинстве на оказание помощи заключённым и ссыльным анархистам через «Чёрный Крест». Эти вечера обслуживались главным образом бесплатными

обороны Зимнего дворца 7 ноября (25 октября) 1917 г. Расстрелян в 1929 г. О нём см.: *Гараевская И.И.* Пётр Пальчинский. М., 1996.

²⁵³ Ланг Николай Робертович (1900-1962) — брат В. Р. Никитиной, востоковед, экономист, анархо-мистик. В Музее П. А. Кропоткина при библиотеке-читальне организовал Библиографический кружок по изучению работ Кропоткина. Арестован 5. 11. 29 г. О нём см.: *Никитина В. Р.* Дом окнами на закат. — М., 1996.

²⁵⁴ Тарабукин Николай Михайлович (1889—1956) — искусствовед, религиозный философ.

силами знакомых артистов, а также выступлениями артистов, состоящих членами «Ордена Света» или «Храма искусств». Программы таких вечеров в большинстве случаев носили мистический уклон.

Посвящение в рыцари ордена производилось после прослушивания посвящёнными нескольких предварительных орденских легенд. Посвящение проводили СОЛОНОВИЧ, СМЫШЛЯЕВ²⁵⁵, АРЕНСКИЙ²⁵⁶, ПОЛЬ, НИКИТИН, БОГОМОЛОВ, ПРОФЕРАНСОВ и другие в присутствии рыцарей младших степеней.

Перевод из одной в другую степень проводился лишь после прослушивания соответствующего количества легенд от 8 до 10. Легенды рассказывались исключительно рыцарями высших степеней; рыцари младших степеней легенд не рассказывали.

Все обвиняемые частично сознались в своём участии в анархо-мистической организации, в посвящении их в «рыцари» первой и второй степени, а некоторых и в высшие степени и в участии на нелегальных орденских собраниях, вечеринках и другого вида сборищах «рыцарей» ордена. Часть обвиняемых дала подробные показания о деятельности тех кружков, в которых они состояли, а также дали подробные показания о других обвиняемых, участвовавших вместе с ними в орденских кружках.

СОЛОНОВИЧ Алексей Александрович, 1887 г. рождения, сын дворянина-полковника, уроженец местечка Казимерж Люблинской губернии, преподаватель математики и механики, анархо-коммунист с 1907 г., судился в 1914 г., но приговорён ни к чему не был. Соввластью в 1925 г. арестован и осуждён постановлением Особого Совецания при Коллегии ОГПУ к заключению в политизоляторе сроком на три года за подпольную анархическую деятельность. Досрочно от наказания освобождён. После смерти Карелина возглавлял анархо-мистические организации, организовал и руководил рядом анархо-мистических кружков. Распространял анархо-мистические лекции и книгу «Бакунин и культ Иалдабаофа». Обсуждал вопросы восстаний против соввласти. (Сознался)²⁵⁷.

БОГОМОЛОВ-НИКУЛИН Николай Константинович, 1887 г. рождения, мещанин г. Томска, сын служащего, бухгалтер-экономист, образование незаконченное высшее, анархист-коммунист с 1912 г., арестовывался органами ВЧК/ОГПУ в 1922 и 1923 гг. в связи с подпольной анархической деятельностью, в 1929 г. в шеле м-це нарсудом Замоскворецкого района приговорён к принудительным работам на два месяца за незаконное получение денег из страхкассы. Активно участвовал в работе анархо-мистических организаций. Производил посвящение в «рыцари» Ордена тамплиеров и розенкрейцеров. Непосредственно руководил сочинской группой ордена через Ладыженского и Чагу. (Сознался частично).

АНОСОВ Григорий Иванович, 1888 года рождения, уроженец Воронежской губернии и уезда, с. Боршево, безработный, образование среднее, анархист с 1905 г., сидел до революции за аграрные беспорядки и взрыв в духовной семинарии в Воронежской губ., в 1917 г. был в германском плену. В 1925 г. сидел за анархо-подпольную деятельность, освобождён ввиду дачи подписки о согласии сотрудничать с ОГПУ. После освобождения снова занялся активной

²⁵⁵ Смышляев Валентин Сергеевич (1891 — 1936) — актер и режиссер 2-го МХАТа, близкий друг Ю. А. Завадского, П. А. Аренского, Л. А. Никитина.

²⁵⁶ Аренский Павел Антонович (1887—1941) — сын композитора А. С. Аренского, востоковед, переводчик, писатель; до 1918 г. женат на О. Ф. Пущенниковой (впоследствии — Смышляева, Жолтовская); до 1924 г. — на В. А. Завадской (потом — Смышляева); с конца 1924 г. — на В. Г. Орловой; близкий друг Л. А. и В. Р. Никитиных, А. С. и Е. А. Поль. Репрессирован в 1937 г. Умер на Колыме (Магадан).

²⁵⁷ Примечание «сознался», как правило, означает, что арестованный признал ряд своих действий, не имеющих противозаконного содержания, тогда как помета «сознался частично» означает, что подследственный категорически отверг все обвинения, признав только факт знакомства с тем или иным человеком. Следует отметить также, что далеко не все ссылки на показания подследственных соответствуют действительности.

подпольной деятельностью, двурушник. Активно участвовал в анархо-мистической деятельности по созданию подпольных кружков. На квартире у него происходили собрания молодёжи. Занимался гаданием в карты и в руке, что подтверждается показаниями гр. Кустовой, проживающей в той же квартире. (Частично сознался.)

БЕМ Дмитрий Александрович, 1880 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын чиновника-педагога, преподаватель теоретической механики, образование высшее, по убеждениям анархист, в 1926 г. осуждён условно по 195 ст. УК. Принимал активное участие на «рыцарских» собраниях, руководил кружками. Прикрывался Музеем Кропоткина как легальной ширмой. Изобличён показаниями обвиняемых Гиршфельда, Любицкого²⁵⁸ и др. (Сознался частично.)

ПРОФЕРАНСОВ Николай Иванович, 1885 г. рождения, уроженец г. Бобруйска Минской губернии, сын оружейного мастера, литератор — научный работник, образование высшее, по убеждениям анархист, бывший член РСДРП, в 1904-1905 гг. привлекался по делу Тульского комитета РСДРП, в 1909-1910 гг. — за хранение нелегальной литературы. Принимал активное участие в организации в Нижнем Новгороде группы анархо-мистиков «Орден Духа», проводил посвящение в «рыцари» и снабжал литературой. Участвовал в руководстве сочинской группы Ордена тамплиеров и розенкрейцеров. Являлся одним из наиболее компетентных лиц в орденских вопросах. Изобличён показаниями Ладьженского, Владимирова, Дрейман, Постниковой²⁵⁹ и других. (Сознался частично.)

СНО Владимир Иванович, 1901 г. рождения, уроженец г. Симферополя, ретушёр, образование ниже среднего, сын акцизного чиновника, анархист, быв. член ЛКСМ. Участвовал в анархо-мистическом кружке, руководимом Солоновичем. В Крыму при белых выступал в качестве свидетеля по делу подпольной группы большевиков, в результате его показаний 6 человек по процессу было расстреляно, а остальные получили от 5 лет до бессрочной каторги²⁶⁰. (Сознался.)

УЙТТЕНХОВЕН Ирина Николаевна, 1904 г. рождения, уроженка г. Новогрудок Минской губернии, дочь подъясаула-дворянина, переводчица, образование среднее, анархо-коммунистка, под судом и следствием не была. Активно участвовала в работе анархо-мистических кружков и написала листовку с призывом к массовым стачкам и восстанию. (Созналась.)

НИКИТИН Леонид Александрович, 1896 г. рождения, сын домовладельца — судебного чиновника, уроженец г. Рязани, театральный художник, образование высшее, беспартийный, по убеждениям анархо-мистик, бывший офицер. Активно стремился проводить линию анархо-мистицизма по линии искусства. Руководил несколькими анархо-мистическими кружками — «Орденом Света» и «Храмом Искусств». Рассказывал легенды, производил посвящения, устраивал вечеринки и т. д. «Рыцарь» старших степеней. Изобличён показаниями Гиршфельда, Шишко, Поля, Евстратовой и других. (Сознался частично.)

ПОЛЬ Александр Сергеевич, 1897 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын драматических артистов, экономист, преподаватель разных вузов, образование высшее, по убеждениям анархо-мистик, бывший офицер. «Рыцарь» старших степеней «Ордена Света», принимал участие в

²⁵⁸ Любицкий Георгий Александрович (1894—?) — фотограф, арестован 22. 6. 30 г. Постановлением Коллегии ОГПУ от 16. 8. 30 г. лишён права проживания в ряде центральных и пограничных областей с прикреплением к месту жительства сроком на три года. Сведений о дальнейшей судьбе нет.

²⁵⁹ Владимиров, Дрейман, Постникова — участники «нижегородского дела» 1930 г.

²⁶⁰ Как можно видеть из имеющихся в деле свидетельств участников суда 1920 г. в Ялте, показания В. И. Сно, арестованного контрразведкой белых, не сыграли никакой роли в вынесении приговора. Поэтому арестованный в 1930 г. по доносу одной из жительниц Ялты, Сно в дальнейшем проходил исключительно как участник собраний анархо-мистиков, которые он посещал в Москве в 1925—1927 гг.

посвящении ряда «рыцарей» младших степеней, руководил орденскими кружками, один из видных орденских деятелей. (Сознался.)

КОРОЛЬКОВ Павел Ефимович, 1897 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын служащего, продавец, образование высшее, по убеждениям анархо-мистик. Активный руководитель подпольных орденских кружков, создал орденскую библиотеку. Присутствовал на всех собраниях Ордена. Принимал деятельное участие в организации вечеров и т. д., изобличён показаниями Шишко, Поля, Гиршфельда, Покровской, Леонтьева и другими. (Сознался частично.)

ЛЕОНТЬЕВ Константин Иванович, 1889 г. рождения, уроженец г. Владислава Варшавской губернии, экономист, образование высшее, беспартийный, по убеждениям социалист-анархист, индивидуалист с 1907 г., судился за студенческие беспорядки в Петрограде в 1910 г., приговорён к высылке на 3 года, но ввиду хлопот через 1,5 года вернулся в Петроград. «Рыцарь» второй степени «Храма Искусств». Участвовал на подпольных собраниях «рыцарей», присутствовал при посвящении, принимал активное участие в устройстве вечеринок и рыцарских праздников. (Сознался.)

СМИРНОВ Евгений Николаевич, 1890 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын священника, научный работник, образование высшее, беспартийный, по убеждениям мистик, морской офицер. В 1924 г. был арестован и сидел 1,5 месяца за предоставление своей квартиры духовным для служения в честь его отца²⁶¹. «Рыцарь» второй степени ордена «Храм Искусств», предоставлял свою квартиру для собраний «рыцарей», на его квартире происходили посвящения в «рыцари» Дейкун²⁶², Благоднравова²⁶³, Ивакинской²⁶⁴, Баркова²⁶⁵ и других. (Сознался.)

НИКИТИНА Вера Робертовна, 1897 г. рождения, уроженка г. Москвы, домохозяйка, образование незаконченное высшее, беспартийная, по убеждениям анархо-мистичка. Активный член анархо-мистических орденов, старший «рыцарь», возглавляла общество «Братство Милосердия», устраивала орденские собрания. Изобличена показаниями Поля, Покровской, Любимовой, Адамовой, Ивакинской и других. (Созналась частично.)

БРЕНЕВ Евгений Константинович, 1883 г. рождения, уроженец г. Тифлиса, преподаватель математики, образование высшее, беспартийный, сочувствующий анархо-мистикам. Ближайший помощник Солоновича по проведению анархо-мистических идей в МВТУ. Член подпольного кружка, руководимого Солоновичем. Участвовал на нелегальных собраниях. (Сознался.)

ЛЮБИМОВА Варвара Николаевна, 1901 г. рождения, уроженка г. Полоцка Витебской губернии, дочь государственного чиновника, машинистка, образование среднее, анархо-мистичка. Активный член анархо-мистических кружков, состояла членом общества «Братство Милосердия», перепечатывала подпольные анархо-мистические материалы. Изобличена показаниями Поля, Покровской, Любичко, Гиршфельда. (Созналась частично.)

АДАМОВА Елена Георгиевна, 1897 г. рождения, уроженка г. Москвы, приёмная дочь адвоката, библиотечарша, образование высшее, беспартийная, по убеждениям анархо-мистичка, «Рыцарь» Ордена, рассказчик орденских легенд, мифов и сказок. Принимала активное участие

²⁶¹ Е. Н. Смирнов был арестован 23. 7. 23 г., через неделю после того, как у него на дому группа священников с патриархом Тихоном отслужила литию по его умершему год назад отцу, настоятелю церкви Воскресения в Кадашах (Москва), в которой тот прослужил более 25 лет.

²⁶² Дейкун Лидия Ивановна (1889—1980)— актриса 2-го МХАТа.

²⁶³ Благоднравов Аркадий Иванович (1898—1975) — актер 2-го МХАТа, муж Л. И. Дейкун.

²⁶⁴ Ивакинская (Баркова) Гали Евгеньевна (1897—1960) — актриса Московского Детского театра.

²⁶⁵ Барков Александр Сергеевич (1873—1953)— географ, педагог, действительный член Академии педагогических наук РСФСР, муж Г. Е. Ивакинской.

БИБЛИОТЕЧКА «АПОКРИФА»

на всех орденских собраниях и вечеринках. Изобличена показаниями Леонтьева, Смирнова, Поля, Покровской, Никитина, Ивакинской и др. (Созналась частично.)

КОРНИЛОВ Пётр Аркадьевич, 1885 г. рождения, уроженец г. Москвы, из дворян, бухгалтер, образование высшее, беспартийный, по убеждениям анархо-коммунист, бывший офицер, в 1918 г. арестовывался за антисоветскую агитацию в г. Перми Особым отделом Ревтрибунала 3-й армии Восточного фронта, после допроса был освобождён. В 1920 г. был арестован по обвинению в дезертирстве и принадлежности к Екатерининской группе анархистов, после сидки — ТРИ месяца — был освобождён. В 1924 г. в г. Туле по обвинению в участии в группе растратчиков, после допроса был освобождён. Со службы вычищен по 1-й категории. Распространял анархическую литературу и занимался агитацией и пропагандой анархических и мистических идей среди рабочих и крестьян Брянского и Бежецкого районов. (Сознался.)

СМОЛЕНЦЕВА Александра Ивановна, 1905 г. рождения, уроженка Тверской губернии и уезда, Городенской волости, д. Низовка, из крестьян, безработная, художница, образование высшее, беспартийная, по убеждениям анархо-мистичка. Принимала активное участие в работе подпольного анархо-мистического кружка, занимавшегося на её квартире. Назвать всех участников кружка отказалась.

ЛЕОНТЬЕВА Надежда Алексеевна, 1898 г. рождения, уроженка г. Курска, дочь госбанковского чиновника, домохозяйка, образование среднее, беспартийная, по убеждениям анархо-мистичка. Являлась членом подпольного анархо-мистического кружка, руководимого Полем, на собраниях кружка принимала активное участие, особенно по организации под видом семейных вечеров празднеств «рыцарей». Постепенно обрабатывала своих учениц по пластике. Своё участие в Ордене отрицает, несмотря на показания мужа и других обвиняемых.

УЙТЕНХОВЕН Александр Владимирович, 1897 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын городской учительницы, помощник редактора научно-технического комитета РККА, образование незаконченное высшее, беспартийный, по убеждениям анархо-мистик. Принимал участие в анархо-мистических кружках, руководимых Солоновичем и Никитиным, в которых читал доклады по теософии и антропософии. Рисовал мистические орденские знаки и эмблемы. (Сознался частично.)

ПОЛЬ Елена Аполлинариевна, 1901 г. рождения, уроженка г. Москвы, дочь артистов Вишневы, певица, образование среднее, беспартийная, анархо-мистичка. Активный член анархо-мистического кружка, руководимого Никитиным, «рыцарь» второй степени, на вечеринках выступала с пением. (Созналась.)

ЛАДЫЖЕНСКИЙ Николай Алексеевич, 1884 г. рождения, сын дворянина, сосланного в Сибирь по Нечаевскому процессу, инструктор по сбору лекарственно-технического сырья, образование неоконченное высшее, анархо-мистик. Активный член анархо-мистического кружка, руководимого Богомоловым, коим и был посвящён в «рыцари» Ордена, член сочинской группы анархо-мистиков. Дал подробные показания, способствовавшие следствию.

НИКИТИНА Нина Александровна, 1894 г. рождения, дочь домовладельца — судебного чиновника в г. Рязани, стенографистка, образование неоконченное высшее, по убеждениям анархо-мистичка, в 1921 г. была арестована ГПУ. Член анархо-мистического кружка, руководимого Никитиной В. Р., принимала активное участие на собраниях, происходивших на квартире её брата. Изобличена показаниями Поля, Покровской, Адамовой и другими. (Созналась частично.)

РЫТАВЦЕВ Илья Евгеньевич, 1901 г. рождения, уроженец Ярославской губернии Ростовского уезда Приимковской волости, с. Ново-Никольское, из крестьян, студент 3-го курса Московского электротехникума, беспартийный, по убеждениям анархо-мистик. Участвовал в

подпольных кружках, руководимых анархистом Ликунковым, и был связан с анархо-подпольной группой г. Сергеева. (Сознался частично.)

ИЛЫН Георгий Дмитриевич, 1905 г. рождения, из дворян г. Вологды, техник-производитель, образование среднее, беспартийный, анархо-коммунист, в 1926 г. в апреле арестовывался ОГПУ по делу скаутской организации и был приговорён к 1 году концентрационных лагерей, срок отбыл в Бутырской тюрьме. Участвовал в анархо-мистическом кружке, руководимом Лангом, выпустившем в 1929 г. листовку к Октябрьским торжествам²⁶⁶. (Сознался.)

АНДРЕЕВ Александр Васильевич, 1884 г. рождения, из крестьян д. Кураповки Краснослободского уезда и волости Пензенской губернии, бухгалтер, образование неоконченное высшее, анархо-коммунист с 1906 г., в 1907 г. арестован по обвинению в принадлежности к анархистам и выслан на родину, оттуда отправлен в Харбин в солдаты. В 1918 г. был арестован в Москве, но скоро освобождён; в 1919 г. арестовывался в связи с экспроприацией Центротекстиля, в 1922 г. арестован в связи с деятельностью «Чёрного Креста». Активно участвовал в работе «Чёрного Креста», распространял подписные листы для сбора средств в пользу ссыльных и заключённых анархистов. Распространял анархическую литературу, через Корнилова направлял таковую в Брянский и Бежецкий районы. Тесно связан с Солоновичем и Уйтгенховен. (Сознался.)

РУСОВ Николай Николаевич, 1884 г. рождения, уроженец г. Серпухова, сын бухгалтера, литератор, образование высшее, с 1918-1919 г. был членом клуба Московского союза анархистов, по убеждениям анархо-индивидуалист. В 1919 г. арестован и просидел два месяца в тюрьме, а в 1927 г. снова был арестован и просидел две недели. К орденской деятельности близкого отношения не имел, хотя мистикой интересовался. Дал письмо в печать о своём разрыве с анархизмом.

ГИРШФЕЛЬД Феликс Фёдорович, 1904 г. рождения, уроженец Курской губернии, экономист-статистик, образование высшее, беспартийный, по убеждениям анархо-мистик. Принимал активное участие в работе подпольного анархо-мистического кружка «Храм Искусств», «рыцарь», способствовал раскрытию деятельности и установок «Ордена Света», дав откровенные показания.

ПОКРОВСКАЯ Ирина Владимировна, 1906 г. рождения, уроженка г. Москвы, дочь инженера, пианистка, безработная, образование среднее и специальное музыкальное, беспартийная, проявляющая интерес к теософии. «Рыцарем» не являлась, но намечалась к вербовке в Орден, присутствовала на вечеринках как пианистка. Дала откровенные показания.

ШИШКО Владимир Фёдорович, 1886 г. рождения, уроженец Московской губернии, с. Перово, сын служащего — инженера, педагог музыки, образование незаконченное высшее, беспартийный, мистик. Принимал активное участие в деятельности анархо-мистического кружка «Храм Искусств», «рыцарь». Дал подробные показания, изобличающие ряд участников, способствовал раскрытию деятельности анархо-мистиков.

АСКАРОВ Герман Карлович, 1882 г. рождения, из мещан г. Риги, безработный, образование незаконченное высшее, анархист с 1904 г. До революции был приговорён к смертной казни за участие в терроре, в 1921-1922 гг. арестовывался ОГПУ и был приговорён к ссылке на 3 года. Был задержан в засаде (на квартире Солоновича), хотя и знаком с Солоновичем, но к орденской деятельности отношения не имел.

²⁶⁶ «Листовка» состояла из нескольких фраз вступления к политической оценке момента на листке, вырванном из тетради. Продолжение было прервано приходом сотрудников ОГПУ с обыском и арестом, так что, скорее всего, эта акция явилась намеренной провокацией со стороны одного из участников кружка — Я. К. Шрейбера.

БИБЛИОТЕЧКА «АПОКРИФА»

ВОДОВОЗОВ Николай Васильевич, 1902 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын торговца, преподаватель, образование высшее, беспартийный, по убеждениям анархо-мистик, в 1923 г. за самовольную отлучку был приговорён 2-м Стрелковым Трибуналом к 1 году лишения свободы. «Рыцарь» Ордена, принимал участие на орденских собраниях и вечеринках, выдающейся роли в организации не играл. Дал подробные показания о деятельности известных ему членов Ордена, способствуя следствию.

ЗАВАДСКИЙ Юрий-Георгий Александрович, 1894 г. рождения, уроженец г. Москвы, сын чиновника-дворянина, артист-режиссёр 1-го МХАТа, образование незаконченное высшее, беспартийный, по убеждениям анархо-мистик. Рыцарь высших степеней, состоял в руководящей группе, достаточно изобличён показаниями Поля, Шишко, Гиршфельда, Водовозова, Любичкого и других. Следствие не закончено.

Принимая во внимание вышеизложенное, считаю обвинение по 58/10 и 58/11 ст. ст. У К доказанным и

ПОЛАГАЛ БЫ: дело на гр. гр. СОЛОНОВИЧА А. А., БОГОМОЛОВА-НИКОЛИНА Н. К., АНОСОВА Г. И., БЕМА Д. А., ПРОФЕРАНСОВА Н. И., СНО В. Д., УЙТТЕНХОВЕН И. Н., АНДРЕЕВА А. В., НИКИТИНА А. А., ПОЛЯ А. С., ЛЮБИМОВУ В. Н., КОРОЛЬКОВА П. Е., НИКИТИНУ В. Р., БРЕНЕВА Е. К., ЛЕОНТЬЕВА К. И., СМИРНОВА Е. Н., НИКИТИНУ НА., АДАМОВУ Е. Г., УЙТТЕНХОВЕНА А. В., ЛЕОНТЬЕВУ НА., ПОЛЬ Е. А., СМОЛЕНЦЕВУ А. И., РЫТАВЦЕВА И. Е., ЛАДЫЖЕНСКОГО НА., ИЛЬИНА Г. Д., КОРНИЛОВА П. А., ВОДОВОЗОВА Н. В., ЗАВАДСКОГО Ю.-ГА, ГИРШФЕЛЬДА Ф. Ф., ПОКРОВСКУЮ И. В., РУСОВА Н. Н., ШИШКО В. Ф., АСКАРОВА Г. К. — передать на рассмотрение Особого Совещания при Коллегии ОГПУ²⁶⁷.

Помощник Начальника 1-го отделения СО ОГПУ — Кирре.

²⁶⁷ 13. 1. 31 г. Постановлением Коллегии ОГПУ по делу «Ордена Света» были вынесены следующие приговоры: СОЛОНОВИЧА А. А., АНОСОВА Г. И., БЕМА Д. А., ПРОФЕРАНСОВА Н. И., СНО В. И., КОРОЛЬКОВА П. Е. — заключить в места лишения свободы сроком на пять лет; НИКИТИНА А. А. — заключить в концлагерь сроком на пять лет; БОГОМОЛОВА-НИКОЛИНА Н. К. — выслать в Западную Сибирь сроком на три года; УЙТТЕНХОВЕН И. Н., ЛЮБИМОВУ В. Н., БРЕНЕВА Е. К. — заключить в места лишения свободы сроком на три года; АНДРЕЕВА А. В. — выслать на Урал сроком на три года; ПОЛЯ А. С., НИКИТИНУ В. Р., ЛЕОНТЬЕВА К. И., СМИРНОВА Е. Н., АДАМОВУ Е. Г., ЛЕОНТЬЕВУ Н. А., СМОЛЕНЦЕВУ А. И. — заключить в концлагерь сроком на три года; НИКИТИНУ Н. А. — выслать в Среднюю Азию сроком на три года; УЙТТЕНХОВЕНА А. В., РЫТАВЦЕВА И. Е. — выслать в Северный край сроком на три года; ПОЛЬ Е. А., ЛАДЫЖЕНСКОГО Н. А. — выслать в Западную Сибирь сроком на три года; ИЛЬИНА Г. Д. — выслать в Восточную Сибирь сроком на три года; КОРНИЛОВА П. А. — заключить в места лишения свободы сроком на три года; в отношении ЗАВАДСКОГО Ю.-Г. А. — дело ВЫДЕЛИТЬ (т. е. продолжать). В отношении гр. гр. ВОДОВОЗОВА Н. А., ГИРШФЕЛЬДА Ф. Ф., ПОКРОВСКОЙ ИВ, РУСОВА Н. Н., ШИШКО В. Ф., АСКАРОВА Г. К. — дело прекратить, подписки о невыезде аннулировать. (ЦА ФСБ РФ, Р-33312, т. 2, л. 33).

О дальнейшей судьбе этих людей известно немного. С достоверностью можно сказать, что пережили годы репрессий Завадский Ю. А. (ум. 1977 г.), Леонтьев К. И. (ум. в 60-х гг.), Леонтьева-Нилендер Н. А. (ум. в нач. 70-х гг.), Никитина В. Р. (ум. в 1976 г.), Никитина Н. А. (ум. в 1942 г.), Покровская И. В. (ум. в 1995 г.), Поль А. С. (ум. в 1965 г.), Поль Е. А. (ум. в 1993 г.), Рытавцев И. Е. (ум. в 1974 г.), Смоленцева А. И. (ум. в 1988 г.), Уйттенховен А. В. (ум. в 1966 г.) и Уйттенховен И. А. (ум. 6 мая 1995 г.); умерли в лагерях и ссылке Никитин А. А. (15. 10. 42 г.). Преферансов Н. И. (12. 3. 34 г.), Солонovich А. А. (4. 3. 37 г.); расстреляны Бем Д. А. (4. 6. 38 г.), Бренев Е. К. (25. 12. 38 г.), Гиршфельд Ф. Ф. (10. 3. 38 г.), Корольков П. А. (4. 10. 37 г.) и Смирнов Е. Н. (7. 12. 37 г.). О судьбе остальных достоверных сведений не имеется.

Новые открытия в области истории Ордена Тамплиеров²⁶⁸

В конце прошедшего 1877 г. галльский книгопродавец Швечке (Schwetschke) издал посмертный труд главного ольденбургского библиотекаря Мерцдорфа: «Die Geheimstatuten des Ordens der Tempelherren». Покойный Мерцдорф в продолжении 29-летней библиотечарской деятельности охотно уделял всё своё свободное время на изучение истории масонства. По своему положению он имел лёгкий доступ ко всевозможным государственным библиотекам и архивам, из которых успел извлечь и обнародовать немало любопытных масонских документов. Сами масоны, зная о занятиях Мерцдорфа их историей, вели с ним переписку и даже позволяли ему рыться в своих архивах. В последние годы жизни Мерцдорф занимался пересмотром бумаг, хранящихся в архиве главной гамбургской ложи, и нашёл там список тайных статутів тамплиеров, изданный теперь Швечке. Рукопись лежала среди масонских бумаг, привезённых в особом ящике из Петербурга. По мнению Мерцдорфа, она принадлежала сперва директору кадетского корпуса (И. В.) Бёберу, бывшему некоторое время великим магистром наших масонов. Во время закрытия масонских лож в 1822 г. она, по всей вероятности, была захвачена вместе с другими бумагами и заброшена в этот ящик. До 1860 г. ящик стоял без всякого употребления в Петербурге; доктор Бёк, один из представителей гамбургских масонов, выпросил его себе и передал в архив главной ложи. Перебирая бумаги петербургских масонов, Мерцдорф и нашёл среди них упомянутый список статутів тамплиеров.

По словам Мерцдорфа, список сделан рукою конца XVIII века. Переписчик, очевидно, был человек, привыкший к занятиям в архиве: он умел правильно прочесть и списать оригинал так, что, за исключением нескольких легко исправимых ошибок, его не в чем упрекнуть. На тетради есть общее заглавие, написанное тою же рукою копииста: *Monumenta ad disciplinam arcanam fratrum militiae Templi descripta in archivio Vaticano*; сверх того перед каждым отдельным статутом на полях сделано указание, из какого кодекса он извлечён. Таких указаний, как и самих статутів, четыре: а) при *Regula pauperum commilitonum Christi templique Solomonis*, т. е. при так называемом уставе Трасском (trecensis), отмечено: *Acta inquisitionis contra ordinem militiae Templi. Cod. XV*; б) при *Statuta secreta Electorum* — *Acta inquis. cod. XXIV*; в) при *Liber Consolamenti* — *cod. XXXII*. Если бы можно было доказать справедливость этих указаний, то вместе с этим уничтожилось бы и всякое сомнение в подлинности статутів. Но, к сожалению, пока известно только существование в ватиканском архиве рукописи трасского устава, с которой мог быть сделан список первой части изданного Мерцдорфом памятника; по крайней мере, варианты между ними очень незначительны; что же касается до остальных трёх тайных статутів тамплиеров, то ни одному исследователю не удавалось найти их в Ватикане, Париже или в другом каком месте. Правда, один из историков тамплиеров, работавший в конце прошедшего века в ватиканском архиве, Мюнтер, уверяет, будто бы в числе актов процесса тамплиеров попадаются совсем испорченные сыростью и молюю, и один из них он даже обозначает:

Informatio super praeceptores militum Templi; но едва ли это замечание может быть приурочено к кодексам, на которые ссылается копиист: последний должен был работать в Ватикане приблизительно в одно лето с Мюнтером, и потому невероятно, чтобы копиист легко

²⁶⁸ Текст воспроизводится по отдельному оттиску из «Университетских известий». — Киев, 1878 г., с. 1—25 с исправлением ошибок и приведением к современной орфографии.

мог списать кодексы, признанные Мюнтером неудобочитаемыми. При таком положении дел необходимо избрать иной путь для определения подлинности или подложности тайных статуты, необходимо обратиться к самому содержанию памятника и посмотреть, насколько оно соответствует тому, что мы знаем о тайнах Ордена тамплиеров. Конечно, нам придётся при этом войти в некоторые подробности относительно хода развития Ордена, особенно его последнего процесса, но при изложении их я постараюсь ограничиться только самым необходимым.

Орден тамплиеров, основанный в Иерусалиме в 1118 г., получил свой устав от св. Бернарда из Клерво в 1128 г. на синоде в Труа. Большая часть параграфов этого устава²⁶⁹ заимствована или из правил каноников, или из монастырского устава Бенедикта Нурсийского, или же напоминает цистерцианские порядки; но, согласно с желанием основателей Ордена, сверх трёх обычных обетов бедности, целомудрия и послушания, на тамплиеров возложен был четвёртый — защиты пилигримов. Пока жив был св. Бернард, тамплиеры оставались верны своему уставу и мало чем отличались от цистерцианцев или каноников. По всем церковным вопросам они подлежали юрисдикции иерусалимского патриарха или того епископа, в епархии которого обитали; а по своим земельным владениям они считались вассалами иерусалимского короля и исполняли для него воинскую повинность. Их рыцарские подвиги во время войн с сарацинами сделали имя тамплиеров славным не только на Востоке, но и на Западе, и отовсюду являлись лица, готовые или вступить в их орден, или, по крайней мере, сделать в его пользу то или другое пожертвование. Но несмотря на быстрое возрастание своего нравственного влияния и материальных средств, тамплиеры до самой смерти св. Бернарда не имели никаких особых привилегий; их покровитель был суровым противником всяких *exemptiones* и не позволял тамплиерам приобретать вольностей от пап, императоров или королей.

Со смертью Бернарда монашеское направление тамплиеров начало быстро заменяться чисто светским. В 1153 г. умер Бернард, а уже в 1163 г. тамплиеры выпрашивают у папы Александра III буллу, ставившую их под непосредственную защиту римской курии, позволяющую иметь своих клириков и (что особенно важно) изменять и дополнять на общих собраниях свой первоначальный устав²⁷⁰. С этого момента тамплиеры из монахов стали быстро превращаться в рыцарей. Все новые правила, внесённые в устав 1128 г., почти исключительно касаются рыцарского образа жизни тамплиеров.

Некоторые даже стоят в явном противоречии с первоначальными постановлениями. Бернард, например, требовал, чтобы в Орден допускались только лица, подвергавшиеся годичному искусу в качестве новициатов, после же 1163 г. правило это смягчено было предоставлением магистру права назначить то или иное время для искуса, а в конце XIII в. многие принимались в Орден, совсем не подвергаясь новициату; или по первоначальному уставу было запрещено принимать в Орден несовершеннолетних, а в XIII в. знатные мальчики сплошь да рядом зачислялись в Орден; или основатели Ордена советовали принимать в тамплиеры одних способных соблюдать упомянутые четыре обета, а в XIII в. от поступавшего требовали прежде всего благородного происхождения.

Параллельно с этим изменением тамплиеров из монахов в рыцарей, и самые цели у Ордена стали другие. Прежде храмовники употребляли все свои средства на пособие пилигримам и на борьбу с неверными, теперь же у них на первом плане — упрочение самостоятельности и могущества своего Ордена, и для достижения этой цели они не брезгают

²⁶⁹ Труасский устав не дошёл до нас в первоначальном своем виде; оригинал его погиб во время взятия Акконы. Так называемые *Regulae trecentenses*, изданные, между прочим, и Мерцдорфом, представляют смешение древнейших правил с позднейшими добавлениями.

²⁷⁰ Булла «*Orne datum*» издана во 2-м приложении к т. 1 сочинения *Ferd. Wilcke. Geschichte des Orden der Tempelherren*. Halle, 1860, p. 441-447.

никакими интригами при римском и иерусалимском дворе и даже вступают в соглашения с неверными к явному вреду для христиан; прежде все вступающие в Орден спешили в Палестину на борьбу с сарацинами, теперь же большинство рыцарей предпочитает жить на Западе и не только не содействует возбуждению новых крестовых походов, напротив, всячески старается отклонить папу, королей и князей от подобных предприятий.

Несмотря на столь заметное изменение в настроении Ордена тамплиеров, папы продолжают ему покровительствовать. Все преемники папы Александра III или утверждают буллу 1163 г., или даже расширяют привилегии Ордена: они освобождают его от десятины, от подати на крестовые походы, предоставляют клирикам Ордена право отправлять богослужение в таких местах, на которые наложен интердикт, снимают со вступающих в Орден часть наложенных на них церковных наказаний и т. п. Столь важные преимущества Ордена склоняли к вступлению в него таких людей, которые вовсе и не думали о соблюдении известных четырёх обетов, а спешили только или примириться с папой, или освободить свои земли от лишних поборов, или обеспечить своих подданных от интердикта. В состав Ордена или, точнее, под его покровительство отдаются теперь целые города и области.

По мере увеличения у Ордена чисто мирских членов и богатств, тамплиеры всё больше и больше забывают о своих обетах. Падение Иерусалимского королевства освободило Орден от обязанности покровительствовать пилигримам; на Востоке и на Западе ходили слухи, что сарацины своим успехом обязаны измене тамплиеров, старавшихся этим способом отделаться от неприятного четвёртого обета. Огромные богатства, скопившиеся в руках тамплиеров, делали невозможным строгое соблюдение обета бедности. Привилегии пап, поставившие Орден под исключительное покровительство римского двора, освободили храмовников от подчинения епархиальным и светским властям; внутри самого Ордена с конца XII в. безусловное подчинение магистру прекратилось с передачей всех дел в руки капитулов, т. е. самих рыцарей, вследствие чего послушание заменилось у тамплиеров надменностью в обращении со всеми, не принадлежащими к их Ордену, и раздорами в сношениях между собою. Наконец и обет целомудрия давно уже потерял всякое значение в глазах рыцарей, рано познакомившихся с нравами Востока и перенёсших оттуда на Запад страсть к роскоши и чувственным наслаждениям. В народе ходили самые преувеличенные рассказы об оргиях, совершающихся в прочно укрепленных и малодоступных жилищах тамплиеров: *bibere templariter* обратилось в XIII в. в поговорку²⁷¹, а в Англии предостерегали тогда молодёжь обоего пола от поцелуев храмовника. Тайнственность, которой окружали себя тамплиеры, посещавшие только свои капеллы, исповедовавшиеся только у своих клириков и совершавшие обряд приёма новых членов при строго закрытых дверях для публики, давала возможность рассказывать недоброжелателям Ордена самые невероятные вещи; а врагов у него было множество: князья завидовали богатству и политическому могуществу тамплиеров и негодовали на невозможность обложить их, как клириков, какими-либо поборами; прелаты никак не могли помириться с канонической независимостью от них духовного Ордена; горожане и поселяне ненавидели храмовников за надменность и разгул, печальные проявления которых им не раз приходилось испытать на себе. Нравственное падение Ордена в XIII в. было так велико, что сами покровители его, папы, иногда укоряли магистров за дурное поведение рыцарей. В среде самих

²⁷¹ Ф. Фортинскому, по-видимому, был неизвестен тот факт, что ещё «в 1807 г. Французская Академия установила, что знаменитая фраза “пить как тамплиер” есть искаженное “пить как тампrier”, что на старофранцузском означало “стеклодув”, который, работая вблизи огня, “вынужден был постоянно и много пить, чтобы возместить потерю жидкости организмом”» (*Амбелен Р. Драмы и секреты истории. — М., 1993, с. 35*). К сожалению, большинство современных российских авторов, пишущих о тамплиерах, повторяет эту ошибку. (*Прим. публикатора.*)

тамплиеров по временам появлялись лица, мечтавшие о реформе своего Ордена, но их единичные попытки при сосредоточении власти у капитулов, конечно, не имели, да и не могли иметь успеха.

Это общее недовольство тамплиерами помогло французскому королю Филиппу Красивому добиться от папы Климента V уничтожения Ордена. У Филиппа были свои основания к ненависти против тамплиеров. С падением Акконы Орден лишился последнего убежища в Сирии, и магистр со своим капитулом решил перебраться во Францию, где у тамплиеров было больше всего поместий и замков. Такое сосредоточение Ордена во Франции скоро сказалось весьма вредно на королевской власти. Когда Филипп Красивый поднял вопрос об обложении французского клира податью в пользу казны, тамплиеры оказались на стороне папы Бонифация VIII и вместе с ним решительно отрицали законность королевских притязаний. Король не мог простить Ордену этой оппозиции, и, по словам Виллани, ещё при избрании преемника Бонифация заключил с будущим папой Климентом V тайный договор, одну из статей которого предоставил себе обозначить впоследствии. Филипп не решался открыто напасть на Орден, имевший в одной Франции до 15 000 рыцарей, и выжидал случая, чтобы верней нанести удар врагу. Случай не замедлил представиться. Один тамплиер, выгнанный из Ордена за дурное поведение, сидя в тюрьме рассказал своему товарищу по заключению, флорентийцу Ноффидеи, о тайнах тамплиеров. Хитрый итальянец, знавший о ненависти короля к Ордену, решился воспользоваться этим открытием для своего освобождения. Он потребовал, чтобы его с товарищем представили королю. Требование было исполнено, и преступники рассказали Филиппу следующее: 1) тамплиеры при вступлении в Орден дают клятву защищать его всеми средствами *sive juste, sive injuste*; 2) начальники Ордена вступили с сарацинами в тайный договор, направленный к выгоде врагов христианства; на своих тайных собраниях они попирают ногами крест, плюют на него и ругаются над христианством; 3) все начальники тамплиеров — убийцы, умерщвляющие тех рыцарей, которые, не вынося заблуждений Ордена, пытаются покинуть его; они же убивают детей, рождаемых соблазнёнными от рыцарей женщинами; 4) рыцари презирают папу, отвергают таинства и исповедь; 5) не довольствуясь сношениями с женщинами, тамплиеры предаются друг с другом содомскому греху; 6) назначение в магистры совершается тайно, в присутствии немногих, причём магистр, вероятно, отрицает Христа или делает что-то другое ужасное; 7) у Ордена есть тайные статуты, несогласные с христианством, но их запрещено открывать под страхом вечного заключения; 8) все их преступления, совершаемые в пользу Ордена, не почитаются рыцарями за грех.

Получив этот донос, король освободил доносчиков от заключения, а их обвинения в адрес Ордена сообщил папе Клименту и потребовал от него следствия над тамплиерами. Но Климент V вопреки ожиданию уклонился от исполнения этого требования и даже вызвал к себе магистра для совещаний о новом крестовом походе. Отказ папы однако не остановил Филиппа, и он от своего имени тайно разослал приказ арестовать тамплиеров разом по всей Франции на 13 октября 1307 г. и немедленно же приступить к допросу арестованных, причём следователям позволено было прибегать к пыткам. Папа сперва протестовал против ареста и вообще подсудности Ордена королю, но, получив показания, подтверждавшие обвинения, возведённые на тамплиеров, и выслушав лично признания 72 рыцарей, изменил своё отношение к делу: теперь он сам рассылает окружное послание по всей западной Европе с требованием ареста тамплиеров. В этой булле Климент заявляет, что рыцари сознались в отрицании Христа, обожании идола и во многом ином, о чём он из приличия умалчивает. Теперь процесс тамплиеров получил законный ход, и королевские следователи передали ведение допросов папской комиссии. Последней Климент предписал произвести следствие со всевозможным

беспристрастием, не прибегая к пыткам. Комиссия не только переспросила всех арестованных, но и вызывала давать показания всех, желающих защитить Орден. Сперва на этот вызов никто не откликнулся, но когда убедились, что допросы производятся беспристрастно и без пыток, нашлось немало охотников давать показания в пользу Ордена. Акты парижского процесса, изданные сперва в извлечении Дюпюи²⁷², а потом в полном виде — Мишле, и служили до сих пор главным источником для изучения тайн Ордена тамплиеров.

Хотя папская комиссия старалась производить следствие с возможным беспристрастием, не прибегала к пыткам, тем не менее данные перед нею показания полны противоречий, и по ним весьма трудно составить себе определённое представление относительно справедливости или несправедливости возведённых на Орден обвинений. Большая часть тамплиеров — от магистра до последнего оруженосца — сознавалась, например, что во время приёма в Орден вступавших заставляли отрицать Христа и ругаться над крестом; но попадались и такие свидетели, которые уверяли, что рыцари питали самое высокое почтение к изображению креста, что они не осмеливались совершить никакого естественного отправления, не сняв сперва плащ с нашитым на нём крестом. Доносчик ни одним словом не упомянул о почитании тамплиерами какой-то головы, о ношении ими особого пояса, о неприличном поцелуе; а между тем в актах процесса эти три пункта играют весьма видную роль, но показания на их счёт полны разногласий. Одни считают эту голову изображением Бафомета и уверяют, что при поклонении ей рыцари произносили «Аллах», помазали её кровью детей и пили перед ней вино, смешанное с прахом сожжённых покойников; другие, напротив, не отрицая почитания головы, не видели в этом ничего предосудительного и полагали, что это голова Иоанна Крестителя, апостола Петра или св. Власия; третьи на вопросы о голове отвечали полным неведением.

Как свидетели не сходились в определении значения головы, так точно они разногласят и в описании её формы: одним она казалась головою мужчины с длинною бородою, другие, напротив, уверяли, что видели женскую голову и поклонялись ей, как голове одной из 11 000 дев. Ношение пояса тоже признавалось почти всеми свидетелями, но одни ставили его в связь с обожанием головы и уверяли, что поясом сперва обвивали идола, а потом опоясывали нового рыцаря и брали с него обязательство всегда носить его на себе; другие, напротив, считали ношение пояса знаком смирения и возводили этот обычай ко временам св. Бернарда. Что же касается до неприличного поцелуя, то и тут показания полны противоречий: многие рыцари сознавались, что их во время приёма в Орден заставляли целовать в обнажённые неприличные передние или задние места; другие совсем отрицали существование подобных поцелуев; были и такие свидетели, которые уверяли, что поцелуй давался в грудь и спину, да и то поверх платья. Точно такие же противоречия существуют в показаниях и относительно других пунктов обвинения: отрицания папской власти, церковных таинств покаяния и причащения, содомского греха и пр.

В прежнее время, когда акты процесса не были изданы, историки, принимая в соображение ненависть к Ордену Филиппа Красивого, податливость Климента V и подозрительный характер донощиков, были расположены считать тамплиеров невинно пострадавшими; в особенности к такому выводу наклонны масоны, видевшие в себе непосредственных продолжателей тамплиеров; но с тех пор, как Дюпюи обнародовал извлечение из парижских актов, исследователи стали склоняться в сторону врагов Ордена. Они указывали на возможность усвоения тамплиерами различных еретических мнений во время

²⁷² *P. Dupuy. Traites concernant l'histoire de France de la condamnation des Templiers. Paris, 1654.* В библиотеке университета св. Владимира есть брюссельское, значительно пополненное, издание этого сочинения 1713 г.

пробытия на Востоке и при сближении с сектами альбигойцев на юге Франции, приводили письмо Иннокентия III к магистру, где тамплиеры обвиняются не только в разврате, но ещё и в каких-то *doktrinae demoniorum*, и, наконец, сопоставляя показания тамплиеров с еретическими мнениями, господствовавшими тогда в Западной Европе, приходили к заключению, что Орден пострадал не безвинно. Если что особенно смущает современных историков, так это неодинаковый исход процесса тамплиеров в различных странах: между тем, как во Франции тамплиеры были осуждены, в Англии, Испании и Германии их оправдали, а в Италии осудили в тех местностях, которые были под влиянием брата Филиппа Красивого, Карла Анжу, и оправдали в пользовавшихся политической самостоятельностью. Очевидно, огульное осуждение всего Ордена не могло быть справедливо, и, по всей вероятности. Орден пострадал за заблуждения отдельных своих членов. Эта нерешительность окончательных выводов относительно тамплиеров неизбежна, пока не найдутся тайные статуты Ордена, которые в состоянии будут разъяснить различные недоумения, возбуждаемые изучением актов процесса. Мерцдорф заверяет, что он нашёл эти статуты. Что же они представляют?

Всех тайных статутов, изданных Мерцдорфом, три: *Statuta secreta Electorum*, *Liber Consolamenti* и *Rotulus signorum arcanorum*.

Statuta secreta Electorum разделены на 30 параграфов, некоторые из них я переведу дословно, другие же изложу сокращённо. В § 1 составитель статутов заявляет братии, что теперь настали последние времена и приблизилось царство Божие к тем, которые крещены не водою, а Духом Св(ятым) и огнём; параграфы со 2-го по 5-й трактуют о тайных капитулах «избранных». Такие капитулы он предписывает начальникам Ордена учреждать повсюду, где только можно, и принимать в число «избранных» только самых достойных братьев (§ 2). Капитул собирается в зале, или в столовой, или в домово́й церкви тайно, в начале ночи, причём из дома удаляются все его обитатели в соседние жилища, двери запираются, и в собрание не допускается никто из не принадлежащих к числу «избранных». Чтобы кто-нибудь не помешал собранию и не подсмотрел или не подслушал, что на нём делается, кругом места заседания должна быть расставлена стража (§ 3). «Избранные» приглашаются на заседание посредством особого тайного знака, и никто ни под каким предлогом, за исключением смерти, не может уклониться от посещения собрания (§ 4). С § 5 по 10-й указывается, кого и каким образом следует завлекать ко вступлению в число «избранных», и кого нельзя выбирать. Составитель статутов советует пропагандисту быть осторожным и постепенно готовить намеченного им брата ко вступлению в капитул (§ 5). Сперва он должен указывать своему ученику на слабые стороны в учении и дисциплине римской церкви (называемой в статутах обыкновенно Вавилоном) и возбуждать в нём сомнение, действительно ли истинный Христос родился от Девы Марии, имел ли он настоящее тело, и если нет, то значит он не мог ни пострадать за людей, ни быть положенным во гроб, ни воскреснуть.

Усомнится ученик в этих догматах, ему можно уже с большей уверенностью внушать, что крещение вовсе не ведёт к полному очищению, что в освящении пресвитером хлеба и вина нет никакого таинства или превращения их в тело и кровь Христа, что исповедь совсем не нужна и ни к чему не ведёт, и что, наконец, во всём том, что проповедуется в синагоге Антихриста, нет ни истины ни спасения (§6). Когда же искушаемый брат согласится со всем этим и будет недоволен своим положением в римской церкви, тогда следует намекать ему, что есть лица, которым доступен свет истины, которые знакомы с ангельскими откровениями, привезёнными из заморских стран. Если искушаемый будет настаивать, чтобы его допустили в среду этих «избранных», тогда на ближайшем заседании капитула следует заявить о его желании (§ 7). Капитулу же, однако, советуется не тотчас соглашаться на приём новичиата, а сперва проверить, не предлагают ли ему в кандидаты человека легкомысленного, способного нарушить тайны

«избранных» (§ 8), или малообразованного, незнакомого ни с *trivium* ни с *quadrivium* (§ 9), или потомка Арефаста (§ 10); все подобные лица отнюдь не должны быть принимаемы в капитул; напротив, сарацины, хотя бы и не получили никакого образования, как незнакомые с заблуждениями Вавилона, могут быть принимаемы в число «избранных». В § 11-13 описывается самая церемония приёма в капитул; я приведу их дословно.

«Братья, одевшись в платье “избранных” и перепоясавшись своим поясом, в назначенный час ночи собираются на заседание. По окончании пения псалма “*Quam dilecta tabernacula tua*”, капитулу докладывается, кто такой вновь принимаемый брат, как его зовут, каковы его сведения и поведение. Если все присутствующие подадут свой голос за избрание кандидата, члену-рекомендателью даётся позволение привести просителя в капитул в сопровождении двух свидетелей. Те трое сперва заставляют кандидата в отдалённой комнате дать и подписать страшную клятву, что он под страхом вечного заключения и даже смерти будет молчать обо всём, что с ним последует при его приёме; когда клятва дана, его приводят к дверям капитула и заставляют раздеться до рубашки и подштанников. Тут же или, если угодно будет вводителю, позади алтаря один или оба свидетеля раздеваются донага, и вводитель приказывает принимаемому поцеловать их в уста, в пупок или в нижнюю часть спинного хребта, или прямо *in virga virili*. Если же принимаемый откажется сделать это, или же попытается при этом сказать или сделать что-либо неприличное, или вообще заявит какие-либо сомнения, его следует немедленно вести в кухню или погреб, и там, приготовивши с особенными церемониями питьё из водки и уксуса, дать ему выпить и тем убедить, как будто он действительно был принят. Всякий, выказавший себя во время церемонии дураком или спорщиком, не должен никогда иметь места среди “избранных”. Если же принимаемый поцелует спокойно, серьёзно и прилично, хотя и со стыдом, двери капитула перед ним отворяются и он допускается к настоящему приёму (§ 11).

При входе в заседание вводителя, свидетелей и принимаемого, присутствующие поют псалом “*Exsurget Deus et dissipentur*”; принимаемый склоняется перед вводителем и, положив левую руку на сердце, а правую вытянув вверх с согнутыми в кулак пальцами, кроме указательного, клянётся вечно молчать обо всём том, что он когда-либо увидит или услышит в капитуле, и если его когда-либо будут допрашивать на каком бы то ни было суде, он ничего не скажет о сообщённых ему тайных статутах; клянётся также, что он верует в Бога Творца и его едиnorodного Сына, Вечное Слово, которое никогда не рождалось, не страдало, не умирало на кресте или воскресало из мёртвых; клянётся, наконец, в ненависти и в непримиримой вражде как к мирским тиранам, так и к синагоге Антихриста, новому Вавилону, т. е. Риму, о пришествии которого возвестил Иоанн (§ 12). По окончании клятвы все братья бросают на землю свои кресты, которые держали в руках, попирают их ногами и оплёвывают²⁷³. То же самое приказывается сделать и принимаемому в доказательство его клятвы, и если он сделает это безо всякого колебания, в таком случае он окончательно принимается в среду “избранных” через наложение на него рук, облачается в их одежду и перепоясывается их красным поясом» (§ 13).

Несмотря на то, что во время приёма вера в Христа определена иначе, чем как её понимала римская церковь, § 14 запрещает «избранным» относиться с насмешкою к «Иисусу, сыну Марии», а в § 15 даже предоставлено начальникам Ордена по своему усмотрению совершать так или иначе церемонию приёма. Самые статуты вовсе не имели характера неизменности: в § 16 предписывается читать их четыре раза в год — накануне Крещения, Великой пятницы, (дней) Иоанна Крестителя и архангела Михаила, причём членам капитула предоставляется

²⁷³ Т. е. как орудие мучения и казни Иисуса, в чём «избранные» были схожи с несторичанами и многими другими представителями неортодоксального христианства. (Прим. публикатора.)

комментировать их, пополнять и изменять; только перевод их на какой-либо местный язык был строго запрещён.

С § 17 начинается самое изложение учения «избранных». Это учение признаётся принесённым из-за моря и объявляется во всём согласным с Евангелием и с посланиями апостолов. От «избранных» требуется «оставить мир, воздерживаться от излишнего употребления мяса, преследовать воров, ростовщиков, клеветников, развратников и разбойников, снискивать себе пропитание физическим и умственным трудом, не причинять оскорбления ни одному честному человеку, принимать с любовью всякого, кто выкажет ревность к нашему учению, повиноваться больше Богу, чем людям. Если будут исполнены эти правила, нет нужды в таинствах, которые продаются в синагоге Антихриста; а если они будут нарушены, никакие таинства не доставят спасения. Тут содержится вся сумма нашего оправдания, и в дополнение к ней не требуется установление каких-либо новых церемоний, так как всё Евангелие и апостольское учение ограничиваются тем немногим» (§ 17).

В противоположность этому истинному учению «избранных» в § 18 осуждается римская церковь, которая со времён папы Сильвестра больше заботится о словах и обрядах, чем о делах добродетели. В § 19, 20 и 21 превозносятся похвалами благодать, вера и свобода «избранных». С § 22 идёт ряд правил относительно обращения с не принадлежащими к числу «избранных». «Избранные» освобождаются от соблюдения постов, но составитель статутах советует им поститься по наружности, чтобы не приводить в смущение слабых, стоящих вне их кружка (§ 22); сношения с иудеями и сарацинами дозволяются, потому что и они веруют в единого Бога (§ 23); «избранным» можно принимать участие в войнах на Востоке и в Испании, но с условием, чтобы они боролись ради освобождения угнетённых, а не из-за славы. По дороге на войну «избранные» должны останавливаться, по преимуществу, у своих собратьев по учению, которых легко узнать с помощью тайных знаков. Если путь будет лежать на Орлеан, «избранным» советуется почтить там память св. мучеников Стефана и Лисоя, сожжённых по распоряжению короля Роберта (§ 24). В обыкновенной жизни «избранным» советуется во избежание скандала одинаково исполнять и постановления римской церкви, и тайные статуты. Если же кого будет мучить совесть, он может исповедаться перед своим же собратом, будет ли это клирик или мирянин — всё равно (§ 25).

С § 26 даются советы как «избранным» следует держать себя в Ордене.

Во время выборов на орденские должности «избранные» должны употреблять все усилия, чтобы провести на них кандидатов из числа своих собратьев (§ 27). Каждое такое должностное лицо прежде всего должно позаботиться об устройстве помещения для тайного капитула. Постройку дома следует поручить каменщику из числа «избранных». Не меньшее внимание новый начальник должен обращать и на выбор капеллана. Если капеллан окажется малоспособным к усвоению учения «избранных», его следует удалить и заменить другим, более достойным. Капеллан должен внушать рыцарям, оруженосцам и служителям, что они могут после исповеди у клириков обращаться за разрешением к магистру, который имеет право простить их за грехи, не высказанные из стыда во время исповеди. Если же кто выразит сомнение в существовании такого права, того следует уверить, что оно дано начальникам тамплиеров от папы (разумей — от Христа) (§ 27).

При каждом доме следует завести библиотеку, в состав которой, кроме Библии и творений св. отцов, должны входить произведения Иоанна Эриугены, Ансельма Кентерберийского, Абеляра, собрание канонов Грациана, Петра Ломбардского и, наконец, недавно запрещённые синагогой Антихриста сочинения магистра Амалика де Бена и Давида де Динато (§28).

Последние два параграфа указывают на меры для предупреждения измены. Если кто случайно или по легкомыслию сболтнёт хоть что-нибудь о тайных статутах, знаках или о

совершающемся в заседаниях капитула, тот, сообразно со своим проступком, подвергается более или менее продолжительному заключению в оковах и навсегда лишается права присутствовать на собраниях «избранных». А если же узнают, что кто-нибудь изменил по злобе, того следует бросить в тюрьму на всю жизнь или, если того потребует общая безопасность, лишить жизни. Перед судьями, допрашивающими о тайнах, «избранным» советуется всё смело и клятвенно отрицать, потому что вина клятвопреступления в подобном случае падает на неправедных судей, а «избранным» достаётся награда за непреданную истину (§ 29). Если кто из «избранных» опасно заболит, его ни на минуту не следует оставлять одного, а присутствующий собрат не должен никого допускать для исповеди умирающего или до переговоров с ним наедине, а пусть сам исповедует его, успокоит и даст разрешение от всех грехов. Умерших братьев предписывается хоронить в их красном поясе, над их прахом совершать мессы в красном одеянии, а на надгробной плите изобразить пентальфу, как знак спасения.

В конце статута есть заметка, что они переданы братьями Рожером де Монтагю и Робертом де Барри, а переписаны братом Бернаром из Сент-Омера в 1252 году, 18 августа.

Второй статут, *Liber Consolamenti*, представляет много сходного со *Statuta Electorum*. Он разделяется на 20 параграфов; из них первые четыре наполнены заверениями, что только одним «утешенным» доступен свет Истины, которого не ведают ни прелаты, ни князья, ни учёные, ни вообще сыны «нового Вавилона». С пятого параграфа по 12-й идут указания, кого собственно можно принимать в число «утешенных». Составитель статута в этом случае не полагает различия между евреем и христианином, сарацином и греком, и советует с любовью относиться ко всякому, кто будет взывать к Господу (§ 5), но в то же время предписывает держаться осторожно с последователями Вавилона, не выказывать открыто своих мнений и сообщать свои убеждения с большою постепенностью (§ 6); в особенности он настаивает на необходимости хранить в тайне от папистов свои обряды и совершать их только внутри своих домов.

«Чтобы вы могли удобнее и безопаснее совершать тайные обряды нашего утешения, — говорит он, — постарайтесь в каждом доме и здании, где происходят заседания ваших капитулов, устроить подземелья, входы в которые должны скрываться где-нибудь в поле; через эти входы люди всех сословий, званий и состояний без всяких опасений и подозрений со стороны остальных братьев могут являться на ночные собрания» (§ 7). Между тем как по отношению к папистам предписываются самые решительные меры предосторожности, сектанты XII и XIII веков, напротив, прямо объявляются в статуте принадлежащими к числу «утешенных»: «Пусть будут братьями вашими как те, которые в тулузской провинции называют себя «добрыми людьми» (*boni homines*), так и «бедные» (*pauperes*) в лионской области, «альбигойцы» (*Albanenses*), скрывающиеся около Вероны и Бергамо, «байоленцы» (*bajolenses*) в Галиции и Этрурии, «богумилы» (*bogri*) в Булгарии»; всех их позволено допускать на ночные собрания капитулов (§ 8). То же самое правило распространяется на сарацин в Испании и на друзов на Кипре и в Ливанских горах, причём в виде оправдания делается ссылка на приём Саладина в Орден, совершённый Энфридом Турским (§ 9).

«Утешенные», очевидно, составляли более тесный кружок, чем «избранные»: между тем как в среду последних допускались все желающие безо всякого ограничения со стороны возраста, в «утешенные» могли попасть одни достигшие, по крайней мере, 35 лет отроду (§ 10). Помимо этого ограничения возрастом, составитель статута советует ещё сохранять величайшую осторожность с монахами, клириками, аббатами, епископами и учёными (*scientiarum magistri*), изъявившими желание поступить в «утешенные»: «на таковых руки скоро не возлагайте, потому что они очень часто или поступают коварно, скрывая в сердце измену, или же, отказавшись от своих заблуждений и предубеждений, ищут Света лишь затем, чтобы с большею свободой погрязнуть в пороках. Поэтому даже лучших из них после долгих лет наблюдения и испытания

принимайте не в капитуле, а в присутствии двух или трёх братьев, но о статутах и тайных обрядах ещё ничего им не открывайте, и только после долговременной, чуждой всякого подозрения жизни и не подлежащих сомнению доказательств вводите их в капитул» (§ 11). Несравненно меньше предосторожностей требуется при приёме мирян в число «утешенных» (§ 12).

С § 13 идёт описание самого обряда приёма в капитул «утешенных».

«Каждый избранный, прежде чем он будет допущен в число “утешенных”, должен вручить своему учителю письменную, подробную и обстоятельную исповедь во всех своих грехах и проступках, совершённых им по настоящее время; полноту и истину своей исповеди он обязан подтвердить клятвою в присутствии двух свидетелей; эта исповедь должна быть положена на хранение в архив капитула. Магистр, приор, учитель или визитатор, или вообще исполняющий должность приёмщика (receptor) открывает капитул антифоном “Domine probasti me et cognovisti te”, а братья продолжают пение, меняясь хорами. По окончании псалма приёмщик читает антифон из книги Второзакония, гл. XXX, ст. 12-17, и при начале этого чтения избранный брат вводится в капитул и ставится посредине. По окончании антифона все братья «утешенные» возлагают свои руки на вводимого, а тот клянётся перед ними в соблюдении нерушимого молчания, повиновения и верности; потом приёмщик разрешает его ото всех грехов, а равно и от соблюдения законов, обрядов, обычаев и догматов нового Вавилона во имя единого и вечного Господа, который не рождал и не рождался, и во имя истинного Христа, который не умирал и не умрёт.

Далее читаются всеми братьями три молитвы трёх пророков, посланных Богом на утешение, из них первую произносят стоя, положив руки на голову, вторую — коленопреклонённо с распростёртыми руками, а третью — распростёршись на земле всем телом, лицом вниз (§ 13). Первая молитва — Моисеева — заимствована из Книги Чисел, гл. XIV, ст. 17-21. По окончании её приёмщик подходит к новому брату и отрезает у него часть волос на голове и бороде и ногтя на указательном пальце правой руки, говоря при этом: “Служи Богу, обрезывайся более сердцем, чем телесно, в знак вечного союза между Богом и духом людей! Аминь”. (§ 14). Вторая молитва — Иисусова — взята из евангелия Иоанна, гл. 17; по совершении её приёмщик говорит: “И был голос с неба: сей есть сын мой возлюбленный, о нём же благоволих”, причём вводителем надевает кольцо на указательный палец правой руки брата со словами: “Сын Божий, прими это кольцо в знак и залог твоего вечного единения с Богом, истиною и нами! Аминь”. (§ 15). Третья молитва — Бафометова — представляет собой пересказ начальных стихов Корана. Приёмщик присоединяет к ней следующее выражение: «Один Господь, один алтарь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, и каждый, кто призовет имя Господа, спасён будет». Вводитель поднимает нового брата, мажет миром его веки и говорит: «Помазую тебя, друже Божий, елеем благодати, чтобы ты увидел Свет нашего утешения, озаряющий тебе и нам всем путь к истине и вечной жизни. Аминь». (§ 16).

После совершения всех этих молитв и обрядов, приёмщик вынимает из ящика идола Бафомета и, подняв его на руки, показывает братии, говоря: «Народ, ходивший во тьме, увидел великий свет, который возблистал и для сидящих в стране и сени смертной. Трое суть, которые возвестили миру о Боге, и эти трое — суть одно». Тотчас все присутствующие восклицают «ja allah!», что означает «слава Божия». Потом все братья поодиночке подходят к приёмщику, целуют идола и прикасаются к нему своим поясом. Наконец подходит и новый брат и делает то же самое. Приёмщик берёт его за обе руки и говорит: «Ныне прославился сын человеческий, и Бог прославился в нём. Вот, братья, новый друг Божий, который может говорить с Господом, когда пожелает; воздайте Ему благодарность за то, что Он привёл вас туда, куда вы желали, и ваше желание исполнилось. Слава Господа да пребудет в духе и сердце всех нас. Аминь». Сказав

это, приёмщик отпускает нового брата, и для окончания капитула начинает петь гл. 24 из Книги Иисуса, сына Сирахова, а присутствующие продолжают, меняясь хорами (§ 17).

По окончании капитула приёмщик в ту же самую ночь, или на следующую, отводит нового брата в архив (*capellam rotulorum*) и там сообщает ему тайное учение о Боге, о вочеловечении, об Иисусе, об истинном Бафомете, о новом Вавилоне, о природе вещей и вечной жизни, о тайнах относительно человека, о великой философии, об Абраке и талисманах, — или обо всём подробно, или только по частям, насколько то будет нужно и полезно. И это завершение утешения, равно как и тайные знаки, советуем и убеждаем скрывать как можно дольше от принятых клириков, монахов, аббатов, епископов и учёных (§ 18). В особенности повелеваем, чтобы ни в одном доме, где не все живущие братья принадлежат к числу «избранных» или «утешенных», не позволялось совершать известные алхимические опыты (*super certis materiis per autem philosophiae operari*), например простые металлы превращать посредством того искусства в золото или серебро. Если же иные, сведущие в этом искусстве, пожелают делать опыты, могут заниматься этим в отдалённых местах с соблюдением величайшей тайны на пользу себе и «утешенным» (§ 19). Предусмотрительность требует, чтобы никогда ни один из «утешенных» под угрозой смерти не избирался в великие магистры Ордена тамплиеров и не давал согласия на свой выбор, и отказывался бы от должности, если бы выбор пал на него. Впрочем, «утешенные», присутствуя на выборах, пусть стараются выбирать из своей среды генерал-визитаторов, прокураторов, прецепторов и других должностных лиц, и, будучи выбраны, могут принять эти должности на себя (§ 20).

В конце статута «утешенных» есть заметка, что правила собраний магистром Ронцелином, а переписаны братом Робертом из Самфорда, прокуратором тамплиеров Англии 28 июня 1240 года.

Последний из тайных статутов, *Rotulus signorum arcanorum*, представляет как бы дополнение к двум первым. Так как «избранные» и «утешенные» составляли тайные кружки внутри Ордена; допускаявшие в свою среду под обязательством строгого хранения тайны и посторонних без различия происхождения, религии и пола, и эти последние могли жить незаметно среди самых разнообразных условий, то для сношений с ними и был придуман ряд условных знаков. Знаки эти двух родов — пароль и жест. Пароль обыкновенно состоит из двух выражений, вопроса и ответа. Хотя все эти вопросы и ответы были заимствованы из Библии, всё-таки предложение их могло возбудить подозрение, или же случайный соответствующий ответ мог ввести в заблуждение вопрошающего и заставить его принять за сочлена такого человека, который на самом деле им не был. Во избежание этой опасности установлен был, так сказать, двойной пароль: один предлагается сообразно положению вопрошаемого в обществе (например, был особый пароль для клириков, монахов, мирян, сарацин и женщин), другой — сообразно принадлежности его к «избранным» или «утешенным».

Например, если кто-либо из «утешенных» встретится с неизвестным ему монахом и заподозрит в нём своего собрата, то он сперва спрашивает «Кто тебе мать и кто братья?», и если тот скажет «Делающие волю Отца моего», этот ответ покажет, что предположение было справедливо. Чтобы потом точнее узнать, принадлежит ли монах к «избранным» или «утешенным», следовало в первом случае на вопрос «Каково происхождение света?» получить ответ «Ночь», а во втором на вопрос «Что случилось в девятом часу?» ответ «Совершилось».

Впрочем, для сношений сочленов между собою служили не столько условные вопросы и ответы, сколько жесты. Из 18 параграфов, на которые разделён *Rotulus signorum arcanorum*, только 7 начальных отведено на объяснение паролей, а остальные 11 на описание условных жестов, причём в каждом начальном параграфе объясняется только один какой-нибудь пароль, тогда как в каждом из последних описывается по два и по три жеста.

Назначение жестов было самое разнообразное. Посредством жестов «избранные» и «утешенные» приглашались на заседания капитулов, извещались об опасности; посредством жестов они выражали своё согласие или несогласие на допущение в капитул предлагаемых кандидатов, своё одобрение или неодобрение на предложение председателя и т. п. Так как все эти жесты состоят из разнообразных движений рук и пальцев, то я не буду входить в подробности описания каждого из них; отмечу только, что были особые жесты «избранных» и «утешенных», пояса, Бафомета, тайных статутах, и что во время опасности угрожаемому советовалось с воздетыми руками воскликнуть «*ja allah!*», после чего всякому сочлену предписывается оказать ему посильную помощь.

Очевидно, подобные пароли, жесты и восклицания могли быть понятны одним «избранным» или «утешенным». В конце статута о знаках, как и предшествующего, стоит заметка, что правила собрал магистр Ронцелин из Самфорда 12 августа 1240 года.

Достаточно самого беглого сопоставления тайных статутах с актами процесса тамплиеров, чтобы убедиться, что между теми и другими существует самое близкое соотношение. Почти все пункты обвинения, заявленные при первоначальном доносе и добытые во время следствия, находят здесь полное подтверждение. Ввиду этого соответствия статутах с актами процесса естественно возникает вопрос: следует ли в изданных Мерццорфом памятниках признать подлог, совершённый применительно к заявлениям документов и свидетелей, или же объявить их подлинными, дающими возможность понять происхождение противоречий в показаниях тамплиеров перед следственной комиссией?

Подлог легче всего доказывается с помощью отыскания анахронизмов в исследуемых документах. Анахронизмы подмечаются или с помощью палеографических соображений, или же через проверку тех исторических фактов, которые упоминаются в исследуемом памятнике. В данном случае палеографические соображения очевидно не приложимы: статуты пока известны в одном списке конца XVIII века. Правда, копист уверяет, что он списал статуты в Ватикане, но ни один исследователь не наталкивался до сих пор на эти ватиканские оригиналы, и заявление кописта может быть только принято к сведению и, если угодно, при данном положении дела оно скорее возбуждает сомнение в подлинности изданных Мерццорфом памятников, чем убеждает в их достоверности. Что же касается исторических фактов, которые могут быть проверены хронологически, то они встречаются частью в приписках к статутам, частью в самом тексте.

Начнём с первых.

Statuta secreta Electorum, если верить приписке, получены от Рожера де Монтагю и Роберта де Барри братом Бернаром де S. Audomaro и переписаны им 18 августа 1252 г. Спрашивается, известны ли исторически эти лица? Строго говоря — нет; но у нас есть косвенные указания на возможность существования в Ордене тамплиеров лиц с этими фамилиями. Один из них, Пётр де Монтагю, в начале XIII в. был провинциальным магистром португальских тамплиеров, а с 1219 по 1229 г. даже занимал должность великого магистра²⁷⁴; его родной брат в то время был магистром госпитальеров, с которыми тамплиеры состояли тогда в самых близких отношениях и допускали переход рыцарей из одного ордена в другой.

Очевидно, фамилия де Монтагю, имевшая свои владения в различных областях Франции²⁷⁵, пользовалась большим почётом у рыцарей, и члены её избирались на важнейшие орденские должности, а тайные статуты уверяют, что в прокураторы и визитаторы чаще всего назначались принадлежавшие к «избранным» или «утешенным». Очень может быть, что и Рожер

²⁷⁴ *Wilke*, I, p. 214.

²⁷⁵ *Gourdon de Genouillac*. Dictionnaire des fiefs de l'ancienne France. Paris, 1862, p. 338.

де Монтагю, один из редакторов *Statuta secreta*, тоже занимал подобную второстепенную должность. Приверженность фамилии де Монтагю к Ордену не подлежит сомнению: в актах процесса встречается несколько лиц с этим именем.

То же самое следует сказать и о фамилии де Барри: Эбергард де Барри был великим магистром в половине XII в.; среди рыцарей, привлечённых к допросу во Франции, опять встречаются носящие фамилию *de Barro, de Bums*; в словаре французских фьефов можно найти указание на владения этой фамилии в Дофинэ. Гораздо труднее сказать что-нибудь определённое о Бернаре де *S. Audemaro*. Ни в истории Ордена, ни в актах процесса мы не встречаем рыцарей с этим именем. Правда, в числе свидетелей попадаются какие-то *Audemiro* и *Ademori*, но следует ли эту фамилию признать тождественною с *de S. Audemaro*, не берусь решить.

Liber Consolamenti и *Rotulus signorum arcanorum* выставляются в приписках собранными магистром Ронцелином и переписанными прокуратором английских тамплиеров Робертом Самфордским в июне и в августе 1240 г. Так как оба упомянутых рыцаря выставляются принадлежащими к высшим должностным лицам Ордена, то следовало бы ожидать, что тут мы уже, наверное, будем в состоянии проверить справедливость исторического указания приписки, но это ожидание оправдывается только наполовину. Имя Ронцелина не встречается ни в списке великих магистров, ни в списке провинциальных. Правда, Дюпюи говорит о каком-то претенденте на сан великого магистра Процелине, а Мерцдорф считает возможным отождествить этого Процелина с Ронцелином приписки и с безымянным магистром бургундским, который в актах процесса выставляется как один из вводителers ереси в Орден; но такие соображения, очевидно, крайне шатки; если уже нельзя признать в Ронцелине великого магистра, тогда, скорее всего, его следовало бы искать среди английских провинциальных магистров, а никак не бургундских; сношения английских тамплиеров с бургундскими едва ли могли быть настолько близки, чтобы прокуратор первых мог достать от магистра вторых список тайных статуты.

Если личность Ронцелина не может быть названа несомненно исторической, за то у нас есть положительные указания, что Роберт Самфордский был около 1240 г. прокуратором английских тамплиеров; в качестве прокуратора он дал взаймы королю Генриху III 800 ливров в 1235 г., а в 1244 г. тот же Роберт Самфордский называется магистром лондонских тамплиеров.

Таким образом, из пяти лиц, названных в приписках к статутам, одно несомненно жило в то время и занимало ту должность, на какие там указано; два носят фамилии, известные в Ордене в XII-XIV вв., и, наконец, два должны быть признаны неизвестными. Теперь, если предположить, что статуты подделаны применительно к актам процесса, мы вправе были бы ожидать, что составителями статуты фальсификаторы назовут тех магистров (Томаса Берарда, Вильгельма Божо), которые названы Герардом де Саус (давшим самые подробные показания о тайнах Ордена) виновниками введения еретических мнений в Орден; но мы видим не то, и, по моему мнению, эта малоизвестность составителей и переписчиков статуты скорее говорит за подлинность изданных Мерцдорфом памятников, чем за их подделку.

В самом тексте тайных статуты мы опять встречаем несколько фактов, которые могут быть проверены хронологически.

В § 10 статута «избранных» запрещается принимать в капитул потомков изменника Арефаста, а в § 24 советуется при проходе через Орлеан поклониться праху мучеников Лисоя и Стефана, сожжённых там при короле Роберте. Все эти факты чисто исторические: в 1022 г. действительно в Орлеане по доносу Арефаста открыта была тайная секта, в учении которой

было много сходного с содержанием тайных статутів тамплиеров²⁷⁶, и главные представители её по приговору синода были сожжены.

В § 28 того же статута перечисляются книги, которые «избранным» следует иметь в своих библиотеках. Список их довольно длинен, и самые книги оказываются частью философского, частью догматического, а частью канонического содержания, и, однако же, все они относятся к IX–XII вв., а произведения Амалика де Бена и Давида де Динато, названные «недавно запрещёнными», — к самому началу XIII столетия. Наконец, в § 8 статута «утешенных» перечисляются еретические секты, члены которых объявляются братьями «избранных», и опять все они оказываются существовавшими ещё до половины XIII в., когда были переписаны тайные статуты Робертом Самфордским. Таким образом, ни в приписках, ни в тексте нельзя указать анахронизмов, которые были бы неизбежны, если бы тайные статуты были составлены в более позднее время, применительно к актам процесса.

Но допустим, что фальсификатор был человек, хорошо знающий историю ересей XI и XII вв., всё-таки возникает вопрос, когда и для какой цели он мог совершить свой подлог?

Подлог, по-видимому, мог быть совершен или по распоряжению короля Филиппа Красивого с целью доказать справедливость возбуждённого им следствия над Орденом, или же масонами, производившими себя от тамплиеров. Но в первом случае было бы непонятно, каким образом король не выставил этих статутів на самом видном месте в своём письме к папе по поводу ареста тамплиеров и собранных сведений об их тайнах; во втором — не поймёшь, почему масоны считали возможным выставлять тамплиеров в довольно неблагоприятном свете.

Напротив, если мы признаем, что статуты — достоверный исторический документ, действительно списанный кем-то в ватиканском архиве, тогда многое уяснится для нас в истории тамплиеров. Прежде всего мы поймём, почему статуты могли попасть в Ватикан. Папская комиссия, заменившая королевских следователей, как известно, вовсе не стремилась к уничтожению Ордена, а, напротив, выказывала полную готовность выслушивать всех, желавших давать показания в пользу тамплиеров. Поступая так, она, конечно, соотносилась с инструкциями папы Климента, который даже в булле об уничтожении Ордена выставляет своё решение только как временное. Попадись членам папской комиссии при таком настроении список тайных статутів, решительно доказывавших виновность тамплиеров в ереси, они не знали бы, что с ним делать, и, по всей вероятности, предпочли бы доставить документ Клименту, а тот, чтобы не скомпрометировать окончательно Орден, приказал, вероятно, скрыть статуты в своём архиве.

Потом, признание существования в Ордене тайных кружков «избранных» и «утешенных», указываемых в статутах, даёт нам ключ к пониманию противоречий в показаниях тамплиеров перед папской комиссией. Статуты предписывают «избранным» и «утешенным» быть очень осторожными в приёме новых членов в свою среду и в сообщении им тайн своего учения.

²⁷⁶ Etienne et Lisoye rejetaint Tancienn et le nouveau Testament, en ce qu'il y est dit de la Trinite et de la creation du monde; niaient, que Jesus-Christ fut ne de la Vierge Marie; qu'il eut souffert, qu'il fut ressuscite; que le baptême eut la vertu d'effacer les peches; que le pain et le vin fussent change au corps et au sang de Jesus-Christ par consecration du pretre. lis regardaient les bonnes oeuvres et l'intercession des saints comme inutiles, condamnaient le mariage et deffendaient de manger de la chaire. lis s'assembloient la nuit pour la celebration de leurs mysteres. (Этьенн и Лисой отвергали Ветхий и Новый Завет в том, что сказано там о Троице и сотворении мира; отрицали, что Иисус Христос был рождён от Девы Марии; что он пострадал, что он воскрес; что крещение есть лучшее средство освободиться от грехов; что хлеб и вино претворялись в тело и кровь Иисуса Христа через их освящение нереем. Они полагали бесполезными добрые деяния и заступничество святых, осуждали брак и отставали мясоедение. Они собирались ночью для отправления своих таинств. Герен. Соборы всеобщие и частные. Париж, 1869, т. II, с. 245. Пер. Е. Лазарева.) *Guerin. Les conciles generaux et particuliers. Paris, 1869, II, p. 245. Ср. Осокин Н. История Альбигойцев. — Казань, 1869, с. 167 и сл.*

Таким образом, на допросе перед комиссией могли очутиться и простые тамплиеры, и «избранные» и «утешенные». Даже при желании делать самые искренние показания, они по необходимости должны были впадать в постоянные противоречия между собою. Присоединим к этому влияние чувства стыда и страха обнаружить своеобразные обряды, совершавшиеся при приёме новых членов в капитул, и мы поймём увеличение путаницы в показаниях относительно поцелуев, Бафомета, пояса, ношения креста, отрицания таинств и пр. Наконец самое учение «избранных» и «утешенных», как оно выявляется в статутах, представляет много сходного не только с актами процесса, но и с мнениями ересей, распространённых тогда на Востоке и на Западе.

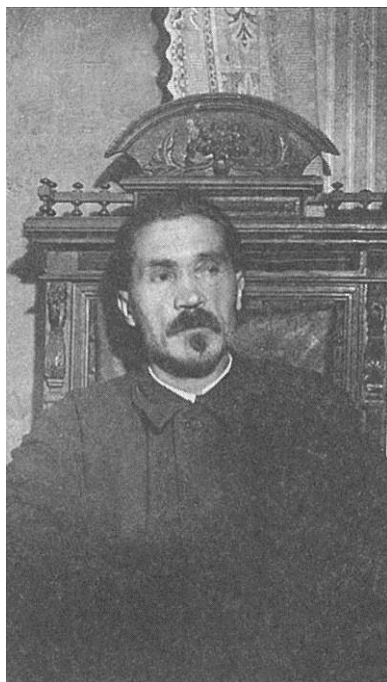
Таким образом, между тем как против подлинности статутков говорит только непонятная судьба списка, в котором они дошли до нас, за их достоверность свидетельствуют и отсутствие анахронизмов, и несомненная близость их содержания с актами процесса, с одной стороны, и с известиями об ересь XII-XIII вв., с другой.

БИБЛИОТЕЧКА «АПОКРИФА»

Печать исторических тамплиеров.

Их духовными преемниками называли себя члены орденских кружков в России XX века

Солонович Алексей Александрович. Москва, 1920-е гг.

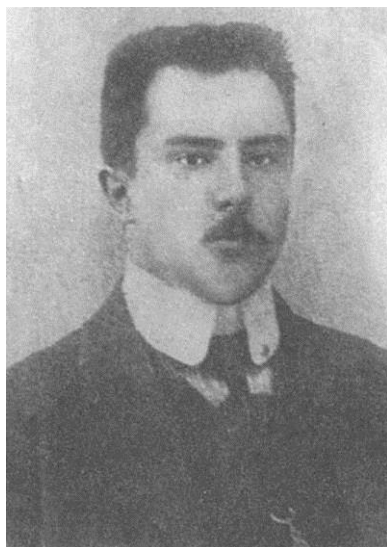

Дорогова (фон Менгден) Мария Вадимовна. Москва, 1912-1916 гг.

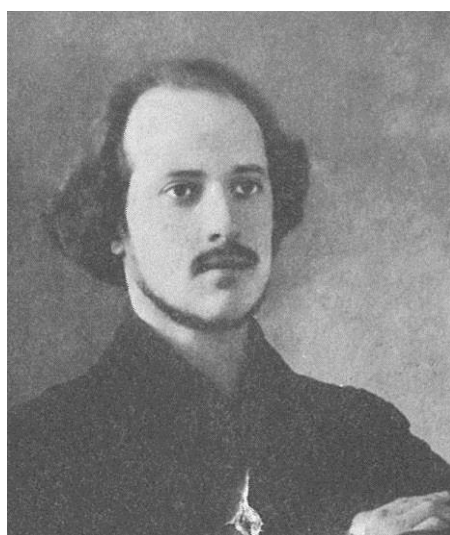

Дорогова М. В. Москва, 17 апреля 1933 г.

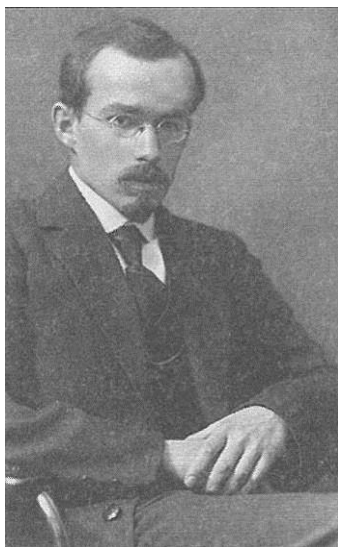
БИБЛИОТЕЧКА «АПОКРИФА»

Шмаков Владимир Алексеевич. До 1918 г.

Зубакин Борис Михайлович. Москва. 1922-1924 гг.

**Дебольский Диодор Дмитриевич — будущий индолог, рыцарь «Ордена Света».
Москва, 1913 г.**

Дебольский Д. Д. Загорск (Птицеград), 1956 г.

Эйзенштейн Сергей Михайлович. 1924 г.

Никитина Вера Робертовна. Москва, 1925 г.

Никитина В. Р. Загорск, 1953-1955 гг.

Никитина Нина Александровна. Июль 1936 г.

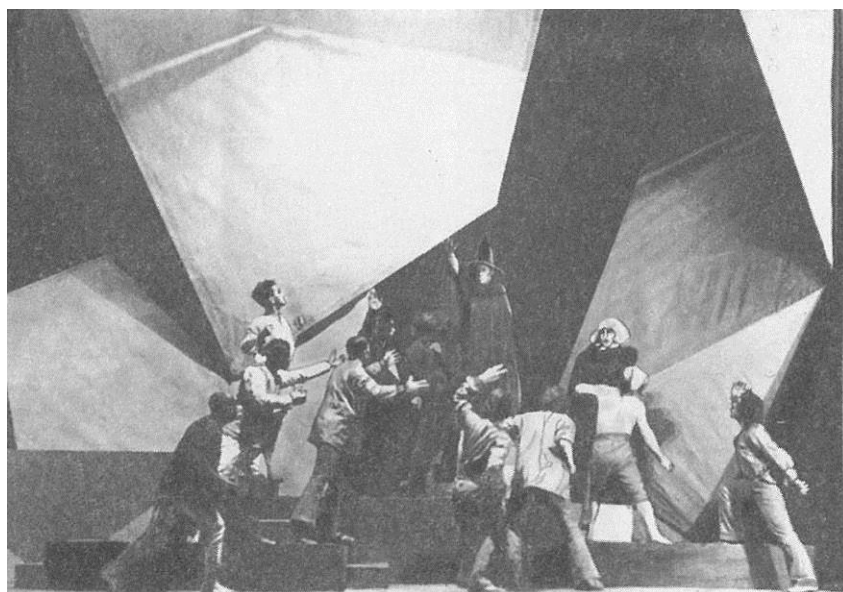
Никитин А. А. в Бутырской тюрьме. Июнь 1941 г.

Никитин Леонид Александрович с женой и сыном. Кашира, 1937 г.

Никитин Л. А. Сценический макет к «Черевичкам».
В своих театрально-декорационных работах российские тамплиеры в скрытой форме
воплощали орденские идеи духовного совершенствования

«Мексиканец». Сцена 1-го акта. 1921 г.

БИБЛИОТЕЧКА «АПОКРИФА»

«Царь Максимилиан». После премьеры. 24 ноября 1924 г.

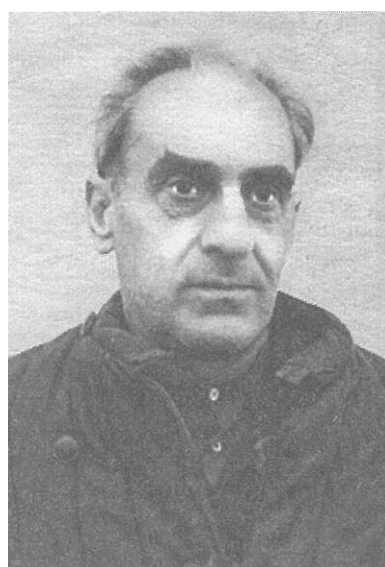
Налимов Василий Васильевич — будущий знаменитый учёный — в юности, когда он вступил в Орден тамплиеров. Москва, 1936 г.

Жемчужникова Мария Николаевна. Москва. 4 мая 1933 г.

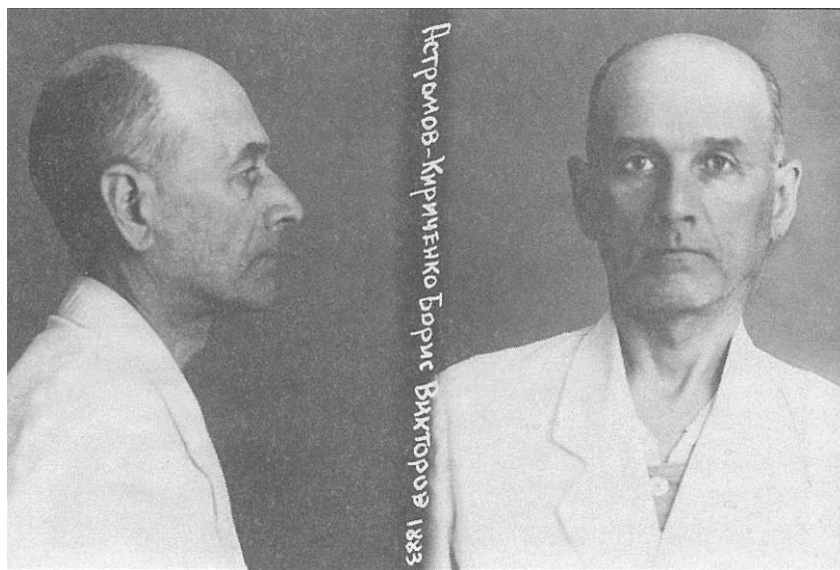
Ланг Николай Робертович.
Москва, 6 ноября 1929 г.

Ланг Н. Р. Инта,
1955 г., ЗК Ш-858

Рыгавцев Илья Евгеньевич. 1933 г.

Астромов Борис Викторович. Москва, 1940 г.

Смоленцева Александра Ивановна. Беломорканал. Май 1931 г.

Белюстин В. В. Москва, апрель 1940 г.

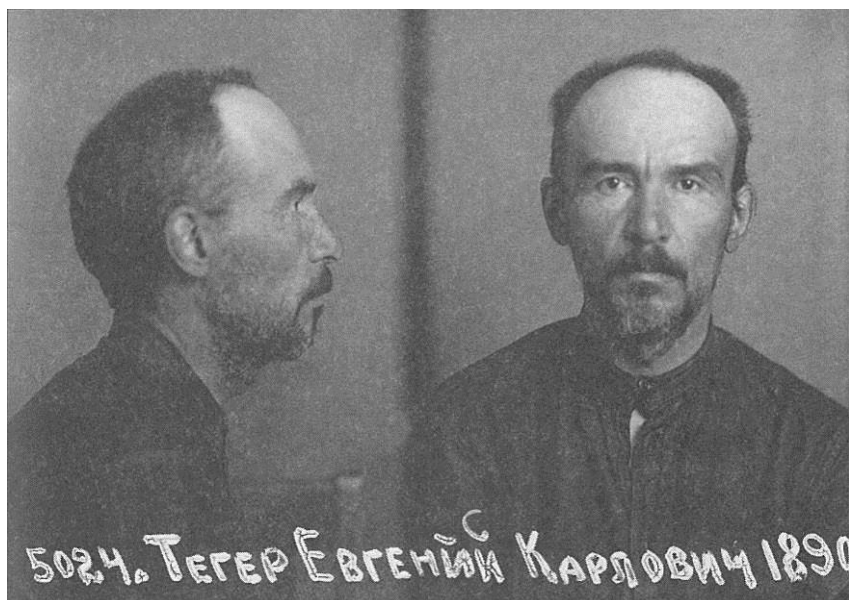
БИБЛИОТЕЧКА «АПОКРИФА»

Толмачёва-Вишпер Анна Леонидовна и Белюстин Всеволод Вячеславович. 1920-е гг.

Чеховский Вадим Карлович. Соловки, 1929 г.

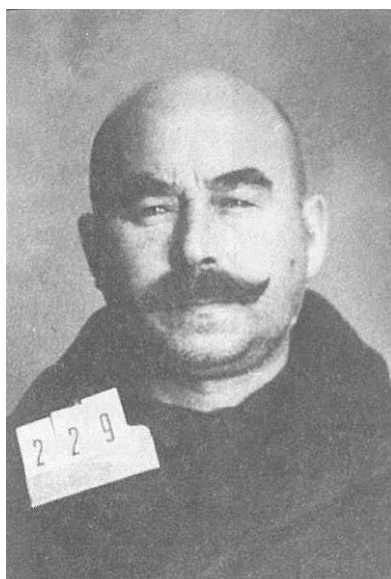
Тегер Евгений Карлович. 1937 г.

Шуцкий Юлиан Константинович. 1930-е гг.

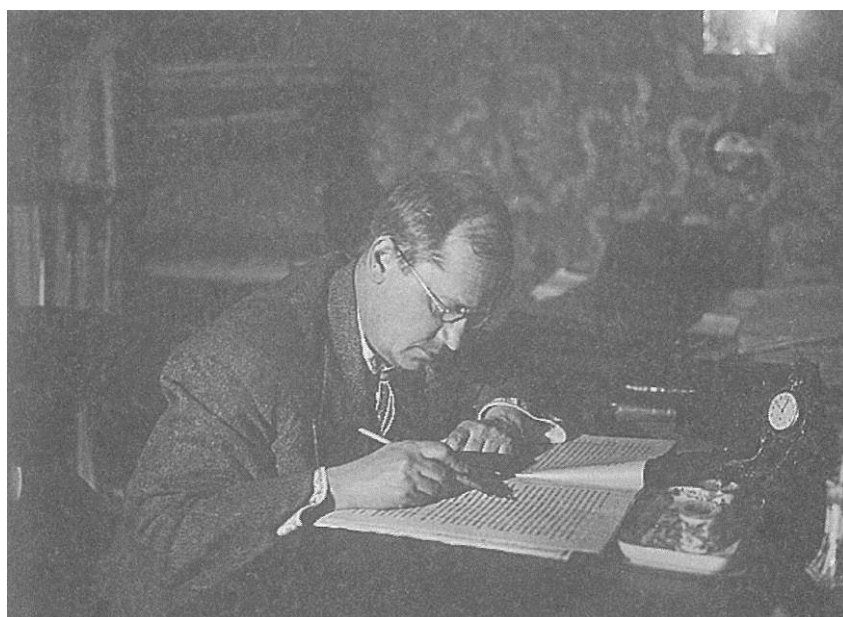
Полисадов Сергей Владимирович. Москва, 1940 г.

Попов Михаил Георгиевич. Москва. 23 декабря 1929 г.

Сизов Михаил Иванович. 1938 г.

Смышляев Валентин Сергеевич. 1935-1936 гг.

БИБЛИОТЕЧКА «АПОКРИФА»

Уйтгенховен Александр Владимирович. Начало 1920-х гг.

Уйтгенховен А. В. с дочерью Антониной. Архангельск, 1964 г.

Список сокращений

АИИЭФ — Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора (Академии наук Белоруссии)
БДТ — Белорусский державный театр
ВГБИЛ — Всероссийская гос. библиотека иностранной литературы (в Москве)
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВФА — Всероссийская федерация анархистов
ВФАК — Всероссийская федерация анархистов-коммунистов
ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские (в Москве)
ВЦИК — Всесоюзный центральный исполнительный комитет СССР
ГАХН — Государственная академия художественных наук
ГИС — Государственный институт слова
ГПУ — Главное политическое управление СССР
ГУЛАГ — Главное управление лагерей (ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ)
КГБ — Комитет государственной безопасности СССР
КОГПУ — Коллегия ОГПУ СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛКСМ — Ленинский коммунистический союз молодёжи
МВД — Министерство внутренних дел СССР
МВТУ — Московское высшее техническое училище (им. Баумана)
МГБ — Министерство государственной безопасности СССР
МГУ — Московский государственный университет
МХАТ — Московский Художественный академический театр
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР
ОГПУ — Объединённое главное политическое управление СССР
ОСО — Особое совещание (при КОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ)
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия
СКК — Северо-Кавказский край
СО ОГПУ — Секретный отдел ОГПУ
ТРАМ — Театр рабочей молодёжи
УК РСФСР — Уголовный кодекс РСФСР
УФСБ по АО — Управление ФСБ по Ленинградской области
ФАК — Федерация анархистов-коммунистов
ФСБ РФ — Федеральная служба безопасности Российской Федерации
ЦА ФСБ РФ — Центральный архив ФСБ РФ
ЦГАМЛИ — Центральный государственный архив-музей литературы и искусства (Белоруссии)
ЦИК — Центральный исполнительный Комитет
ЧК (ЧЕКА) — Чрезвычайная Комиссия (затем ОПТУ)

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	3
ИССЛЕДОВАНИЯ	7
ТРИГРАММА КОСМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА	
(Наука, религия, мистика)	7
МИСТИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА И ОРДЕНА 1920-х гг.	18
АНАРХИСТЫ И МИСТИКИ КРОПОТКИНСКОГО МУЗЕЯ	24
ОРДЕН ТАМПЛИЕРОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ	56
ТАМПЛИЕРЫ, МАСОНЫ, АНАРХИСТЫ	84
РЯДОМ С МИХАИЛОМ ЧЕХОВЫМ	111
МОСКОВСКИЙ СЕН-ЖЕРМЕН	117
МАТЕРИАЛЫ	128
ЛЕГЕНДЫ РУССКИХ ТАМПЛИЕРОВ	128
<i>Золотая лестница космосов</i>	128
<i>Бунт Сатанаила</i>	131
<i>Голубой Арлег</i>	132
<i>Атлантида</i>	137
<i>О Граале</i>	140
<i>Мария из Магдалы</i>	143
<i>Агасфер</i>	147
<i>Аппий Клавдий</i>	150
<i>Исповедь</i>	152
<i>Как был спасён Орден Святого Бернарда</i>	155
<i>Алхимик</i>	157
<i>О Троне</i>	161
Юр. А-т. ТРУБАДУР МИСТИЧЕСКОГО АНАРХИЗМА (А. А. Солонович).	
Tu est laid, mais tu as de la physionomie	163
Михаил Артемьев. ПОДПОЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ	168
ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
Ф. Фортинский. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ	
В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ ОРДЕНА ТАМПЛИЕРОВ	185
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	217

Научно-популярное издание *Тайные общества, ордена и секты*
Никитин Андрей Леонидович

**ТАЙНЫЕ ОРДЕНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ
ТАМПАЙЕРЫ И РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ**

Генеральный директор *А. А. Палько*
Ответственный за выпуск *В. П. Еленский*
Главный редактор *С. Н. Дмитриев*
Редактор *Е. С. Лазарев*
Корректор *Т. И. Орехова*
Дизайн обложки *Д. В. Грушин*
Вёрстка *И. М. Сорокина*

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече» ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат № 77. 99. 02. 953. П. 001857. 12. 03 от 08. 12. 2003 г.

E-mail: veche@veche.ru <http://www.veche.ru>

Подписано в печать 23. 12. 05. Формат 60х90 Vi6. Гарнитура «New BaskervilleС».

Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 25,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 7226.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Московские учебники и Картолитография»

125252, г. Москва, ул. Зорге, д. 15.

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров можно приобрести по адресу:

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24. Акционерное общество «Вече».

Тел.: 188-16-50, 188-88-02, 182-40-74;

Филиал в Нижнем Новгороде
«ВЕЧЕ-НН» Тел.: (8312) 64-93-67, 64-97-18.

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига-Сибирь» Тел. (3832) 10-18-70

Филиал в Казани
ООО «Вече-Казань» Тел. (843) 571-33-07

Филиал в Киеве
ООО «Вече-Украина» Тел. (044) 537-29-20

Библиотечка «Апокрифа». Вып. 1 • 93 in 39: Цитадель Хаоса. Апрель 2010.

236000 Калининград • ул. Нарвская 17, 11; <http://apokrif93.a-z-o-t.com/>

Ред. Fr. Nyarlathotep Otis

E-mail: 93in39@gmail.com

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА, ОРДЕНА И СЕКТЫ

МЕГАПРОЕКТ – TERRA INCOGNITA

Кем были люди, называвшие себя в 20-е годы XX века, в Советской России, тамплиерами — рыцарями Храма, или посвященными в таинства Розы и Креста? Действительно ли они были духовными преемниками древних мистических обществ или всего лишь облекли в орденские формы свое индивидуальное противостояние воинствующему атеизму тех времен? На все эти непростые вопросы дает убедительный ответ в своей книге историк и писатель Андрей Никитин (1935—2005), много лет посвятивший изучению истории мистических движений XX века.

Библиотечка “Апокрифа”

Вып. 1 (апрель 2010)

Орден Белой Обезьяны и клуб “93 in 39” (“Цитадель Хаоса”)

ISBN 5-9533-1197-4

